

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ • Н.Ф. БУГАЙ • Е.Ф. КРИНКО

ГОРЦЫ
ПРОБЛЕМЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ИСТОРИИ
В ВЕЛИКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
1941–1945

Annotation

В монографии известных специалистов в области истории Северного Кавказа советского периода анализируются наиболее острые проблемы участия горских народов в событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах Северного Кавказа и прохождения горцами военной службы, история национальных частей, оккупационный режим, причины и масштаб явлений коллаборационизма и антисоветского повстанческого движения, депортации ряда народов с исторической родины. В работе дан подробный анализ состояния историографического и источниковедческого освоения перечисленных тем. Все эти вопросы являются предметом острых дискуссий и нередко толкуются крайне тенденциозно в исторической литературе и публицистике. Авторы постарались беспристрастно, основываясь на широком документальном материале, внести свою лепту в объективное изучение участия горцев в Великой Отечественной войне.

Монография обсуждена и рекомендована к изданию на заседании Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН 7 сентября 2011 г.

-
- [Алексей Юрьевич Безугольный, Николай Федорович Бугай, Евгений Федорович Кринко](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Часть первая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)

- 4. Изучение депортации некоторых народов региона в годы войны
- Часть вторая
  -
  - 1
  - 2
  - 3
- Часть третья
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Часть четвертая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Часть пятая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Часть шестая
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Заключение
- Источники и литература
  - Архивные источники
  -

- [Российский государственный военный архив \(РГВА\)](#)
- [Российский государственный архив социально-политической истории \(РГАСПИ\)](#)
- [Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации \(ЦАМО РФ\)](#)
- [Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики \(ГА КЧР\)](#)
- [Государственный архив Краснодарского края \(ГАКК\)](#)
- [Государственный архив новейшей истории Ставропольского края \(ГАНИСК\)](#)
- [Государственный архив Ставропольского края \(ГАСК\)](#)
- [Государственное учреждение «Национальный архив Республики](#)
- [Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея»](#)
- [Центр документации новейшей истории Краснодарского края \(ЦДНИКК\)](#)
- [Центр документов общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики \(ЦДОДиП КЧР\)](#)
- [Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики \(ЦДНИ КБР\)](#)
- [Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики \(ЦГА КБР\)](#)
- [Публикации документов](#)
- [Периодические издания](#)
- [Мемуары, дневники, письма](#)

- [Исследования](#)
  - [Диссертации](#)
  - [Справочная литература](#)
  - [Примечания](#)
-

**Алексей Юрьевич
Безугольный, Николай
Федорович Бугай, Евгений
Федорович Кринко
Горцы Северного Кавказа в
Великой Отечественной войне
1941-1945 гг.: Проблемы
истории, историографии и
источниковедения**

Предисловие

Участие представителей народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне – одна из сложнейших и многогранных проблем истории нашей страны. Сложность ее обусловлена этнической пестротой данного региона, переплетением и столкновением интересов различных этнических и социальных групп и, как следствие, неизбежной политизированностью при обращении к прошлому. Великая Отечественная война, ставшая для современной России одним из важнейших «мест памяти» и основ самоидентификации граждан, остается на Северном Кавказе предметом особенно ожесточенных споров.

Причина тому – череда драматических событий, закончившаяся выселением с исторической родины некоторых народов Северного Кавказа. Многие годы «комплекс вины» и застарелые межэтнические споры оказывают прямое воздействие на развитие исторических исследований в регионе. Это не способствует объективному и всестороннему освещению участия горцев в Великой Отечественной войне. Те же причины не позволяют объединить усилия северокавказских историков в попытке дать обобщенную картину событий, выявлении основных тенденций в развитии национальной политики Советского государства в регионе.

Идеологическая составляющая вопроса о вкладе того или иного народа в дело победы над фашизмом делает живучими охранительные тенденции, присущие советской науке, особенно в тех регионах, жители которых подверглись массовым репрессиям по этническому признаку. Многие темы здесь неофициально табуированы, а у историков налицо

признаки своего рода окопной психологии, когда главной своей профессиональной задачей они считают создание и сохранение положительного имиджа своего народа. В современной литературе о войне – не только публицистической, но и издающейся под грифами региональных научных учреждений – нередко можно встретить фразы об «очернителях истории», «лицемерах, пляшущих под западную дудку» и прочие выражения, характерные для эпохи холодной войны, в адрес исследователей острых проблем истории Великой Отечественной войны¹. Часто научные тексты смешиваются с некачественной публицистикой. Во многих республиках Северного Кавказа изучение данной темы сводится к скрупулезному восстановлению имен героев войны, описанию их боевых и трудовых подвигов. Данный подход, несомненно, полезен в деле патриотического воспитания молодого поколения, но не позволяет прояснить многие тенденции и проблемы в развитии региона в годы Великой Отечественной войны.

Представленная на суд читателя работа призвана создать целостную картину событий, происходивших в горских автономиях в годы войны. Особое внимание в книге уделено малоисследованным проблемам историографии и источниковедения, дискуссионным вопросам призыва горцев на военную службу, причинам приостановок обязательного призыва и суррогатам призыва в виде добровольческого движения, особенностям партизанского движения и коллаборационизма, антисоветским проявлениям и депортации ряда народов с территории региона. Разумеется, к этим сюжетам не сводится вся история горцев Северного Кавказа в 1941–1945 гг. За рамками работы осталось немало вопросов – перестройка народного хозяйства автономных областей и республик Северного Кавказа на военный лад, социально-экономическое развитие региона, различные формы

помощи населения фронту, ратные и трудовые достижения горцев. Материал по многим указанным вопросам излагается в значительном количестве обобщающих и специальных работ. Поэтому авторы не сочли нужным повторять положения, неоднократно высказанные и обоснованные другими исследователями.

Актуальность данной работы обусловлена не только решаемыми в ней собственно научными задачами и общественно-политической заостренностью рассматриваемых вопросов, но и практическими потребностями, тесно связанными с сегодняшними преобразованиями в Вооруженных силах Российской Федерации. Многие подходы к организации военной службы, применявшиеся в виде экспериментов или целостной системы в 1941-1945 гг., в настоящее время воспроизводятся на территории Северного Кавказа. Присущая 1990-м – началу 2000-х гг. практика приостановки или ограничений призыва горской молодежи в ряды Вооруженных сил сменяется в последние годы активным привлечением местных контингентов в армию и правоохранительные органы. Особенно обращает на себя внимание создание мононациональных чеченских воинских формирований. В 2010 г. решение о создании национальных частей принято руководством страны и в отношении Республики Дагестан. Хочется надеяться, что указанные подходы, широко использовавшиеся в годы Великой Отечественной войны, несмотря на ряд издержек, дадут свой положительный эффект. Высокая популярность у северокавказской молодежи военной службы призвана способствовать формированию общероссийской идентичности, снизить ее отток в незаконные вооруженные формирования, обеспечить занятость, а также использовать традиционные качества горцев в интересах Российского государства.

Как и в годы Великой Отечественной войны, деятельность российских властей на Северном Кавказе сегодня представляет собой сложный, противоречивый и не всегда эффективный поиск политического урегулирования ситуации в регионе. Повторяемость событий и решений свидетельствует о существовании определенных закономерностей исторического развития. Это позволяет говорить о востребованности исторического опыта и возможности выработки конкретных практических рекомендаций на основе изучения событий на Северном Кавказе в 1941–1945 гг.

История участия горских народов в Великой Отечественной войне сложна и противоречива. Сосредоточенность немалого числа современных публицистов и историков только на ее негативных аспектах способствовала нагнетанию нездоровой атмосферы вокруг изучения данной темы. Действительно, на Северном Кавказе в 1941–1945 гг. существовали антисоветские проявления и коллаборационизм, дезертирство и бандитизм. Но эти явления были присущи и истории других регионов нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Однако они не могут перевесить патриотизм, сплоченность и самоотверженность большинства советских людей. Иначе нашей стране не удалось бы одержать Победу в Великой Отечественной войне.

Несмотря на приостановку призыва местных национальностей, введенную в 1942 г. во всех автономных республиках Северного Кавказа, а также последующее выселение ряда народов с исторической родины с увольнением из рядов РККА их представителей, на фронтах Великой Отечественной войны служили десятки тысяч горцев. Часть их была призвана накануне войны, другие подняты по мобилизации в 1941 г. и призывам в 1941–1942 гг. Тысячи горцев на добровольной основе продолжали

поступать в войска и после запрета обязательного призыва. Многие воины-горцы снискали боевую славу, заслужили ордена и медали, удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Многие сложили свои головы в боях за общую Родину... Забывать этого нельзя.

Предисловие, части 3, 4 книги, заключение подготовлены к. и. н. А.Ю. Безугольным, части 2, 5 подготовлены д. и. н. Е.Ф. Кринко, часть 1 – д. и. н. Е.Ф. Кринко с использованием материалов, предоставленных д. и. н. проф. Н.Ф. Бугаем, часть 6 написана д. и. н., проф. Н.Ф. Бугаем, научно-справочный аппарат подготовлен совместно к. и. н. А.Ю. Безугольным и д. и. н. Е.Ф. Кринко.

Авторы выражают искреннюю благодарность за внимательное отношение к работе и ценные советы при подготовке рукописи к печати руководителю Центра исследований Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН к. и. н. А.К. Аликберову, сотрудникам Центра к. и. н. А.Ю. Скакову, к. и. н. В.О. Бобровникову, к. и. н. З.Х. Ибрагимовой, к. и. н. М.Ю. Рощину, сотрудникам Института этнологии и антропологии РАН к. и. н. Ю.Д. Анчабадзе и к. и. н. Л.Т. Соловьевой; специалистам и директору Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики д. и. н. С.С. Магамадову, а также ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН д. и. н. В.А. Невежину.

Часть первая
Горцы Северного Кавказа в
Великой Отечественной войне:
опыт историографического
обобщения

1

Основные тенденции развития историографии проблемы

Важнейшей предпосылкой в развитии исторического знания является осмысление уже накопленного опыта. Истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны посвящено немало исследований. Предметом изучения в них выступали различные аспекты участия горцев в войне, развитие автономных республик и областей Северного Кавказа, боевые действия на территории региона в 1942-1943 гг., ее оккупация и последующая депортация части народов региона. Однако указанные сюжеты нашли свое отражение лишь в ряде общих² и сравнительно немногочисленных специальных историографических работ, выполненных, как правило, на материалах всего региона в целом³. В них не всегда уделяется внимание специфике формирования историографии рассматриваемой проблемы. Практически не затрагивается и зарубежный исследовательский опыт. Все это обуславливает необходимость специального обращения к историографии участия горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне.

Советская историография рассматриваемой проблемы прошла в своем развитии через два периода. Первый – время формирования советской концепции Великой Отечественной войны, в которой нашли отражение и вопросы истории горцев Северного Кавказа в 1941-1945 гг. Он приходится на 1941 г. – середину 1950-х гг., охватывая, таким образом, собственно военное время (1941-1945 гг.) и первое послевоенное десятилетие (1945 г. – первая половина 1950-х гг.).

Второй период – время дальнейшего развития представлений об истории горцев Северного Кавказа в годы войны. Он начинается с середины 1950-х и завершается в 1980-х гг., включает время «оттепели» (со второй половины 1950-х по первую половину 1960-х гг.) и последующие десятилетия (со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг.).

При всей условности предлагаемой периодизации она позволяет осмыслить общие тенденции в развитии советской исторической науки о войне и то место, которое уделялось в ней разработке истории горцев Северного Кавказа в 1941–1945 гг., систематизировать существующий опыт ее изучения в определенных хронологических рамках. Главными критериями выделяемых этапов выступают изменения в самих исследовательских практиках, используемых подходах, методах и источниках, а также влияние на науку общественно-политической атмосферы⁴.

Начало формированию историографии проблемы было заложено непосредственно в годы Великой Отечественной войны. Немало журналистов, писателей, партийных, советских и хозяйственных руководителей обращались к различным аспектам развития национальных автономий Северного Кавказа в годы войны. В брошюрах и статьях в периодической печати описывались подвиги горцев на фронте и в тылу, жестокость противника на оккупированной территории, действия партизан и подпольщиков, прославлялись дружба народов и преимущества советского строя⁵. Несмотря на пропагандистский характер, работы военных лет впервые поставили вопросы о деятельности партийных и государственных органов, общественных организаций на Северном Кавказе в годы войны, об ущербе, нанесенном нацистской оккупацией региону. Однако требования цензуры запрещали публиковать конкретную информацию о многих событиях, а после

депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей из печати исчезли любые упоминания о их судьбе.

В послевоенное десятилетие историю автономий Северного Кавказа в 1941–1945 гг. характеризовали кандидатские диссертации и статьи первых профессиональных исследователей. Кандидатская диссертация В.М. Глухова была выполнена на материалах Адыгеи, И.В. Давыдова – Кабарды, Х.Т. Чибирова – Северной Осетии, статья З.К. Карданова – Черкесии⁶. Как правило, они включали разделы, посвященные перестройке народного хозяйства автономий на военный лад, сопротивлению захватчикам в период оккупации, восстановлению экономики и социальной сферы после освобождения, участию горцев в боевых действиях на фронте. Указанные сюжеты и в дальнейшем определяли круг рассматриваемых вопросов в большей части исследований.

В то же время историки послевоенного времени по-прежнему не касались ряда вопросов, включая и судьбы репрессированных этносов во время войны. Работы данного периода опирались на сталинские оценки войны, отличались непримиримостью к любым отклонениям от официальной точки зрения, апологетикой действий советского руководства, его достижений без учета их цены. Свою роль в этом играли не только господствовавшие настроения, но и прямое влияние власти и идеологии на развитие историографии. За отход от официальной доктрины историков могли ожидать тяжелые личные и профессиональные последствия.

После XX съезда КПСС возникли более благоприятные условия для организации исторических исследований. Выросла источниковая база, увеличилось общее количество публикаций по теме, в том числе переводных изданий. Расширились контакты советских

историков с зарубежными коллегами. Историю горцев Северного Кавказа в годы войны исследовали З.М. Аликберов, И.К. Керимов и другие авторы⁷. Первой работой, выполненной непосредственно на материалах Чечено-Ингушетии военного времени, стало исследование бывшего секретаря Чечено-Ингушского обкома партии В.И. Филькина⁸. В научный оборот стали вводиться документы местных и центральных архивов, позволившие раскрыть новые аспекты развития региона в годы Великой Отечественной войны. Но пределы переосмысления проблемы, носившего во многом поверхностный характер, были жестко определены. Картина событий военных лет упрощалась и недооценивалась, негативные явления объяснялись при помощи субъективных факторов либо замалчивались.

«Оттепель» продолжалась недолго, а со второй половины 1960-х гг. в изучении войны стали сказываться иные тенденции. В целом интерес к событиям военных лет в историографии второй половины 1960—1980-х гг. возрос. Увеличилось и общее количество исследований на данную тему, ставшую одним из ведущих направлений в советской историографии. Однако усиление внимания к военной теме сопровождалось ее сакрализацией, проявлением которой стали торжественно отмечавшиеся, начиная с 1965 г., юбилеи Победы. Усилилось противостояние с западными историками в трактовке различных вопросов истории войны. Тем не менее в изучении истории национальных автономий Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны в рассматриваемые годы были сделаны значительные шаги вперед. Существенно расширились источниковая база и сам круг исследователей проблемы.

В эти годы вышли обобщающие работы по истории республик и автономных областей Северного Кавказа, их партийных организаций⁹. Они стали своеобразным

итогом развития региональной историографии. Вследствие строгого контроля партийных органов текст избавлялся от всех «второстепенных» деталей, ему придавался максимально выдержанный в идеологическом отношении характер. Даже собственные диссертационные и монографические исследования их авторов при рассмотрении отдельных сюжетов порой оказывались более информативными, чем соответствующие разделы указанных трудов.

В 1965 г. Х.И. Хутуев защитил кандидатскую диссертацию, ставшую первой специальной работой о судьбе балкарцев в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период¹⁰. Деятельности партийной организации Адыгейской автономной области в 1941–1945 гг. была посвящена кандидатская диссертация А.С. Схакумидова, Карачаевской и Черкесской автономных областей – Ч.С. Кулаева¹¹. Вопросы истории Кабардино-Балкарской АССР в период Великой Отечественной войны разрабатывал Е.Т. Хакуашев, Северо-Осетинской АССР – А.А. Тедтоев, Чечено-Ингушской АССР – М.А. Абазатов и Х.А. Гакаев¹². Развитию Северного Кавказа в годы войны были также посвящены работы З.М. Аликберова, Г.П. Иванова, П.Д. Тепуна, М.Г. Шайдаева и других исследователей¹³. Они проанализировали перестройку форм и методов работы партийных организаций в условиях войны, изменения в их структуре и численности. В то же время авторы нередко увлекались описанием общих вопросов, изложением директив ЦК и решений обкомов партии, недостаточно внимания уделяя их проведению в жизнь на местах, анализу проблем, трудностей и недостатков в деятельности региональных органов власти.

Военно-организаторскую работу партийных организаций автономных республик и областей в годы войны, направленную на укрепление обороноспособности региона, единства фронта и тыла,

характеризовали труды Т.И. Афасижева, Ф.И. Кочиевой, Ч.С. Кулаева, П.Д. Тепуна, В.Ф. Шилина и других авторов¹⁴. Исследователи проанализировали работу партийных органов по подготовке кадров, проведению мобилизации, организации всевобуча. Осторожной критике стали подвергаться некоторые недостатки в работе партийных организаций региона (отсутствие своевременных выборов, просроченный стаж кандидатов в члены партии и т. д.). В отдельных публикациях отмечались трудности военно-организаторской работы в ряде автономий, например, в проведении мобилизации в горных районах Чечено-Ингушетии, Карачая, Черкесии, Дагестана. Историки указывали, что здесь усилилось сопротивление «асоциальных элементов», призывавших население к неподчинению и борьбе с советской властью¹⁵. Однако по-прежнему считалось, что указанные негативные явления не носили массового характера, а большинство населения Северного Кавказа, как и всей страны, стремилось отдать все силы борьбе с врагом.

Значительное внимание уделялось переводу экономики региона на военный лад и ее восстановлению после оккупации, участию жителей в трудовых движениях и других патриотических инициативах, различных формах помощи фронту¹⁶. Вопросы истории комсомольских организаций региона военного времени рассматривали К.Г. Ачмиз, И.К. Добагов, С.Н. Якаев и другие авторы¹⁷. Они раскрыли роль и задачи северокавказских организаций ВЛКСМ, различные направления в их деятельности, описали подвиги комсомольцев региона на фронте и в тылу. Советские историки стремились доказать, что на Северном Кавказе представители всех классов и социальных групп, как и в целом в стране, сплотились в борьбе за Победу¹⁸.

Работы многих исследователей проблемы были выполнены на близкой источниковой базе, основу которой составляли партийные и советские документы. Многие материалы военного времени оставались засекреченными, что также сужало возможности историков. В частности, был ограничен доступ исследователей к документации высших партийных органов, их переписке с местными партийными комитетами, документам НКВД, НКГБ и НКО СССР, других ведомств. Значительно меньше внимания уделялось источникам личного происхождения, так как считалось, что они субъективны и менее достоверны, чем официальные советские документы.

Историки, пытавшиеся отстаивать самостоятельную позицию, ожидали ограничения в доступе к архивам, лишение других возможностей работы. В результате при характеристике событий военного времени исследователи в лучшем случае отмечали «*некоторые отрицательные явления в деятельности отдельных местных партийных органов в период временной оккупации части территории*» региона. Многочисленные недомолвки, оговорки, намеки и полунамеки выполняли перестраховочную функцию, подчеркивали «незначительность» указанных явлений, предоставляя возможность посвященному читателю самому догадаться, о каких событиях шла речь.

Несмотря на значительное количество работ на данную тему, позиции их авторов достаточно близки. Дискуссии вызывали лишь отдельные вопросы. Как правило, представители региональной историографии предпочитали придерживаться подходов, заложенных в обобщающих трудах и разделяемых большинством советских исследователей. Более «гладкие» работы приносили меньше трудностей, и, напротив, самостоятельные исследования вызывали критику оппонентов, создавая дополнительные проблемы их

авторам. В итоге местный материал нередко использовался лишь в качестве примеров, подтверждающих выводы, сделанные на общесоюзном уровне. Новизна отдельных региональных исследований выражалась лишь в количестве вводимого в научный оборот фактического материала, типичного по своему содержанию, а новые источники оказывались однообразными по типу и способу изучения.

Общность позиций историков основывалась прежде всего на единых теоретико-методологических принципах и методах исследования. Основой советской историографии выступал исторический материализм в его догматизированной форме, которую он приобрел в советском общественном сознании. История горцев Северного Кавказа в годы войны изучалась на основе принципов исторической закономерности, объективности и классового подхода. При этом многие исследования отличались жестким детерминизмом, отказом от альтернативности, однолинейностью и предопределенностью в понимании исторических событий военного времени.

Влияние идеологии на развитие науки не следует понимать чересчур упрощенно, оно не сводилось к одному лишь внешнему контролю со стороны партийной и государственной цензуры. Не меньшую роль играл своеобразный «внутренний цензор», оказывавший значительное влияние на самоограничение исследователей, влияние которого только начинает осознаваться в современной историографии.

Сравнительно недавно исследователи стали обращать внимание на используемую в советской историографии терминологию. Работы военного и послевоенного времени по своему стилю напоминают выступления партийных пропагандистов, в них широко применялась эмоционально окрашенная и идеологически заряженная лексика, различного рода

эвфемизмы. В последующие годы терминология исследований о войне сохраняла идеологизированный и политизированный характер.

Так, все лица, сотрудничавшие с оккупантами, нередко назывались «власовцами», а также «изменниками Родины», «предателями» и «фашистскими холуями». Между тем Русская освободительная армия генерала А.А. Власова была создана уже в конце войны, а значительная часть других коллаборационистских формирований оставалась ему неподконтрольной. Поэтому понятие «власовцы» не охватывает всех участников вооруженных формирований, воевавших на стороне Третьего рейха. Термины «изменники» и «предатели» имеют негативные коннотации, придавая соответствующую правовую и морально-этическую оценку сотрудничеству с противником. Для обозначения оккупационной прессы использовались такие слова и выражения, как «газетки», «газетенки», «лживые и грязные листки», которые выпускали «агенты Геббельса», исследователи разоблачали «ложь фашистских борзописцев» и т. д. Эти понятия применялись не только в популярных, но и в достаточно добротных, содержательных исследованиях, выполненных на солидной источниковой базе. Причины их использования объясняются уже тем, что историки нередко переносили в свои исследования сам стиль документов, лексику и фразеологию фронтового времени. Иногда это происходило сознательно, с целью передать колорит эпохи, порой – неосознанно, в этом случае исследователь подчинялся языку используемых им текстов. Свою роль играла и сложившаяся система представлений о войне и ее месте в массовом сознании советского общества, так как изучение военных событий было тесно связано с воспитательными задачами.

С 1990-х гг. берет начало современная российская историография проблемы. Начало новому этапу в

развитии отечественной исторической науки положили общественно-политические и экономические перемены, происходившие в стране во второй половине 1980-х гг. Однако в историографии рассматриваемой проблемы, как и Великой Отечественной войны в целом, они сказались несколько позже. Сам переход к новому этапу в развитии историографии носил постепенный характер, поскольку требовалось время для определенного переосмысления, отказа от прежних догматизированных положений.

Отсутствие кардинальных перемен в работах большинства профессиональных историков во второй половине 1980-х гг. было особенно заметно на фоне публицистики, активно пересматривавшей многие вопросы советской истории, включая и судьбы горцев Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. При этом пересмотр взглядов нередко выражался в изменении прежних оценок на противоположные. В результате сложилось эмоционально-критическое направление в изучении истории Великой Отечественной войны, акцентировавшее внимание только на негативных ее сторонах, которым раньше не находилось места в советских исторических трудах.

Впрочем, в региональной историографии достаточно сильно сказывалась и обратная тенденция: попытки критического переосмысления прежних выводов зачастую воспринимались как стремление «опорочить, принизить величие и значение победы советского народа». На характер научных дискуссий оказывало существенное влияние «политическое противостояние защитников и противников советского строя»¹⁹. В значительной степени содержательный переход к новому этапу определялся рассекречиванием документов и расширением доступа исследователей к источникам в начале 1990-х гг. Расширение научных контактов с зарубежными исследователями и

публикации их работ в России также сыграли свою роль в формировании новых представлений по проблеме.

Противоречивый процесс переосмысления истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны отразило проведение международных, всероссийских и региональных научных конференций, многие из которых были приурочены к очередным годовщинам Победы и другим юбилейным датам²⁰. Нередко на одной и той же конференции непримиримая критика в адрес «фальсификаторов войны» соседствовала с призывами к переоценке ее истории, а утверждения о дружбе народов, нерушимом союзе рабочих и крестьян – с описанием противоречий в духовной жизни страны, поиском причин и истоков коллаборационизма в довоенном развитии советского общества. Рассматриваемая в качестве важного фактора консолидации общества, Победа в войне во многом продолжает сохранять свой сакральный характер, а различные табу осложняют работу исследователей.

Развитие современной историографии сопровождается постепенным расширением круга рассматриваемых вопросов, комплекса используемых исследователями источников. Вопросы истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны затронуты в ряде новых обобщающих трудов²¹. В 1990—2000-х гг. на материалах Северного Кавказа периода Великой Отечественной войны было защищено двадцать докторских диссертаций, а количество кандидатских диссертаций и опубликованных монографий превышает их в несколько раз. Наряду с историками старшего поколения проблему участия горцев Северного Кавказа в войне разрабатывают десятки молодых исследователей, но процесс смены поколений проходит не всегда безболезненно как в профессиональном, так и в социально-психологическом отношении.

Для современного этапа в развитии историографии проблемы характерен плюрализм мнений, оценок, подходов. Немало новых обобщающих работ практически повторяют прежние оценки²². Другие исследования переосмысливают на новой источниковой базе прежние положения советской историографии. Третьи интерпретируют события военного времени в русле зарубежной и эмигрантской традиции, ранее резко критиковавшейся советскими историками.

Немало внимания уделяется проблемам взаимоотношений власти и общества на материалах северокавказских автономий в 1941–1945 гг. в работах Г.Х. Азашикова, Т.М. Баликоева, М.М. Ибрагимова, А.Д. Койчуева, Е.М. Малышевой, И.З. Хатуева, Т.Т. Худалова²³. Исследователи выявляют допущенные советским руководством ошибки и просчеты, нанешие ущерб развитию межэтнических отношений. М.Х. Шебзухов указал, что деятельность партийных организаций автономий в целом была направлена на обеспечение победы в войне, однако методы их работы оставались административно-управленческими, нередко замыкались лишь на протокольных формах. Партийные комитеты «верили в магическую силу пленумов, собраний, партийных активов»²⁴. Деятельность местных Советов и комитетов обороны Северного Кавказа рассмотрена в докторской диссертации Н.А. Чугунцовой и других исследованиях²⁵.

Массовому сознанию населения региона, различным формам помощи северокавказских народов фронту, развитию печати в военное время посвящены специальные диссертационные исследования²⁶. Постепенно в историографии находят отражение представления о сложности и противоречивости массового сознания военного времени. Впервые подвергнуты анализу психологические аспекты войны,

сложность и неоднозначность процесса формирования образа врага у жителей региона.

Новые исследования посвящены социально-экономическому развитию северокавказских автономий в военные годы. В.Х. Магомаев, В.А. Селюнин и другие историки привели новые сведения о выполнении и перевыполнении производственных планов в промышленности и сельском хозяйстве региона²⁷. Однако порой о новизне исследований свидетельствуют лишь их названия, а текст во многом дублирует содержание работ предыдущих лет.

Наиболее полный анализ деятельности местных органов власти по обеспечению жителей северокавказских автономий продуктами и предметами широкого потребления, улучшению жилищных условий и коммунальных услуг, работе системы здравоохранения и образования предприняли Н.А. Чугунцова и Е.В. Панарина²⁸. В то же время авторы ряда работ придерживаются традиционных оценок участия молодежи северокавказских автономий в Великой Отечественной войне²⁹. Значительно больше внимания стало уделяться роли женщин³⁰, интеллигенции³¹ в событиях военных лет. В частности, в работах Ю.А. Болдырева переосмысливается влияние партийно-государственных структур на художественную культуру³².

Трагизм эвакуации населения, имущества, оборудования, скота с территории Северного Кавказа летом 1942 г. на основе анализа рассекреченных документов раскрыл пятигорский исследователь С.И. Линец. Главной причиной срыва эвакуации он назвал запоздалые решения центральных государственных и военных ведомств о вывозе скота и имущества, отсутствие заранее проработанных планов эвакуации у местных руководителей, на действиях которых

«негативно сказывались также боязнь быть обвиненными в паникерстве и трусости»³³. По мнению исследователя, местные руководители не сумели в должной мере справиться с данной задачей из-за грубых просчетов в определении сроков эвакуации, острой нехватки времени и транспорта, отсутствии связи с военным командованием и своевременных решений центральной власти.

В условиях отказа от единой марксистской парадигмы исторических исследований многие историки обратились к позитивистскому (точнее, неопозитивистскому) методу исследования, считая своей задачей воссоздать историю «как это в действительности было», опираясь непосредственно на документы и отказываясь от каких-либо общетеоретических концепций. Однако чрезмерное доверие документам привело к тому, что все реже стали задаваться вопросы «о том, почему это было написано и что оно вообще обозначает»³⁴. Постепенно в историографии формируется убеждение в том, что добиться серьезных сдвигов в изучении военной темы возможно лишь при обращении к современным исследовательским методам.

Главным направлением методологических инноваций становится повышение интереса к человеку в истории, использование историко-антропологического подхода в разработке военной темы³⁵. Ключевыми задачами исследователей в рамках данного направления считается изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмов формирования героических символов; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем³⁶. Постепенно они находят свое отражение и в ряде исследований, выполненных на материалах

Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, авторы которых обращаются к вопросам формирования образа врага в годы войны, повседневной жизни населения региона на фронте, в тылу и на оккупированной территории.

Определенные перспективы в разработке рассматриваемой проблемы предоставляют и другие современные подходы: социальная и демографическая история, микроистория и история повседневности. В последние годы активно развиваются гендерные исследования, в том числе и на материалах Второй мировой войны. Однако использование данного подхода пока не реализовано в полной мере. Например, большинство исследований о роли и положении женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, даже если и носит название «гендерных», выполнено скорее в духе традиционной «истории женщин». Их авторы раскрывают устоявшиеся в историографии сюжеты, высчитывая общее количество женщин, работавших в тылу и воевавших на фронте, приводя отдельные примеры их героизма.

Обновление методологии и методики исследований приводит к появлению иной, чем раньше, научной терминологии, прежде всего за счет использования понятий, имеющих иностранное происхождение, а также употребляемых в смежных гуманитарных и социальных дисциплинах. Потребностью в новой терминологии объясняется постановка новых исследовательских задач, стоящих перед историками. В частности, Е.С. Сенявская в своих исследованиях, посвященных поведению человека на войне, ввела использовавшееся в международном праве понятие «комбатант» (от французского слова, означающего «воин», «боец») в значении «непосредственный участник боевых действий в составе вооруженных сил или иррегулярных вооруженных формирований, партизанских отрядов».

Его применение позволило исследователю охарактеризовать особый психологический тип личности, присущий «человеку воюющему»³⁷.

Вместо прежних понятий «предатели» и «изменники» в современной историографии все чаще используется термин «коллорабационист», имеющий французское происхождение. При этом во французском языке он имел негативное значение, но в русском языке приобрел нейтральный характер по сравнению с прежними оценочными категориями. Вплоть до 1990-х гг. данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества с врагом на советской территории ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся только для характеристики подобных явлений в оккупированных странах Европы и Азии. Свою роль играли идеологические предубеждения: в отношении советских коллорабационистов отечественные историки применяли указанные выше негативные понятия, зарубежные – терминологию немецких документов, именуя их «освободителями» или «добровольцами». Правда, не все российские исследователи и сейчас готовы отказаться от прежних категорий, считая их наиболее уместными потому, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллорабационизма³⁸. Заслуживает внимания и предложенное М.И. Семирягой разграничение понятий: «коллорабационизм» он рассматривает как синоним «осознанного предательства и измены», «сотрудничество» – «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами»³⁹.

В региональной историографии проблема используемой терминологии стоит наиболее остро. Присущая ряду северокавказских исследований военной темы терминологическая путаница, соединение совершенно разных и порой взаимоисключающих

понятий, преобладание эмоционально «заряженной» лексики обличительного содержания свидетельствует о недостаточной методологической и теоретической подготовке авторов. Даже в диссертационных исследованиях на одной странице, например, можно встретить две различные характеристики советского режима в годы войны – и как авторитарного, и как тоталитарного⁴⁰.

«Освобождение» от прежних идеологических стереотипов нередко сопровождается очередными волнами героизации или демонизации прошлого, рождением новых исторических мифов. В результате характерной моделью изучения участия того или иного народа в годы войны становится пересказ подвигов его представителей на фронте и в тылу. Данный подход находит отражение и в попытках подсчитать, какой народ внес больший вклад в дело Победы или в максимальной степени пострадал от жестокостей сталинского режима. Между тем и мартирологическое, и викторианское восприятие прошлого одинаково односторонни и прямолинейны: «Сторонники мартирологического представления о прошлом видят его как бесконечный ряд жертв (лучшие люди – жертвы, народ – страдалец и мученик). При викторианском видении истории героические личности, события, подвиги заполняют прошлое, которое является предметом бездумного восхищения и преклонения. И те и другие призывают, естественно, не искажать. В действительности ни викторианское, ни мартирологическое массовое историческое сознание не является научным»⁴¹.

Более того, актуализация внимания к проблемам собственного народа нередко сопровождается равнодушием к судьбам других: сторонники данного подхода порой выступают наиболее острыми критиками не только советского режима, но и негативных явлений

в истории других этнических общностей в годы войны. Как признают современные чеченские исследователи, «когда чеченцу или калмыку говорят о том, что его деды сотрудничали с немецкими фашистами, он начинает искать данные об армии генерала Власова, о казачьих военных формированиях, воевавших на стороне немцев, то есть начинаются поиски компромата и негатива»⁴². Поэтому «этнизация» истории Великой Отечественной войны как одна из распространенных форм ее мифологизации представляется особенно опасной в таком многонациональном регионе, как Северный Кавказ.

Развитие зарубежной историографии проблемы имело определенную специфику, выражавшуюся уже в том, что она всегда была чрезвычайно неоднородна, многопланова и разнообразна, включала различные национальные исторические школы, подходы и направления. Наибольшее внимание рассматриваемой проблеме уделялось в историографии Германии, а также США и Великобритании, но ее отдельные аспекты затрагивали и исследователи Франции, Италии и других стран. Не отличались зарубежные историки и методологическим единством, присущим советским авторам. Тем не менее в становлении их системы представлений о войне можно выделить общие тенденции.

Как и отечественная историческая наука, зарубежная историография испытывала определенное воздействие общественно-политических условий, особенно на этапе своего становления. Появившиеся непосредственно в военные годы первые публикации носили в основном публицистический, пропагандистский и прикладной характер, обобщая опыт борьбы и состояние вооруженных сил противоборствующих сторон. Работы, выходившие в Германии и союзных ей

странах, отличались резкой враждебностью к СССР. Напротив, литература стран антигитлеровской коалиции, включая публикации американских, английских и других зарубежных корреспондентов и журналистов, находившихся в СССР во время войны, даже если и содержала критику отдельных аспектов советской действительности, признавала значительный вклад народов СССР, в том числе и Северного Кавказа, в дело достижение победы⁴³. Исследователи уходили от «острых» вопросов истории региона⁴⁴. Как правило, указанные работы опирались на личные впечатления самих авторов, уже опубликованную информацию и официальные документы.

После завершения боевых действий на развитии зарубежной историографии в полной мере сказалась холодная война. В условиях обострения отношений бывших союзников по антигитлеровской коалиции изучение опыта Второй мировой войны стало рассматриваться в качестве необходимого условия для эффективной подготовки собственных войск. С этой целью в США в 1946 г. была принята специальная программа германской военной истории, для реализации которой широко привлекались немецкие генералы и офицеры. К 1961 г. они подготовили более 2,5 тыс. «меморандумов» общим объемом свыше 200 тыс. машинописных страниц. Среди них: «Способы ведения боевых действий русскими во Второй мировой войне», «Обеспечение безопасности тыловых районов вермахта в России: советский второй фронт в тылу немецких войск», «Роль местности в русской кампании» – и другие материалы, изданные в качестве наставлений для американской армии⁴⁵. В 1979 г. значительная часть данных материалов была издана под общим названием «Вторая мировая война. Германские военные разработки»⁴⁶.

Подготовленные самими американскими, а также английскими и другими западными военными исследователями работы опирались преимущественно на немецкие документы, оказавшиеся после 1945 г. в США. Советские архивы для зарубежных исследователей оставались закрытыми, и они могли использовать только опубликованные советские источники, подвергавшиеся строгой цензуре. В результате не все сюжеты рассматриваемой проблемы получили в зарубежной историографии равномерное освещение.

В условиях холодной войны на Западе сформировалось несколько научных школ советологии, объединивших как европейских исследователей, так и российских эмигрантов. Так, научные центры в Мюнхене и Фрайбурге в ФРГ активно занимались исследованиями в области национальной политики в СССР, особенно на Кавказе⁴⁷. Подобные исследования велись и в других странах⁴⁸. Западные историки давали негативные оценки национальной политике советского правительства, акцентировали внимание на таких явлениях, как коллаборационизм граждан СССР в годы Великой Отечественной войны, антисоветское повстанческое движение, массовые репрессии и депортации части народов Северного Кавказа.

Важнейшей теоретической основой изучения советской истории в зарубежной историографии с 1950-х гг. стала концепция тоталитаризма, разработанная в трудах Х. Арендт⁴⁹, К. Фридриха и З. Бжезинского⁵⁰. Подчеркивая типологическое сходство советского и нацистского политических режимов, она в наибольшей степени отвечала политическому противостоянию западных стран с СССР того времени. Однако идеологическая «нагруженность» данной концепции, выражавшаяся в резкой критике сталинизма, приводила

к формированию упрощенных и догматизированных представлений о характере советского общества.

В 1960—1970-х гг. в зарубежной историографии сформировалось ревизионистское направление, подвергшее критике прежние подходы к советской истории. К его сторонникам относились: в США – Дж. Хаф, А. Даллин, М. Левин, С. Коэн, Ш. Фитцпатрик, А. Рабинович; в Англии – группа историков из Бирмингема во главе с Р. Дэвисом; в Германии – специалисты по социальной и экономической истории Р. Лоренц, Х. Хауман, Г. Мейер, Д. Гайер и другие авторы. Признавая диктаторский характер сталинского режима, они переносили главный упор в изучении на советское общество, стремясь объяснить происходившие в СССР процессы «снизу», как результат общественных отношений, а не «сверху», как привнесенные государством⁵¹. Данный подход позволил переосмыслить поведение и сознание советских граждан в годы Великой Отечественной войны, механизмы их адаптации к чрезвычайным условиям жизни, коллаборационизм и движение Сопротивления на оккупированной территории СССР.

«Бои за историю» стали еще одной формой холодной войны, и в советской историографии оценки западных историков, как правило, вызывали резкое неприятие. Оно выразилось в появлении особого жанра историографических исследований – «критики буржуазных фальсификаторов»⁵². В содержательном отношении критика располагалась в широком диапазоне: от упреков в методологической несостоятельности и творческом «бессилии» до прямых обвинений в «преднамеренном искажении» исторической правды с целью «реабилитации фашизма как социально-политического и идеологического явления»⁵³. При этом главные разногласия с западными авторами касались трактовок советского общественного

и политического строя, роли коммунистической партии, характера национальных отношений в стране и в регионе. Например, советские авторы упрекали западных историков в стремлении «принизить» роль всенародной борьбы в тылу врага, искажении ее характера, преувеличении масштаба поддержки оккупантов советскими гражданами.

Соответствующие разделы в обязательном порядке содержали историографические введения к диссертационным и, несколько реже, монографическим исследованиям советских историков. Несмотря на очевидную идеологическую ангажированность дискуссий, даже в такой форме изложение работ зарубежных историков имело определенное положительное значение, позволяя познакомиться с их содержанием, пусть и подвергаемым критике.

Только в условиях перехода к новому этапу в отечественной историографии появились работы, лишенные «критического» запала по отношению к положениям и выводам западных историков⁵⁴. Более того, многие российские авторы, особенно на рубеже 1980—1990-х гг., отказавшись от прежних положений советской историографии, стали фактически повторять оценки зарубежных исследователей. Постепенно в историографии утвердились представления о необходимости тесного сотрудничества исследователей разных стран в изучении различных дискуссионных вопросов истории Второй мировой войны. В то же время события 1941–1945 гг. нередко становятся предметом новых «войн памяти», особенно острых на постсоветском пространстве, что во многом обусловлено процессами формирования новых национальных идентичностей.

В целом в отечественной и зарубежной историографии накоплен значительный опыт изучения истории горцев Северного Кавказа в годы Великой

Отечественной войны. Данная проблема рассматривалась как в общих, так и в региональных исследованиях, включая десятки монографий, диссертаций и коллективных трудов, сотни статей и отдельных очерков. Развитие историографии сопровождалось постепенным расширением знаний о судьбе горцев Северного Кавказа в годы войны, увеличением числа исследователей и работ на данную тему, развитием источниковой базы и самого круга рассматриваемых вопросов.

В то же время в изучении истории автономий Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны остается много малоизученных аспектов. В историографии отсутствуют крупные обобщающие исследования по истории региональной системы управления в рассматриваемый период, социальных процессов и формированию этнического сознания горских народов Северного Кавказа. Остаются нераскрытыми отдельные направления в деятельности властных структур и общественных организаций, развитие ряда отраслей народного хозяйства, положение представителей отдельных социальных групп. В результате создание цельной обобщающей картины этнополитического, социально-экономического и культурного развития автономий Северного Кавказа, повседневной жизни населения в годы войны остается перспективной задачей, решение которой требует совместных усилий многих исследователей центра и региона.

Возможности советских историков в изучении данной проблемы были в значительной степени ограничены как внешними условиями развития исторической науки, так и ее внутренними обстоятельствами, связанными с господством догматизированной методологии, а также состоянием источниковой базы. Идеологические пристрастия

оказывали свое воздействие и на оценки зарубежных историков, к тому же лишенных возможности работать в советских архивах.

Нынешняя методологическая ситуация предоставляет современным исследователям гораздо больше возможностей для изучения истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Это связано и с расширением источниковой базы, и с общими изменениями в развитии науки, обновлением теоретико-методологических принципов и методов исследования, наконец, приходом нового поколения историков. Несмотря на сохраняющееся воздействие конъюнктуры, в науке сложилась более свободная атмосфера, позволяющая сосуществовать различным взглядам и дающая исследователю возможность чувствовать себя более самостоятельным в выборе авторской позиции. В данной связи обращает на себя внимание сближение позиций российских и зарубежных историков, как в области применяемых подходов, так в конкретных оценках рассматриваемой проблемы.

В то же время новые возможности реализованы пока еще далеко не в полном объеме. Нередко научная новизна выражается только во введении в научный оборот новых архивных источников. Между тем дальнейшая разработка проблемы тесно связана не только с увеличением общего количества исторической информации, но и с углублением ее анализа, совершенствованием научной методологии и используемой терминологии, а также решением других исследовательских задач.

2

Изучение участия горцев в боевых действиях на фронтах войны

Участию горцев Северного Кавказа в боевых действиях в период Великой Отечественной войны в составе частей Красной армии посвящено большое количество работ различного жанра. Наибольшее внимание исследователей привлекали такие вопросы, как масштаб и формы мобилизации и добровольного ухода жителей на фронт, их подвиги, численность награжденных и погибших, история вооруженных формирований, созданных в данном регионе. Часть указанных вопросов разрабатывалась в профессиональной историографии, изучение других длительное время оставалось уделом публицистики, научно-популярных и краеведческих работ.

Литература на данную тему стала выходить уже в военные годы. Брошюры и статьи в центральных и местных периодических изданиях, написанные партийными, советскими и комсомольскими работниками, писателями и журналистами, показывали героизм представителей различных народов региона на фронте, освещали вклад населения республик и областей в общее дело разгрома врага⁵⁵. Например, широко пропагандировались боевые подвиги пулеметчика чеченца Ханпаши Нурадилова, которому в 1943 г. посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза⁵⁶. Особое внимание уделялось самоотверженности и героизму, проявленным жителями региона в ходе битвы за Кавказ, патриотическим традициям населявших его народов⁵⁷.

Однако после депортации части народов Северного Кавказа упоминания о боевых заслугах их представителей на различных фронтах Великой Отечественной войны исчезли из средств массовой информации. К тому же, обращаясь к судьбе отдельных героев и обстоятельствам совершенных ими подвигов, авторы из-за отсутствия необходимой информации, а также по цензурным или пропагандистским соображениям далеко не всегда могли раскрыть все подробности, а в некоторых случаях прямо искажали картину событий, закладывая основы последующей мифологизации истории Великой Отечественной войны.

После войны рассматриваемые вопросы получили отражение в первых диссертационных исследованиях и статьях, посвященных истории отдельных краев, республик, областей, городов, их партийных и комсомольских организаций в военное время. В послевоенное десятилетие вышли также специальные очерки и сборники статей о подвигах жителей Северного Кавказа⁵⁸. При этом в историографии послевоенного периода по-прежнему почти не упоминался вклад в Победу репрессированных чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев.

Только в период «оттепели» в условиях начавшейся реабилитации стало возможным писать о подвигах представителей депортированных народов на фронте. Д.А. Напсо, С.З. Лайпанов, В.А. Нежинский описывали подвиги жителей Карачаево-Черкесии в годы войны⁵⁹. Участию чеченцев и ингушей в боевых действиях были посвящены научно-популярные очерки З.К. Джамбулатовой, написанные в основном на материалах печати военных лет, что обусловило определенные неточности⁶⁰. В частности, характеризуя боевой путь отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского дивизиона, автор определила его численность в 1,8 тыс.

чеченцев и ингушей, что вызывает обоснованные сомнения современных исследователей⁶¹.

Участие в боях жителей Северного Кавказа нашло также отражение в очерках истории отдельных частей и соединений, сформированных или пополнявшихся в данном регионе⁶². Многочисленные публикации были призваны раскрыть героизм советских солдат и командиров⁶³. Г.П. Иванов, А.А. Тедтоев, В.И. Черный и другие авторы охарактеризовали военно-организаторскую и политическую работу партийных организаций региона⁶⁴. О жителях региона – участниках войны упоминалось в обобщающих трудах по истории северокавказских автономий, их партийных и комсомольских организаций. Немало внимания исследователи уделяли мобилизации и добровольному уходу на фронт горцев Северного Кавказа, особенно коммунистов и комсомольцев. Мотивы добровольного ухода на фронт, причины массового героизма исследователи объясняли исключительно патриотическими чувствами советских людей, их преданностью советскому строю и своей Родине.

При характеристике данных сюжетов в советских исследованиях этого периода встречалось немало «фигур умолчания». Так, характеризуя призывные мероприятия жителей Чечено-Ингушской АССР в ряды Красной армии, З.М. Аликберов, не называя причин прекращения мобилизации, привел их просьбу в сентябре 1942 г. разрешить ее на добровольной основе⁶⁵. В результате непонятным выглядело обращение командования Закавказского фронта к Чечено-Ингушской партийной организации с просьбой разрешить повторный добровольный призыв жителей республики.

Существенное значение отводилось установлению общего количества жителей автономных республик и

областей, награжденных орденами и медалями СССР, прежде всего удостоенных высшей государственной награды страны – звания Героя Советского Союза. Так, число жителей Карачаево-Черкесии – Героев Советского Союза в работе по истории Северо-Кавказского военного округа определялось в 13 чел.⁶⁶, в обобщающем труде по истории Карачаево-Черкесии – 14 чел.⁶⁷, в статье М.А. Боташева – 15 чел.⁶⁸ В обобщающем труде по истории Адыгеи было указано, что в Адыгее насчитывалось 25 Героев Советского Союза⁶⁹. В то же время в сборнике «Золотые Звезды Адыгеи» описывались судьбы 41 Героя Советского Союза, а также 14 полных кавалеров ордена Славы⁷⁰.

Приводимые в различных работах данные свидетельствуют о своеобразной «двойной арифметике» в подсчетах, отражающей стремление максимально учесть всех награжденных лиц, так или иначе связанных с регионом. Например, в автономных областях и республиках в списки героев нередко включались представители титульных этносов, проживавшие или призывавшиеся на фронт за пределами национальных образований. Имена жителей, призванных из одного национально-государственного образования, а после войны проживавших в другом, учитывались в списках, составленных в обоих регионах.

Широкий круг работ был посвящен фронтовым подвигам жителей автономий Северного Кавказа⁷¹, особенно Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы⁷². В новых изданиях содержались дополнительные сведения о подвигах, уточнялось количество награжденных, приводились новые имена. Основой указанных работ, как правило, служили боевые донесения и наградные листы, свидетельства очевидцев, а также материалы периодической печати.

В то же время в описание судеб отдельных героев войны порой привносились вымышленные детали, что можно проследить на примере освещения подвига младшего политрука Х.Б. Андрухаева. 8 ноября 1941 г. в оборонительном бою возле украинского села Дьякова после гибели командира, несмотря на ранение, он принял командование стрелковой ротой 733-го стрелкового полка. Прикрывая отход бойцов, подорвал себя и окружавших его врагов гранатой. 27 марта 1942 г. Х.Б. Андрухаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. На следующий день в «Правде» появилась статья, рассказывавшая о подвиге героя⁷³.

Впоследствии в изложении данных событий стали появляться и исчезать дополнительные подробности, которых не было в первоначальном описании. В частности, выяснилось, что на позиции роты Андрухаева наступал отборный батальон немецкой пехоты из дивизии СС «Викинг» при поддержке артиллерийского огня и вражеской авиации – «Юнкерсов»⁷⁴. В опубликованном после войны очерке говорилось, что «все товарищи Андрухаева погибли»⁷⁵. В последующих описаниях раненый политрук под угрозой окружения приказывал своим бойцам оставить позицию, а сам оставался прикрывать их отход⁷⁶.

Встречаются разночтения и при изложении последних слов героя. Согласно наградным материалам, положенным в основу первых описаний, Андрухаев подорвал себя и окружавших его немецких солдат с возгласом: «Возьмите, гады!»⁷⁷ Однако эта фраза, видимо, показалась недостаточно корректно звучащей в устах героя, и позже появились другие слова, несколько отличавшиеся от прежних: «Фашисты устремились к окопу на высоте, чтобы взять раненого политрука живым. «Рус, сдавайс!» – орали они, окружая

его. Андрухаев поднялся во весь рост, подпустил к себе гитлеровцев и, крикнув в ответ: «Русские не сдаются!» – подорвал врагов и себя последней гранатой»⁷⁸. Именно это описание использовалось в большинстве работ, рассказывавших о подвиге героя, как наиболее соответствовавшее официальной идеологии. Источник происхождения данной фразы, вопрос о котором неизбежно возникал у многих читателей, связывался с использованием материалов допросов попавшего в плен немецкого офицера⁷⁹.

В описаниях конца 1970-х – начала 1980-х гг. появился еще один фрагмент, связавший судьбу Х.Б. Андрухаева с Л.И. Брежневым, являвшимся в момент рассматриваемых событий заместителем начальника политуправления Южного фронта: после боя тому «принесли листки в рыжих пятнах крови с обгоревшей фотографией – все, что осталось от партийного билета политрука Хусена Андрухаева. Держа в руках эти листочки, Леонид Ильич сказал стоявшему рядом командиру дивизии:

– На советской земле Хусен был хозяином, и не мог он ответить немцам иначе, как «русские не сдаются...»⁸⁰.

Дополнительные детали и подробности стали результатом последующей литературной обработки, предпринятой с целью усилить воздействие на читателей совершенного подвига. Враг приобретал в новых описаниях все более опасный и жестокий характер, герой жертвовал собой ради спасения товарищей, бойцы отступали по полученному свыше приказу. Вполне вероятно, что события именно так и происходили, но сам процесс реконструкции представлений о подвиге героя достаточно типичен, позволяя говорить о тенденциях мифологизации образов реальных участников войны. Появление же фрагмента, связанного с Л.И. Брежневым, было прямо продиктовано

конъюнктурными обстоятельствами, и после ухода из жизни в 1982 г. генерального секретаря ЦК КПСС он исчез из последующих описаний. Вышесказанное не ставит под сомнение значение подвига Х.Б. Андрухаева, а лишь иллюстрирует особенности формирования стереотипных образов и символов Великой Отечественной войны.

Немало специальных исторических работ и популярных очерков рассказывало о создании и боевом пути частей и соединений, созданных в автономиях Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Среди них – 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, 114-я Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия, другие части и соединения⁸¹. Данные работы мало различались в содержательном отношении, авторы описывали боевые действия, рассказывали об оказываемой им помощи населением республик и областей. Неизменно подчеркивалась роль партийных организаций в создании и боевых успехах национальных формирований, которые иногда преувеличивались.

Представляет определенный интерес работа А.П. Артемьева, который впервые провел сравнительно-статистическое исследование участия народов СССР в Великой Отечественной войне. Он сумел выявить дисбаланс в количественных показателях, отражающих вклад различных народов в дело Победы, оставшийся, впрочем, без комментариев с его стороны⁸². В целом же советские историки стремились доказать наличие «братского боевого союза народов СССР», их помощь и взаимовыручку, уходя от спорных моментов рассматриваемой проблемы⁸³.

В последние два десятилетия вышло немало новых работ об участии горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне в русле советской историографической традиции⁸⁴. Авторы стремятся

показать духовную силу и самоотверженность, мужество и героизм участников войны, прославляя их подвиги. Широко публикуются и работы о сформированных в автономиях Северного Кавказа воинских частях и соединениях. Многие историки расценивают их создание как проявление патриотизма горцев Северного Кавказа, дружбы и единства народов СССР в совместной защите «социалистического Отечества»⁸⁵.

Показательны публикации писателя Х.Д. Ошаева, который на протяжении многих лет собирал материал о чеченцах и ингушах, защищавших Брестскую крепость. На основании данных райвоенкоматов, сельсоветов, где имелись военно-учетные столы, свидетельств участников войны, сохранившихся у родственников писем и фотографий, он составил список в 275 выходцев из Чечено-Ингушской АССР, участвовавших в обороне Брестской крепости. Однако в советское время публиковать эти сведения ему не разрешалось, и книга вышла уже после смерти автора⁸⁶. Х.Д. Ошаев также обратился к участию чеченцев в боевых действиях и на других фронтах. Согласно его подсчетам, всего в Великой Отечественной войне принимало участие 27,5 тыс. чеченцев и ингушей. При этом он сам считал данную цифру неполной⁸⁷. Современные исследователи считают, что общее количество участников войны – чеченцев и ингушей – составляло до 40 тыс. чел.⁸⁸

Важными шагами в дальнейшей разработке данного вопроса стала публикация обобщающих работ, рассказывающих о вкладе репрессированных народов, в том числе и северокавказских горцев, в Победу в Великой Отечественной войне. Ценность данных работ заключается именно в том, что в них «под одной обложкой» собраны и опубликованы материалы по истории участия в войне тех народов страны, чьи

автономии были ликвидированы, а сами они депортированы⁸⁹.

Находят свое отражение в современной историографии и негативные последствия мобилизации для хозяйственного развития региона. Исследователи указывают, что перераспределение людских ресурсов в интересах фронта привело к значительному сокращению городского и сельского трудоспособного населения на Северном Кавказе, обострило проблему трудовых ресурсов. В последние годы появились работы, в которых показаны ошибки при проведении мобилизации в северокавказских автономиях, приведены данные о дезертирстве из рядов Красной армии.

В данной связи вызывает несомненный интерес исследование А.Ю. Безугольного, проанализировавшего на основе рассекреченных военных документов вопросы участия народов Кавказа в Великой Отечественной войне в контексте национальной политики Советского государства. В центре внимания исследователя – людские ресурсы региона в начальный период войны. Автор приводит данные о приостановке и отмене призыва представителей всех северокавказских и закавказских народов в 1942–1943 гг., показывает сложности создания, подготовки и боевого пути национальных частей. Проведенный анализ позволил утверждать, что описания героического пути отдельных жителей региона и национальных формирований нередко содержат преувеличения, создавая основу для мифотворчества⁹⁰.

В то же время ряд северокавказских историков подозревает местные органы власти в намеренных просчетах при проведении мобилизации. В частности, авторы нового обобщающего труда по истории Чечни пишут о том, что «примеров глубокого осознания большинством населения Чечено-Ингушетии своего патриотического долга перед Отечеством в годы войны

было немало. Людей, желающих с оружием в руках бороться с фашизмом, в республике было очень много»⁹¹. Поэтому они полагают, что «военными органами ЧИ АССР умышленно допускались злостные перегибы при проведении военно-мобилизационной работы», считая, что этим специально закладывались основания для последующих репрессий против народа. В данной связи резкой критике подвергается и расформирование в начале 1942 г. 114-й национальной кавалерийской дивизии⁹².

Сложившееся почитание северокавказских частей как символа национального вклада в дело борьбы с фашизмом отодвигает на второй план особенности их сложной и неоднозначной истории, в которой, как в зеркале, отражаются повороты национальной политики периода Великой Отечественной войны. Исследователи не задаются вопросами о том, почему судьба большинства подобных частей была очень короткой, почему первоначальные планы национального военного строительства уже через несколько месяцев после их принятия были резко сокращены, а затем и свернуты. Единственная в современной историографии обобщающая монография В.Е. Иванова, охватывающая историю создания и применения национальных формирований РККА, выполнена на основе традиционных принципов и недостаточной источниковой базе⁹³.

В зарубежной исторической науке участию горцев Северного Кавказа в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны не было посвящено специальных исследований. Главной причиной этого являлось отсутствие необходимых источников. Однако немало ценных сведений по истории сражений на Северном Кавказе приводится в работах, посвященных истории 3-го танкового корпуса, 3-й и 13-й танковых, 1-й горно-пехотной, 111-й пехотной дивизий и других воинских

соединений Третьего рейха⁹⁴, битве за Кавказ, и других исследованиях⁹⁵. Здесь содержится немало ценных наблюдений немецких историков и участников войны о Красной армии в целом и ее соединениях, сформированных на Северном Кавказе. В СССР указанные работы находились в спецхранах и стали доступны специалистам только в последние годы.

При этом на Западе оценки боевых качеств советских войск нередко диаметрально противоположны тем, которые содержатся в отечественных трудах. Успехи частей и соединений вермахта доказываются при помощи сравнений потерь – их и противостоявших им советских частей, данных о количестве красноармейцев, захваченных в плен или добровольно перешедших на сторону противника. Нередко немецкие авторы подчеркивают национальность советских военнопленных, чтобы доказать разобщенность Красной армии по национальному признаку. Однако современные исследователи справедливо указывают на необходимость учитывать при обращении к указанным трудам устойчивую традицию военных всего мира использовать принцип «не жалей врага – пиши больше», то есть завышать потери противника и преуменьшать собственные⁹⁶.

В целом проблема участия в боевых действиях горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в советской, постсоветской и зарубежной историографии всегда была сильно политизирована, что обуславливает необходимость ее дальнейшей разработки на основе рассекреченных материалов и новых подходов. Одним из перспективных направлений в изучении рассматриваемой проблемы является осмысление вопросов эмоционально-психологического состояния, повседневной жизни и стратегий выживания на фронте горцев Северного

Кавказа, которое может быть достигнуто на основе новой источниковой базы. Сохраняет свое научное и моральное значение установление судьбы всех участников войны – выходцев из данного региона, включая и тех, кто по-прежнему считается без вести пропавшим, и тех, кто находился в немецком плену. Работа в данном направлении требует не только координации усилий региональных исследователей и заинтересованных государственных и общественных организаций, но и установления более тесных контактов с зарубежными архивохранилищами и научными центрами, обладающими соответствующей информацией.

3

Оккупация региона в работах российских и зарубежных историков

Вопросы нацистской оккупации автономий Северного Кавказа долгое время рассматривались в качестве составной части проблемы народного сопротивления захватчикам в регионе. Тем не менее становление исторических знаний позволяет не только говорить о сложившихся подходах в осмыслении данной проблематики, но и выделить ряд наиболее разработанных и в то же время дискуссионных вопросов. Среди них оценка сущности, характера и особенностей немецкой оккупации региона, планы германского руководства и основные направления оккупационной политики, масштаб, причины и формы сопротивления захватчикам и сотрудничества жителей с противником.

Еще в годы войны были изданы первые работы, авторы которых, основываясь на рассказах жителей и личных впечатлениях, описывали чудовищные зверства захватчиков, издевательства над населением, угон жителей на работу в Германию, смелые действия партизан и подпольщиков⁹⁷. При этом, например, Н. Эмиров доказывал, что «немецкие империалистические хищники» издавна стремились захватить Кавказ, и утверждал, что Гитлер несет народам Кавказа такой же «новый порядок», как и в других временно оккупированных советских областях⁹⁸. Подготовленные на основе газетных публикаций и рассказов очевидцев подобные работы были призваны мобилизовать советских людей на борьбу с захватчиками, преломляя описываемые события сквозь пропагандистские установки.

Свой вклад в процесс накопления и обобщения фактов по истории оккупации и сопротивления захватчикам на Северном Кавказе внесли исследования первого послевоенного десятилетия. Часто они имели описательный характер, не всегда отличались новизной материала и сделанных выводов. Так, в издании, посвященном 25-летию автономии Адыгеи, освещение событий оккупации области свелось к показу жестокости захватчиков и борьбы против них партизан, ей уделялось менее пяти страниц текста, включая сведения об ущербе, нанесенном хозяйству области. Действиям партизан Адыгеи посвящено почти в три раза больше места, что отражало складывавшиеся приоритеты в изучении проблемы⁹⁹. Более обстоятельную характеристику оккупации Адыгеи содержала кандидатская диссертация В.М. Глухова. Несмотря на то что общие выводы автора звучали в духе пропагандистских штампов своего времени, он впервые охарактеризовал органы управления оккупированной Адыгеи и их деятельность, экономические меры оккупантов, реакцию населения. Ввод в научный оборот широкого круга данных и постановка целого ряда вопросов позволяют считать его работу существенным шагом вперед в изучении данной проблемы. В частности, достаточно редкое для советской историографии использование материалов издававшейся в период оккупации газеты «Майкопская жизнь» позволило автору более полно раскрыть различные мероприятия оккупационной администрации.

Работы других авторов менее информативны, а по своим выводам близки диссертации В.М. Глухова. Так, мрачный образ немецкой оккупации Черкесии нарисован в статье З.К. Карданова: «Все то, что было создано трудящимися Черкесии за годы советской власти под руководством Коммунистической партии, теперь подвергалось варварскому уничтожению и

разграблению гитлеровцами. Начались черные дни фашистской оккупации: аресты, насилия, неслыханный грабеж, вывоз ценного имущества в Германию»¹⁰⁰. Вследствие депортации части северокавказских народов в литературе послевоенного десятилетия не упоминалось о событиях оккупации их автономий. Большинство исследователей послевоенного времени не касались и вопросов сотрудничества советских граждан с захватчиками, а единичные упоминания о коллаборационистах имели сугубо негативный характер, они оценивались как «отбросы советского общества», «самые презренные люди, человеческое отребье, воры и растратчики, бывшие кулаки»¹⁰¹. Указанные положения на долгое время определили изучение рассматриваемой проблемы в советской историографии.

Исследование оккупации советских территорий было продолжено в отечественной историографии в период «оттепели» и последующие годы. В общих и специальных трудах советские исследователи раскрыли жестокие репрессии захватчиков, экономическое ограбление советских территорий, бесправие населения. Обобщающую характеристику оккупационного режима на Северном Кавказе дал Х.-М. Ибрагимбейли, вскрывший его идейные истоки и причины краха¹⁰². Он связал немецкие планы в отношении Кавказа с проектами дальнейшего продвижения Германии на Ближний и Средний Восток, раскрыл роль корпуса особого назначения «Ф», который германское руководство рассчитывало использовать в качестве ударной силы для организации национально-освободительной борьбы в английских колониях¹⁰³. В работах А.-М. Бабаева получили дальнейшую разработку планы Германии в отношении Кавказа. Исследователь рассмотрел немецкие военные планы, показал

экономическую значимость захвата территории региона, особенно его нефтяных источников¹⁰⁴.

Тема оккупации разрабатывалась и на материалах отдельных автономий, обычно в связи с освещением деятельности региональных партийных организаций в годы войны и их роли в организации народного сопротивления захватчикам¹⁰⁵. Однако здесь отсутствовал анализ структуры оккупационной администрации в регионе, содержался минимум информации о различных направлениях ее деятельности, отмечались лишь жестокость захватчиков, их попытки сыграть на противоречиях между кавказскими народами.

Анализ политики захватчиков позволил ряду историков прийти к выводу о «кавказском эксперименте» Третьего рейха, выражавшемся в «особом» отношении оккупантов к горцам и казакам. При этом советские историки сходились в том, что отличия оккупационного режима на Северном Кавказе заключались только в пропагандистских мероприятиях противника, а его сущность не менялась. Захватчики проводили «ту же жестокую политику, что и в других оккупированных районах», однако вначале «прибегли к тактике заигрывания с местным населением, стремясь найти в его лице опору»¹⁰⁶.

Первой крупной обобщающей работой о партизанском движении на Северном Кавказе стала кандидатская диссертация В.И. Сивкова, написанная на основе документов региональных архивов¹⁰⁷. Он рассмотрел процесс подготовки партизанских отрядов, предложил свою периодизацию развития партизанского движения на Северном Кавказе, подчеркнул тенденцию к централизации в его становлении. В.И. Сивков вскрыл недостатки в организации партизанских формирований, в боевой и специальной подготовке значительной части

партизан¹⁰⁸. Одной из основных причин тяжелых потерь среди подпольщиков он назвал недостаток опытных кадров, в чем увидел результаты репрессий 1930-х гг.¹⁰⁹

В 1960—1980-х гг. к вопросам развития народного сопротивления обращались и другие исследователи¹¹⁰. Но в работах данного периода были недостаточно изучены сильные и слабые стороны в организации и управлении партизанским движением. Не была раскрыта и роль органов НКВД в развитии партизанского движения в регионе. Это объясняется не только тем, что многие документы были засекречены, но и господством идеологических догм. Основой многих партизанских отрядов в регионе являлись истребительные батальоны, создававшиеся под контролем органов НКВД. Однако признание того, что первоначально партизанское движение формировалось органами НКВД, могло быть классифицировано в советской исторической науке только как «злобные измышления» и «фальсификация» истории народной борьбы и природы советского строя в целом.

Вопросы о сотрудничестве жителей региона с противником в советской историографии второй половины 1950-х – конца 1980-х гг. не разрабатывались. Лишь в отдельных работах упоминалось о судьбе солдат восточных легионов и других коллаборационистских частей, приводились отрывочные сведения о составе, участии в боевых действиях этих частей. Подчеркивался вынужденный характер сотрудничества солдат восточных легионов с немцами, констатировалась невысокая боеспособность данных частей. Главное значение придавалось переходу легионеров на сторону РККА, успешной работе подпольных организаций¹¹¹.

Современный этап в изучении проблем оккупации Северного Кавказа характеризует появление новых исследовательских возможностей у историков. Введение в научный оборот целого комплекса новых источников

не позволяет игнорировать рассматриваемую тему, вопросы оккупации получили в последние годы отражение в новых обобщающих работах, посвященных истории региона и отдельных северокавказских автономий в годы Великой Отечественной войны, хотя их интерпретация при этом может различаться. В данной связи скорее вызывающим недоумение исключением, чем правилом, выглядит отсутствие соответствующих сюжетов в ряде обобщающих трудов, вышедших в последние годы¹¹².

В разработке рассматриваемой проблемы существенную роль сыграл ряд диссертационных исследований, содержащих комплексный анализ событий оккупации Северного Кавказа¹¹³. В них подробно рассматриваются планы Германии в отношении региона, структура и деятельность оккупационной администрации, ее социально-экономическая, национальная и культурная политика, а также вопросы сопротивления захватчикам, действия партизанских отрядов и подпольных групп.

Первой из таких работ стала защищенная в 1992 г. кандидатская диссертация ставропольской исследовательницы З.В. Бочкаревой. Она предложила иную, чем прежде, нетрадиционную оценку «кавказского эксперимента» Третьего рейха, выведя модернизацию нацистами оккупационной политики в рассматриваемом регионе за рамки сугубо пропагандистских мероприятий. Рассмотрев административные преобразования и различные направления политики оккупантов на Северном Кавказе, она пришла к выводу о том, что здесь была предпринята не просто «коррекция прежнего нацизма», а попытка создания «неоколониального варианта национал-социализма для Кавказа». Согласно З.В. Бочкаревой, тотальный геноцид нацистов на Северном Кавказе эволюционировал к геноциду выборочному,

дискретному, а экономическая политика – от «примитивного ограбления новых территорий к попыткам создания экономических очагов цивилизации на «диком Востоке» по европейским образцам»¹¹⁴.

Напротив, Е.М. Малышева утверждает: «Результаты неудавшегося «эксперимента» доказывают необоснованность утверждений об «упущенных возможностях» фашистской оккупационной политики»¹¹⁵. Провал оккупационной политики на Северном Кавказе она объясняет в соответствии с историографической традицией: «Оказавшиеся на временно оккупированной территории трудящиеся Северного Кавказа остались в своем абсолютном большинстве верными идеалам социализма, советскому государственному и общественному строю»¹¹⁶.

Серьезным обобщающим исследованием проблем оккупации региона стала монография С.И. Линца. Он раскрыл осуществление оккупантами различных мероприятий социально-экономического характера, «способствовавших поддержанию уровня жизни местных жителей на приемлемом даже в условиях войны уровне»¹¹⁷. Среди них – проведение аграрной, налоговой и финансовой реформ, новшества в торговле и религиозной жизни. Историк, опираясь на новые документы, привел многочисленные факты того, что оккупанты старались оказать поддержку развитию здравоохранения и образования, занимались трудоустройством безработного населения. Все это позволило ему сделать выводы об эволюции прежних нацистских планов.

В то же время ряд авторов сохраняют приверженность прежним подходам и трактовкам в освещении оккупации, сводя ее характеристику к описанию насилия захватчиков, масштабов ущерба, нанесенного экономике региона, народного

сопротивления оккупационной политике¹¹⁸. Наличие различных подходов является важной отличительной чертой современного этапа в развитии историографии проблемы.

Большинство современных исследователей истории народного сопротивления в регионе, пересматривая отдельные положения и раскрывая «белые пятна» данной проблемы, следуют старой традиции в ее изучении. Считается, что основная часть советского населения поддерживала партизан и подпольщиков, что и обеспечило успех народной борьбы в тылу противника. В ряде работ освещение проблемы народного сопротивления по-прежнему сводится к показу героических подвигов его представителей. В то же время в региональной историографии отмечается необходимость «очищения от мифологизации и приукрашивания партизанского движения»¹¹⁹. Переосмысление проблемы выражается в переоценке итогов развития народного сопротивления, выявлении особенностей борьбы партизан и подпольщиков, их социального и национального состава, трудностей взаимодействия с частями Красной армии¹²⁰. В историографии находит отражение ранее замалчивавшаяся роль сотрудников НКВД в партизанском движении, вскрыты факты трусости и предательства в рядах участников народного сопротивления, трагедия ряда отрядов.

В данной связи необходимо отметить исследования К.-М. Алиева, А.С. Линца, Г.В. Марченко, выполненные на материалах Ставрополья и Карачаево-Черкесии, а также работу С.И. Линца, обобщающую данные по всему Северному Кавказу¹²¹. Они содержат внимательный анализ трудностей и неудач в развитии народного сопротивления в регионе, вскрывают причины его провала, связанные как с природно-климатическими особенностями, так и с действиями краевого

руководства, неудачи в подготовке и тактике и другие факторы. Переоценке подвергаются вопросы взаимоотношений между партизанами и населением. Эти выводы принципиально расходятся с прежними положениями советской историографии. В то же время исследователи подчеркивают, что участники сопротивления внесли свой вклад в дело Победы, сделав все, что от них зависело в тех нелегких условиях.

В последнее время в отечественной историографии активно разрабатывается проблема коллаборационизма, в том числе и на материалах Северного Кавказа¹²². Наиболее полно к настоящему времени раскрыты вопросы военно-политического коллаборационизма как наиболее активной формы сотрудничества советских граждан с противником. Ряд исследователей рассматривает создание и судьбу восточных легионов и других частей и соединений вермахта, полиции и СС, в составе которых служили и горцы Северного Кавказа¹²³. Вызывает определенный интерес диссертационное исследование А.В. Казакова, посвященное деятельности органов безопасности Кабардино-Балкарии по противодействию антисоветской эмиграции, но вводящее неизвестные данные из фондов архивов ФСБ и о борьбе «с гитлеровскими пособниками из числа северокавказцев»¹²⁴.

Крупных специальных исследований, посвященных сотрудничеству советских граждан с противником на Северном Кавказе, по-прежнему немного, а те, что есть, нередко носят компилятивный характер, порой отличаются неточностями. Так, автор обобщающей работы по данной проблеме Е.И. Журавлев считает, что военными коллаборационистами на Юге России стали до 30 тыс. северокавказцев¹²⁵. Эта цифра не вызывает возражений: еще эмигрант Р.Г. Трахо утверждал, что на стороне Германии воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа, примерно так же

определяют их численность и другие исследователи¹²⁶. С учетом других форм сотрудничества Е.И. Журавлев полагает, что на Юге России насчитывалось до 300 тыс. коллаборационистов. Однако в этом случае механизм его подсчетов совершенно неясен, и как автору удалось установить численность еще 200 тыс. «невоенных» коллаборационистов, остается загадкой, ибо ссылки на источники отсутствуют. Приводимым данным мало соответствует вывод Е.И. Журавлева о том, что большая часть населения «сохраняла веру в социалистические идеалы и доверие к руководству региона и страны»¹²⁷.

В работах региональных историков приводится немало данных, характеризующих различные формы и проявления коллаборационизма на Северном Кавказе, раскрываются его мотивы, переоценивается деятельность отдельных личностей. Так, ряд современных исследователей иначе оценивают деятельность бывшего командира Дикой дивизии, адыгского князя и генерала Султана Клыч-Гирея. По воспоминаниям командира майкопского партизанского отряда «Народные мстители» С.Я. Козлова, этот «бывший царский холуй» призывал адыгов поддержать немцев в борьбе с большевиками и пытался сформировать национальный черкесский легион, но потерпел неудачу¹²⁸. Это мнение вплоть до недавнего времени разделяли все отечественные исследователи, именовавшие его не иначе как «главарь белогвардейщины», «фашистский холуй», «гитлеровский холоп»¹²⁹. Считалось, что в течение всей войны он активно сотрудничал с фашистами, а на Северный Кавказ в 1942 г. приехал с целью создать «черкесский легион», что не было выполнено из-за нежелания населения Адыгеи служить захватчикам. Однако в начале 1990-х гг. М.Х. Шебзухов, опираясь на запись воспоминаний адъютанта Клыч-Гирея Л. Хатанова, пришел к выводу о том, что генерал «не призывал

адыгов вступать в немецкие части и благодаря ему не было создано ни одного войскового формирования в составе немецких войск из адыгов». Он предположил, что Султан Клыч-Гирей стремился использовать свою поездку в Адыгею, напротив, чтобы «защитить адыгов от фашистов» и разъяснить им кратковременность пребывания оккупантов на Кавказе¹³⁰. Позже данную точку зрения отстаивал М.Б. Беджанов¹³¹.

Карачаевские авторы переоценили деятельность заместителя начальника Ставропольского краевого управления НКВД У.Д. Кочкарова. В советской историографии указывалось, что У.Д. Кочкаров, «будучи начальником разведки Западной группы партизанских отрядов края, сдался в плен, выдал врагу подполье и места расположения партизанских отрядов»¹³². Напротив, ряд современных исследователей утверждает, что У.Д. Кочкаров был честным коммунистом, незаслуженно пострадавшим от репрессий. К.-М. Алиев считает, что Кочкаров «стал жертвой того режима и тех людей, которым он служил верой и правдой». Отмечая негативные личные качества Кочкарова как «одного из опричников партийной элиты», он отвергает сам факт его причастности к разгрому партизанских отрядов¹³³.

Среди зарубежных исследований оккупации советских территорий ведущее место занимала монография английского историка А. Даллина, который противопоставил официальной нацистской доктрине взгляды генерала Э. Клейста, стремившегося на Кавказе «превратить население в своих друзей». Однако, отметив специфику проводившейся на Северном Кавказе оккупационной политики, он признал «исторически неправдоподобным» описание «господства немцев на Кавказе как идеального, без жестокости и зверств. В некоторых случаях военная необходимость брала верх над интересами населения.

Немецкие репрессии за убийство или расхищение армейских запасов были такими же быстрыми и жестокими, как везде»¹³⁴. А. Даллин подчеркнул, что немецкое командование так и не сумело проводить «гибкую политику» на советских территориях.

Другой английский историк, Д. Рейтлингер, указывал, что и при «либеральной политике оккупантов» возникла бы партизанская война, оккупационный режим был в любом случае обречен¹³⁵. В то же время он считает, что «если сравнить с мрачной историей рейхскомиссариатов, германская оккупация территорий на севере Кавказа была, вероятно, настолько гуманной, насколько можно было ожидать от армии, целиком живущей за счет оккупированной страны. Если бы не ужасные акции тайной полиции, которые не дали почти никакого результата, история могла бы сделать честь германским офицерам военной администрации, которые за те немногие месяцев, что они пробыли на Северном Кавказе, ухитрились не злоупотребить гостеприимством»¹³⁶.

Находившийся в СССР в течение всей войны английский журналист А. Верт в 1964 г. выпустил книгу, вскоре переведенную на многие языки, включая и русский. Он оценил в ней «заигрывание немцев с мусульманами на Кавказе» как «часть сумасбродных планов Гитлера», направленных на втягивание в войну Турции и вовлечение в орбиту Германии всего Среднего Востока. Тем не менее он полагал, что Гитлер «крайне скептически» относился к программе Розенберга¹³⁷.

В послевоенной западногерманской историографии широкое распространение получила теория «незапятнанности» вермахта. Ее сторонники считали, что репрессии против мирного советского населения совершали исключительно части и подразделения СС, а военнослужащие вермахта даже не знали о них¹³⁸.

Напротив, историк из ГДР Н. Мюллер в своей монографии привел немало сведений о том, что вермахт играл самую активную роль в массовом уничтожении советских людей и экономическом ограблении оккупированных областей СССР, а также в реализации политики «выжженной земли» во время своего отступления¹³⁹.

В 1960-х гг. немецкие историки стали активно обсуждать теорию «упущенного русского шанса», согласно которой подъем сопротивления против захватчиков на оккупированной территории СССР объяснялся их «излишней жестокостью» по отношению к гражданскому населению. Так, Г. Буххейт считал, что масса советского населения «надеялась освободиться от большевизма с помощью немцев». Однако вследствие оккупационной политики тысячи советских граждан «стали убегать в леса»¹⁴⁰. В. Хаупт также упрекает германское руководство в том, что оно «упустило возможность при помощи справедливой политики сделать дружественным население оккупированных территорий»¹⁴¹.

Значительное внимание в западной историографии уделялось партизанскому движению на оккупированной советской территории. Е. Хаувелл считал, что существовала прямая взаимосвязь между жестокостью оккупационной политики и размахом партизанского движения¹⁴². Итоги послевоенной программы исследования действий советских партизан подводил коллективный труд, созданный под руководством профессора Висконсинского университета Д. Армстронга¹⁴³. Авторы не имели возможности работать с советскими архивами и использовали только немецкие документы. Тем не менее они отметили ряд специфических черт в развитии партизанского движения на Северном Кавказе, связанных с природными особенностями региона, а также

территориальным принципом формирования отрядов на основе истребительных батальонов¹⁴⁴.

В целом же зарубежные историки противопоставляли действия партизан и интересы населения, отмечали жестокость первых по отношению не только к противнику, но и к мирным жителям¹⁴⁵. Эти выводы вызывали резкую критику советских историков. Особое место в историографии рассматриваемой проблемы принадлежит работам представителей российской эмиграции, написанным в условиях холодной войны. В них показаны факты морального разложения в партизанских отрядах на Северном Кавказе, подчеркнуто отсутствие их связи с народом¹⁴⁶. При этом указанные работы порой изобилуют неточностями и ошибками.

Одним из самых крупных исследователей советского коллаборационизма являлся западногерманский военный историк Й. Хоффманн, но его работы носили чрезвычайно идеологизированный характер. В частности, он утверждал, что каждый попавший в плен красноармеец становился «антибольшевиком» и стремился к изменению политической ситуации в СССР¹⁴⁷. Специальные исследования Й. Хоффманна раскрывают создание и боевой путь «восточных легионов», в том числе сформированных из выходцев с Кавказа¹⁴⁸.

В последнее время обращает на себя внимание сближение позиций российских и зарубежных исследователей, разделяющих идеи социальной истории и исторической антропологии в объяснении поведения советских граждан в период оккупации. Так, итальянский исследователь Дж. Боффа, описывая тяготы жизни советского населения в оккупации, приходит к выводу о том, что «поведение захватчиков в СССР не могло вызвать симпатий у местного населения».

Считая, что в СССР «не было недостатка в недовольных и несогласных», Дж. Боффа отмечает попытку оккупантов использовать существовавшие в СССР национальные противоречия, но настоящую причину сотрудничества с оккупантами видит в «элементарном шантаже голодом», а сознательный политический выбор играл в этом незначительную роль. К тому же коллаборационисты подвергались суровому осуждению в своей стране и при случае стремились перейти на сторону Красной армии. Дж. Боффа также отмечает негативную роль этатистских воззрений советского руководства и отсутствие четкой позиции в вопросе о партизанском движении. Анализируя состав партизанских отрядов, он приходит к выводу о том, что это движение носило «скорее городской» характер, но поддерживалось и в сельских районах¹⁴⁹.

В целом отечественные и зарубежные исследователи на основе разнообразных источников раскрыли сущность и специфику оккупационного режима, основные направления оккупационной политики и различные формы коллаборационизма, роль партийных организаций в сопротивлении и его особенности в регионе. Дальнейшие перспективы в изучении данной темы связаны с расширением круга источников, причем не только за счет введения в научный оборот новых, однотипных по своему виду и содержанию документов. Необходимо привлечение других источников, которые ранее почти не использовались при изучении данной проблемы, например фольклора и рассказов очевидцев, а также дальнейшее углубление их анализа, расширение круга рассматриваемых вопросов. Речь должна идти не просто об отказе от устаревших положений, но и о качественном переосмыслении имеющегося в распоряжении исследователей материала.

Так, в отечественной историографии достаточно полно решен вопрос о структуре оккупационной администрации. Однако сам механизм принятия решений и их реализации на оккупированной территории, конкретные взаимоотношения, складывавшиеся между населением, оккупантами, местной властью, партизанами, нуждается в дальнейшем обсуждении. Дальнейшего переосмысления требуют и социально-психологические аспекты оккупации. В советской историографии уделялось недостаточно внимания психологическим аспектам эскалации насилия на оккупированной территории. Размах жестокости и насилия рассматривался лишь в доказательство «человеконенавистнического характера оккупационного режима». Действительно, террор являлся важным средством реализации нацистских планов тотального переустройства мира. Однако репрессии нередко противоречили конкретным задачам оккупантов, прежде всего экономического и пропагандистского характера. При этом постоянное зрелище систематических казней не могло не причинять психологических травм тысячам и миллионам мирных людей, особенно женщинам и детям. Посттравматический синдром должен был сказываться на протяжении многих последующих лет, влияя как на личную жизнь отдельных людей, так и на судьбу региона и страны в целом.

Немало своеобразных исследовательских «лакун» остается и в изучении вопросов коллаборационизма. Недостаточно раскрыты вопросы взаимоотношений коллаборационистов с остальным советским населением, упрощенно трактовавшиеся в советской историографии. Между тем материалы опросов очевидцев немецкой оккупации свидетельствуют о том, что полного единодушия среди жителей и в этом вопросе не было. Часть респондентов до сих пор

негативно относится к коллаборационистам как к предателям и изменникам Родины, которым даже через десятки лет нет прощения. Более того, негативные эмоции по отношению к ним порой выступают резче и сильнее, чем к солдатам вермахта. Другие жители оккупированной территории придерживаются дифференцированного подхода, относясь к каждому конкретному старосте или полицейскому в зависимости от того, как они сами себя вели по отношению к населению.

По-прежнему мало изучены последствия оккупации. Еще в годы войны был выявлен и описан материальный ущерб, однако вопросы о том, какой след оставила оккупация в жизни самих людей, находившихся на захваченной территории, практически не ставились в историографии. Между тем оккупация сыграла свою роль в формировании определенных стереотипов. Особую враждебность приобрел образ немца, на долгие годы оставшегося «врагом», «оккупантом», «захватчиком». Не случайно, что и через десятилетия после войны многие жители выступают против установления памятников в России павшим немецким солдатам.

Перспективным представляется выход исследований на микроисторический уровень, предполагающий обращение не только к судьбе отдельных населенных пунктов, городов и районов, но и отдельных личностей в период оккупации. Тем самым он позволяет понять, какую роль сыграла оккупация в судьбе конкретного человека, перенести центр внимания историков с вопросов государственного масштаба на проблемы жизни и мироощущения отдельного человека и общества в целом, прийти к новому пониманию сущности процессов, происходивших на оккупированной территории, сквозь призму разнообразных человеческих судеб.

4. Изучение депортации некоторых народов региона в годы войны

Депортации некоторых народов Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны в последнее время вызывают повышенный интерес со стороны различных исследователей. Это обосновано не только общей ситуацией в современной исторической и этнополитической науке, способствующей активному переосмыслению прежних положений, но и злободневностью политических процессов, происходивших в регионе в 1990—2000-х гг., возникновение которых многие авторы связывают с событиями военного времени.

Во время войны и в первые послевоенные годы в советской историографии почти ничего не говорилось о депортациях. Вместо этого широко пропагандировались идеи нерушимой дружбы народов СССР, «замечательные успехи ленинско-сталинской национальной политики» на Северном Кавказе¹⁵⁰. После войны из открытых фондов библиотек вообще исчезли все книги о судьбе сосланных северокавказских народов и их вкладе в Победу в Великой Отечественной войне. В соответствии с требованиями цензуры в спецхран были переведены не только сами книги, но и каталоги, содержавшие сведения о публикациях, посвященных чечено-ингушской, карачаевской и балкарской автономиям¹⁵¹. Лишь в отдельных исследованиях, вышедших уже после смерти И.В. Сталина, встречаются редкие упоминания о том, что и среди кавказских народностей нашлись люди, «которые в 1942 г. изменили союзу с великим русским народом»: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие народы¹⁵².

Только начавшаяся после XX съезда КПСС критика «культа личности» вызвала существенные изменения в развитии историографии депортации народов региона. Вслед за Н.С. Хрущевым советские историки стали противопоставлять ленинский и сталинский подходы в национальной политике СССР. Принудительные переселения советских народов оценивались как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики», а их причины связывались лично с И.В. Сталиным и, особенно, с Л.П. Берией. Данный подход получил отражение в 6-томном фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны. При этом в тексте допущена ошибка (опечатка?), особенно поразительная на фоне общего солидного уровня данного издания: в списке репрессированных народов вместе с карачаевцами указаны... черкесы¹⁵³.

Указанные подходы проявились и в региональной историографии периода «оттепели». О судьбе чеченцев и ингушей в годы войны говорилось в работе В.И. Филькина¹⁵⁴. Д.А. Напсо, не упоминая о депортации карачаевцев и ликвидации их автономии в годы войны, отметил сам факт ее восстановления как результат ликвидации «последствий культа личности Сталина»¹⁵⁵.

Позже тема депортации снова стала считаться «непопулярной» в советской историографии. Специальных исследований на данную тему в 1960—1980-х гг. вышло немного. Так, Х.И. Хутуев отметил, что «упразднение национальной автономии и выселение балкарского народа шло вразрез с основами Конституции СССР, приводило к прямому отступлению от ее норм и положений, к грубейшему нарушению социалистической законности»¹⁵⁶.

В кандидатской диссертации Ч.С. Кулаева впервые специально рассматривалась депортация карачаевцев. В соответствии со сложившимися к этому времени в

советской историографии подходами он писал, что «в условиях культа личности к карачаевскому народу были допущены произвол и насилие». Автор возложил персональную ответственность за депортацию на Л.П. Берия, обвинив его в сознательном стремлении «посеять национальную рознь и подорвать дружбу народов СССР», создании «обстановки недоверия и подозрительности к отдельным народам». В свою очередь, начало реабилитации карачаевцев Ч.С. Кулаев связал с «разоблачением» Л.П. Берии, после чего «раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности»¹⁵⁷. При этом исследователь не отрицал, что «среди карачаевцев, как и у других народов нашей страны, имели место случаи дезертирства, проявления трусости и другие нежелательные явления». Однако он полагал, что не эти «единичные факты характеризуют карачаевский народ», напротив, «большой фактический материал говорит о бесстрашии и героизме карачаевцев, о патриотизме и самопожертвовании во имя победы над врагом»¹⁵⁸.

Депортациям не было посвящено специальных разделов или статей в новых фундаментальных трудах и справочных изданиях по истории советского общества, Второй мировой и Великой Отечественной войн, а в обобщающих региональных работах, как правило, приводилась достаточно краткая информация. Так, в обобщающей работе по истории Кабардино-Балкарской АССР указывалось на «несправедливость», допущенную в отношении балкарцев «в условиях культа личности» и выразившуюся в отмене их автономии и переселении в восточные районы страны. В то же время эта «несправедливость» не могла рассматриваться как основание для сомнений в правоте советского общественного строя. Поэтому, несмотря ни на что, «балкарцы показали высокое чувство патриотизма. Они

активно включились в трудовую жизнь. Подавляющее большинство их работало честно и добросовестно»¹⁵⁹.

В очерках истории Чечено-Ингушской АССР говорилось: «В 1944 г. в результате некоторых нарушений ленинских принципов национально-государственного строительства и социалистической законности Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. XX съезд КПСС устранил эти нарушения». В другой главе сообщалось о восстановлении Чечено-Ингушской АССР 9 января 1957 г., огромной работе по трудоустройству возвращавшегося населения и оказанию ему различных форм помощи¹⁶⁰.

Наиболее полные сведения приводились в очерках по истории Карачаево-Черкесской автономной области, но материал в них также интерпретировался в соответствии с идеологическими требованиями эпохи. Ликвидация автономии Карачая в 1943 г. рассматривалась как «нарушение национальной политики», но «никакие извращения не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить дружбу народов». Приводились многочисленные примеры трудового героизма карачаевцев 1943–1945 гг. «на новых местах жительства»¹⁶¹. Восстановление автономии карачаевцев рассматривалось как результат выполнения решений XX съезда КПСС, отмечались проявления дружбы народов при их возвращении¹⁶².

Вопросы депортации обсуждались и на областной научно-практической конференции в Карачаево-Черкесии в 1977 г. Ее участники отметили, что карачаевцы были необоснованно обвинены и несправедливо выселены в восточные районы страны, «ибо нельзя отождествлять народ с кучкой предателей, изменников, пособников гитлеровцев». После

устранения извращений «ленинской национальной политики» карачаевцев реабилитировали и вернули, заслуга в этом приписывалась партии¹⁶³.

В отличие от советских историков зарубежные историки и эмигранты подчеркивали трагизм судеб горцев Северного Кавказа. Пожалуй, наиболее четко данный подход сформулировал А.Г. Авторханов, охарактеризовавший СССР как своеобразную «империю зла»¹⁶⁴. В качестве самого страшного государственного преступления рассматривались массовые депортации народов в СССР, которые А. Г. Авторханов назвал «практикой геноцида гитлеровского типа, когда целый народ, включая стариков, женщин, детей, только по одному расовому признаку объявлялся «вражеским народом»¹⁶⁵. При этом Авторханов, сам перешедший на сторону вермахта в 1942 г. с предложением союза на условиях будущей независимости Чечни, в своих работах отвергал любые обвинения в сотрудничестве народов Северного Кавказа с оккупантами, как и «разговоры о создании банд» на территории региона: «Они «появились» в результате фальсификаций, придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями». Причины депортаций он связал с сущностью и характером советского строя, цели которого могли быть реализованы только путем принесения в жертву собственных народов, а ключ к выселению увидел в национально-освободительной борьбе горцев, которые вели «перманентную партизанскую войну в горах Кавказа» против имперской политики России, начиная с Кавказской войны¹⁶⁶.

В 1960 г. в США вышла книга Р. Конквеста, посвященная депортациям советских народов. Он рассматривал их как продолжение колониальной политики царской России. Возможности автора, как и других зарубежных исследователей проблемы, крайне ограничивали имевшиеся в его распоряжении

немногочисленные источники. Тем не менее он фактически первым предложил обобщающий очерк хода депортаций, оценил их численность, разработал карту этнических репрессий в СССР¹⁶⁷.

В 1978 г. за рубежом вышла книга А.М. Некрича, работать над которой он начал в первой половине 1970-х гг., еще до эмиграции из СССР¹⁶⁸. Он также подверг критике действия советского руководства, рассматривая депортации как репрессивные меры в отношении отдельных народов СССР.

Вплоть до недавнего времени эмигрантская и зарубежная историография развивалась совершенно обособленно от советской исторической науки. Более того, по мнению С.У. Алиевой, эта историография сыграла негативную роль в положении самих репрессированных народов, «подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и действиях»¹⁶⁹.

Под влиянием кардинальных перемен в жизни страны на рубеже 1980—1990-х гг. появились новые, порой противоположные прежним оценки советской национальной политики и депортаций народов СССР. Первые публикации, особенно в средствах массовой информации, нередко повторяли сформулированные западными авторами и эмигрантами обвинения коммунистического режима в совершении преступлений против советских народов, массовых депортаций, ликвидации их национальной государственности и разрушении исконной среды обитания. Лишь постепенно в отечественной науке стали складываться новые подходы к проблемам истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, во многом связанные с введением в научный оборот широкого круга новых источников.

Изменение самого статуса рассматриваемой проблемы выразилось в проведении специальных

научных форумов – международных, всероссийских и региональных конференций, посвященных репрессиям против советских народов. Они состоялись в Элисте (1992, 1993, 2003), Карачаевске (1993, 2003), Нальчике (1994), Грозном (2006), а также международная конференция в Элисте (2003), опубликованные материалы которых стали немаловажными историографическими фактами в разработке рассматриваемой проблемы¹⁷⁰.

Существенное значение имеют работы Н.Ф. Бугая¹⁷¹. Он не только плодотворно изучает проблему депортаций на протяжении двух десятилетий, но и подготовил целый ряд специалистов, защитивших под его руководством или при его непосредственном участии кандидатские и докторские диссертации, а также опубликовавших широкий круг работ, книг и статей по различным вопросам истории депортации советских народов и их последствиям. Среди других современных российских исследователей проблемы необходимо также выделить В.Н. Земскова¹⁷² и П.М. Поляна¹⁷³.

Вопросы государственной национальной политики в регионе в данный сложный период истории, депортации северокавказских народов анализировали И.В. Алферова¹⁷⁴, А.М. Гонов¹⁷⁵, А.С. Хунагов¹⁷⁶. Депортации карачаевцев и балкарцев посвящены труды А.-Х.У. и Р.М. Кушетеровых, К. Чомаева, Д.В. Шабаева, О.О. Айшаева, Э.А. Аджиевой и Х.-М.А. Сабанчиева¹⁷⁷, чеченцев и ингушей – работы Н.Ф. Бугая, Р.С. Агиева и Л.Я. Арапхановой, Мусы М. и Мовсура М. Ибрагимовых¹⁷⁸.

Новые исследования позволяют проследить сам порядок проведения депортации, выяснить общее количество выселенных граждан. Большинство современных исследователей расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции, как «произвол сталинского тоталитарного режима». Отдельные авторы

говорят о геноциде в отношении репрессированных народов¹⁷⁹. В то же время причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Формальным поводом для них послужили стандартные обвинения в «предательском» поведении отдельных народов, оказавших массовую поддержку захватчикам в период оккупации региона, создававших бандформирования, нападавшие на советские войска. Однако значительная часть исследователей отвергает данные обвинения и объясняет депортации тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии «за счет исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе¹⁸⁰.

Версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии, из исследователей первым, вероятно, высказал Х.-М. Ибрагимбейли¹⁸¹. Впоследствии она нашла широкое отражение и в работах других авторов¹⁸². В качестве одного из аргументов ими приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. Академией наук СССР, где административный центр Карачая город Микоян-Шахар (ныне – Карачаевск) уже получил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг.¹⁸³ Авторы одной из обобщающих работ по истории карачаевцев и балкарцев, соединяя первые две версии, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы сразу несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский

национал-большевик Кумехов» – руководитель партийной организации Кабардино-Балкарии в годы войны)¹⁸⁴.

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М.А. Суслов»¹⁸⁵. К.-М.И. Алиев указывает на то, что в случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями. Вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Между тем «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть»¹⁸⁶.

Значительная часть авторов видит корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима¹⁸⁷. По мнению В.А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями «вождя народов» или его маниакальной подозрительностью». В то же время он указывает на «соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов».

В.А. Тишков также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования «социалистических наций» на основе национальных государственных образований»¹⁸⁸. Однако само перемещение огромного количества людей на восток страны требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий.

Отдельные авторы связывают депортацию мусульман с внешнеполитическим фактором – угрозой создания из них антисоветского исламского блока под эгидой Турции¹⁸⁹. Наиболее полно версию об обусловленности депортации части северокавказских народов, прежде всего балкарцев, внешнеполитическими факторами – подготовкой театра военных действий на юге СССР – представил в своей докторской диссертации Х.-М.А. Сабанчиев¹⁹⁰.

Исследователи приводят сведения, подтверждающие, что на Северном Кавказе в годы войны имели место массовые антисоветские выступления и широкое распространение бандитизма. А.М. Гонов связал депортацию части народов Северного Кавказа с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию северо-кавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением»¹⁹¹. Данным вопросам посвящены специальные разделы в совместной книге Ю.Ю. Клычникова и С.И. Линца, акцентировавшим внимание на «криминогенном и политическом противостоянии части населения Северного Кавказа государственным властям и порядкам Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации с XVIII до рубежа XXI в.»¹⁹².

Тема бандитизма на Северном Кавказе в годы войны получила развитие и в работах других авторов. Особенно активно данную позицию отстаивает в последние годы И.В. Пыхалов, прямо оправдывающий сталинские репрессии против народов СССР их массовым, по его мнению, переходом на сторону противника, уклонением от воинской службы в РККА, дезертирством и бандитизмом. В частности, он полагает, что в рядах Красной армии погибло и пропало без вести 2,3 тыс. чел. из служивших в ней 10 тыс. чеченцев и ингушей, в то время как оба народа должны были

выставить примерно 80 тыс. военнослужащих¹⁹³. В результате он оценивает сталинские депортации как не только «справедливое», но и «гуманное» в условиях военного времени «возмездие». Однако эти выводы основываются на данных всего нескольких архивных фондов, используемых весьма избирательно, а сам поиск «народов-предателей» представляется некорректным и ненаучным. Во-первых, подобные оценки вообще неуместны по отношению к целым этническим общностям. Во-вторых, среди всех народов СССР были и те, кто участвовал в защите Родины, и те, кто пошел на сотрудничество с противником в столь непростой период истории страны.

Полемика по рассматриваемому вопросу вышла далеко за рамки научной дискуссии. Своих оппонентов И.В. Пыхалов называет «защитниками гитлеровских прислужников»¹⁹⁴. В свою очередь, те обвиняют его в разжигании межнациональной розни и продолжении кампании «травли» репрессированных народов. Одна из его статей решением Магасского районного суда Республики Ингушетии от 19 ноября 2009 г. была включена в Федеральный список экстремистских материалов¹⁹⁵.

Другие авторы стремятся придерживаться более взвешенного подхода к проблеме. Так, по мнению П.М. Поляна, «несмотря на размах повстанческого движения, статистика ликвидации антисоветских банд на территории Чечено-Ингушетии в 1941-1943 гг. не дает оснований для утверждений о почти поголовном участии чеченцев и ингушей в подобных формированиях»¹⁹⁶.

В свою очередь, ряд северокавказских историков утверждают, что документы НКВД СССР, содержащие сведения о бандитизме на Северном Кавказе, были прямо фальсифицированы¹⁹⁷. Однако эти выводы также нуждаются в соответствующем источниковедческом

анализе, а не простом отрицании указанных документов как вида исторических источников.

О необходимости строгой источниковедческой критики при использовании документов военного времени свидетельствует и дискуссия вокруг событий в высокогорном ауле Хайбах. По утверждению некоторых авторов, будучи не в состоянии обеспечить выселение его жителей в феврале 1944 г., отряд внутренних войск НКВД СССР под командованием комиссара госбезопасности 3-го ранга М.М. Гвишиани сжег от 200 до 700 чел. в колхозной конюшне. В подтверждение этого приводится без ссылок на источник «совершенно секретное письмо» М.М. Гвишиани Л.П. Берии: «Только для ваших глаз. Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах. Полковник Гвишиани»¹⁹⁸.

Между тем П.М. Полян в последней фундаментальной работе, изданной на основе документов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) в серии «История и сталинизм», отмечает, что «гриф «только для ваших глаз» никогда не использовался в советском секретном делопроизводстве, один из руководителей операции «Чечевица» почему-то называет ее операция «Горы» и не помнит своего воинского звания, аттестуясь «полковником»¹⁹⁹. Нельзя не согласиться с П.М. Поляном в том, что необходимо дополнительное изучение рассматриваемой проблемы. Более обоснованными представляются свидетельства об уничтожении мирного населения войсками НКВД в ряде высокогорных аулов, приведенные Н.Ф. Бугаем, А.М. Гоновым и другими исследователями²⁰⁰.

Новую и менее политизированную оценку депортации вайнахов в контексте теории модернизации предложили В.А. и М.Е. Козловы. Ссылаясь на документы

НКВД, они отмечают, что сами «чеченцы и ингуши воспринимали враждебную им политику советского государства прежде всего в категориях этнического конфликта», а сталинскую диктатуру отождествляли с «русскими»²⁰¹. Однако суть конфликта была гораздо глубже «сиюминутной политической целесообразности» и не может быть сведена к мотивам «справедливого наказания», «вражды-мести» или «ненависти русских к чеченцам». По словам данных авторов, «сплоченный, организованный, живущий по традиционному укладу и достаточно воинственный этнос плохо поддавался автоматизации» и не вписывался в новую социальную структуру. Поэтому «коммунистическое руководство попыталось «переварить» неудобный этнос достаточно отработанным способом»: лишением его статуса, отрывом от корней и удалением от постоянных мест проживания²⁰².

В то же время отмеченная традиция рассматривать депортацию как продолжение «имперской политики России», стремившейся к жестокому подавлению и угнетению подвластных ей народов, подчеркивать «справедливость» двух-, а то и трехвековой борьбы народов Кавказа за свою независимость нашла свое отражение и в профессиональной историографии, от А. Авторханова до современных авторов. Например, Б.Б. Закриев утверждает, что депортации, как и репрессии советской власти 1930—1940-х гг. против народов Северного Кавказа, «не были порождением только сталинской эпохи. Это изуверское изобретение принадлежит Екатерине II и наместнику Кавказа в 1816–1826 гг. А.П. Ермолову»²⁰³.

В значительной степени северокавказская историография унаследовала и отмечаемое данными исследователями стремление «наказанных народов» объяснять свой конфликт с властью «в привычных им понятиях персонифицированной «вражды-мести»²⁰⁴.

Действительно, главными виновниками депортации многие региональные историки считают И.В. Сталина и, особенно, Л.П. Берия.

Современные авторы также указывают на негативную роль в трагедии карачаевского народа М.А. Суслова, который, как считается, спасая себя, «оказывал посильную поддержку ведомству Берия в сборе фальшивых обвинений и свидетельств преступлений карачаевцев против советской власти»²⁰⁵. Напротив, С.И. Линец указывает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Суслов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда оно готовилось и осуществлялось, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения»²⁰⁶.

Расходятся оценки и в отношении роли руководителей самих автономий в осуществлении депортаций. В частности, критике подвергается секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.-У.Б. Токаев, «аморально предавший свой народ». По словам одного из современных авторов, «вместо того чтобы убедить руководство страны, что руководство Карачаевской автономии само сумеет решить проблему нескольких десятков предателей-бандитов, еще не сдавшихся советской власти, Токаев С.-У.Б., Лайпанов Х.О. и другие, искусственно преувеличивая массовость сопротивления, требовали ввода значительного количества регулярных сил Красной армии на территорию Карачая». Карачаевским руководителям противопоставляется первый секретарь Дагестанского обкома партии А.Д. Даниялов, который, «рискуя не только своей должностью, но и жизнью», сумел добиться приема у

самого И.В. Сталина и «спас народ от насильственной депортации»²⁰⁷.

В этих оценках содержится немало субъективизма, присущего в целом современной историографии: Сталин вряд ли принял бы во внимание мнение местных руководителей при решении данного вопроса, даже если бы оно и прозвучало. Другое дело, что поведение указанных руководителей в этой сложной ситуации хорошо характеризует их самих как политических личностей.

Первую специальную работу, позволяющую оценить демографические последствия депортации народов Северного Кавказа, опубликовал В.И. Котов²⁰⁸. Наиболее подробное исследование демографических потерь депортированных народов СССР содержит монография Д.М. Эдиева. На основе статистических показателей он оценил общие тенденции в демографическом развитии до и после выселения, прямые людские потери вследствие повышенной смертности, а также потери из-за дефицита рождений в период ссылки, раскрыл краткосрочное и долгосрочное влияние депортации на процесс их воспроизводства. Согласно подсчетам Эдиева, «компенсаторные процессы позволили преодолеть примерно половину демографических потерь». Долгосрочные демографические потери населения СССР от депортаций 1920—1950-х гг. «составили около 15 % численности населения депортированных, которая могла бы сложиться в отсутствие депортаций»²⁰⁹.

Исследователи указывают, что в результате выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Изменилась общая структура населения Северного Кавказа, что в совокупности с изменением административно-территориальных границ заложило основы для новых межнациональных конфликтов. Отрицательно сказалась депортация и на

развитии экономики региона: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла.

В современной историографии немало внимания уделяется дальнейшей судьбе выселенных народов: охарактеризована трудовая деятельность спецпереселенцев в ссылке, которую они вели, несмотря на тяжелые условия жизни, их ограничение в гражданских правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Вследствие принудительного переселения произошли резкие изменения в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура²¹⁰. В данной связи вызывает интерес отражение темы депортации в фольклорных произведениях. Так, поэтесса и фольклорист Ф. Байрамукова собрала и опубликовала десятки песен и рассказов, созданных в период пребывания карачаевцев в Средней Азии и Казахстане²¹¹. Т. Хаджиева издала сборник фольклорных текстов балкарцев, созданных в годы депортации²¹². Опыт подобных исследований, безусловно, необходимо продолжать.

В.Г. Шнайдер объясняет «практически безропотное подчинение горцев выселению» страхом, порожденным характером советской социально-политической системы, условиями военного времени, характером горских обществ с сильно выраженными кровнородственными связями, жестокостью войск НКВД, мощной и хорошо организованной акцией, наконец, отсутствием явного сочувствия, сострадания и поддержки со стороны соседей²¹³. Современные исследователи ставят задачи осмысления социокультурных оснований депортации, ее влияния на менталитет репрессированных народов, формирование у них самоощущения «народов-изгоев».

Появились специальные исследования, посвященные реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа²¹⁴. В историографии отмечается половинчатый характер реабилитации конца 1950-х – начала 1960-х гг., в то же время подчеркивается немалая помощь, оказанная репрессированным народам²¹⁵. Реабилитационные мероприятия 1989—1990-х гг. получили положительную оценку ряда региональных исследователей²¹⁶. Напротив, В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившейся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывает на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, так и с непродуманностью самих актов²¹⁷. Часть авторов говорит о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической реабилитации депортированных народов, «что означает разрушение государственными органами» их отрицательных стереотипов «в глазах других народов»²¹⁸.

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы Северного Кавказа. Так, в книге «Земля адыгов», названной «своеобразным «путеводителем» по истории заселения Земли адыгов», а по своему жанру представляющей скорее хрестоматию, целый раздел назван «Адыги и Сталин». Большая его часть в апологетической форме излагает биографию «признанного вождя миллионов». Авторы книги утверждают: «Наряду с прочими, у адыгов есть и свои, сугубо личные причины быть благодарными вождю». Причины этой «особой» благодарности они видят в следующем: «В начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... Все шло к тому,

что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И.В. Сталин... запретил даже думать об этом. «БЕЗ АДЫГОВ КАВКАЗ – НЕ КАВКАЗ (выделено в тексте. – *Авт.*)» — этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу»²¹⁹.

Похожий ответ предлагает и М.М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован черкесский народ, «представители которого также участвовали в повстанческом движении? Ответ на этот вопрос очевиден: именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая»²²⁰.

Версии о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно – по «злой воле» Бериин) и его спасло личное вмешательство Сталина, который учел его «заслуги» перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя собой своеобразные мифологемы массового сознания. Подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным уже исходя из того, что истинные планы и намерения И.В. Сталина далеко не всегда отражались в документах. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием.

В целом обращение к истории депортаций народов Северного Кавказа остается одним из наиболее политизированных вопросов рассматриваемой

проблемы. Унаследованная современной историографией от советской исторической науки тенденция обвинять оппонентов в «фальсификации» и «клевете» не позволяет перевести дискуссию в нормальное научное русло, и вместо поиска истины совместными усилиями представителей различных школ и направлений происходит поиск новых «врагов». Подобный взгляд из «окопа», как и стремление использовать историю в собственных политических, а то и экономических интересах, представляется не только неэффективным, но и опасным способом интерпретации прошлого.

Становление историографии истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны представляет собой длительный и целостный процесс выработки исторических знаний. На всем протяжении ее развития на работе исследователей сказывались внешние и внутренние ограничения, но их формы с течением времени менялись. Наиболее жесткую форму внешний контроль имел в военные и в первые послевоенные годы. Позже все большую роль стал играть так называемый «мягкий конформизм», когда историки приспосабливались к официальной линии. В настоящее время формы контроля стали еще более опосредованными, переплетаются с внутренними ограничениями, которые, в свою очередь, складываются вследствие усвоения представлений, присущих определенной эпохе, социальной группе, научной школе, а также под воздействием личных взглядов историков.

В ходе формирования историографии происходило систематическое расширение круга рассматриваемых вопросов, углублялся их анализ. Широко разрабатывались в историографии проблемы общественно-политического и социально-экономического развития региона в годы Великой

Отечественной войны. При этом главное место в советской историографии отводилось изучению руководящей роли и различных направлений деятельности партийных организаций автономий Северного Кавказа, проведению военно-мобилизационных и оборонно-массовых мероприятий, переводу экономики на военный лад и трудовым достижениям жителей региона. Немало внимания отводилось и истории комсомольских организаций региона. Лишь в последние годы вышли работы, раскрывающие деятельность других органов власти и общественных организаций. Изучение вопросов массового общественного сознания, национальной политики и межнациональных отношений на Северном Кавказе в советской историографии сводилось к раскрытию тезисов о дружбе, патриотизме и морально-политическом единстве жителей региона. В данной связи рассматривались и различные патриотические инициативы жителей автономных республик и областей.

Значительное количество работ посвящено участию в боевых действиях горцев Северного Кавказа. Исследователи проанализировали создание и боевой путь воинских частей, соединений, добровольческих формирований, созданных на Северном Кавказе. В научный оборот введено немало данных о подвигах на фронте жителей региона, общем количестве призванных на фронт, погибших в боях, умерших от ран, награжденных орденами и медалями. По-прежнему сохраняют свою актуальность задачи изучения особенностей взаимодействия на фронте и в тылу представителей различных народов региона, другие вопросы рассматриваемой проблемы.

Еще один существенный круг вопросов составили проблемы оккупации и народного сопротивления на Северном Кавказе. Советские и современные российские исследователи раскрыли сущность и особенности

оккупационного режима, различные направления оккупационной политики на захваченной территории региона, формы народного сопротивления. Историки раскрыли специфику формирования партизанских отрядов, итоги их деятельности, привели многочисленные примеры героизма партизан и подпольщиков. В последнее время приобрела актуальность проблема сотрудничества с противником жителей оккупированной территории Северного Кавказа, в историографии нашли отражение различные проявления коллаборационизма, его мотивы. В современных исследованиях преобладает тенденция к комплексному анализу указанных вопросов, с учетом различных политических, экономических, культурных, социально-психологических факторов, но создание более достоверной картины событий на захваченной территории региона возможно только с привлечением всех возможных источников.

Современные исследователи раскрыли депортации и последующую реабилитацию жителей региона, внесли коррективы в представления о духовной жизни на Северном Кавказе, но эти вопросы нуждаются в дальнейшей проработке. Необходимо продолжить осмысление депортаций и реабилитации не только в контексте советской национально-государственной политики, но и на основе достижений современной этнологии, политологии, культурологии, социальной психологии и других отраслей гуманитарного знания. Неубедительные попытки объяснить депортации «злой волей» Сталина, Берии, Суслова и других советских руководителей, хотя их истинная роль в данных событиях также нуждается в прояснении. Перспективным представляется изучение дальнейших судеб репрессированных народов, влияния депортации на изменение их образа жизни, социальной психологии и мировоззрения. Существенную роль в их реализации

могло бы сыграть использование источников личного происхождения, включая запись устных рассказов уже крайне немногочисленных участников и очевидцев рассматриваемых событий.

Осмысление участия горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне в немалой степени зависит от принципов и методов работы исследователей. Общность положений, отстаиваемых советскими историками, во многом определялась их единой методологией, что ограничивало круг рассматриваемых вопросов несколькими приоритетными направлениями, сужало возможности исследовательского поиска. Отказ от монистического подхода в прочтении прошлого и расширение междисциплинарных связей в последние годы способствуют поиску других познавательных моделей и методик, но их влияние на изучение истории Северного Кавказа военного времени пока невелико. Дальнейшая разработка рассматриваемой проблемы требует и более глубокого осмысления имеющихся в распоряжении исследователей источников и их возможностей.

Часть вторая

Источники по истории горцев Северного Кавказа в 1941-1945 гг

Анализ источниковой базы позволяет судить о возможностях, имеющихся у исследователей истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Она формировалась в тесной взаимосвязи с историографией проблемы. С течением времени менялись условия доступа историков к документам и исследовательские приоритеты в их изучении. В настоящее время корпус источников по истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны достаточно обширен и разнообразен. Это гражданские и военные, советские, немецкие и эмигрантские документы официального и личного происхождения. Данную проблему характеризуют законодательные, директивные, делопроизводственные документы, судебно-следственные и статистические материалы, документы общественных организаций, газеты и листовки, воспоминания, дневники, письма и другие источники.

1

Формирование корпуса источников и его современное состояние

Сбор первых материалов по истории Великой Отечественной войны начался практически с первых ее месяцев. Уже 30 августа 1941 г. нарком обороны СССР издал специальный приказ № 0031, предусматривавший сдачу на хранение в отдел архивов Наркомата обороны СССР, эвакуированный в город Бузулук Чкаловской области, архивных дел и материалов, «не имеющих в данное время практического применения, но имеющих историческое значение как материал, характеризующий развитие и боевую деятельность войсковых частей, соединений, учреждений и заведений Красной армии»²²¹.

В январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с задачей сбора и публикации материалов о действующих боевых частях, партизанских соединениях, героическом труде советских людей на фронте и в тылу. Сотрудники Комиссии выезжали на фронты и в тыловые районы страны для сбора материалов и записи рассказов очевидцев (в настоящее время материалы Комиссии, включая и документы о развитии партизанского движения на Северном Кавказе, хранятся в Научном архиве Института российской истории РАН). Комиссии по сбору материалов периода Великой Отечественной войны были также созданы при ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, различных наркоматах и ведомствах, союзных республиках, областях и отдельных городах.

Для учета последствий нацистской оккупации части советской территории в ноябре 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по

установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). В республиках и областях были созданы местные комиссии, действовавшие в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК. Члены комиссий производили обследование могил и трупов, собирали показания свидетелей и бывших узников немецких тюрем и концлагерей, допрашивали военнопленных, изучали документы, фотоснимки и другие улики преступлений.

На Северном Кавказе первые, достаточно немногочисленные источники стали поступать на хранение в музеи также с началом войны, а освобождение региона от немецкой оккупации в 1943 г. положило начало формированию специальных документальных коллекций по истории Великой Отечественной войны в архивах.

В годы войны были опубликованы первые сборники материалов, посвященные событиям Великой Отечественной войны на Северном Кавказе. Это прежде всего решения советских и партийных органов, тексты выступлений руководителей региона, материалы антифашистских митингов и совещаний²²². Тематические публикации рассказывали об ужасах нацистской оккупации, народном сопротивлении захватчикам, героизме жителей Северного Кавказа на фронте и в тылу²²³. Они имели пропагандистский характер и невысокий уровень археографической обработки.

После войны комиссии и отделы Отечественной войны были упразднены. Ведомственные архивы постепенно упорядочивали и передавали в государственные архивы материалы периода Великой Отечественной войны, однако происходило это

достаточно медленно. В 1947 г. в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ) поступили материалы Международного военного трибунала для главных немецких преступников из Министерства юстиции СССР, а в 1951 г. – документы ЧГК. Позже сюда передали документы высших и центральных органов власти и управления СССР и РСФСР, ВЦСПС и другие материалы.

Региональные архивы продолжали пополнять свои фонды документами военных лет по истечении соответствующего срока их хранения органами власти, учреждениями и ведомствами, а также крайне немногочисленными текстами воспоминаний участников войны. Систематически собирали материалы периода Великой Отечественной войны в эти годы и музеи, как центральные, так и местные.

Дальнейшее развитие источниковой базы по истории горцев Северного Кавказа в годы войны оказалось тесно связано с «оттепелью». Уже с 1956 г. расширился доступ исследователей к архивам, а в 1960 г. Главное архивное управление было передано в ведение Совета Министров СССР. В архивах и музеях региона в эти годы стали формироваться специальные фонды, отражающие судьбы депортированных в годы войны народов региона. Так, в 1958 г. на хранение в Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области передали документы Карачаевского исполкома областного Совета депутатов трудящихся, упраздненного в 1943 г. в связи с ликвидацией автономии карачаевского народа. Кроме того, стали создаваться фонды, коллекции материалов и отдельные дела участников войны, включавшие их личные документы, фотографии, воспоминания и дневники.

В конце 1950-х гг. оживилась работа по публикации документов о вкладе в Победу трудящихся республик и областей. Главная роль в публикациях отводилась партийным документам, подчеркивавшим руководящую роль ВКП(б) в годы войны²²⁴. Недостатками указанных публикаций оставалось несоблюдение археографических требований к изданию документов²²⁵.

Вопросы истории Карачаевской, Черкесской и Адыгейской автономных областей в военное время нашли отражение в сборниках документов о развитии в 1941–1945 гг. Ставропольского и Краснодарского краев, в состав которых они соответственно входили²²⁶. В Дагестанской АССР были опубликованы воспоминания жителей республики – участников Великой Отечественной войны²²⁷.

Во второй половине 1960–1980-х гг. исследователям стали доступны новые документы ряда учреждений и организаций Северного Кавказа в региональных архивах и музеях в связи с истечением соответствующего ограничительного срока. Широкий характер в эти годы приобрел сбор документов личного происхождения, фронтовых писем, воспоминаний участников войны. Так, в Государственный архив Кабардино-Балкарской АССР в 1965 г. поступил существенный массив документов участников Великой Отечественной войны (воспоминания и письма, боевые характеристики, удостоверения, справки, благодарности командования, красноармейские книжки). В 1972 г. из них была создана специальная «Коллекция документов об участниках Великой Отечественной войны». Оживление интереса к теме войны стимулировало то, что она считалась основой патриотического воспитания советской молодежи.

В середине 1960–1980-х гг. были изданы новые сборники документов и материалов военных лет, включавшие документы по истории Северного Кавказа.

Так, в сборниках, посвященных стратегии нацистского руководства в войне против СССР, представлены документы, характеризующие планы наступления вермахта на Кавказ и его отступления²²⁸. Вышли сборники документов о развитии Северной Осетии и Кабардино-Балкарии в военные годы²²⁹. Событиям Великой Отечественной войны в северокавказских автономиях были посвящены соответствующие разделы в обобщающих документальных сборниках по истории областных комсомольских организаций и других изданиях²³⁰. В публикациях рассматриваемого периода представлены в первую очередь советские, партийные и комсомольские документы местных архивов. Очень редко публиковались документы военных архивов, за исключением наградных листов из фондов центральных и местных музеев. Многие документы военных лет оставались засекреченными и практически недоступными исследователям.

В рассматриваемый период было опубликовано немало воспоминаний ветеранов войны, тружеников тыла, реже – партизан²³¹. Неоднократно переиздавались мемуары крупного советского военачальника, дважды Героя Советского Союза генерала И.А. Плиева, командовавшего в 1941–1945 гг. различными кавалерийскими соединениями и конно-механизированной группой, а после войны – войсками Северо-Кавказского военного округа²³². Как правило, мемуары ветеранов войны подвергались литературной обработке, придававшей им необходимую идеологическую направленность. Значительно реже публиковались фронтовые письма жителей региона. Первые специальные сборники писем, основанные на материалах архивов и музеев Северного Кавказа, вышли в 1980-х гг., но на подборе текстов для них также сказалась цензура²³³.

В эти годы повысился научный уровень публикаций, улучшились отбор и систематизация материалов, их источниковедческая и археографическая обработка. В то же время на публикацию документов и материалов свое влияние оказывала идеологическая и политическая конъюнктура. Работа по изданию документов обычно активизировалась в связи с подготовкой к празднованию соответствующих юбилейных дат. Цель многих сборников заключалась не только в стремлении «пополнить советское источниковедение новыми документами», но и «наглядно показать звериный облик фашизма», а вместе с тем напомнить читателю, «какую опасность представляет современный неонацизм – прямой преемник нацистской идеологии»²³⁴.

Существенные изменения в развитии источниковой базы по истории горцев Северного Кавказа в годы войны произошли в 1990-х гг. Специфику современной архивной ситуации определяет взаимодействие нескольких факторов, дополняющих, а порой и противоречащих друг другу. Во-первых, это архивные традиции, сложившиеся в советское время и сохраняющиеся, пусть и в модифицированном виде, в общих принципах организации архивной системы, комплектовании фондов, самой архивной культуре. Традиционно в большинстве российских архивов главное место занимают документы, раскрывающие деятельность государства и его структур, а не судьбу человека. В то же время четко проявляется и другая тенденция, обусловленная динамичными процессами последних десятилетий, приводящими к реструктуризации и рассекречиванию архивов, изменениям в порядке правового регулирования их функционирования, созданию новых архивохранилищ и формированию дополнительных фондов и коллекций в уже существующих архивных учреждениях. Следует отметить и общемировые тенденции интеграции и

информатизации архивного дела, а также изменение самой роли архивов в социокультурном пространстве. Несмотря на различия в возможностях, российские архивы постепенно втягиваются в данные процессы, пусть и с разными темпами.

В настоящее время материалы и документы по данной теме занимают существенное место в государственных архивном и музейном фондах России. Крупный массив материалов находится в ГАРФ и Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Они хранятся прежде всего в фондах высших и центральных государственных и партийных учреждений – ЦК ВКП(б), ГКО СССР, СНК СССР, Центрального штаба партизанского движения, наркоматов и ведомств, судебно-следственных органов, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций. Вопросы социально-экономического развития автономий Северного Кавказа раскрывает значительный комплекс документов Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ).

Следственные дела на граждан, обвинявшихся в антисоветской и контрреволюционной деятельности, против которых были возбуждены уголовные дела, а также сведения о пребывании в нацистских концлагерях и лагерях военнопленных хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России. Кроме того, в управлениях государственной безопасности по отдельным субъектам Российской Федерации имеются собственные архивы, в которых содержатся сведения о лицах, подвергавшихся репрессиям и наказаниям в данных регионах, в том числе за сотрудничество с противником в годы войны.

В фондах учреждений и деятелей культуры Северного Кавказа в Российском государственном архиве литературы и искусства содержится немало

документов, характеризующих их деятельность в 1941–1945 гг. Нечасто используются исследователями рассматриваемой проблемы фонды Российского государственного архива кинофотодокументов. Между тем они содержат уникальные визуальные источники – кино- и фотодокументы, зафиксировавшие события истории Северного Кавказа в 1941–1945 гг., в том числе в период оборонительных боев в регионе и его освобождения от немецкой оккупации, образы участников войны.

Наиболее значительный комплекс документов по истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны хранят региональные архивы: Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (далее – ГУ ЦГАРД), Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАР А), Республиканское государственное учреждение «Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики» (далее – РГУ ГАКЧР), Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР), Центральный государственный архив Республики Северной Осетии – Алании (далее – ЦГА РСО-А).

В 1990–2000-х гг. на базе прежних областных и республиканских партийных архивов возникли: Республиканское государственное учреждение «Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики» (далее – РГУ ЦДОДиПКЧР), Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦДНИ АС КБР), Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северной Осетии – Алании (далее – ЦГАИПДРСО – А). В Республике Адыгеи

фонды бывшего Партийного архива ААО составили специальное Хранилище документации новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгеи» (далее – ХДНИ ГУ НАР А).

В ходе боевых действий в 1994–1996 гг. погибла подавляющая часть документальных материалов архивов бывшей Чечено-Ингушской АССР. В настоящее время ведется работа по формированию архивного фонда в Чеченской Республике и Республике Ингушетии (здесь собственных архивов ранее не существовало, как не было и самого государственного образования ингушей). В обеих республиках созданы соответствующие органы управления. Архивы уже принимают исследователей. Чтобы вернуть хотя бы часть утраченных документов в ГАРФ, РГАСПИ и других архивах России, ведется выявление и копирование соответствующих материалов. Для этого в обеих республиках приняты специальные целевые программы²³⁵.

Вследствие того, что Адыгейская, Карачаевская и Черкесская автономные области входили в состав Краснодарского и Ставропольского краев, многие материалы по их истории в годы Великой Отечественной войны отложились в архивах Кубани и Ставрополя. Это Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК), Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК), Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК), Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Материалы по истории горцев Северного Кавказа в 1941–1945 гг. также хранятся в архивных отделах городских и районных администраций, а также в различных ведомственных архивах.

В связи с рассекречиванием исследователям впервые оказались доступны многие источники. Среди них

документы высших органов власти, включая постановления ГКО СССР и другие материалы, раскрывающие малоизученные аспекты истории региона в годы Великой Отечественной войны. В первой половине 1990-х гг. исследователи получили возможность работать с документами республиканских, областных, городских и районных советов и исполкомов, комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, предприятий и учреждений, включая и те, которые действовали на оккупированной территории региона в 1942-1943 гг., партизанских отрядов и соединений.

В то же время значительная часть документов по-прежнему закрыта для исследователей. Согласно Закону Российской Федерации «О государственной тайне» 1993 г. и другим нормативно-правовым актам, архивные документы могут иметь несколько уровней секретности. При этом данные акты не предусматривают автоматического рассекречивания документов даже по истечении соответствующих сроков (75, 40 и 30 лет), а возможности самих архивных учреждений в рассматриваемом вопросе нередко ограничены.

В большей степени исследователям доступны документы фондов ведущих федеральных архивов, и, напротив, более строгие ограничения действуют в ряде ведомственных и местных архивохранилищ. Практически недоступен исследователям Архив Президента Российской Федерации (далее – АПРФ). Лишь в незначительной степени введены в научный оборот документы архивов ФСБ. Существенные сложности возникают и при обращении к документам бывших партийных архивов, которые содержат немало конфиденциальной информации. В результате отдельные архивные учреждения вообще прекратили выдачу целого ряда дел военного времени. В качестве одного из наиболее распространенных способов ограничения доступа исследователей к документам в

ряде архивов применяется расширительная трактовка понятия тайны личной жизни. На этой основе остаются засекреченными документы о преступлениях, совершенных членами партии, борьбе с хищениями, перестали выдаваться списки лиц, ушедших с оккупантами.

В РГАСПИ выдаче не подлежат документы, которые содержат сведения о коллаборационистах и коллаборационистских формированиях, аморальных явлениях среди партизан (случаях дезертирства, пьянства), фактах их недоброжелательного отношения к местному населению (расстрелах, грабежах), протоколы допросов военнопленных противника. Не выдаются и документы о местах дислокации партизанских баз, а также сведения о количестве партизанских отрядов и участников партизанского движения.

В ЦАМО РФ в читальный зал не выдаются судебно-следственные дела и постановления военных советов фронтов и армий о снятии с военнослужащих судимости, отклоненный наградной материал, документы, содержащие сведения о чрезвычайных происшествиях и аморальных явлениях, нарушениях конвенций о ведении войны, стенограммы допросов военнопленных противника и другие источники. Только в декабре 2005 г. в ЦАМО РФ отменили цензурирование выписок исследователей из предоставленных им рассекреченных материалов и ограничение на вынос рабочих тетрадей с территории архива. Все эти ограничения, безусловно, сужают исследовательские возможности историков, специализирующихся на рассматриваемых проблемах. Следует отметить негативную тенденцию последних лет: повторно засекречиваются или немотивированно перестают выдаваться в читальный зал целые пласты документов, которые были доступны еще в начале 2000-х гг. К таковым относятся политдонесения,

документация военных советов фронтов и другие документы.

Необходимым условием организации работы в любом архиве является соответствующий научно-справочный аппарат в виде путеводителей, каталогов и картотек, позволяющих в огромном количестве документов найти необходимые сведения. В большинстве федеральных и региональных архивов, содержащих материалы по истории горцев Северного Кавказа в 1941-1945 гг., имеются путеводители, систематические и именные каталоги. В ряде региональных архивов ведутся специальные каталоги и картотеки. Например, в УЦГА АС КБР имеются каталоги по истории государственных учреждений, фондов личного происхождения, картотеки граждан, расстрелянных в годы Великой Отечественной войны (она включает и сведения о ста с лишним лицах, сотрудничавших с противником), репрессированных, участников войны и другие. Следует отметить, что путеводитель по архивам Кабардино-Балкарской Республики полностью размещен на сайте республиканской архивной службы. Подобная практика используется и рядом федеральных архивов, однако на региональном уровне она, к сожалению, остается пока скорее исключением, чем правилом, хотя, безусловно, позволяет экономить время и исследователей, и архивистов, выполняющих их запросы.

Создание электронных каталогов и указателей к фондам, баз данных, перевод описей в электронный формат остается главным направлением развития и совершенствования архивного научно-справочного аппарата. Внедрение автоматизированных технологий выводит на новый уровень не только предоставление пользователям информации о составе и содержании архивных документов, но и организацию работы с ними в рамках самого архива, а оцифровка и

микрофильмирование документов позволяют обеспечить их лучшую сохранность.

Однако в настоящее время далеко не все федеральные и тем более архивы субъектов Российской Федерации располагают системой электронного каталога, даже для внутреннего пользования, еще меньше сделано в сфере оцифровки документов. В ЦАМО РФ и ряде других архивов вообще отсутствуют путеводители, во многих других хранилищах, особенно региональных, их сведения в значительной степени устарели вследствие образования новых фондов, рассекречивания документов. Далеко не всегда соответствуют современным требованиям и аннотации к документам.

Существенные возможности для исследований истории горцев Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны предоставляют фонды центральных и местных музеев, содержащие, наряду с артефактами, огромное количество фотографий, постановлений, приказов, распоряжений, донесений, удостоверений, благодарностей, воспоминаний, дневников, писем и других документов как официального, так и личного происхождения. Самые крупные собрания материалов по военной теме содержат Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации и Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Москве. Но наиболее значительные собрания источников, характеризующих непосредственно историю горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, представлены в музеях региона. Специальные экспозиции и документальные фонды по истории Великой Отечественной войны традиционно существуют во всех республиканских музеях – Государственном объединенном музее Кабардино-Балкарской Республики, Дагестанском государственном объединенном историко-

архитектурном музее, Ингушском государственном музее краеведения им. Т.Х. Мальсагова, Карачаево-Черкесском государственном историко-краеведческом и природном музее-заповеднике, Национальном музее Республики Адыгеи, Северо-Осетинском государственном объединенном музее истории, архитектуры и литературы, районных и городских краеведческих музеях. Данной теме посвящен и ряд специальных музеев – Малгобекский музей боевой и трудовой славы (Ингушетия), Музей защитников Кавказа в ауле Кумыш (Карачаево-Черкесия), Музей обороны Приэльбрусья в поселке Терскол (Кабардино-Балкария), Историко-мемориальный музей защитников Суарского ущелья в Великой Отечественной войне в селении Майрамадаг, Историко-мемориальный дом-музей дважды Героя Советского Союза генерала армии И.А. Плиева во Владикавказе и мемориальный дом-музей С.Г. и ХД. Мамсуровых в селении Ольгинском (все – Северная Осетия). Постепенно идет восстановление разрушенного в период боевых действий в 1994-1995 гг. Национального музея Чеченской Республики.

Отдельные материалы по данной проблеме представлены в экспозициях и фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника и Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Трагедии репрессированных народов Северного Кавказа посвящены специальные мемориальные комплексы в Республике Ингушетии, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Чеченской Республике.

Ценность хранящихся в музеях материалов возрастает в связи с тем, что рассекречивание в них нередко происходит быстрее, чем в архивах. В то же время описания музейных фондов, как правило,

отражают порядок их комплектования, и у исследователей нередко возникают сложности с поиском необходимых документов. В данном отношении выделяется Ставропольский государственный музей-заповедник, в котором описи дел составлены по архивным образцам, что заметно облегчает работу исследователей. Создание электронных каталогов с подробным описанием и аннотированием музейных фондов позволит и в других музеях решить эти задачи.

Среди наиболее крупных документальных публикаций, отражающих различные вопросы истории горцев Северного Кавказа в годы войны, необходимо отметить серии «Русский архив», «Документы советской истории», «Россия. XX век. Документы» и другие. Представленные в этих и других публикациях разнообразные материалы позволяют раскрыть широкий круг сюжетов рассматриваемой проблемы. Публикация региональных документов в начале 1990-х гг. была затруднена прежде всего обстоятельствами материального порядка.

Основная масса документальных публикаций о войне 1990—2000-х гг. носила тематический характер. Вышли новые обобщающие документальные сборники, посвященные истории Карачаевской и Черкесской автономных областей, Кабардино-Балкарской АССР в годы Великой Отечественной войны²³⁶. По результатам работы специальной комиссии, созданной Президиумом Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики, вышел сборник, содержащий документы из фондов центральных и местных архивов, а также воспоминания очевидцев, рассказывающие об уничтожении мирных жителей Черекского ущелья в конце 1942 г.²³⁷

В Ставрополе изданы специальные сборники документов о битве за Кавказ и периоде немецкой оккупации, в которых представлен ряд документов об истории северокавказских автономий в 1942–1943 гг.²³⁸

Документальные сборники, материалы которых характеризуют различные вопросы истории Адыгейской автономной области в период Великой Отечественной войны, вышли в Краснодаре²³⁹. История северокавказских автономий в 1941–1945 гг. находит отражение и в других публикациях²⁴⁰.

Наиболее значительное количество документальных публикаций, вышедших в 1990—2000-х гг., посвящено депортациям народов региона. Первые документы по данному вопросу появились в журналах²⁴¹ и научно-популярных сборниках²⁴². При этом они не всегда соответствовали существующим правилам публикаций: нередко отсутствовали необходимые комментарии, сведения о происхождении и месте хранения документов. К тому же редакторы-составители различных сборников и изданий порой дублировали одни и те же документы, что отчасти объясняется значительным спросом на сведения по данной проблеме. Затем были изданы специальные сборники документов, создающие хорошие возможности для изучения как депортаций в целом²⁴³, так и судеб отдельных репрессированных народов – карачаевцев²⁴⁴ и балкарцев²⁴⁵, чеченцев и ингушей²⁴⁶. Материалы, отражающие обстоятельства жизни и труда высланных народов на спецпоселении, содержит один из томов многотомного издания по истории ГУЛАГа²⁴⁷. Крайне немногочисленны документальные публикации, рассказывающие о возвращении репрессированных народов²⁴⁸. Напротив, процессам реабилитации посвящено сразу несколько крупных изданий²⁴⁹. Особенно значительную роль во введении в научный оборот целого комплекса новых источников, включая документы высших органов государственной власти СССР, материалы «особых папок», имевших высшую степень секретности, сыграл Н.Ф. Бугай²⁵⁰. Указанные

публикации позволяют раскрыть само проведение депортаций, их масштаб и последствия, а также обустройство спецпереселенцев на новых местах.

Особым документальным изданием стали Книги Памяти, позволяющие установить общее количество и имена не вернувшихся с войны жителей автономий Северного Кавказа²⁵¹. Списки погибших, к числу которых относили и пропавших без вести, умерших от ран и болезней, составлялись на основе изучения документов и материалов военкоматов, архивов и музеев, отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, советов ветеранов войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. В результате было установлено, например, что с войны не вернулось 30 543 чел. в Адыгее²⁵², 21 570 чел. в Карачаево-Черкесии²⁵³.

Однако установить точную судьбу многих участников войны оказалось невозможно к моменту издания Книг Памяти, прежде всего из-за отсутствия полной и исчерпывающей информации. Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и опiski. Наиболее сложно установить имена тех, кто оказался похоронен за пределами России, а также находился в немецком плену. Поэтому составители одной из Книг Памяти справедливо отмечали необходимость продолжения работы над поименными списками погибших: «Это благородное дело нельзя считать законченным, так как половина не вернувшихся с полей земляков до сих пор считается пропавшими без вести»²⁵⁴. Только благодаря инициативе отдельных энтузиастов, привлечению данных родных и близких участников войны удалось добиться более или менее точных данных, опубликовать дополнительные списки погибших и пропавших без вести, внести соответствующие уточнения и изменения.

Помимо подготовки списков имен советских граждан, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, в России и других постсоветских государствах в 1990-х гг. издавались Книги Памяти жертв политических репрессий. В частности, были опубликованы списки 45 797 спецпереселенцев-балкарцев, а также выселенных вместе с ними представителей других национальностей (всего 11481 семья)²⁵⁵. Посемейные справки включали место жительства, фамилию, имя, отчество, указания на родство с главой семьи, национальность, год рождения, местонахождение на момент выселения, состояние на момент реабилитации.

Особые сложности возникли с изданием Книг Памяти в Ингушетии и Чечне, так как еще в годы выселения в Среднюю Азию многие документы, включая данные сельсоветов и военкоматов, были потеряны или уничтожены, а в 1994-1995 гг. погибла значительная часть документального фонда архивов бывшей Чечено-Ингушской АССР. В результате при публикации списков погибших и призванных граждан в Книге Памяти Ингушетии отсутствие необходимых источников не позволило указать места их призыва и службы, воинские звания и награды, а во многих случаях даты рождения и смерти. Общее количество жителей Чечено-Ингушской АССР, ушедших на фронты Великой Отечественной войны, в данной работе определено в 17 413 чел., выселенных из республики и умерших на спецпоселениях в Казахстане и Узбекистане в 1944-1948 гг. – в 144 704 чел.²⁵⁶ Между тем в докладе Л.П. Бери И.В. Сталину в 1944 г. говорилось о выселении всего 91 250 ингушей²⁵⁷.

В 2010 г. издан первый том Книги Памяти Чеченской Республики. В него вошли данные о 25 тыс. жителей Чечено-Ингушской АССР, участвовавших в Великой Отечественной войне, в том числе о 12 тыс. чеченцев и

ингушей. В этой работе указаны данные не только погибших, но и всех участников Великой Отечественной войны, приведены сведения о призывниках и добровольцах разных национальностей из бывшей Чечено-Ингушской АССР, а также чеченцах, которые ушли на фронт из других регионов СССР.

Следует особенно отметить создание Обобщенного компьютерного банка данных Министерством обороны Российской Федерации (далее – ОБД Мемориал), содержащего информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период. К настоящему времени в ОБД Мемориал введено 13,2 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях периода Великой Отечественной войны из 35 980 архивных дел ЦАМО РФ, ЦВМА МО РФ, РГВА, ГАРФ, региональных архивов, а также 31 660 паспортов воинских захоронений в Российской Федерации и за ее пределами, хранящихся в Военно-мемориальном центре Вооруженных сил Российской Федерации. Основной массив документов – донесения о безвозвратных потерях, а также «похоронки», документы госпиталей и медсанбатов, трофейные карточки советских военнопленных и т. д.²⁵⁸

В последние десятилетия опубликованы новые воспоминания участников войны²⁵⁹, других ее очевидцев²⁶⁰, предлагающие более разнообразные и свободные оценки событий военных лет. Впервые на русском языке изданы мемуары солдат противника – участников битвы за Кавказ²⁶¹. Они позволяют «увидеть» картину событий истории горцев Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны глазами непосредственных участников и очевидцев.

Необходимо отметить и появление ряда специализированных интернет-сайтов и информационных порталов: «Военная литература»,

«Великая война», «Солдат, ги», «Победа. ги», «История мировых войн» и других²⁶². Наряду с исследованиями на них нередко размещаются комплексы документов, фотографий, карт и других материалов, рассказывающих об истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Однако перенос архивного документа в новую, «виртуальную», информационную среду сопровождается изменением форм работы с ним и порождает новые вопросы, например о степени достоверности электронных копий. По мнению специалистов, научный электронный архив должен иметь официальный статус и гарантировать достоверность своих электронных копий, иначе его массивы могут быть использованы только в ознакомительных целях. В случае же предоставления электронному архиву права официальной публикации документов процесс электронного копирования документа и его научное описание могут стать новым и весьма перспективным направлением публикаторской деятельности²⁶³.

2

Источники официального происхождения, их виды и возможности

В соответствии со сложившейся традицией исторические источники обычно разделяются на две большие группы: официального и личного происхождения. В свою очередь, официальные документы по истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны можно разделить на несколько больших комплексов в соответствии с их происхождением и содержанием. Первый и самый крупный из них составляют советские источники официального происхождения, включающие гражданскую и военную документацию. Самый значительный массив данных по рассматриваемой проблеме содержит официальная советская гражданская документация, среди которой выделяют законодательные источники, директивную и делопроизводственную документацию государственных, партийных и советских органов, судебно-следственные материалы, документы общественных организаций, статистические источники.

Законодательные источники представлены законами СССР и РСФСР, указами и постановлениями Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР. Основная часть законодательных актов была опубликована непосредственно после их принятия, полные тексты других документов, например указов Президиума Верховного Совета СССР о принудительном выселении народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, опубликованы в последние годы.

Не публиковались подготовительные материалы, использование которых позволяет реконструировать сам процесс разработки и принятия данных законодательных актов.

Особенностью советского строя являлось то, что партийные директивы лежали в основе всей деятельности государства, комсомола и других общественных организаций, а решения высших и центральных органов служили базой для разработки нормативно-правовых актов на местах. Поэтому официальные советские документы разделяют на документацию директивно-политического и директивно-исполнительного характера высшего уровня, а также документацию, связанную с непосредственной организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня. Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период действовало немало чрезвычайных органов власти, не всегда соответствовала правовым нормам и практика работы конституционных органов. В результате принятые решения не часто облекались в форму соответствующих нормативно-правовых актов, что создает определенные сложности для исследователей.

В подклассе документации директивно-политического характера высшего уровня выделяются, во-первых, указания и поручения И.В. Сталина на поступившие к нему документы; во-вторых, постановления Политбюро ВКП(б); в-третьих, протоколы заседаний Политбюро, Секретариата, совещаний членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б) и материалы к ним, записи бесед членов Политбюро и секретарей ЦК. Значительное количество указанных документов, определявших выработку официального советского курса, содержится в фонде ЦК ВКП(б) в РГАСПИ. Однако по доступным в настоящее время исследователям кратким записям постановлений заседаний Политбюро

ЦК ВКП(б) невозможно выяснить мнение того или иного партийного руководителя по принимаемому вопросу. Основная масса материалов – подготовленные документы к постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) – находится в закрытом для исследователей АП РФ, малодоступны для историков и стенограммы их заседаний.

Впрочем, даже расширение доступа исследователей ко всему комплексу документов, хранящихся в архивах, не решит всех проблем. Современные исследователи указывают на то, что «наиболее существенные с научной точки зрения документы, способные в какой-то мере раскрыть «кремлевские тайны», давно уничтожены»²⁶⁴. Например, когда материалы архивов И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других советских лидеров поступили в РГАСПИ из АП РФ, выяснилось, что они не содержат принципиально новой информации о деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). И.В. Сталин лично комплектовал свой архив и сам решал, какие документы оставить, а какие уничтожить²⁶⁵. Другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) также самостоятельно решали, какие свои письма хранить в партийном архиве, а какие оставить у себя.

Самую значительную часть документов директивно-исполнительного характера высшего уровня составляют постановления и распоряжения СНК СССР и СНК РСФСР, бюро СНК РСФСР, союзных и республиканских наркоматов и других ведомств. К этой же группе относятся принятые в годы войны постановления ГКО СССР, которые фактически имели силу законов, приказы и распоряжения Центрального штаба партизанского движения (далее – ЦШПД). Законодательная и директивная документация высшего уровня позволяет представить основные направления советской политики на Северном Кавказе в годы войны. Помимо официальных документов общего характера,

определявших развитие автономий Северного Кавказа, высшие и центральные партийные и советские органы приняли немало нормативно-правовых актов, посвященных непосредственно событиям в данном регионе.

Особый интерес представляют материалы «особых папок» И.В. Сталина, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева. Это документы оперативного делопроизводства Секретариата НКВД СССР, имеющие гриф «секретно» и «совершенно секретно». «Особые папки» формировались на базе материалов переписки высших советских руководителей с руководством НКГБ (МГБ), НКВД (МВД), других наркоматов (министерств) СССР, Прокуратурой СССР и другими ведомствами. Помимо прочей информации, они содержат планы осуществления принудительного переселения разных народов, докладные записки и другие документы о ходе данных операций. В донесениях, подготовленных республиканскими и областными партийными и советскими органами власти, а также спецкомендатурами в местах ссылки, приводились данные о высказывавшихся гражданами мнениях и оценках советской политики военного времени. Несомненную ценность имеют и материалы, отражающие использование труда спецпереселенцев в реализации народнохозяйственных планов. Данные материалы позволяют охарактеризовать сущность проводимой политики насильственных переселений и ее последствия для горцев Северного Кавказа, деятельность различных органов власти и ее оценку населением.

Основной массив документации, связанной с организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня на Северном Кавказе, сосредоточен в архивах региона. По степени значимости выделяются, во-первых, директивные документы

региональных партийных органов – постановления пленумов и бюро обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б), так как именно они играли ключевую роль в системе органов власти и управления республик и областей Северного Кавказа. Не обладая формально высшей юридической силой, они фактически определяли порядок и направления деятельности других региональных органов власти и управления, отдельных предприятий и учреждений.

Во-вторых, это постановления городских комитетов обороны Майкопа, Орджоникидзе, Кизляра, приказы и распоряжения Южного, Краснодарского, Ставропольского штабов партизанского движения, созданных в период нацистской оккупации региона. В-третьих, материалы сессий местных Советов, постановления, решения и распоряжения краевых, областных, окружных, городских, районных и волостных исполкомов, поселковых и сельских Советов, протоколы общих собраний граждан населенных пунктов. Как и в центре, многие решения руководства республик и областей Северного Кавказа оформлялись совместными постановлениями партийных и советских органов и откладывались соответственно и в партийных, и в советских фондах.

Директивные документы партийных и советских органов региона характеризуют основные направления в их деятельности, условия жизни населения региона в рассматриваемый период времени. В мотивировочной части они нередко содержали оценку обстановки, в постановляющей – определяли задачи развития региона. Однако информация, содержащаяся в директивной документации, не раскрывает самих процессов принятия и выполнения решений, их результатов, реакции общества на деятельность власти.

В данной связи определенные возможности для исследователей представляет делопроизводственная

документация, которую по ее характеру подразделяют на несколько основных групп. Во-первых, это документы, характеризующие задачи, компетенцию, порядок деятельности различных учреждений и организаций (к ним относятся различного рода нормативные акты, уставы и инструкции). Во-вторых, документация, освещающая процесс выработки, обсуждения и принятия решений по основным направлениям деятельности органов и учреждений (планы работы, проекты постановлений, протоколы и стенограммы). В-третьих, документы, раскрывающие ход исполнения принятых решений (докладные записки, справки, информации). В-четвертых, документация, посвященная итогам деятельности учреждения или органа за определенный временной промежуток (отчеты, справки).

Кроме того, по уровню принадлежности выделяются делопроизводственные документы высших, центральных, региональных и местных органов власти и управления. К делопроизводственной документации высших и центральных органов власти относятся протоколы заседаний, подготовительные и перспективные материалы СНК, Госплана, наркоматов и других ведомств СССР и РСФСР.

Значительным информативным потенциалом обладает делопроизводственная документация региональных и местных органов власти и управления, немалая часть которой еще не введена в научный оборот. В содержательном отношении в качестве особой группы данных документов выделяются протоколы заседаний пленумов и партийных бюро, партийного актива обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б). Как исторический источник данную группу отличает широкий, систематизированный характер содержащейся информации, сравнительно высокая степень архивной обработки (снабжены

соответствующими указателями) и хорошая сохранность значительной части материалов (машинописный текст). Многие документы введены в научный оборот, часть опубликована в основном в извлечениях, так как в них содержатся и сведения личного характера, критика отдельных коммунистов и учреждений, информация о решении текущих вопросов, считавшаяся «несущественной» для историков.

Другую группу документов составляет деловая переписка. Прежде всего это переписка региональных органов власти с ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦИК, президиумами верховных советов и СНК СССР и РСФСР, наркоматами, другими высшими и центральными государственными и партийными органами. Телеграммы, отчеты, докладные записки и другие документы позволяют выяснить взаимоотношения различных органов власти, их степень ответственности в принятии тех или иных решений, характеризуют выполнение партийно-правительственных директив на Северном Кавказе.

Стенограммы и протоколы совещаний, докладные записки и информации военных отделов партийных органов, их переписка с командованием Северо-Кавказского военного округа характеризуют проведение мобилизации, состояние оборонной работы, всеобуча, выполнение военных заданий промышленностью, а также формирование добровольческих частей, истребительных батальонов, сбор теплых вещей и другие патриотические инициативы населения региона в 1941–1945 гг.

Особый комплекс документов составляют и материалы о развитии сопротивления оккупантам в период Великой Отечественной войны, которые можно разделить на несколько групп. Во-первых, это нормативно-распорядительные источники, регулирующие процессы создания партизанских отрядов

и соединений, организацию их внутренней жизни, участие в боевых действиях, развертывание подпольной сети. Однако исследователи справедливо указывали, что предписанные ими действия не всегда в реальности осуществлялись²⁶⁶.

Во-вторых, разнообразные по форме и тематике оперативные источники: акты о боевых действиях, в которых указывался состав и обязанности участников, служебные дневники, оперативные и разведывательные сводки, справки, составленные на основе боевых донесений и содержащие сведения обобщающего характера о действиях отрядов и соединений за определенный промежуток времени. В большинстве своем они имели информационное значение, адресовались для осведомления выше-и нижестоящих инстанций. В отличие от них докладные записки, справки и донесения о морально-политическом состоянии и материальной обеспеченности отрядов и соединений, протоколы партийных собраний, раскрывающие внутреннюю жизнь отрядов и соединений, имели пропагандистский характер.

В-третьих, итоговые отчеты партизанских отрядов и соединений. Исследователи отмечали, что источники данного вида различаются по степени обобщений и по отдаленности от описываемых событий. Кроме того, отношение авторов «в какой-то степени определялось сознанием того, что он послужит истории или военной науке»²⁶⁷. Пристальное внимание уделялось составлению итоговых отчетов и со стороны партийных руководителей, которые нередко стремились в них отметить свои заслуги. Поскольку работа над итоговым отчетом о деятельности партизан Ставропольского края была завершена уже после депортации карачаевского народа, в нем не было «даже упоминания о деятельности партизан – карачаевцев». По словам современных историков, «уже ввиду этого он не может

быть для исследователей объективным источником»²⁶⁸. Впрочем, и степень достоверности оперативной документации партизанских отрядов и соединений лишь относительна, особенно в области учета вражеских потерь, которые участники боев нередко преувеличивали.

Существенное место среди источников истории рассматриваемой проблемы занимают судебно-следственные материалы. Состояние преступности и ее формы, основные направления деятельности правоохранительных органов на Северном Кавказе раскрывают документы ряда фондов центральных и региональных архивов. Общий надзор за соблюдением законности в регионе характеризуют документы фондов верховных судов и Прокуратуры СССР и РСФСР в ГАРФ. Фонды республиканских и областных судов в региональных архивах содержат приказы их председателей, постановления и протоколы заседаний президиумов, квартальные статистические отчеты о работе судов. В них имеются приговоры городских и районных судов, копии приговоров и решений судебных коллегий, копии представлений в Верховный суд РСФСР и его определений, другие материалы.

В фондах Прокуратуры СССР, республиканских и областных органов прокуратуры хранятся справки о кассационной практике, состоянии надзора за рассмотрением уголовных и гражданских дел в судах, представления в партийные, советские и профсоюзные органы, докладные записки и обзоры о состоянии следственной работы в регионе. В них содержатся документы комплексных проверок, годовые статистические отчеты городских и районных прокуратур, квартальные отчеты управлений внутренних дел о количестве зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также документы о

проверке тюрем, надзоре за местами лишения свободы и другие материалы.

Определенный материал по рассматриваемой теме содержат фонды управлений ФСБ и МВД, республиканских министерств внутренних дел в соответствующих ведомственных архивах, а также музеев ФСБ. Среди них, в частности, обвинительные заключения по следственным делам коллаборационистов, выявленных КГБ после войны. Значительная часть данных документов сохраняет секретный характер, лишь часть впервые вводится в научный оборот в работах последних лет. Стали доступны исследователям и фильтрационные дела, переданные в РГУ ГАКЧР из КГБ²⁶⁹.

Сущность немецкой оккупации раскрывают материалы специальных судебно-следственных органов. Прежде всего это документы Международного военного трибунала для главных немецких преступников (Нюрнбергского процесса) в ГАРФ. В большинстве своем они представляют собой копии, а подлинники хранятся в Гааге. Лишь часть данных материалов опубликована²⁷⁰. Немало документов советского обвинения и защиты, включая и материалы, не представленные на процессе, характеризуют планы Германии в отношении Северного Кавказа, попытки их реализации.

В фонде ЧГКв ГАРФ и фондах краевых, республиканских и местных комиссий по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, в архивах субъектов Российской Федерации хранятся материалы, свидетельствующие об ущербе, нанесенном автономиям Северного Кавказа в период немецкой оккупации. Это акты о злодеяниях и материальном ущербе, нанесенном предприятиям, колхозам, организациям и отдельным гражданам, сводные ведомости и обобщенные реестры ущерба, акты

судебно-медицинских экспертиз, списки замученных граждан, списки и опросные листы граждан, угнанных на работу в Германию, и лиц, сотрудничавших с оккупантами, протоколы допросов немецких военнопленных.

Эти документы характеризуют результаты и характер оккупационной политики, террор и грабежи захватчиков, социальный состав коллаборационистов, положение «восточных рабочих». Собранный материал создает достаточно полную картину об огромном ущербе, нанесенном немецкой оккупацией. Данные об ущербе подсчитывались по отдельным населенным пунктам, районам, городам, областям, краям, а также по отраслям народного хозяйства. При этом наряду с прямым ущербом данные показатели включали и потери, понесенные регионом в результате эвакуации, бомбардировок, боевых действий и других разрушений.

Статистические данные небезосновательно относятся к сложным и противоречивым видам исторических источников. В рассматриваемый период в СССР существовала государственная статистика, сбором, обработкой и публикацией данных занималось Центральное статистическое управление Госплана СССР, на местах – региональные статистические управления. Советская статистика стремилась учесть самые различные показатели развития советского общества, используя разнообразные способы статистического учета, различные виды отчетности. Основными направлениями статистического учета являлись статистика промышленности, транспорта, сельского хозяйства, народонаселения и другие. Но современные исследователи обращают внимание на то, что данные советской статистики нередко искажались. Так, В.Б. Жиромская указала на фальсификацию официальных итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г. По официальным данным, в Адыгейской автономной

области проживало 241 799 чел., фактически – 237 711 чел. В Карачаевской автономной области соответственно 150 303 чел. и 147 513 чел., в Черкесской автономной области 92 898 чел. и 91 263 чел.²⁷¹ Эти подсчеты необходимо учитывать при анализе тенденций демографического развития региона в годы войны и его итогов. Значительно различаются при разных системах подсчета и данные о количестве советских граждан, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Публикация статистических данных о развитии автономий Северного Кавказа в 1941–1945 гг. носила выборочный характер и не избежала идеологического воздействия²⁷². Так, юбилейный сборник, посвященный развитию адыгейской партийной организации, дает возможность проследить изменения в ее численности и составе в годы Великой Отечественной войны. При этом в комментариях к статистическим показателям любые изменения в ее составе характеризовались как вполне закономерные и оправданные явления, чему порой противоречили сами опубликованные данные. В частности, утверждение авторов о том, что после освобождения Адыгеи от оккупации численность коммунистов области неуклонно росла, опровергаются цифрами, согласно которым в 1943 г. численность партийной организации сократилась²⁷³. Другие партийные документы свидетельствуют о том, что сокращение происходило не только в связи с гибелью коммунистов в боях с захватчиками, но и в результате их исключения за пребывание на оккупированной территории.

Военную документацию как исторический источник отличают особенности, связанные как с ее характером, так и с возможностями использования. В комплексе документации военного характера, посвященной проблемам истории горцев Северного Кавказа в годы

Великой Отечественной войны, можно выделить несколько основных групп источников. Особенно важны документы советских военных органов управления: приказы и постановления командующих и военных советов Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, Северной и Черноморской группы войск, отдельных армий. К данной группе можно отнести военно-оперативную документацию и другие материалы оперативных отделов, политуправлений, разведывательных, тыловых, формирующих и других органов, посвященные общей обстановке и боевым действиям на территории региона, развитию на Северном Кавказе партизанского движения и другим вопросам. Основная масса данных материалов находится в фондах ЦАМО РФ. Этот архив является главным хранилищем документов по истории участия горцев Северного Кавказа в вооруженной борьбе на фронтах Великой Отечественной войны, а также проблемам военно-учетной и военно-мобилизационной работы в автономных республиках и областях региона. Материалы по теме достаточно многочисленны, но разрозненны, рассредоточены в целом ряде крупных архивных фондов: Северо-Кавказского и Закавказского военных округов (в течение всей войны военкомат Дагестанской АССР подчинялся Закавказскому округу (фронту); Северо-Кавказского фронта I и II формирований; Закавказского фронта I и II формирований; Кавказского фронта; Крымского фронта и еще десятков фондов армий, корпусов, в которых проходили службу контингенты горцев. Отдельно следует подчеркнуть значение органов комплектования и формирования войск, позволяющих статистически осмыслить участие горцев в Великой Отечественной войне. До сих пор этому массиву документов уделялось недостаточное внимание, а численность горских

контингентов в войсках оценивалась нередко «на глазок».

Особый ряд документов составляют материалы фондов управления внутренних войск НКВД, управления войск НКВД по охране тыла Черноморской группы войск Закавказского фронта, затем Северо-Кавказского фронта и управления внутренними войсками НКВД Северо-Кавказского округа, хранящиеся в РГВА²⁷⁴. Они содержат информацию об оперативной обстановке на Северном Кавказе в годы войны, развитии бандитизма в регионе и борьбе с ним, а также о действиях войск НКВД по наведению порядка в прифронтовой полосе, пресечении антисоветских выступлений, борьбе с дезертирством, мародерством и другими негативными явлениями. Кроме того, РГВА – главное хранилище документов по истории РККА с 1918 г. до начала Великой Отечественной войны. Обращение к его фондам позволяет оценить довоенный опыт привлечения горских контингентов к военной службе.

Особенно следует выделить документы 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, 40-го гвардейского Кубанского кавалерийского казачьего полка и других воинских частей и соединений, созданных на территории автономий Северного Кавказа. Они представляют собой приказы по боевой подготовке, ведению боевых действий, организационным вопросам, а также деловую переписку, доклады, оперативные сводки, боевые донесения, раскрывающие процесс создания данных формирований и их участие в боевых действиях. Особую разновидность документов указанной группы составляют исторические формуляры, журналы боевых действий, справки, представляющие собой различные формы итоговых отчетов о боевом пути данных частей. Наиболее полный комплекс указанных материалов хранится в соответствующих фондах ЦАМО

РФ, отдельные документы – в фондах местных архивов и музеев.

Следует отметить также документы политических органов, партийных и комсомольских организаций, а также наградные документы, реляции, в которых изложены боевые подвиги, заслуги лиц, представленных к наградам, наконец, списки безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава в фондах политуправлений частей и соединений в ЦАМО РФ. Частично они также находятся в фондах местных архивов и музеев. Данные источники характеризуют работу по формированию морально-политического духа советских солдат, их чувства и настроения.

Массив документации Третьего рейха и учреждений, созданных оккупантами на захваченной территории Северного Кавказа, в количественном отношении уступает комплексу официальных советских документов по данной теме, что, впрочем, не снижает его значимости. По происхождению и характеру данные источники целесообразно разделить на две большие группы. Первую из них составляют директивные и делопроизводственные документы органов власти Третьего рейха: приказы и инструкции германского гражданского и военного руководства, стенограммы заседаний штаба «Ост» и другие материалы, характеризующие общие принципы оккупационной политики на советских территориях, а также проекты административно-территориальных, экономических и политических преобразований германского руководства на Северном Кавказе.

Основная часть данных документов хранится в фондах центральных архивов, в том числе в фонде Нюрнбергского судебного процесса в ГАРФ. Многие опубликованы и широко используются исследователями, другие лишь частично введены в научный оборот. К последним относятся материалы «Коричневой папки»

Розенберга. Подготовленные в канцелярии рейхсминистра по делам восточных оккупированных областей в 1942 г., они обосновывали необходимость изменений германской политики на Кавказе. Отдельные документы органов власти Третьего рейха встречаются и в других архивных фондах.

Вторую группу составляет нормативно-распорядительная и иная делопроизводственная документация оккупационной администрации, действовавшей на захваченной территории Северного Кавказа в 1942-1943 гг. Наиболее полно данные документы представлены в фондах городских и районных управ, отдельных предприятий и учреждений, специальных документальных коллекциях в архивах субъектов Российской Федерации, отдельные материалы содержатся в фондах и экспозициях региональных музеев. Это указания и инструкции германского командования, воззвания к жителям Северного Кавказа, приказы, объявления, распоряжения немецких комендантов и бургомистров, деловая переписка, списки сотрудников гражданской администрации и полиции, заявления граждан и другие материалы. Значительную часть указанных фондов составляют административно-хозяйственные и бухгалтерские документы, традиционно считавшиеся малоинформативными для историков: преysкуранты цен, акты, ведомости о поставках вермахту продуктов, по учету трудодней, выдаче продуктов и заработной платы, об изъятии скота и птицы у жителей, уплате штрафов, гибели скота и посевов, приходно-расходные документы, кассовые книги, корешки квитанций, ордера. Однако и их использование позволяет получить определенное представление о жизни населения, взаимодействии отдельных органов власти и управления на оккупированной территории Северного Кавказа.

Таким образом, комплекс официальных документов традиционно представляет собой основу источниковой базы для изучения истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Содержащиеся в федеральных, субъектов Российской Федерации, муниципальных и ведомственных архивах и музеях документы достаточно разнообразны в видовом и тематическом отношении, что позволяет раскрыть различные аспекты рассматриваемой темы. При этом наиболее значительная часть документов отражает события, происходившие в 1943–1945 гг., после освобождения региона от немецкой оккупации. Многие документы, характеризующие события начального периода войны и немецкой оккупации, погибли или были уничтожены. Тем не менее имеющиеся в архивных и музейных фондах документы предоставляют достаточные возможности для характеристики различных событий на Северном Кавказе на протяжении всей Великой Отечественной войны, при условии их более полного вовлечения в научный оборот, а также соответствующего источниковедческого анализа.

3

Другие виды исторических источников и перспективы их использования в исторических исследованиях

В качестве отдельных, наиболее значимых видов источников по истории горцев Северного Кавказа военного времени выделяются материалы периодической печати, листовки, а также различные источники личного происхождения. Данным видам источников историки не всегда уделяли должное внимание. Между тем каждый из них содержит по-своему уникальную историческую информацию, не нашедшую отражения в других источниках и способствующую освещению различных аспектов рассматриваемой проблемы.

Периодическую печать как вид исторических источников отличает оперативность реагирования на общественно значимые события, ярко выраженный идеологический, агитационно-пропагандистский характер. Она содержит разнообразную по форме и содержанию информацию: официальные документы, беллетристику, письма, статьи, очерки, обзоры печати, фельетоны. Наряду с этим здесь публикуется хроника событий, отчеты, репортажи, интервью, объявления. Подобная многоплановость затрудняет классификацию представленной в периодических изданиях информации.

Все периодические издания военного времени можно разделить на две большие группы. Первую, наиболее крупную, составляют советские периодические издания. В свою очередь, среди них можно выделить несколько наиболее значительных групп. Прежде всего это

центральные партийные, советские, общественные, ведомственные газеты, освещавшие различные события на Северном Кавказе во время Великой Отечественной войны: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и другие печатные издания. Наиболее часто они публиковали материалы о регионе в период его освобождения от немецкой оккупации и восстановления народного хозяйства, а также в связи с различными патриотическими инициативами жителей республик и областей Северного Кавказа.

Наиболее полную и систематизированную информацию о развитии автономий Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны содержат республиканские и областные газеты. Это печатные органы Адыгейского, Дагестанского, Кабардино-Балкарского, Карачаевского, Северо-Осетинского, Черкесского и Чечено-Ингушского обкомов ВКП(б), верховных и областных Советов – «Адыгейская правда», «Дагестанская правда», «Красный Карачай», «Социалистическая Осетия», «Кабардино-Балкарская правда», «Красная Черкесия» и «Грозненский рабочий». Почти все они выходили в течение всей войны, с перерывами во время немецкой оккупации. После выселения карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев и ликвидации их автономных образований часть указанных периодических изданий изменила свой статус и наименования. Выпуск «Красного Карачая» в октябре 1943 г. вообще прекратился, вместо него с 6 января 1944 г. стала выходить газета «Гантиади» в качестве печатного органа Клухорского райкома партии и оргкомитета Президиума Верховного Совета Грузинской ССР по Клухорскому району. «Грозненский рабочий» продолжал выходить, но уже в качестве органа Грозненского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся, а «Кабардино-Балкарская правда» в 1944 г. была переименована в «Кабардинскую

правду» – орган Кабардинского обкома ВКП(б) и Верховного Совета Кабардинской АССР.

Различные сведения о событиях в регионе во время войны содержали газеты Краснодарского и Ставропольского крайкомов ВКП(б) и краевых Советов депутатов трудящихся «Большевик» (с 1943 г. – «Советская Кубань») и «Орджоникидзевская правда» (с 1943 г. – «Ставропольская правда»), а также городских и районных комитетов партии и исполкомов автономий Северного Кавказа. Помимо официальной информации, сообщений ТАСС, а также перепечатки материалов центральных изданий, региональные газеты публиковали сведения, характеризующие различные направления советской политики на Северном Кавказе, участие горцев в Великой Отечественной войне.

В период немецкой оккупации выпуск ряда газет прекратился, другие стали органами партизанских отрядов и соединений. Материалы, опубликованные в газетах Северного Кавказа непосредственно во время оккупации, раскрывали жестокость захватчиков, народное сопротивление противнику, сообщали об успехах советских войск на фронте. К событиям оккупации газеты региона продолжали обращаться и после освобождения его территории от захватчиков. В период оккупации, вместо имен и фамилий авторов и персонажей газетных материалов, обычно указывались их псевдонимы или инициалы, за исключением погибших партизан или руководителей региона. Наиболее полные комплекты центральных и местных советских газет военных лет содержатся в Российской государственной библиотеке, а также в региональных библиотеках, архивах и музеях. Отдельные экземпляры встречаются в личных фондах участников войны, других архивных и музейных фондах и экспозициях.

Отдельной группой данного вида источников являются газеты воинских формирований, созданных из

жителей Северного Кавказа, и воинских частей, в составе которых они воевали. Это печатные органы Северо-Кавказского и Закавказского фронтов – «Вперед за Родину!» и «Боец РККА» и другие газеты. Они содержат немало информации о боевом пути данных воинских формирований, политической работе в них, подвигах солдат и командиров – жителей Северного Кавказа.

Значительное количество сведений о событиях, происходивших на захваченной территории Северного Кавказа, содержат газеты, издававшиеся оккупационными властями для местных жителей – «Майкопская жизнь» (Майкоп), «Новая жизнь» (Черкесск), «Свободный Карачай» (Микоян-Шахар) и др. Наряду с официальной информацией немецкого командования и местных властей оккупационная пресса перепечатывала материалы германской печати, публиковала материалы, прославлявшие жизнь в Третьем рейхе, успехи вермахта на фронте, «новый порядок» на захваченных территориях Северного Кавказа, призывала жителей к сотрудничеству с оккупационной администрацией. Особое внимание уделялось критике советских порядков, разоблачению ужасов коллективизации, голоду и массовым репрессиям, другим негативным явлениям советской жизни. Нередко публиковались материалы антисемитского характера, в то же время газеты подчеркивали поддержку, оказывавшуюся Германией горцам и казакам.

Отдельный вид источников по истории горцев Северного Кавказа во время войны представляют листовки. В настоящее время в распоряжении исследователей находится сравнительно небольшой по объему, но достаточно разнообразный комплекс листовок, имеющих отношение к рассматриваемой теме, включающий, во-первых, советские листовки, во-вторых,

листовки немецкого командования и оккупационной администрации.

Значительная часть советских листовок содержала различные призывы, лозунги, обращения к трудящимся, молодежи, женщинам, бывшим партизанам и красногвардейцам, другим слоям и категориям населения. В специальных листовках руководители региона обращались к бойцам, командирам и политработникам частей, сформированных в автономиях Северного Кавказа, передавали им горячие приветствия от трудящихся краев и областей. Отдельные листовки выпускались в помощь агитаторам, для пропагандистского обеспечения тех или иных кампаний – например, во время весеннего сева или уборки урожая.

Особую группу составляют советские листовки, выпущенные в период немецкой оккупации Северного Кавказа. Большинство из них были обращены к населению захваченных районов, излагали сводки Совинформбюро, опровергали сообщения немецкой пропаганды о взятии войсками вермахта советских городов, рассказывали о зверствах оккупантов, разоблачали их мероприятия, например угон жителей на работу в Германию, призывали население участвовать в борьбе против захватчиков, вступать в партизанские отряды, уничтожать живую силу и технику врага. В форме листовок также распространялись клятвы и памятки партизан.

Самостоятельный комплекс составляют листовки, выпускавшиеся и легально распространявшиеся немецким командованием и оккупационной администрацией на захваченной территории Северного Кавказа. С первых дней оккупации печатались приказы, постановления и другие нормативно-распорядительные документы немецких комендантов и бургомистров, определяющие правила поведения местного населения и полномочия самих местных руководителей. Например,

в фондах разных архивов региона обнаружены полностью или почти идентичные по содержанию тексты наставлений бургомистру и старосте, положения о «новом порядке землепользования» и другие материалы, отражающие деятельность оккупационной администрации на Северном Кавказе. Широко публиковались сообщения Верховного командования вермахта о событиях на фронте. Специальные обращения и воззвания выпускались в адрес гражданского населения региона и его отдельных слоев, горцев и казаков, евреев. Отдельные листовки выпускались и для партизан, в которых оккупанты предлагали им сдаться в плен в обмен на жизнь и материальную награду, в ином случае угрожали смертью.

Значительное место в комплексе источников по истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны занимают различные источники личного происхождения: письма, воспоминания, дневники, а также устные рассказы участников и очевидцев событий военных лет.

В настоящее время основными местами хранения источников личного происхождения по истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны являются специальные коллекции и личные фонды архивов и музеев, которые продолжают пополняться данными материалами, а также частные и семейные коллекции и фонды. Эти источники представлены и в фондах федеральных архивов и музеев. Например, крупная коллекция фронтовых писем имеется в Хранилище документов молодежных организаций РГАСПИ. В ее основе лежат письма, собранные в результате специальной акции, предпринятой в 1980 г. ЦК ВЛКСМ совместно с журналом «Юность», а также переданные журналом «Огонек» и поступившие непосредственно от бывших фронтовиков²⁷⁵.

Во всех мемуарных источниках, включая и воспоминания, и дневники, события осмысливаются на основе собственного, личного опыта автора. При этом воспоминания излагают авторские впечатления об уже завершившихся событиях, а в дневниках они фиксируются в самом ходе их свершения. Поэтому воспоминания и дневники несколько различаются по отбору фактов, способам их изложения, характеру обобщений. Если воспоминания обычно рассчитаны на публикацию, то дневники являются записями более интимного характера. В целом считается, что дневники обладают более высокой степенью достоверности, чем воспоминания. В то же время жанровую принадлежность отдельных произведений порой трудно однозначно определить, грань между ними достаточно подвижна: «Фиксируя настоящее, дневниковые записи возникают как ближайшее, непосредственное отражение и осмысление событий сегодняшнего дня, и в то же время они всегда в какой-то степени воспоминание о них, уже ушедших в прошлое»²⁷⁶.

Воспоминания и дневники, являющиеся источниками по истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, можно разделить на группы, во-первых, по их принадлежности и содержанию: мемуары фронтовиков, жителей тыла, партизан и подпольщиков, очевидцев немецкой оккупации региона, военнопленных и «восточных рабочих». Во-вторых, по обстоятельствам создания и фиксации источника: мемуары, записанные самими авторами, и устные рассказы о войне, собранные и записанные исследователями по специальным программам.

Большинство авторов воспоминаний и дневников, относящихся к истории региона военных лет, являются участниками боевых действий. Немало воспоминаний фронтовиков опубликовано, но содержащиеся в них информация, темы и сюжеты, способы отбора фактов и

их интерпретации достаточно типичны. В основном они описывают фрагменты боевого пути отдельных подразделений, боевые эпизоды, сохранившиеся в памяти фронтовиков, а не личные переживания авторов, которые считались менее значимыми для потомков. На издании мемуаров значительное влияние оказывала и конъюнктура. Лишь в последние годы стали выходить воспоминания, в большей степени передающие личные впечатления участников войны и более свободные в своих оценках, что повышает их информативную значимость для исследователей.

Таким образом, история горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны нашла широкое отражение в различных документах и материалах. Значительная часть материалов содержится в государственных, федеральных архивах и архивах субъектов Российской Федерации, а также муниципальных и ведомственных архивах и музеях. Немало документов опубликовано. В то же время многие документы под влиянием различных обстоятельств безнадежно утрачены, далеко не все имеющиеся в наличии материалы вовлечены в научный оборот, в том числе в связи с сохраняющимися ограничениями в доступе к архивным фондам.

Корпус источников позволяет проанализировать структуру и деятельность органов власти и управления, общественных организаций, депортацию части народов и административно-территориальные изменения в регионе, развитие различных отраслей хозяйства, социальной и культурной сферы, духовную жизнь и массовое общественное сознание и другие проблемы истории автономий Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны.

Перспективы в развитии источниковой базы тесно связаны не только с вовлечением в научный оборот все новых документов, но и с использованием иных

исследовательских подходов, современных методик анализа и поиска источников. В числе других перспективных методов изучения источников официального и личного характера следует указать, наряду с традиционным источниковедческим анализом, контент-анализ, количественные методы обработки исторической информации, которые пока еще недостаточно используются региональными исследователями.

Часть третья

**Прием горцев в ряды РККА:
политика и практика**

1

Демографические ресурсы горских автономий и призыв горцев в армию накануне и в начальный период войны

В предвоенные десятилетия горцы Северного Кавказа в массовом порядке не привлекались к службе в рядах Красной армии. Тяжелое экономическое положение Советского государства в первые годы после Гражданской войны заставляло непрерывно сокращать численность РККА. И хотя развитие национальных формирований в составе РККА по инициативе наркомвоенмора М.В. Фрунзе в начале 1920-х гг. было признано приоритетным, должно было способствовать подлинному объединению советских народов в единую братскую семью, на деле далеко не все замыслы пятилетней программы (с 1925 по 1929 г.) строительства национальных формирований были реализованы. Первоначально на Северном Кавказе планировалось сформировать территориальный кавалерийский полк горских национальностей²⁷⁷. В дальнейшем на базе территориального (то есть сокращенного состава) кавалерийского полка было решено развернуть территориальную кавалерийскую дивизию в составе Дагестанского дивизиона, Северо-Осетинского, Чеченского, Ингушского, Карачаево-Черкесского, Кабардино-Балкарского, Адыге-Черкесского отдельных кавалерийских взводов²⁷⁸. Однако проект не был реализован. Некоторое время просуществовала лишь Кавалерийская школа горских национальностей, готовившая командный состав из числа горцев, но и она в конце 1920-х гг. была расформирована. Постепенное

свертывание программы национального военного строительства объяснялось политикой жесткой экономии на содержание армии. После смерти вдохновителя этой программы М.В. Фрунзе она развивалась в значительной степени по инерции. Кроме того, на перспективы национального военного строительства не могли не влиять более общие политические причины: постепенный отказ от политики коренизации в национальном вопросе и переход в 1930-х гг. к строительству унитарного государства с артикулированной русско-славянской идеологией.

Обязательного призыва горцев в ряды РККА (как и очень многих окраинных народов СССР) в довоенный период не существовало, хотя законодательно вопрос об обязательной военной службе уроженцев Кавказа был решен еще в 1920 г.²⁷⁹ Горская молодежь поступала на военную службу в добровольном порядке и в незначительных количествах. Скромные масштабы довоенной армии позволяли пренебречь этими контингентами.

Коренной перелом в области призыва представителей горских национальностей на военную службу произошел в конце 1930-х гг., когда в ходе военной реформы советское правительство отказалось от территориальных и национальных формирований и перешло к экстерриториальному принципу комплектования частей, предполагавшего отправку призванных контингентов для прохождения службы вне регионов их проживания. В результате молодой человек проходил действительную срочную службу в местах дислокации части, а не кратковременные сборы по месту жительства. Этим существенно повышалась выучка личного состава частей, обеспечивалось полноценное овладение военными новыми сложными видами вооружения.

Одновременно была проведена реорганизация местных органов военного управления, сеть военкоматов была существенно расширена, усовершенствована система учета военнообязанных и призывников. В этот же период быстро (в 3,5 раза с 1930 по 1939 г. и в 2 раза с 1939 по 22 июня 1941 г.²⁸⁰) росла численность Красной армии мирного времени. Назревавший международный конфликт в связи с укреплением нацистского режима в Германии и фашистского в Италии требовал от советского правительства создания мощного мобилизационного резерва за счет лиц, отслуживших в рядах Красной армии.

Военная реформа конца 1930-х гг. отражала возросшие экономические и политические возможности Советского государства и имела целью ликвидировать существовавшую разнотипность войсковых формирований, усилить мобилизационную готовность кадровых дивизий, обеспечить равномерный подъем между округами и военнообязанных запаса при мобилизации и сократить сроки мобилизационного развертывания войск.

1 сентября 1939 г. на втором совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Внеочередной Четвертой Сессии Верховного Совета СССР был принят Закон о всеобщей воинской обязанности²⁸¹. Были сняты все ограничения на призыв в армию, существовавшие ранее. «Все мужчины-граждане СССР, – гласил новый закон, – без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать воинскую службу в составе Вооруженных Сил СССР». В сравнении с аналогичным законом 1925 г. здесь не содержалось оговорок об особых формах прохождения службы для отдельных народов.

В 1939 г. впервые в истории на Северном Кавказе и в Закавказье был проведен призыв молодежи местных национальностей. Итоги призыва показали его своевременность, поскольку кавказская молодежь обладала относительно высоким общеобразовательным уровнем и хорошей физической формой. Ее быстрой адаптации в рядах Красной армии способствовал и общий подъем советского народного хозяйства во второй половине 1930-х гг., сопровождавшийся интенсивным развитием культуры и образования, которое особенно положительно сказалось на положении советской молодежи. Она являлась основным творцом и потребителем материальных и духовных продуктов окрепшего социализма. Северокавказские автономии не остались в стороне от этих процессов. По ряду показателей они превосходили другие республики Советского Союза.

В то же время уровень грамотности и культурно-образовательные характеристики горцев оказывались очень неравномерными, причиной чему был ряд исторических, демографических, хозяйственных факторов, рассмотрение которых не входит в задачи данного исследования. Согласно данным Всесоюзной переписи 1939 г., по уровню грамотности в лучшую сторону выделялись осетины (90 % мужского населения в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными) и некоторые крупные народности Дагестана – лакцы и аварцы (92,6 и 90,5 %). У прочих народов Северного Кавказа уровень грамотности мужского населения достигал 80–85 %, у чеченцев и ингушей составлял лишь 68–70 %. Аналогичный показатель у славянского населения СССР к 1939 г. приближался к 100 %. Похожим было распределение лиц со средним и высшим образованием. Если на 1000 русских таковых приходилось 76,8 и 5,8 соответственно, то у осетин эти показатели превосходили аналогичные цифры у русских – 99,1 чел.

из 1000 имели среднее образование и 9,3 – высшее²⁸². В то же время аналогичные показатели для 1000 адыгейцев и черкесов составляли 53,9 чел. и 2,1 чел., карачаевцев – 31,2 и 1,1, кабардинцев – 29,8 и 1,0, дагестанцев – 20,8 и 0,9, чеченцев – 8,1 и 0,3.

Что касается только призывных контингентов предвоенных лет (1940-1941 гг.), то здесь уровень грамотности в среднем по стране был значительно выше. Так, 11,2 % призывников 1941 г. (1922 г. рождения) являлись студентами вузов, 25,8 % имели среднее и незаконченное среднее образование, 45,9 % имели образование 4-7 классов и только 14,9 и 2,2 % соответственно числились малограмотными и неграмотными²⁸³. Аналогичными были цифры 1940 г.²⁸⁴ Число малограмотных и неграмотных было заметно больше в национальных республиках. Причем интересно, что наибольшее их число пришлось на западные области Белоруссии и Украины, присоединенные к СССР накануне войны. Например, в Пинской области число малограмотных и неграмотных достигало 70 %. На этом фоне призывники из наиболее слабой в этом отношении республики – Чечено-Ингушетии – выглядели совсем неплохо (20,8 % неграмотных и малограмотных)²⁸⁵. Значительная часть призывников страны состояла в комсомоле (36,2 % в 1941 г.) или коммунистической партии (0,3 %), имела значки ГТО, ПХВО, ГСО, ворошиловского стрелка (около 20 %)²⁸⁶. 83,4 % призывников при проведении приписки в январе 1941 г. было признано годными к строевой службе²⁸⁷.

Все малограмотные, неграмотные и не владевшие русским языком подлежали обязательному обучению до проведения призыва. Однако по самым различным причинам объективного и субъективного характера (нехватка преподавателей и учебных пособий, срывы занятий из-за сельхозработ, низкой посещаемости

занятий и проч.) обучению уделялось остаточное внимание; должного контроля за его ходом не было. Так, в Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР обучением грамоте и русскому языку было охвачено не более 15–18 % от общего числа подлежащих учебе²⁸⁸.

Но в целом горцы добились несомненного прогресса, если сравнить их культурно-образовательный уровень с царскими временами, когда многие из горских народов даже не имели своей письменности. Прежде всего эти позитивные изменения отражались на молодежи призывных возрастов. Начальник политуправления Северо-Кавказского военного округа в донесении в Главное политуправление РККА отмечал: «Рост материального благосостояния советского народа из года в год улучшает призывной состав. На призывные пункты пришла в основном здоровая, грамотная, политически развитая молодежь, до конца преданная партии, правительству и вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину»²⁸⁹. Следует добавить, что физическое состояние горской молодежи в целом было удовлетворительным. В среднем по северокавказским республикам в 1940 г. годными к строевой службе были признаны 87 % молодых людей²⁹⁰.

После введения всеобщего призыва и экстерриториального распределения контингентов, призывные возраста 1917–1920 гг. рождения из Северо-Кавказского округа, призванные в 1938–1940 гг., направлялись, главным образом, в западные военные округа. Им было суждено принять на себя первые удары немецко-фашистских войск и разделить трагическую судьбу Красной армии 1941 г.

По сравнению с горской молодежью, физическая и военная подготовка, а также образовательный уровень основной массы взрослого мужского населения Северного Кавказа – главного мобилизационного ресурса – были значительно ниже.

Невысокий уровень военной подготовки и образования военнообязанных объяснялся тем, что жизнь сельского, особенно высокогорного, взрослого населения Северного Кавказа лишь в незначительной степени была затронута советской культурной революцией, оставалась по сути своей патриархальной. Армейская реформа конца 1930-х гг. также почти не коснулась больших масс военнообязанных. Под всеобщий призыв, впервые объявленный в 1938 г., они не попадали. Занимавший в те годы должность председателя СНК ДАССР А.Д. Даниялов вспоминал: «К 1941 г. взрослое население гор мало владело русским языком. Исторически сложившийся уклад жизни, когда горцы без крайней нужды не выходили дальше своего аула, в лучшем случае района, являлся громадной трудностью при мобилизации горцев в действующую армию... Беда состояла в том, что, кроме тех, кто прошел службу в армии до войны, горцы не умели обращаться даже с винтовкой. Что касается автомата, пулемета, миномета или гранаты, то они их просто не видели»²⁹¹.

Самые подготовленные из военнообязанных горцев (резервисты 1-й категории) в ходе переучета осенью 1940 г. были приписаны к кадровым частям и соединениям Северо-Кавказского военного округа. Обязательным требованием к приписному составу было хорошее владение русским языком, но в таких людях испытывался дефицит.

Он покрывался военнообязанными, понимающими русскую разговорную речь. Эта категория оценивалась тогда не более чем в 25-30 % чел.²⁹² В то же время языковая проблема в военной документации довоенной поры не занимает сколько-нибудь значительного места. Относительно небольшие масштабы армии мирного времени и длительные сроки службы красноармейцев-кавказцев не оставляли для ее возникновения серьезной почвы.

Накануне и в начале войны республиканские военкоматы не вели статистики владения русским языком контингентами военнообязанных и призывников. Таковая была заведена только после выявления проблемы языковой адаптации нерусских контингентов в русскоязычном воинском коллективе. В полной мере она была введена в делопроизводственный оборот только во втором году войны. По данным Дагестанского республиканского военкомата, из состоявших на учете по состоянию на 13 ноября 1942 г. 14 721 военнообязанных дагестанских национальностей до возраста 45 лет лишь 2564 чел. владели русским языком (17,4 %) ²⁹³. Среди молодежи показатели владения русским языком были значительно выше. Согласно тем же данным, из 4402 призывников 2474 чел. (56,2 %) владели русским языком ²⁹⁴.

Важно отметить, что, как показала дальнейшая практика, качественные характеристики мобресурсов Кавказа, прежде всего контингентов военнообязанных запаса, оказались существенно завышены военкоматами. Это относилось к таким ключевым показателям, как уровень военной подготовки, грамотности и владения русским языком. В целом военкоматы Советского Союза в предвоенный период представляли собой громоздкие бюрократические учреждения и не обеспечивали должного учета и оценки мобилизационных ресурсов. Анализируя итоги Финской кампании 1939-1940 гг., Сталин охарактеризовал мобилизационные органы страны как «очень слабое» звено Красной армии ²⁹⁵.

Все это в экстремальных условиях войны стало причиной серьезных издержек в процессе формирования соединений и маршевых пополнений личным составом требуемых возрастов и квалификации и в конечном итоге сказывалось на боеспособности соединений, формирувавшихся на Кавказе, а также масштабах

понесенных потерь²⁹⁶. Уточнение качественных характеристик пополнения, поступавшего из военкоматов северокавказских автономий, обусловило позднее неоднократный пересмотр принципов комплектования войск национальными кадрами и их использования в бою.

22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР своим указом объявил о всеобщей мобилизации военнообязанных четырнадцати возрастов с 1905 по 1918 гг. рождения включительно («поднимаемые возраста»)²⁹⁷. Кроме того, с начала 1941 г. проводились досрочные призывы части призывников 1922 г. рождения. Лица 1919–1921 гг. рождения уже находились в рядах Красной армии, будучи призванными в течение 1939–1941 гг. Там, в числе защитников Брестской крепости, оказалось несколько сот чеченцев и ингушей.

Директива о всеобщей мобилизации поступила на Северный Кавказ во второй половине дня 22 июня 1941 г. Немедленно были созваны экстренные заседания бюро областных комитетов ВКП(б) и республиканских совнаркомов, где разрабатывались конкретные программы мобилизации. В помощь районам направлялись секретари обкомов и заотделами. Райкомы ВКП(б) и советские органы на местах совместно с органами местного военного управления сразу же приступили к развертыванию работы по заранее составленным мобкалендарям. Во все сельсоветы были направлены уполномоченные райкомов. Одновременно развернулась политико-пропагандистская работа, издавались экстренные выпуски газет, плакаты и листовки²⁹⁸.

Военкоматы северокавказских республик рапортовали о высоком боевом духе и дисциплинированности призываемых, большом числе

добровольцев. По мобилизации из северокавказских республик в армию поступило 29 937 военнообязанных. Результаты мобилизации в регионе представлены в табл. 1.

Таблица 1

Итоги мобилизации 1941 г. по северокавказским автономным республикам

	Дагестан	Чечено-Ингушетия	Северная Осетия	Кабардино-Балкария	Всего
Всего ресурсов поднимаемых возрастов на 22.06.41 г.	54 675	39 120	20 691	23 457	137 943
Из них обученных	16 631	Нет данных	10 504	14 767	41 902
Отправлено в войска	3203	8456	11 501	6777	29 937
Остаток ресурсов	44 220	28 173	9190	13 198	94 781

Составлено по: ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 48. Л. 178-180, 206, 243, 259; Д. 50. Л. 165, 195; Д. 51. Л. 111, 189, 220-235; Д. 53. Л. 32, 79, 81-90.

В начале войны на Северном Кавказе призыв шел на общих основаниях без различия национальностей. Военкоматы не вели статистики национального состава мобилизованных. Региональные исследователи, опираясь на альтернативные источники, предлагают различные цифры зачисленных в ряды Красной армии в начале войны. Так, утверждается, что в 1941 г. в Северной Осетии было призвано свыше 40 тыс. чел.²⁹⁹ По Чечено-Ингушетии в начале войны было либо призвано³⁰⁰, либо только записались добровольцами³⁰¹ свыше 17 тыс. чел., из которых до 50 % были

представителями титульных народов. Всего же, как утверждается, за годы войны в армию было призвано 18,5 тыс. чеченцев и ингушей (с туманной отсылкой на некие «неполные данные архива Чечено-Ингушского обкома партии»)³⁰². Считается также, что в кадровых частях на момент ее начала уже состояло не менее 9 тыс. чел. чеченцев и ингушей (всего до 6 % населения)³⁰³. По Кабардино-Балкарии было призвано 25,3 тыс. чел.³⁰⁴, причем утверждается, что балкарцы дали фронту более 10 тыс. чел.³⁰⁵ Из Карачаевской автономной области было призвано 15,6 тыс. коренных жителей (при общей численности народа около 80 тыс. чел.)³⁰⁶, что дает основание местным историкам утверждать, что карачаевский народ занимал одно из первых мест в стране среди народов СССР по удельному весу участвовавших в войне представителей народа (22 %)³⁰⁷.

Большинство приведенных данных из региональных изданий не снабжено архивными ссылками, авторы не указывают и не комментируют свои первоисточники, что делает их ретрансляцию сомнительной с научной точки зрения. Поэтому актуальным представляется комплексное исследование документации организационно-мобилизационных органов республиканского, окружного (фронтового) и центрального звеньев. Архивный материал на эту тему весьма обширен, однако не лишен существенных лакун, связанных с объективными условиями военной обстановки. Известно, например, что часть архива ЧИАССР была уничтожена летом 1942 г. в связи с угрозой оккупации территории республики³⁰⁸, и, следовательно, не попала затем в Центральный архив Министерства обороны. В СОАССР во второй половине 1942 г. полной или частичной оккупации подверглись территории шести районных военкоматов из десяти. Из

функционировавших четырех военкоматов два были отрезаны от «большой земли», и связь с ними осуществлялась только «по горным дорогам и тропинкам»³⁰⁹. Естественно, что учетно-мобилизационная работа в Северной Осетии весь этот период практически не велась. Таких примеров немало. Однако общая потеря документов военно-учетных органов все же незначительна, и сохранившийся в фондах ЦАМО их массив в целом позволяет составить картину призыва горцев на протяжении войны.

Использование людских ресурсов, поднятых в начале войны по всеобщей мобилизации, шло в нескольких направлениях. Основные из них: развертывание и доукомплектование до штатов военного времени кадровых частей и соединений Северо-Кавказского военного округа (из интересующих нас регионов в состав округа входили территории КБАССР, ЧИАССР, СОАССР, Ставропольский край с Карачаевской и Черкесской автономными областями и Краснодарский край с Адыгейской автономной областью) и Закавказского военного округа (в его состав входила ДАССР, а также некоторое время в первой половине 1942 г. – территория СОАССР)³¹⁰, формирование новых дивизий за счет людских и материальных ресурсов округов, подготовка маршевого пополнения с последующей отправкой в действующие войска, создание разного рода ополченческих формирований для местной самообороны и подготовка резерва для регулярной армии по линии всеобщего. Молодые горцы, имевшие образование не ниже среднего и владевшие разговорным русским языком, направлялись в военные училища. Интенсивно формировались новые соединения.

Еще до конца декабря 1941 г. Красная армия получила 286 стрелковых дивизий, 159 стрелковых бригад и прочие части и соединения, большинство из которых были вновь сформированными³¹¹.

Весной 1942 г. основная масса ресурсов военнообязанных возрастом до 46 лет и призывников 1922-1923 годов рождения в Северо-Кавказском военном округе была исчерпана³¹². В течение 1941 г. в армию было призвано около 995 тыс. чел. из 1315 тыс. чел. ресурсов, имевшихся к моменту начала войны (всех военнообязанных запаса и призывников без учета брони и состояния здоровья)³¹³. На 1 января 1942 г. в распоряжении СКВО имелось лишь 69,5 тыс. чел. свободных ресурсов, не имевших ограничений на призыв в армию³¹⁴. Большое количество людей дали армии северокавказские автономные республики.

С 1942 г. борьба за «дополнительное выявление людских ресурсов» стала основным содержанием работы северокавказских военкоматов и военных отделов парторганов. Нагрузка на людские ресурсы Северного Кавказа только усилилась, поскольку с началом битвы за Кавказ летом 1942 г. защищавшие его войска Закавказского фронта оказались отрезанными от центра страны, и им пришлось рассчитывать в основном на собственные силы.

Положение осложнялось потребностью в забронировании большого количества специалистов и квалифицированных рабочих – как правило, образованных и здоровых людей – за оборонным производством, управленческими структурами и сельским хозяйством.

В 1942-1943 гг. был издан целый ряд приказов народного комиссара обороны по вопросам военно-учетной и мобилизационной политики (№ 064, 089, 0242, 0283, 336, 0882 за 1942 г., № 089, 0316 и др. за 1943 г.). Они выполняли важную корректирующую функцию, приспособляя работу военкоматов к реалиям военного времени. Все эти приказы были подчинены одной цели: дать армии как можно больше людей. Как правило, они смягчали прежние ограничения на призыв по состоянию

здоровья, возрасту, политическим мотивам, бронированию и устанавливали новые, более широкие рамки в этих областях. Например, предельный возраст военнообязанных, состоявших на учете в военкоматах, был поднят с 45 лет в 1941 г. до 50 в 1942 г. и до 55 в 1943 г. Вводились новые категории военнослужащих. С 1942 г. появилась категория военнообязанных, «не годных к службе, но годных к физическому труду»³¹⁵. Ранее такие лица освобождались от службы в армии, отныне – составляли определенный резерв и высвобождали для строя большую массу нестроевых военнослужащих, занятых на тыловых и хозяйственных должностях. Из числа последних, в свою очередь, постоянно велся отбор лиц, подходивших к строевой службе. Качественные требования к военнообязанному (призывнику) постоянно снижались.

Важным источником пополнения рядов действующей армии людскими резервами стали заключенные, трудпоселенцы и прочие категории граждан, доступ которых к оружию до войны был категорически запрещен ввиду их «политической неблагонадежности», уголовного прошлого или по признаку пребывания на оккупированной противником территории или в плену. Уже 12 июля 1941 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) был подготовлен и утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, освобождавший от дальнейшего отбывания наказания лиц, осужденных по целому ряду составов преступлений (в частности, осужденных по указам ВС СССР от 26 июня и 10 августа 1940 г., устанавливавших уголовные наказания за прогулы и наказания), а также от дальнейшего преследования лиц, находившихся под следствием или судом по этим составам преступлений³¹⁶. По этим статьям еще до начала войны было осуждено несколько миллионов человек.

Уже в период войны отношение к категории политически неблагонадежных граждан менялось. С начала 1942 г. все военкоматы страны несколько раз тщательно пересматривали всех отсеянных по политикоморальным соображениям, «исходя при этом не из того, кем были родители призывника, а из его личных политикоморальных качеств» и «руководствуясь указанием товарища Сталина: «Сын за отца не отвечает»³¹⁷.

Военная целесообразность стала лейтмотивом всех мероприятий по мобилизации и призыву людских контингентов. Она определяла их эволюцию, постепенно отодвигая в сторону политические ограничения. В целом эти мероприятия аналогичны «тотальным мобилизациям» в гитлеровской Германии, толковавшихся в Советском Союзе как признак глубокого кризиса в стане врага и нередко становившихся объектом публичных саркастических замечаний советских вождей и прессы³¹⁸. Следует отметить, что все эти действия властей ни в коей мере не отменяли подозрительность в отношении лиц, политически чуждых советской власти, но принятых в ряды Красной армии. В случае чрезвычайных происшествий с их участием их социальный статус непременно учитывался как отягчавшее вину обстоятельство.

Ко всем перечисленным мерам по расширению базы людских контингентов подталкивала объективная потребность воюющей армии в непрерывном восполнении тяжелых потерь и развертывании новых частей. Не считаться с ней было нельзя. На эти обстоятельства следует обратить особое внимание в связи с дальнейшим исследованием мобилизационной политики и практики на Северном Кавказе.

2

Приостановки призыва северокавказских народов в 1941- 1942 гг

Одновременно с постепенным снятием барьеров для службы в армии «политически чуждых элементов» советская власть проводила совершенно противоположные по смыслу и содержанию мероприятия в отношении неславянских граждан СССР. В 1941–1942 гг. был издан ряд совершенно секретных постановлений ГКО, приказов НКО и директив начальника Главного управления формирования и укомплектования войск РККА (Главупраформа), ограничивавших призыв и службу в армии значительного числа народов СССР, среди которых оказалась часть закавказских народов и все северокавказские народы. Целесообразно рассмотреть все документы в хронологической последовательности их издания и анализировать их затем как единый комплекс.

19 сентября 1941 г. Закавказскому фронту было предписано прекратить призыв в армию и уволить из ее рядов представителей некоторых народов, которые считались властями этнически родственными и исторически близкими населению сопредельных государств – Ирана и Турции. К этой категории были отнесены аджарцы, хевсуры, курды, сваны Кедского, Хулойского, Земо-Сванетского, Квемо-Сванетского районов и горцы Казбегского района и Хевсурского сельсовета Душетского района Грузинской ССР (мохевцы)³¹⁹. Вскоре сюда же были включены уроженцы ряда сельсоветов Кобулетского и Батумского районов

Аджарии³²⁰. В 1942 г. отсрочка от призыва и мобилизации на год была распространена на всех аджарцев (постановление Военного совета Закавказья № 077 от 16 сентября 1942 г.). В феврале 1942 г. военнообязанные запаса по Кавказскому райвоенкомату ГССР были освобождены от перерегистрации (а значит, и от дальнейшей мобилизации в армию)³²¹.

В начале апреля 1942 г. был издан приказ начальника Главупраформа армейского комиссара 1-го ранга А.Е. Щаденко (передается в изложении штаба СКВО: директива № ОМУ/01275 от 2 апреля 1942 г.), в соответствии с которым было предписано всех военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава по национальности чеченцев и ингушей уволить в запас и отправить по месту их жительства с отметкой в военном билете: «Уволен в запас до особого распоряжения»³²². В сводных «Сведениях об остатках ресурсов военнообязанных и призывников по Северо-Кавказскому военному округу» по состоянию на 1 июня 1942 г. чеченцы и ингуши были показаны в графе не призываемых «как отсеченных по политико-моральным причинам» (иных категорий отсеченных в типовом бланке не было).

26 июля 1942 г. постановлением ГКО № 2100сс была объявлена общегосударственная кампания по призыву «полностью всех граждан» 1924 года рождения, «независимо от их места работы и занимаемых должностей»³²³. Через несколько дней, 30 июля, приказом НКО № 0585 было внесено уточнение: «Призыву не подлежат призывники горских национальностей представителей горских, то есть коренных национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана и национальностей, не призываемых по Закавказью»³²⁴. Освобождены от призыва оказались 9439 уроженцев Северного

Кавказа³²⁵. (По итогам приписки призывников 1924 г. рождения к призывным участкам, проводившейся в конце мая – начале июня 1942 г. в СКВО, имелось людских ресурсов горских национальностей: абазин – 107, адыгейцев – 380, кабардинцев – 879, балкарцев – 202, карачаевцев – 460, осетин – 1431, черкесов – 143, чеченцев и ингушей – 2321, дагестанцев – 3516.) Правда, в это же время в Дагестане проводился допризыв молодежи 1922 и 1923 гг. рождения³²⁶. В Закавказье вне призыва оказались представители 26 народов (свыше 80 % – греки), большинство которых считались представителями народов, враждебных СССР или воюющих с ним. Однако в одном списке с «враждебными» народами оказались такие северокавказские народы, как лезгины, адыгейцы, абазины, чеченцы, компактно проживавшие в Закавказье³²⁷.

28 июля 1942 г. постановлением ГКО № 2114 было объявлено о формировании на территории Северо-Кавказского военного округа восьми стрелковых дивизий. Из перечня людских ресурсов, пригодных к укомплектованию новых соединений, были исключены горцы Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии³²⁸. При колоссальном дефиците людей на данное мероприятие – 52,5 тыс. чел., этим республикам был дан мизерный наряд – в совокупности 700 чел. В Дагестане надлежало призвать 1600 чел. 1924 г. рождения³²⁹. Позднее в отчетном докладе о работе отдела организационно-мобилизационного и укомплектования Упраформа Закфронта отмечалось, что трудности в укомплектовании частей в числе прочего «вызывались необходимостью комплектовать части с учетом их национального состава»³³⁰.

Если военнообязанные из числа титульных народов ЧИАССР не принимались в армию с апреля 1942 г., то в

отношении дагестанцев такая мера была принята в августе 1942 г. 11 августа из Главупраформа было получено указание: «Военнообязанные народностей Дагестана призыву в армию не подлежат»³³¹. 24 августа 1942 г. на основании директивы начальника Главупраформа был издан соответствующий приказ командующего Закавказским фронтом (Дагестанский РВК входил в структуру Закфронта)³³².

Призыв в армию призывников и военнообязанных по национальности карачаевцев, черкесов и адыгейцев прекратился по объективным причинам в связи с оккупацией этих районов противником в августе 1942 г.

Приказ НКО № 0974 от 21 декабря 1942 г. о призыве лиц 1925 г. рождения (начало призыва было назначено на 15 января 1943 г.) повторил норму о приостановке «до особых указаний» призыва в армию представителей горских, то есть коренных национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана, а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью³³³.

Если в мае – июне 1942 г. призывники 1925 года рождения горских национальностей, наряду со своими ровесниками других национальностей, были приняты на списочный учет: с ними была развернута плановая допризывная работа (лечение, обучение грамотности и русскому языку, паспортизация и проч.³³⁴), то уже в ноябре 1942 г., в преддверии призыва, республиканские военкоматы Северного Кавказа подавали сведения только по славянским контингентам. Военкоматам ставилась задача перерегистрировать всех военнообязанных запаса, но призыву и последующей отправке в запасной полк подлежали только военнообязанные до 50 лет «европейских национальностей»; военнообязанных горских национальностей надлежало «оставить в резерве», а принимать в войска было разрешено только

призывников горских национальностей и «только на укомплектование гужтранспортных рот»³³⁵.

В 1942 г. в обиход органов военного учета и мобилизации прочно вошел термин «европейские национальности», употребляемый в противовес «местным», «северокавказским», «горским» национальностям. В исчерпывающий список «европейских национальностей» безотносительно их реальным этническим категориям включали русских, украинцев, белорусов и... евреев. Причем иногда уточнялось происхождение евреев – «европейские евреи» – против горских евреев, которых относили к горским национальностям. Неудивительно, что такая причудливая этническая номенклатура вызывала некоторое недоумение и вопросы у работников военкоматов³³⁶. От местных органов укомплектования посыпались и иные запросы. Одним из наиболее частых был вопрос о призыве той или иной национальности на территории республик, где они не являлись титульными. Например, поступали телеграммы о возможности призыва чеченцев, компактно проживавших на территории Дагестана (542 военнообязанных до 45 лет и 115 призывников 1924 г. рождения³³⁷), дагестанцев на территории Орджоникидзевского (Ставропольского) края (79 чел.³³⁸), дагестанцев (аварцев и лезгин), проживавших на территории Азербайджана (всего 3 военнообязанных и 222 призывника³³⁹). В Грузии также имелось некоторое количество представителей северокавказских народов³⁴⁰. (В том числе: представителей народностей Дагестана – 35 военнообязанных в возрасте до 45 лет и 17 призывников; чеченцев – 2 и 2 чел. соответственно, кабардинцев и балкарцев – 2 военнообязанных. Кроме того, в Казбегском районе ГССР проживало 553 военнообязанных горцев (осетин) и 85 призывников.)

Руководствуясь общими указаниями Главупраформа, Управление формирований Закфронта запретило призыв представителей этих народов в республиках Закавказья. В то же время Упформ Закфронта считал, что призыв горских контингентов при «условии их годности к службе и тщательного изучения [их] политико-моральных качеств», возможен³⁴¹. Соответствующий запрос был отправлен в Главупраформ РККА.

В 1941-1942 гг. официально ограничения не коснулись осетин. Осетины не упоминаются в документах с перечнями народов, не подлежавших призыву. Так, в сводке по остаткам ресурсов Закфронта по состоянию на 20 октября 1942 г. осетины не показаны в графе «освобожденных от призыва по национальному признаку»³⁴². Осетины-военнообязанные и призывники, наряду с русскими, отводились в августе 1942 г. в тыл, так же как и людские контингенты Краснодарского и Орджоникидзевского краев. Всего с территории СОАССР было выведено 6652 чел.³⁴³ Во второй половине 1942 г. на военном учете по республике оставалось всего несколько сот человек³⁴⁴. Наряд для военкоматов Северной Осетии по новобранцам в 1942 г. составил лишь 400 чел.³⁴⁵ В связи с тяжелыми боями, развернувшимися летом и осенью 1942 г. на территории республики, деятельность военкоматов была фактически прекращена. Из десяти райвоенкоматов осенью 1942 г. территории шести оказались полностью оккупированными противником, еще два – частично.

Кроме осетин, призывники и военнообязанные горских национальностей летом 1942 г. не отводились в тыл в связи с угрозой оккупации территории Северного Кавказа³⁴⁶. Например, с территории ЧИАССР в июле 1942 г. было выведено 6554 призывника 1923 и 1924 гг. рождения, а также военнообязанных до 50-летнего возраста негорских национальностей. Если вывод людей

прошел без инцидентов, то одновременный вывод лошадей, затронувший интересы горского населения, был сорван в горных районах республики из-за противодействия горцев – колхозников³⁴⁷.

Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что в отношении многих тысяч северокавказских горцев, уже находившихся на фронте к тому моменту, никаких ограничительных мероприятий не велось. Даже упомянутое распоряжение начальника Главупраформа об увольнении в запас чеченцев и ингушей, касалось прежде всего лиц, недавно призванных в армию и пребывавших в запасных частях. Основная масса горцев, встретивших начало войны в частях РККА или мобилизованных после 22 июня 1941 г., отправились на фронт и приняли участие в борьбе с фашизмом, пройдя боевой путь до Дня Победы (правда, часть горцев по разным причинам отсеивалась уже из воинских частей, о чем подробно речь пойдет в следующем разделе). Из архивных данных известно, например, что из Северной Осетии в течение 1941 г. и в первой половине 1942 г. на фронт отправилось 1809 командиров запаса, 39 299 военнообязанных запаса и 8655 призывников³⁴⁸. По данным военкома ДАССР подполковника Бронзова, только за 1942 г. по Дагестану было призвано и мобилизовано 87 680 чел., причем 75 % от этого количества – представители местных национальностей³⁴⁹. Всего же с начала войны до конца 1943 г. из Дагестана было призвано около 122 тыс. чел.³⁵⁰

После 1943–1944 гг. ограничения коснулись представителей тех северокавказских народов, которые были депортированы с исторической родины. Их увольняли из рядов вооруженных сил одновременно с проведением репрессивных акций на их родине.

К сожалению, полной статистики по национальному составу призванных на Северном Кавказе в начальный

период войны обнаружить не удалось. Многолетняя работа с фондами Центрального архива Министерства обороны и изучение огромного массива документов учетномобилизационных органов позволяют утверждать, что таковой в указанный период не велось.

Мероприятия по ограничению призыва по социально-политическим и национальным мотивам отличались *тотальностью* и *бескомпромиссностью*, оставляли за бортом десятки тысяч здоровых и нередко обученных военному делу мужчин. К сентябрю 1942 г. только по трем республикам – КБАССР, ЧИАССР и ДАССР – числилось 19 748 призывников 1924 и 1925 гг. рождения и 62 508 военнообязанных непризываемых национальностей – всего свыше 82 тыс. чел.³⁵¹ В дальнейшем, по мере налаживания учета военнообязанных, расширения перечня непризываемых национальностей и постановки на учет возрастов 1926 и 1927 гг. рождения, эти цифры только росли.

Между тем во второй половине 1942 г. годные к военной службе людские ресурсы в регионах СССР, не оккупированных врагом, оказались на исходе. 18 октября 1942 г. начальник Управления формирований и укомплектования войск Закавказского фронта генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов констатировал, что «основные ресурсы военнообязанных запаса уже призваны и использованы на укомплектование войсковых частей. Между тем потребность в людских ресурсах на пополнение действующих частей армии и новых формирований не уменьшается, а, наоборот, продолжает увеличиваться»³⁵². С точки зрения интересов восполнения потерь действующей армии и укомплектования новых формирований мероприятия по ограничению призыва по национальному признаку не логичны и нуждаются в объяснении. Призывные кампании на Кавказе в годы войны прежде не рассматривались историками в контексте национальной

политики Советского государства. Учетно-мобилизационные мероприятия требуют тщательного изучения, основанного на *выявлении их корреляции с установками государственной национальной политики.*

В случае с населением Аджарии (Кедский, Хулойский, Кобулетский и Батумский районы) увольнение в запас велось в рамках общей программы очистки рядов Красной армии от представителей национальностей, «враждебных Советскому Союзу и состоявших с ним в войне». В данном случае аджарцы считались близкородственным народом туркам, с которыми Советский Союз находился на грани войны.

Отмена призыва не вызывалась конкретными проявлениями враждебности в отношении советской власти и представляла собой превентивную меру, издревле укоренившуюся в практике ведения войн. Еще в довоенный 1939 год, игнорируя конституционные нормы и недавно принятый Закон о всеобщей воинской повинности, нарком обороны запретил прием в армию ряда национальностей, чья лояльность социалистическому Отечеству в условиях осложнения международной обстановки считалась сомнительной. Очередному призыву не подлежали граждане СССР по национальности турки, греки, японцы, китайцы, корейцы, немцы, поляки, финны, прибалтийские народы и болгары³⁵³. Эта норма затем повторялась в ежегодных мобилизационных планах, в том числе и в мобилизационном плане на 1941 г.³⁵⁴ В начале войны все граждане СССР вышеперечисленных национальностей были уволены из рядов вооруженных сил, а прием их в армию прекратился. В одном из официальных документов эти национальности определены как «несоветские»³⁵⁵.

Тенденции развития государственной национальной политики следует, как представляется, рассматривать в контексте развития социально-политической ситуации в

стране и внутренней политики в Советском Союзе в годы войны. Тяжелая, почти катастрофическая ситуация, в которой оказалось Советское государство в начальный период войны, стала причиной резкого ужесточения внутренней политики. Красная армия терпела тяжелые поражения и непрерывно отступала. В тылу у противника оставались самые населенные и промышленно развитые регионы страны. Развитие событий требовало от советского руководства немедленных мер по наведению порядка на фронте и в тылу, искоренению имевших большое распространение панических и пораженческих настроений. Уже в первом после начала войны публичном выступлении Сталин ориентировал народ и армию на решительную борьбу с провокаторами, паникерами и трусами³⁵⁶. Еще более резкий тон содержит приказ НКО № 270, изданный 16 августа 1941 г. В нем констатировалось наличие опасной тенденции к снижению боеспособности Красной армии из-за участвовавших случаев измены Родине среди военнослужащих всех рангов, чему приводилось несколько примеров (впоследствии неподтвержденных) о переходе на сторону противника ряда советских генералов. Уникальная откровенность этого документа и степень огласки – приказ в обязательном порядке доводился до каждого бойца – означали, что руководство страны оценивало ситуацию как отчаянную и готово было на радикальные меры для ее исправления. Такое сложное и противоречивое явление, как трагедия окружения и плена, подавалась здесь лишь в ракурсе предательства и измены Родине³⁵⁷.

Приказ НКО № 270 имел долговременный политический и пропагандистский эффект. В совокупности с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О каре за измену Родине», соответствующими разделами Дисциплинарного устава, постановлением ГКО № 1069 от 27 декабря 1941 г., посвященного

выявлению в войсках шпионов, дезертиров и окруженцев, а позже и приказа НКО № 227-1942 г. («Ни шагу назад!»), он составил основу репрессивной нормативной базы, действовавшей в армии на протяжении войны. Упредительно-угрожающий тон приказа № 270 («Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину») наряду с наделением командиров и комиссаров правами внесудебной расправы с изменниками Родины (предписывалось «уничтожать их всеми средствами», «расстреливать на месте») означали открытие новой жестокой и бескомпромиссной кампании бдительности³⁵⁸. Атмосфера страха, всеобщей подозрительности, шпиономания, активно культивировавшиеся государственной пропагандой, с началом войны многократно усилились, приобрели тотальный характер, всячески нагнетались прессой.

В этих условиях любые признаки социальной напряженности, независимо от ее природы, квалифицировались как антисоветские и «контрреволюционные» и часто влекли за собой неадекватно жесткие меры. Нередко эти меры из соображений подстраховки и оперативности носили превентивный, внесудебный и тотальный характер. Характерный ход мысли сталинского руководства демонстрирует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о переселении немцев Поволжья из мест традиционного проживания и ликвидации государственной автономии советских немцев. Здесь безапелляционно было заявлено, что, по неким «достоверным данным», среди них «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы». Однако остальное население из числа немцев не оповещает об этом советские власти,

чем содействует шпионской деятельности. Поэтому правительство вынуждено «принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья»³⁵⁹. Аналогичным образом в начале войны велись мероприятия по изъятию из рядов Красной армии выходцев из западных областей СССР, которым поголовно инкриминировалось ведение «черного дела по разложению войск». Один советский командир отмечал, что *«даже если те ведут себя образцово, это признается как напускное»* (курсив наш. – Лет.)³⁶⁰.

Одной из конфликтных сфер советской внутренней политики являлся национальный вопрос. Экономические и социально-политические эксперименты 1920– 1930-х годов нарушили традиционный быт горцев и вызвали брожение в их среде. Еще до войны в некоторых регионах Северного Кавказа случались вооруженные восстания, которые подавлялись силой³⁶¹.

В условиях войны лояльность горцев Советскому государству имела особую важность, поскольку стоял вопрос о допуске их к оружию и профессиональной военной подготовке. Призыв в армию или отказ от него стал средством коррекции государственной национальной политики в интересах воюющего государства. Можно сказать, что *учетно-мобилизационная практика отражала степень политического доверия государства к этническим и социальным категориям своих граждан*. Чувствительность призывной политики в годы войны к изменениям политического климата в кавказских национальных автономиях стала одной из ключевых ее характеристик.

Связанные с началом войны многочисленные налоги, мобилизации скота и транспорта, оборонительные работы, денежные займы не всегда воспринимались с пониманием местным населением. По мере приближения линии фронта этот нажим лишь увеличивался. Сложная

задача довольствия более чем миллионной армии, оборонявшей Северный Кавказ, в основном была решена за счет местного населения. Принятое вскоре после начала битвы за Кавказ постановление Военного совета Закавказского фронта требовало «усилить использование местных продовольственных и фуражных ресурсов и особенно муки, жиров, круп, мяса, зернофуража» Дагестанской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской республик, Орджоникидзевского (Ставропольского) и Краснодарского краев. Одновременно прекращался завоз перечисленных продуктов на территории этих республик и краев³⁶².

Иногда военными допускались перегибы. Представитель Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Битиев, командированный в сентябре 1942 г. на Северный Кавказ, наблюдал весьма распространившуюся с приближением линии фронта картину. Группы военных под предлогом военных нужд, без предъявления нарядов изымали у колхозников хлеб, скот, материальное имущество. На строительство полевых сооружений без особой нужды разбирались новые дома. По словам Битиева, «все эти факты вызывают большое недовольство у населения», а их искоренение тормозится покровительственным равнодушием военных властей³⁶³. Такие «факты безобразного обращения с местным населением»³⁶⁴ выставляли советские войска в очень невыгодном свете. Приходилось принимать экстренные меры для предотвращения этого явления, применяя жесткие меры в отношении лиц, допускавших экспроприации без санкции военных советов армий и фронта³⁶⁵.

Гражданские власти, выполняя правительственные задания, также часто прибегали к грубому администрированию. В Дагестане во многих районах работы по сооружению оборонительных рубежей не

оплачивались, людей кормили плохо³⁶⁶. Имела место жестокая практика захвата в заложники членов семей, уклонявшихся от работ³⁶⁷. Между тем число уклонистов достигло к концу года 10 тыс. чел.³⁶⁸

Бескомпромиссная борьба с бандитизмом в автономных республиках порой принимала недопустимые формы. В начале сентября 1942 г. несколько партизанских отрядов сожгли два чеченских аула. Это было акцией возмездия за то, что бандиты из числа жителей этих аулов участвовали в нападении на группу красноармейцев³⁶⁹. Такие меры лишь способствовали эскалации насилия в отношении представителей советских властей. Заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Руденко к числу главных причин расширения повстанческого движения относил «допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала»³⁷⁰.

Благодаря круговой поруке и местничеству республиканским властям подолгу удавалось замалчивать неблагоприятную ситуацию в своих регионах. Так, в Дагестане проверка, проведенная в первой половине сентября 1942 г. сотрудниками НКВД, выявила крупнейшие упущения и злоупотребления в административном управлении горными районами республики. В результате многолетних засух и недородов их население находилось на грани голода.

Оно активно выражало свое недовольство, игнорируя колхозы, уклоняясь от призыва в армию, дезертируя, уходя в леса. Однако местные партийные, советские и военные власти самоустранились от проблем, опасались брать на себя инициативу в столь сложном деле и ожидали указаний сверху³⁷¹.

Аналогичная ситуация складывалась и в других северокавказских регионах. Заместитель наркома внутренних дел СССР И.А. Серов докладывал в Москву: «В течение длительного времени местные органы власти не завозили в горные районы товаров широкого потребления (керосин, спички, мыло, соль и т. д.), в результате [чего] небывало возросли цены на эти товары. Это все в известной степени восстанавливало местное население против органов власти...»³⁷² Председатель СНК Дагестана А.Д. Даниялов впоследствии признавал, что «во многом дезертирству способствовала нечеткость в работе аппаратов райвоенкоматов, партийных, советских и комсомольских организаций, слабая разъяснительная работа»³⁷³. В условиях быстро приближавшейся линии фронта, особенно с учетом того, что главный удар немцев ожидался через территорию Дагестана на Дербент и Баку, такая ситуация становилась нетерпимой.

13—14 сентября член ГКО Л.П. Берия совместно с командующим войсками Закавказского фронта генералом армии И.В. Тюленевым и членом Военного совета фронта А.А. Алиевым лично проверили работу дагестанских органов власти, отправив по ее итогам 15 сентября И.В. Сталину шифрованную телеграмму, в которой возложили всю ответственность за сложившуюся обстановку на первого секретаря обкома и его ближайших помощников: «Секретарь обкома Линкун не обеспечивает руководство обкомом, не обеспечил правильного руководства деревней, очень редко бывает в районах». В вину Линкуну вменялся широкий набор просчетов, среди которых упоминалось даже незнание им ни одного местного языка (при этом сообщалось также, что «второй секретарь – еврей по национальности – также не знает этих языков и редко бывает в горных районах»), жесткое взимание им с пострадавших от засухи районов государственных

налогов и недоимок и проч.³⁷⁴ Думается, что, кроме реальных упущений Линкуна, его личность сознательно была демонизирована. Понятно, что русский по национальности первый секретарь Дагестанского обкома оказался на этой должности не по своей воле, – такова была общая политика организации власти в национальных окраинах. Выколачивание налогов любой ценой – тоже диктовалось «сверху».

На основе предложений члена ГКО и наркома внутренних дел Л.П. Берии, командующего войсками Закавказского фронта И.В. Тюленева и первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана М.-Д.А. Багирова 16 сентября было издано специальное постановление ГКО по Дагестану № 2309 за подписью И.В. Сталина, в соответствии с которым со своей должности был снят первый секретарь Дагестанского обкома Н.И. Линкун³⁷⁵. Решением Берии из Махачкалы и Баку в горные районы были направлены соль, сахар, чай, спички, керосин, 150 тыс. метров мануфактуры, а также списывались недоимки по налогам за прошлые годы и отменялся налог за 1942 г. Сталин все эти мероприятия на следующий день утвердил, распорядившись оформить свое решение в виде постановления ГКО³⁷⁶.

На последовавшем сразу за этим XIV Пленуме обкома ВКП(б) Дагестана, стремясь отмежеваться от возможных обвинений, недавние коллеги Линкуна выплеснули наружу масштабную картину бедствий, постигших республику. Говоря о последствиях голода среди горцев-аварцев в 1941 г. и их стихийном переселении на равнину, обернувшемся многочисленными жертвами, один из выступавших отмечал: «Все происходило на наших глазах, и только после вмешательства ГКО мы делаем удивленные лица: искривления нашей национальной политики... Не мы ли были свидетелями этого невольного переселения... когда многотысячная армия бедствующего народа спустилась с гор на

плоскость, голодала и вымирала, кто из нас на наших партийных совещаниях и конференциях, пленумах открыто сказал об этом? Никто, ни один. Все это как-то считалось явлением обычным, проходило мимо нас и называлось «неорганизованным переселением»³⁷⁷.

Самым важным индикатором остроты социально-политической обстановки было распространение антисоветского повстанческого движения и организованного бандитизма.

Вопрос о масштабах банддвижения в горских республиках Северного Кавказа активно обсуждается в современной научной литературе и периодике. Опираясь на находящиеся в открытом хранении документы Северо-Кавказского военного округа, Закавказского фронта, а также войск НКВД, охранявших тыл действующей армии, можно составить представление по этому вопросу. Обострение криминогенной обстановки в предгорных районах Северного Кавказа относится к началу Великой Отечественной войны. В первой половине 1942 г. командующему войсками СКВО пришлось издать несколько распоряжений, направленных на борьбу с бандитизмом. В частности, 3 апреля 1942 г. был издан приказ № 0099 «О мероприятиях по борьбе с наземным, воздушным противником и возможными бандитскими группами на территории СКВО». 3 июля 1942 г. был издан приказ № 00283 «Мероприятия по борьбе с дезертирством, бандитскими группами и лицами призывного возраста, уклоняющимися от призыва в ряды Красной армии». Также вышел ряд приказов, направленных на повышение бдительности, усиление гарнизонной службы, деятельности заградотрядов и проч.³⁷⁸ Силами частей СКВО, органов милиции и подразделений внутренних войск НКВД, а также советских и партийных органов были взяты под контроль основные дороги, учтены «места, способствующие укрывательству

дезертиров и бандитских элементов», население было обеспечено пропускными документами установленного образца, велась поголовная проверка документов³⁷⁹.

Нельзя не отметить, что воинские преступления, такие как дезертирство, уклонение от воинского учета и призыва, толковались в одном ряду с организованным бандитизмом и антисоветским повстанческим движением. Все эти преступления понимались как тяжкие преступления против Советского государства. Национальность уклонистов и дезертиров обязательно фиксировалась.

Принятыми мерами к концу апреля 1942 г. удалось существенно сократить количество активных банд. По состоянию на 20 апреля на учете числилось всего 14 банд, насчитывавших 63 чел. Все они действовали на территории ЧИАССР³⁸⁰.

Однако со второй половины 1942 г., с началом обороны Кавказа, повстанческое движение резко активизировалось. В течение 1942 г. на территории Северного Кавказа было проведено 43 войсковых чекистских операции (не считая операций, проводившихся частями Красной армии), в ходе которых было ликвидировано 2342 бандита. Существовала вполне определенная тенденция к организационному оформлению банддвижения и провозглашению лидерами крупных бандгрупп в Кабардино-Балкарии, Карачае и Черкесии, Чечено-Ингушетии, горном Дагестане политических целей. Уголовный бандитизм перерождался в антисоветское профашистское повстанческое движение. Бандгруппы имели штабы, базы, средства связи. Одно из формирований, разгромленных на территории Чечни, насчитывало около 600 человек³⁸¹. В октябре 1942 г. командующий Закавказским фронтом И.В. Тюленев, на которого была возложена оборона предгорий Северного Кавказа, доносил в Ставку: «Нужно сказать, что *бандитизм*

развивается в размерах, с которыми приходится считаться и привлекать на [его] подавление немалые силы. (Курсив наш. – Лет.) Помимо частей НКВД, от фронта занято борьбой с бандитизмом 18 отдельных рот и два усиленных батальона; на всех военных дорогах держатся усиленные гарнизоны, оружие для которых выдано за счет фронта»³⁸². Указаны были и наиболее пораженные этим явлением регионы – Чечено-Ингушетия и юго-западный Дагестан³⁸³.

В другом аналитическом документе регионами, где политический бандитизм получил значительное распространение, названы Карачаевская автономная область, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные республики³⁸⁴. В Кабардино-Балкарии повстанческим движением были охвачены пять районов³⁸⁵.

Наибольшее беспокойство вызывала ситуация в Чечено-Ингушетии. Именно отсюда впервые стали поступать тревожные данные об обострении социально-политической ситуации. Политическое повстанческое движение и уголовный бандитизм здесь не угасали с момента установления советской власти в начале 1920-х гг., несмотря на жестокую непрерывную борьбу с этими явлениями³⁸⁶. Советские институты власти и хозяйствования за двадцать лет советской власти в горных районах укоренились слабо. В марте 1941 г. нарком земледелия Бенедиктов вынужден был констатировать, что в ЧИАССР планы производства сельхозпродукции ежегодно не выполняются, машинно-тракторные станции все убыточны; грубо нарушается агротехника; земля в горных районах не обобществлена, а практически во всех – и скот. Колхозы влачат жалкое существование, резко убыточны, общественные посевы в огромных количествах погибают³⁸⁷.

Очевидно, что такое положение в сельском хозяйстве являлось отражением общественных настроений определенной части населения республики. Уже первая мобилизация в июне – июле 1941 г. прошла с напряжением и обнаружила, что определенные слои горцев не желали служить в Красной армии. Все последующие военно-мобилизационные мероприятия: приписки и призывы молодежи, перерегистрации, освидетельствования и мобилизации военнообязанных, конского состава и материальных средств – проходили при все усиливавшемся сопротивлении населения³⁸⁸.

Наблюдалась тенденция к распространению антисоветских и профашистских настроений среди жителей республики. В специальном постановлении Военного совета 44-й армии констатировалось: «Элементы из местного населения... ведут антисоветскую агитацию и сеют пораженческие настроения... Контрреволюционная часть населения сама встает на этот путь и тем самым активно содействует противнику в проведении его планов. Так, установлено немало случаев скупки населением оружия, укрытия банд, подведения немцев к нашим окопам...»³⁸⁹ Особенно опасной была поддержка антисоветских настроений со стороны представителей самих советских, партийных властей и руководства силовыми ведомствами Чечено – Ингушетии³⁹⁰.

С началом войны бандитизм резко активизировался. Современные исследователи подчеркивают тесную связь повстанцев в Чечне, Дагестане с германской разведкой абвер, всячески (материально и организационно) стимулировавшей антисоветские настроения горцев и старавшейся взять движение под свой контроль³⁹¹. Интенсивная борьба с повстанчеством шла и в 1943 г., после освобождения края от оккупантов. Ее результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сведения о результатах борьбы с бандитизмом на Северном Кавказе. Январь – 10 октября 1943 г.

	Кол-во операций	Убито бандитов	Ранено	Захвачено в плен	Итого	Убито сотрудников НКВД	Ранено	Итого
Краснодарский край	98	109	15	660	784	14	8	22
Ставропольский край*	23	15	1	108	139	—	—	—
Черкесская АО	22	13	8	111	132	—	—	—
Карачаевская АО	37	99	14	380	493	60	55	115
Кабардино-Балкарская АССР	25	141	22	1039	1202	18	42	60
Чечено-Ингушская АССР	57	256	22	3188	4119	45	29	74
Северо-Осетинская АССР	3	13	—	8	21	—	—	—
Дагестанская АССР	2	4	—	178	182	1	—	1
Грузинская ССР	79	30	12	229	271	9	11	20
Армянская ССР	2	1	1	4	6	—	—	—
Итого	352	681	94	5910	6685	147	145	292
* Сведения по Ставропольскому краю и Чечено-Ингушетии даны по состоянию на 31 декабря 1943 г.								

РГВА. Ф. 38650. Он. 1. Д. 128. Л. 3.

Тесно связанной с распространением бандитизма была тенденция роста уклонения от службы в армии, саботаж мобилизационных мероприятий и дезертирство, в том числе массовый уход с оборонных работ. По словам председателя Верховного Совета ДАССР Тахтарова, выступившего в сентябре 1942 г. на XIV пленуме Дагестанского обкома ВКП(б), еще три-четыре месяца назад эти явления не были широко распространены в

республике³⁹². Аналогичная тенденция отмечалась в горах Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

3

Срыв учетно-мобилизационных мероприятий в горных районах Северного Кавказа

В отличие от повстанческого движения и общего брожения среди горского населения, с трудом поддававшихся количественной оценке, срыв военно-учетных мероприятий и конкретных планов мобилизаций людских, конских и материальных ресурсов сразу делал очевидным масштабы нелояльного отношения к властям.

В ЧИАССР учетно-мобилизационная работа велась, по словам военкома республики К.А. Бронзова, «в сложных условиях», которые он определял «наличием значительного влияния кулацких элементов, живучестью родовых пережитков, слабостью и засоренностью части партийно-советских организаций и запущенностью политической работы на селе, а также неудовлетворительным состоянием учета людей и лошадей до войны и в первый период войны»³⁹³. Проводившаяся 20 мая – 10 июня приписка призывников 1924 г. рождения и постановка на учет призывников 1925 г. рождения в целом прошли хорошо, но сопровождались, по данным военкома республики, «немалым числом отрицательных явлений», которые он связывал прежде всего с «местными национальностями» – чеченцами и ингушами³⁹⁴. Речь шла об уклонении от призыва, укрывательстве призывников. Правда, эти явления были распространены лишь в нескольких районах республики, а число не явившихся на учет в конечном итоге составило 117 чел. – около 5 % всех призывников из числа чеченцев и ингушей 1924 г. рождения³⁹⁵.

Проводившаяся с 15 июня по 15 августа 1942 г. перерегистрация военнообязанных запаса также прошла с напряжением. По словам военкома республики, часть военнообязанных «из числа чечен и ингушей» в Пригородном, Назрановском, Сасановском, Галанчожском и Шатоевском районах «на перерегистрацию не являлась и заняла выжидательную линию и, только убедившись, что в армию не призывают, явилась на перерегистрацию»³⁹⁶. Однако и после этого на пункты регистрации не явилось 892 чеченца и ингуша «из числа враждебно настроенных к советской власти». В годовом отчете военкома отмечается, что «последние карательными органами полностью не разысканы». В то же время к ответственности за уклонение от учета было привлечено 1189 чел., а за неявку на перерегистрацию – 208 чел.; все – «исключительно из местных национальностей»³⁹⁷. Летом 1942 г. работа районных военкоматов оказалась чрезвычайно затруднена: по данным К.А. Бронзова, «ряд военкоматов горных районов находились в положении фактической блокады, всякий выезд в сельсоветы был связан с опасностью для жизни. Сельские и некоторые районные организации, по существу, прекратили работу»³⁹⁸.

В Дагестане, где в середине августа 1942 г. проводился призыв молодежи 1922 и 1923 гг. рождения, в ряде районов мероприятия военкоматов были сорваны вследствие активного противодействия со стороны населения, часть которого вооружалась и уходила в леса. Так, в Табасаранском районе только один сельсовет из 19 выполнил наряд на сбор призывников. 11 сельсоветов не предоставили вообще ни одного человека. Из 228 занаряженных райвоенкомату призывников явилось по вызову лишь 63 чел. Остальные скрылись в лесах, как только в сельсоветах стало известно о прибытии в район уполномоченных для вручения повесток. Из числа явившихся 51 чел. по

состоянию здоровья были признаны годными для военной службы, но ночью 22 чел. из них скрылись. Уполномоченные от райсовета и райкома ВКП(б) были задержаны бандитами по пути в Чулакский сельсовет, а сопровождающие команды призывников – в селении Татиль. И те и другие были освобождены только спустя несколько дней подоспевшим истребительным отрядом³⁹⁹.

Общие масштабы дезертирства и уклонения от военной службы в Дагестане можно оценить по справке, составленной начальником 2-й части военкомата ДАССР старшим лейтенантом Кичиевым 9 декабря 1943 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Состояние борьбы с дезертирами и уклонистами по ДАССР на 1 декабря 1943 г.

	1942 г.	1943 г.	Всего по категориям
Арестовано дезертиров	1807	931	2738
Легализовано дезертиров	1090	455	1545
Арестовано уклонистов	1243	96	1339
Легализовано уклонистов	2102	196	2298
Всего за год	6242	1678	7920

Составлено по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 501. Л. 164.

К декабрю 1943 г. на учете оставалось 394 дезертира – тех, кто числился покинувшими свои воинские части и не вернулся домой. Розыск происходил именно по запросам воинских частей. Уклонисты от призыва и мобилизации более не учитывались, поскольку дагестанцы не призывались⁴⁰⁰.

Показанные масштабы дезертирства, несомненно, значительны. Для сравнения можно сказать, что за январь и февраль 1943 г. по всему Северному Кавказу

было задержано 699 чел., квалифицировавшихся как дезертиры, 1109 изменников Родины, 205 пособников врага, 20 шпионов⁴⁰¹.

Очевидно, масштабы распространения воинских преступлений заставили искать иные способы решения проблемы, кроме репрессий. Заместитель наркома внутренних дел И.А. Серов отмечал в своем докладе в Москву о положении на Северном Кавказе: «Только оперативно-чекистские мероприятия без политике-разъяснительной работы и удовлетворения потребностей горского населения товарами широкого потребления будут неэффективными, и мы не сумеем оторвать рядовую часть в бандгруппах от их главарей»⁴⁰².

С конца 1941 г. велась работа по улучшению снабжения горского населения. В горные районы стали завозиться мука, соль, спички, мыло и прочие товары народного потребления. Была развернута непрерывная агитационная и разъяснительная работа по вопросам текущего момента войны и политики советского правительства. Она понималась как барьер на пути слухов и домыслов, которые заполняли информационный вакуум во многих горных районах⁴⁰³. Особая ставка делалась на работу со стариками и женщинами. Употребив патриархальную власть, они должны были усовестить своих непримиримых сыновей и мужей, не желавших мириться с советской властью⁴⁰⁴.

Кроме того, осенью 1942 г. лично наркомом внутренних дел Л.П. Берией местным органам НКВД было дано указание не привлекать к ответственности добровольно явившихся в органы власти дезертиров и уклонистов. Такие же меры были приняты весной 1943 г. и в Карачае, после освобождения территории области от противника⁴⁰⁵. В Чечено-Ингушетии в мае 1943 г., после полного провала добровольческой кампании по

вступлению в ряды Красной армии горцев, обком партии ЧИАССР рекомендовал компетентным органам применять репрессии только к отдельным из выявленных 1136 дезертиров⁴⁰⁶. Не характерный для тоталитарного государства мягкий подход к лицам, совершившим тяжкое государственное преступление и уличенных в этом, имел целью не спровоцировать еще большее противодействие горцев. Это был сугубо тактический прием, применявшийся в конкретной обстановке. Нарком внутренних дел Дагестана Медведев отмечал позицию Берии на этот счет: «Тов. Берия... говорил, [что] не всегда нужно разговаривать с бандитами оружием»⁴⁰⁷.

Очевидно, неудачные опыты мобилизаций и призыва горского населения после начала битвы за Кавказ заставляли советское руководство воздерживаться от возобновления крупномасштабных мероприятий в этой области. 13 сентября 1942 г. с такой инициативой выходил на Военный совет Закавказского фронта заместитель командующего войсками Закавказского фронта – начальник Управления фронта генерал-лейтенант Курдюмов, на которого возлагалась обязанность изыскания новых людских ресурсов. Он представил на утверждение командующего фронтом генерала армии И.В. Тюленева проект справки-доклада народному комиссару обороны СССР «О целесообразности проведения мобилизации в Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР и призыве военнообязанных по национальности чечено-ингушей и кабардино-балкарцев». В справке было отмечено, что на территории КБАССР по состоянию на 15 июля 1942 г. числилось 3110 призывников 1924 г. рождения, 960 призывников 1925 г. рождения и 4785 военнообязанных местных национальностей, не подлежащих призыву и мобилизации. В ЧИАССР эти цифры составляли соответственно 4646, 2142 и 34 611 чел. В общей

сложности по двум республикам приему в армию не подлежало 50 256 чел.⁴⁰⁸ В проекте документа указывалось, что среди военнообязанных имеются «полноценные ресурсы» (к таковым отнесены лица, служившие ранее в кадрах РККА, коммунисты, комсомольцы, лица, проходившие подготовку в организациях Осоавиахима и в милиционных частях). Учитывая отсутствие к тому времени национальных горских частей, предлагалось направить ресурсы горцев в запасные части для дальнейшего их использования «рассредоточенно»: не более 25-30 % штатного расчета маршевых рот. При этом кандидаты для зачисления в войска должны были удовлетворять не только требованиям социальной «полноценности», но и должны были пройти тщательную проверку «в политико-моральном отношении». Старшие возраста военнообязанных (45-50 лет) и ограниченно годных предлагалось использовать на укомплектование рабочих колонн, «в частности, передать 15 тыс. чел. 25-му управлению оборонных работ в гор. Баку и удовлетворить потребность в рабочей силе 8-й саперной армии»⁴⁰⁹. Военнообязанных, отсеянных по политике-моральным соображениям, предлагалось вывести рабочими колоннами с территории родных республик на территорию Закавказья. Таким образом, задействованы оказывались все 50 тыс. чел. имевшихся ресурсов. Интересно, что в первоначальном проекте доклада начальнику Главупраформа, сохранившемся в рукописи⁴¹⁰, аналогичные меры предлагалось применить к людским ресурсам Дагестана (32 тыс. чел.), также оказавшимся вне приема в армию. Однако в итоговом докладе народности Дагестана вообще не были упомянуты. Возможно, руководство фронта рассчитывало на возобновление обычных условий призыва в республике.

Первоначально идея генерала Курдюмова была воспринята позитивно. 14 сентября он доложил свои предложения командующему войсками фронта генералу армии И.В. Тюленеву, и тот принял решение «доложить в Ставку Верховного главнокомандования»⁴¹¹. Однако уже подготовленная на имя И.В. Сталина телеграмма так и не была отправлена. На проекте телеграммы начальником отдела укомплектования Упраформа Закфронта майором Ф.А. Кнышем 27 сентября сделана справочная надпись: «Приказано не писать НКО, так как есть указание Ставки не призывать»⁴¹². Замкнулся бюрократический круг: Военный совет Закавказского фронта не стал просить Ставку отменить свое решение о запрете призыва горцев на том основании, что она уже его запретила. Думается, что реальной причиной того, что Военный совет Закфронта не настаивал на своей инициативе, были реалии момента: разгоравшееся ожесточенное сражение с немецкими войсками и их союзниками непосредственно на территории горских автономных республик, беспокойное положение в тылу, проблемы в реализации призывов и мобилизаций в предыдущий период.

4

1943 год: от приостановок призыва к политическим обвинениям

Причины приостановок призыва в республиках Северного Кавказа центральными властями не раскрывались и не комментировались. Даже республиканские руководители не получали официальных разъяснений на этот счет. В своем ходатайстве начальнику Главупраформа РККА о возобновлении призыва среди народностей Дагестана руководители республики А. Алиев и А.Д. Даниялов высказывались предположительно: «Основанием для дачи таких указаний (имелась в виду директива Главупраформа о приостановке призыва дагестанцев. – *Лет.*) могли служить (курсив наш. – *Авт.*) соображения о политико-моральной неустойчивости состава призываемых в ряды Красной армии людей из народностей Дагестана»⁴¹³.

Руководители северокавказских автономий оказались в сложном положении. Реакция лидеров Дагестана представляет собой редкий пример, когда республиканское руководство вступало в полемику с центральным правительством по поводу приостановки призыва в своем регионе.

Неуверенности лидерам северокавказских автономий добавляла угроза предъявления им *политических обвинений*, главным из которых в национальных окраинах СССР было обвинение в национализме. Например, с именами лидеров Кабардино-Балкарии – секретаря ВКП(б) З.Д. Кумехова и председателя СНК Х.К. Ахохова – связывался разгул на территории республики в период битвы за Кавказ

«буржуазного национализма», борьба с которым якобы стала успешной только после их смещения⁴¹⁴.

Политический надзор за республиканскими элитами осуществляли многочисленные представители НКВД, командированные из центрального аппарата. Около месяца, в августе – сентябре 1942 г., на Северном Кавказе работал сам всеильный нарком внутренних дел Л.П. Берия. По признанию бывшего председателя правительства и первого секретаря Северо-Осетинского обкома К.Д. Кулова, «мы... побаивались Берия, не проявляли достаточной воли»⁴¹⁵. Поэтому даже на весть о выселении чеченцев председатель СНК Чечено-Ингушетии С.К. Моллаев, по словам Берии, лишь «прослезился», а затем обещал выполнить все задания правительства в срок⁴¹⁶. Какую-то роль, несомненно, играло и то, что партийные руководители многих северокавказских республик были русскими (первые секретари обкомов Дагестана Н.И. Линкун, Северной Осетии, позже Кабарды, – Н.М. Мазин, Чечено-Ингушетии – В.А. Иванов) и не столь остро ощущали вредность для народного самосознания отказа в призыве в армию.

С начала января 1943 г., по мере стремительного освобождения территорий северокавказских республик от оккупантов, работа республиканских военкоматов немедленно восстанавливалась. Так, весь аппарат Кабардино-Балкарского республиканского военкомата был направлен в Нальчик уже на следующий день после освобождения города. Всем военкоматам были даны указания «не допускать излишней задержки» в регистрации и отправке в армию военнообязанных и призывников из освобожденных районов. Оперативные группы военкоматов следовали непосредственно за боевыми порядками наступающих частей Красной армии, выявляя и направляя в армейские запасные части годные к службе контингенты⁴¹⁷. Кроме того, ввиду быстрых темпов наступления и оторванности запасных

полков от штабов армий, в январе 1943 г. командующим Закавказским фронтом генералом армии И.В. Тюленевым (в порядке приказа НКО № 089 от 9 февраля 1942 г.) временно было разрешено проведение призыва штабами корпусов, дивизий и даже бригад. На практике, в условиях быстрого продвижения, очень часто армейские штабы не имели, да и не искали контакта с местными учетно-мобилизационными органами, стараясь получить как можно больше пополнений. Известно, что на территории Северного Кавказа в порядке приказа НКО № 089 было мобилизовано около 127 тыс. чел., из которых свыше 84 тыс. чел. были направлены в войска, остальные – отсеяны по различным причинам⁴¹⁸. В этих условиях требования к просеву призываемых контингентов по политико-моральным, национальным и прочим критериям, как правило, не выдерживались⁴¹⁹.

Однако постепенно планомерная учетно-мобилизационная работа на освобождаемых территориях Северного Кавказа налаживалась. Ею руководил Упраформ Закавказского фронта со штабом в Пятигорске, а затем – в Армавире (начальник – заместитель командующего войсками Закфронта генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов, начальник штаба Упраформа – генерал-майор А.И. Бармин). В конце июня 1943 г. Упраформу Закфронта был подчинен также республиканский военкомат Калмыцкой АССР⁴²⁰. 2 июля 1943 г. решением народного комиссара обороны № 0395 был восстановлен Северо-Кавказский военный округ (II формирования) в его прежних границах: южная часть Ростовской области (к югу от р. Дон), Ставропольский и Краснодарский края, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская АССР, Карачаевская и Черкесская автономные области⁴²¹. Основу аппарата штаба СКВО составил аппарат Упраформа Закфронта. В.Н. Курдюмов во второй раз стал командующим СКВО (заместителем командующего – генерал-майор В.Н.

Сергеев, членом Военного совета – генерал-майор П.К. Смирнов, начальником штаба – генерал-майор А.И. Бармин)⁴²².

Основное внимание штаба Упразформа Закавказья, а затем штаба СКВО на освобожденных территориях Северного Кавказа в 1943 г. было возобновление учета военнообязанных и призывников, оформление военноучетной документации, уточнение военно-учетных признаков людских ресурсов региона и выявление дополнительных ресурсов⁴²³. Восстанавливалась работа военкоматов. Уже к весне 1943 г. в Кабардино-Балкарии действовало 16 РВК, в Северной Осетии – 11, в Чечено-Ингушетии – 30⁴²⁴. 11 апреля 1943 г. генерал Курдюмов рапортовал начальнику Главного управления формирований и укомплектования войск генерал-полковнику Е.А. Щаденко о том, что северокавказские военкоматы (кроме Чечено-Ингушского) восстановлены полностью⁴²⁵.

Однако результаты мобилизации и призыва были незначительными: призыву в армию подлежали лишь лица так называемых «европейских» национальностей. К лету 1943 г. в боевые, запасные части и рабочие колонны со всего Северного Кавказа было направлено около 117 тыс. чел. строевых и около 40 тыс. нестроевых⁴²⁶. В то же время на 1 апреля 1943 г. из трех республик (Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии) в войска было отправлено лишь 1313 чел.⁴²⁷ В отношении представителей горских народов было дано категоричное разъяснение: «В армию не призывать и никуда не отправлять»⁴²⁸. После регистрации в военкоматах по месту жительства они распускались по домам «до особых распоряжений». Также не был возобновлен призыв среди коренных

национальностей Черкесской, Карачаевской и Адыгейской автономных областей.

В мае – июне 1943 г. во всех республиках Северного Кавказа проводилась проверочная регистрация всех военнообязанных и призывников всех национальностей. Это была первая попытка уточнить состояние мобилизационных ресурсов региона после освобождения его от противника. Военно-учетная работа протекала в сложных условиях: не хватало военно-учетных работников на местах, а те, что имелись, не обладали ни должной квалификацией, ни необходимой документацией и бланками. Длительное время местные работники обходились составлением поименных списков военнообязанных и призывников.

Впервые после приостановки призыва в 1942 г. учетные мероприятия велись в отношении чеченцев и ингушей. При этом обстановка в республике была настолько напряженной, что военком ЧИАССР подполковник К.А. Бронзов ходатайствовал перед вышестоящим командованием об отсрочке перерегистрации в пяти районах – Итум-Калинском, Шатоевском, Шароевском, Галанчожском и Чеберлоевском в связи с засильем в этих районах банд и угрозой нападений на переписчиков⁴²⁹.

Численность непризываемых горских национальностей по Северному Кавказу (Ставропольский край с Карачаевской и Черкесской АО, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская и Дагестанская АССР) показана в сводной табл. 4, составленной по данным республиканских и краевых военкоматов. Для полноты картины в таблицу включены контингенты 1927 г. рождения, подлежавшие призыву в 1944 г. В 1943 г. контингенты этого возраста только ставились на учет. Призыв молодежи 1927 г. рождения стал последним массовым призывом в годы войны.

В августе 1943 г. горцы-призывники 1926 г. рождения проходили приписку к призывным участкам наравне с другими призывниками Советского Союза⁴³⁰. Всего по стране к призывным участкам было приписано 4228 представителей народностей Дагестана (отдельно были показаны 100 аварцев и 8 лакцев), 1878 кабардинцев и балкарцев, 2682 чеченца и ингуша, 2564 осетина – всего 11 460 чел., что составляло 1,14 % всех призывников 1926 г. рождения в СССР (общее их число – 1 005 262 чел.)⁴³¹. К призывному контингенту, приписанному в Северо-Кавказском военном округе, удельный вес горцев (чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, осетин) значительно выше – 17,76 %. В то же время удельный вес представителей народностей Дагестана среди призывников Закавказского фронта, к которому относился РВК ДАССР, составил 6,0 %⁴³². Однако в октябре 1943 г. все северокавказские горцы снова были освобождены от призыва (пункт 2 директивы начальника Главупраформа № М/1/1493 от 9 октября 1943 г.⁴³³). При этом, наряду с «местными национальностями» Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Карачаевской и Черкесской автономных областей, впервые перечислены Северная Осетия и Адыгея. Этой же директивой начальника ГУФ от призыва освобождались призывники 1926 г. рождения «местных национальностей» Закавказья и Средней Азии⁴³⁴.

Таблица 4

Сведения о ресурсах военнообязанных и призывников непризываемых национальностей по Северному Кавказу по состоянию на 1 августа 1943 г.

	До 35 лет	36—40 лет	41—45 лет	46—50 лет	Всего военнообязанных	Призывники 1924/1925/1926/1927 годов рождения	Всего
Чеченцев	18 487	8069	4729	2894	34 179	2235/2069/ 3072/—	50 166
Ингушей	5161	1772	1102	576	8611		
Кабардинцев	1832	332	291	281	2742	1058*/1498/ 1414/—	7259
Балкарцев	323	68	74	69	534		
Народностей Дагестана	11 707	4572	4239	4208	24 721	4268/4808/ 4336/4666	42 799
Карачаевцев	519	149	135	141	944	56/145/ 23/—	1168
Черкесов**	13	1	3	3	20	нет данных/ нет данных/ 564/257	841
Осетин***	24	8	2	6	40	0/0/ 1525/1896	3498
Адыгейцев						0/0/ 235/448	683
Кумыков	100	63	23	19	205	нет данных	205
Всего							106 619
<p>* Данные по призывникам 1924 и 1925 г. рождения даны слитно.</p> <p>** Обнаружены данные только на черкесов, проживавших в ЧИАССР.</p> <p>*** В качестве «непризываемого народа» осетины представлены в сведениях, поступивших из РВК КБАССР и ЧИАССР. Аналогичные данные РВК СОАССР не содержат данных об ограничении призыва осетин.</p>							

Составлено по: ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–211; Д. 56. Л. 121.; Ф. 209. Оп. 999. Д. 308. Л. 60–64, 413, 415, 418, 419, 436, 437–440, 443–445; Д. 370. Л. 150–151.

В документах о призыве 1943 г., разосланных штабам округов и фронтов Главупраформом, формула «освобождены от призыва призывники местных национальностей» семантически отделена от другой, очень похожей: не приняты в армию по национальным признакам». К первой категории относились северокавказские горцы, а также многочисленные категории призывников закавказских и среднеазиатских народов – грузин, армян, азербайджанцев, казахов, узбеков, таджиков, туркмен, киргизов. Призыв коренных народов в союзных республиках Закавказья и Средней Азии (всего 136,7 тыс. призывников⁴³⁵) был приостановлен осенью 1943 г., когда критического уровня достигло несоответствие физических и образовательных характеристик призывных контингентов из этих регионов возросшему уровню требований Красной армии, все более «взрослевшей» тактически и насыщаемой сложными видами вооружения и техники. Ко второй категории не принятых в армию «по национальным признакам» относились представители народов, считавшихся «несоветскими» (греки, ассирийцы, курды и проч.) или враждебными СССР (немцы, турки, финны, румыны, болгары и проч.). Таким образом, «вражеская» семантика относилась только ко второй категории непризываемых народов (хотя в обширной военкоматской документации эти категории нередко смешивались; ясно, что работникам на местах трудно было уловить политические оценки, отразившиеся в лингвистических хитросплетениях).

В то же время в 1943 г. запрет на призыв северокавказских горцев приобрел новый оттенок. Наряду с усилиями по легализации членов бандгруппировок, он лег в основу мероприятий, направленных на наиболее полное выявление, учет и сосредоточение в местах постоянного проживания

представителей национальностей, намеченных к депортации. Правительство немедленно реагировало на всякие сообщения о попытках организации призыва в северокавказских республиках. Так, 29 июня 1943 г. представитель Главного управления формирования и укомплектования войск в телеграфных переговорах с начальником штаба Северо-Кавказского фронта Барминым в резкой форме отчитал последнего за то, что якобы был начат призыв в армию карачаевцев, что вызвало в Москве «недоразумения». Бармину в категорической форме было приказано «немедленно отменить призыв и призванных карачаевцев распустить по домам». Тут же он счел нужным подчеркнуть: *«Повторяю – Карачай, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия – негорские национальности подлежат перерегистрации; горцев не перерегистрировать и не призывать»* (курсив наш. – Авт.)⁴³⁶.

Тревога центральных органов оказалась необоснованной: штаб СКВО не нарушал предыдущих запретов на призыв. Зато документ четко указывает на источник этих настойчивых распоряжений. По словам Бармина, секретарь Ставропольского крайкома М.А. Суслов «разговаривал по этому вопросу с т. Берия», который сообщил, что «существует ряд причин», по которому призыв карачаевцев недопустим⁴³⁷. Упомянутый ряд причин в совокупности с именем наркома внутренних дел указывают на последующую депортацию карачаевцев, проведенную в ноябре 1943 г. Здесь отказ в призыве в армию встроен в репрессивную цепь: легализация дезертиров и бандитов и прекращение призыва – концентрация карачаевского населения в населенных пунктах – поголовная депортация. Аналогичные меры по легализации и сосредоточению людей были предприняты в отношении чеченцев и ингушей, а также «местных национальностей

Кабардино-Балкарской АССР»⁴³⁸. Как отмечалось выше, дезертиры из числа местных национальностей, добровольно являвшиеся в органы местной власти, не подлежали уголовному преследованию, как и воинской повинности⁴³⁹. В одной из телеграмм разъяснялось также, что лицам из числа дезертиров, добровольно подавших заявления о возвращении в армию, также должно быть отказано в призыве⁴⁴⁰.

Отмена призыва вызвала неожиданные последствия. 4 августа 1943 г. ставропольский крайвоенком Христофоров сообщал начальнику штаба Северо-Кавказского военного округа, что известие об отмене призыва в Карачаевской автономной области вызвало массовый отток карачаевцев с фронта. Под предлогом командировок или отпусков они возвращались в родные селения нигде не регистрируясь⁴⁴¹. То же самое можно сказать и о Чечено-Ингушетии. Здесь, согласно данным военкома республики подполковника К.А. Бронзова, эта мера лишь усугубила ситуацию: вести о том, что дезертиры не подлежат уголовной ответственности, через письма родных доходили на фронт. Отпускники стали переходить на нелегальное положение и скрываться в горах, «зная, что за это не судят»⁴⁴². В случае с карачаевцами органы НКВД сознательно закрывали глаза на это явление, чтобы не вызвать тревоги у населения и не сорвать легализацию карачаевцев, возвращавшихся с гор в аулы⁴⁴³.

Принципиальный отказ от приема в войска представителей северокавказских народов объясняет мизерное число годных для службы в армии людских ресурсов в этих республиках. Так, на 15 июля 1943 г. в Кабардино-Балкарии на общем учете как годные к строевой службе состояло 222 военнообязанных в возрасте до 47 лет и ни одного призывника, в Северной Осетии соответственно 408 и 39 чел., в Чечено-

Ингушетии – 281 и 35 чел. и т. п. Всего по *трем* республикам числилось 3928 чел., годных и не годных к строевой службе, призывников, а также 419 чел., годных к физическому труду. Зато численность военнообязанных и призывников, призыв которых был запрещен по национальному признаку или как социально чуждых, к ноябрю 1943 г. превысила *121 тыс. чел.* (см. табл. 5). Эта цифра сопоставима с численностью *крупной общевойсковой армии*.

Северокавказцы почти перестали поступать в войска. Так, в 28-й запасной бригаде СКВО, через которую проходила значительная часть лиц, призванных и мобилизованных по Северному Кавказу, их удельный вес летом 1943 г. колебался от 0,5 до 1 %. Представителей чеченского, ингушского, кабардинского, балкарского и карачаевского народов в составе бригады не было⁴⁴⁴.

До конца войны (в случае с балкарцами, карачаевцами, чеченцами и ингушами – до дня депортации) представители северокавказских народов принимались на службу в армию исключительно на добровольной основе⁴⁴⁵.

Таблица 5

Сведения об остатках ресурсов военнообязанных запаса и призывников по Северо-Кавказскому военному округу на 1 ноября 1943 г.

Все возрасты до 50 лет	Краснод. КВК	Ставроп. КВК	Ростов. ОВК	Сев.-Осет. РВК	Чеч.-Инг. РВК	Каб.-Балк. РВК	Калм. РВК	Дагест. РВК*	Итого
Годных к строю, обученных и необучен.	127	10 181	54	28	99	35	58	479	1946
Нестроевых	6016	8097	466	600	307	533	55	1120	17 194
Не годных к службе, но годных к физическому труду	88	365	49	19	49	123	3	Нет свед.	696
Всего военнообязанных	6231	9480	569	637	546	691	116	1599	19 869
Не призываемых по политико- моральным соображениям (ПМС)	508	2720	113	1054	48 781	3927	44	Нет свед.	57 147
Из них по нац. признаку	0	1714	0	1008	48 636	3855	0	36 330	91 543
Призывников 1926 г. р. (строй./нестрой)	4834/ 740	17 815/ 693	4448/ 575	1137/ 56	1965/ 87	1242/ 97	1584/ 91	Нет свед.	33025/ 2339
В том числе непризываемых: ПМС/национальный признак	0	640/ 1095	44/ 4	51/ 1562	3/ 3095	21/ 1399	32/ 0	Нет свед./ 22 918	791/ 30 073
На спецучете	23 619	18 800	43 592	4270	8907	2039	1114	8359	110 700

* Сведения о численности призывников и военнообязанных непризываемых национальностей по Дагестану даны по материалам постановления Военного совета Закавказского фронта «О работе военкоматов по учету, мобилизации военнообязанных запаса и призывников и состоянию людских ресурсов республик Закавказья и ДАССР» от 18 декабря 1943 г. Остальные данные по Дагестану относятся к 15 октября 1943 г. (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 407. Л. 260).

Составлено по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 408. Л. 419.

В конце 1942 г. волну бандитизма, дезертирства и прочих негативных явлений в северокавказских республиках удалось сбить, а в течение 1943 г. в основном ликвидировать эти явления (см. табл. 2).

Казалось, устранена сама причина запрета на призыв горцев. Уже в конце ноября 1942 г. политическое руководство Дагестана вышло в Главное управление мобилизации и формирования с предложением снять существующий запрет, мотивируя его почти полным подавлением повстанческого движения, резким сокращением дезертирства и уклонения от учетно-мобилизационных мероприятий. Однако и в данном случае, и в последующих руководство страны непоколебимо следовало избранному курсу на тотальный запрет призыва северокавказских горцев. Он сохранился до самого конца войны. Последний призыв военной поры граждан 1927 г. рождения, проводившийся с 15 ноября 1944 г. (постановление ГКО № 6784сс от 25 октября 1944 г. и директива Главупраформа М/1/1600 от 28 октября 1944 г.), также

обошелся без них. Призыву не как «местные национальности» не подлежали кабардинцы-осетины, черкесы, адыгейцы, народности Дагестана (в отчете штаба СКВО также перечислены аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, тавлинцы, горские евреи, ногайцы и «дагестанцы»)⁴⁴⁶.

Между тем этой же осенью был возобновлен призыв закавказских народов, Призывники закавказских национальностей 1926 г. рождения поступили в войска вместе с призывниками так называемых «европейских» национальностей 1927 г. рождения, после интенсивного обучения общеобразовательным предметам, русскому языку, военному делу, а также проведения необходимых лечебно-профилактических мероприятий. Теперь в отчетных документах призывники закавказских национальностей относились к категории «временно не призываемых национальностей», а северокавказские горцы – «освобожденных от призыва местных национальностей»⁴⁴⁷. Таковых по Северо-Кавказскому округу и Закавказскому фронту среди призывников 1927 г. рождения оказалось: представителей народностей Дагестана – 4666, кабардинцев – 1414, северных осетин – 1896, адыгейцев – 448, черкесов – 257, ногайцев – 175⁴⁴⁸. В отдельную категорию «не призываемых до особого указания» были выделены представители народов, уже депортированных с исторической родины, по той или иной причине остававшиеся на территории Кавказа: 1 балкарец, 11 крымских татар и 12 калмыков⁴⁴⁹. Таким образом, категориальный аппарат для непризываемых национальностей еще более усложнился, а его употребление в деловой документации заметно упорядочилось.

Следует обратить внимание на важную особенность практики выполнения распоряжений вышестоящих инстанций. Невзирая на категоричность директив и

безусловную ответственность нарушителей, многочисленные внушения и предупреждения, приказы, поступавшие сверху, нередко не исполнялись в полном объеме. Причин тому было множество: плохая связь и взаимодействие внутри бюрократической вертикали, халатность исполнителей, кампанейщина, объективная неисполнимость некоторых распоряжений в назначенные сроки, формальность контроля со стороны вышестоящих инстанций и т. д. Так или иначе, применительно к ограничительным мерам в призывной политике это означало, что нередко на местах они проводились в жизнь с опозданием или даже фиктивно. Представители народов, на чью службу в армии был наложен запрет, подолгу находились в войсках, а вследствие частых перемещений и перетасовок личного состава работу по «отсеиванию» «социально чуждых элементов» много раз приходилось начинать заново. Еще в 1942 г. в большинстве дивизий насчитывалось от нескольких человек до нескольких десятков турок, курдов, поляков и др. – лиц, чей прием в армию был отменен в начале войны или до ее начала. Широко распространенная практика легализаций уклонистов, дезертиров и бандитов на Северном Кавказе санкционировалась республиканскими обкомами, которые при этом сами признавали, что велась она «вопреки всем существующим законам»⁴⁵⁰. В 1944 г., после выселения с исторической родины чеченцев, ингушей, карачаевцев и других народов, директивы действующим войскам о немедленном увольнении военнослужащих этих национальностей в запас не выполнялись по нескольку месяцев⁴⁵¹.

Прямым следствием ограничительной политики государства в области призыва и мобилизаций стала явная диспропорция во вкладе различных народов СССР в дело Победы, что отражено в итоговых цифрах безвозвратных людских потерь (убитые, умершие от ран,

пропавшие без вести и попавшие в плен) различных народов СССР, представленных одним из соавторов известного обобщающего труда о людских потерях советских вооруженных сил⁴⁵² М.В. Филимошиным⁴⁵³. Правда, исследователь не связывал полученные результаты с особенностями призыва в национальных регионах СССР. Если цифры, полученные автором⁴⁵⁴, сравнить с данными переписи 1939 г., то получится картина, представленная в табл. 6.

Таблица 6

Безвозвратные потери Красной армии в годы Великой Отечественной войны по национальному составу

Национальность погибших	Число потерь, тыс. чел.	В % к общему числу безвозвратных потерь	В % к общей численности населения СССР по переписи 1939 г.
Русские	5756,0	66,402	58,41
Украинцы	1377,4	15,890	16,56
Белорусы	252,9	2,917	3,11
Татары	187,7	2,165	2,54
Евреи	142,5	1,644	1,78
Казахи	125,5	1,448	1,83
Узбеки	117,9	1,360	2,82
Армяне	83,7	0,966	1,27
Грузины	79,5	0,917	1,33
Мордвины	63,3	0,730	0,86
Чуваши	63,3	0,730	0,81
Азербайджанцы	58,9	0,673	1,34
Молдаване	53,4	0,621	0,04

Башкиры	31,7	0,366	0,50
Киргизы	26,6	0,307	0,52
Удмурты	23,2	0,268	0,50
Таджики	22,9	0,264	0,72
Туркмены	21,3	0,246	0,48
Эстонцы	21,2	0,245	—
Марийцы	20,9	0,241	0,28
Буряты	13,0	0,150	0,13
Коми	11,6	0,134	0,24
Латыши	11,6	0,134	—
Литовцы	11,6	0,134	—
Народности Дагестана	11,1	0,128	0,50
Осетины	10,7	0,123	0,21
Поляки	10,1	0,117	—
Карелы	9,5	0,110	0,15
Калмыки	4,0	0,046	0,08
Кабардинцы и балкарцы	3,4	0,039	0,13
Чеченцы и ингуши	2,3	0,026	0,29
Остальные народы	40,0	0,459	
Всего	8668,4	100,0	100,0

Составлено по: *Филимошин М.Б.* Указ. соч. С. 16–25; *Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги.* М., 1992.

Из таблицы видно, что удельный вес безвозвратных потерь среди представителей северокавказских народов значительно ниже удельного веса потерь русских: потери *осетин* в войне в *1,7 раза ниже* их удельного веса среди населения Советского Союза, *кабардинцев и балкарцев* – в *3,3 раза*, *дагестанцев* – в *3,9 раза*, *чеченцев и ингушей* – *более чем в 11 раз*⁴⁵⁵. Напротив, это соотношение у *русских* составило *1,13:1*. Можно сказать, что прекращение призыва горцев в ряды Красной армии объективно способствовало сохранению генофонда этих народов. Хотя, конечно, последующая варварская депортация некоторых из них этот генофонд серьезно подорвала.

В то же время нельзя не отметить, что кавказские национальные регионы внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом. В общей сложности они дали действующей армии почти 2 млн чел., включая лиц славянских и прочих национальностей.

Отказ в призыве в Красную армию в течение войны, в конце концов, постиг *все без исключения* коренные народы Кавказа (на Северном Кавказе – в течение 1941–1942 гг., в трех закавказских союзных республиках – в ноябре 1943 г.). Общее число национальностей, не призывавшихся в армию, по стране к концу 1943 г. достигло 43⁴⁵⁶, что почти совпадало с аналогичным показателем в царской России (45 национальностей⁴⁵⁷).

5

Добровольчество как суррогат мобилизации

Приостанавливая призыв и мобилизацию военнообязанных в том или ином регионе, руководство страны, с одной стороны, объективно усложняло себе задачу по изысканию резервов для пополнения действующей армии: чрезмерную нагрузку несли «благонадежные» народы. Политические решения шли вразрез с актуальными потребностями действующей армии. С другой стороны, широкая огласка таких решений могла навредить интернационалистскому имиджу Советского государства и Красной армии, возмущало патриотически настроенное население регионов, чья служба в армии считалась нежелательной. Именно о таких настроениях жителей Дагестана сообщали в ноябре 1942 г. начальнику Главупраформа Щаденко секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А.К. Алиев и председатель СНК ДАССР А.Д. Даниялов: «Запрещение призыва в ряды Красной армии является в жизни народов Дагестана *политически вредным и ничем несмываемым пятном...*» (Здесь и далее курсив наш. – Авт.)⁴⁵⁸ Этот запрет также *«отрицательно и вредно отразится на фактически призванных в ряды РККА [дагестанцах], так как каждый из призванных систематически поддерживает письменную связь со своими семьями...»*⁴⁵⁹

Альтернативой обязательному призыву в тех регионах, где он был отменен, стало *добровольчество*. Оно должно было автоматически предохранять Красную армию от проникновения в нее антисоветски настроенных и неустойчивых лиц и одновременно давало возможность удовлетворить стремление тех

горцев, которые действительно готовы были на фронте отстаивать интересы Советского государства.

В начале войны добровольчество на Северном Кавказе, как и во всей стране, дополняло обязательный призыв. Не менее важна была и его идеологическая функция: масштабы добровольческого движения демонстрировали степень патриотического подъема населения. Этот показатель был очень важен для советского правительства. Политическая значимость этого явления сделала добровольческую статистику самостоятельным показателем, существовавшим отдельно от фактических результатов приема добровольцев в армию. Человек, подавший в военкомат заявление о добровольной отправке на фронт, совсем не обязательно туда попадал. В тех случаях, когда он подлежал плановому обязательному призыву, мобилизации, был забронирован за производством, не подходил для службы в армии по возрасту, состоянию здоровья и прочим показателям, он оставлялся на месте, но при этом обязательно учитывался в добровольческой статистике. Данные о подаче гражданами заявлений о добровольной отправке на фронт широко используются местными историками для демонстрации патриотического подъема в том или ином регионе.

Добровольчеством охватывался, как правило, непризывной контингент граждан: старшие и допризывные возраста, комиссованные по болезням, увечьям и т. д. На Северном Кавказе на добровольной основе в конце 1941 – начале 1942 г. формировались Адыгейский добровольческий кавалерийский полк, 114-я Чечено-Ингушская и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии, некоторые другие национальные части. Подробно речь о них пойдет ниже.

С приостановкой призыва титульных национальностей северокавказских республик добровольчество приобрело особый политический

оттенок. Возможность стать добровольцем теперь стала привилегией политически благонадежных граждан.

В конце августа 1942 г. Чечено-Ингушский обком партии совместно с командующим Северной группой войск Закавказского фронта⁴⁶⁰ генерал-лейтенантом И.И. Масленниковым запросили у Ставки Верховного главнокомандования разрешения провести прием добровольцев среди чеченцев и ингушей на том основании, что все они – 45 тыс. здоровых мужчин – «хотят драться с фашистами»⁴⁶¹. Вполне вероятно, что с такой инициативой в Военном совете Северной группы выступил председатель СНК ЧИАССР С.К. Моллаев, незадолго до этого, 18 августа 1942 г., назначенный членом Военного совета группы войск⁴⁶².

Перед принятием решения Сталин запросил мнение генерала армии И.В. Тюленева и наркома внутренних дел Л.П. Берии. Последний работал в тот момент на Кавказе в качестве полномочного представителя ГКО и фактически подменял собой фронтовое руководство. Сталин получил следующий совместный ответ: «Формирование каких-либо частей из чеченцев и ингушей в данное время считаем нецелесообразным»⁴⁶³. Однако здесь же допущено исключение: *«Наиболее проверенные чеченцы и ингуши, так же как и осетины, будут использованы в необходимых случаях в качестве проводников, разведчиков частями Красной армии. (Здесь и далее курсив наш. – Авт.) После проверки на конкретных делах из них будут создаваться небольшие добровольческие отряды для борьбы с противником»*⁴⁶⁴. В другом донесении Берии в Москву говорится о *«тщательной проверке каждого из них»*⁴⁶⁵. По данным историков З.М. Аликберова и Х.-М. Ибрагимбейли, в начале сентября 1942 г. на фронт отправились 2 тыс. добровольцев из числа коренных национальностей Чечено-Ингушетии⁴⁶⁶ и 4900 добровольцев из

Дагестана⁴⁶⁷, однако этим цифрам, как и вообще факту проведения добровольческой кампании осенью 1942 г., документальных подтверждений обнаружить пока не удалось.

Перевес политических мотивов над потребностями армии вкупе с пристальным вниманием к добровольчеству на Северном Кавказе лично Сталина («товарищ Сталин приказал...», «товарищ Сталин разрешил...» вместо обыкновенно безличного «ГКО постановил...» или «Ставка приказала...») говорит о том, что оно стало важным элементом национальной политики в регионе.

Наиболее отчетливо этот тезис нашел отражение в добровольческой кампании в Чечено-Ингушетии и Дагестане в январе – марте 1943 г., проведенной спустя много месяцев после приостановки здесь обязательного призыва.

Директивой начальника Упраформа РККА генерал-полковника Щаденко № ГУФ/28ш от 26 января 1943 г. была объявлена мобилизация всех добровольцев по национальности чеченцев, ингушей и представителей народностей Дагестана.

Мобилизация велась при активном участии советских, партийных и комсомольских организаций республик. Была организована мощная пропагандистская кампания, в которой участвовали все наличные силы партийных идеологов республик и работников военкоматов.

Как ни странно отмечать в главе о добровольчестве, главным принципом проводимого мероприятия была объявлена именно добровольность вступления в ряды Красной армии. Местные власти отдавали себе отчет в политической важности мероприятия, стараясь не допустить принудительности и кампанейщины. Требовалось на деле доказать лояльность горцев советскому строю. Тем не менее добровольческая

кампания сразу же стала давать сбои именно из-за нежелания многих военнообязанных служить в армии.

Особенно напряженная ситуация сложилась в Чечено-Ингушетии. Здесь призывные комиссии в полной мере столкнулись с особенностями традиционного менталитета горцев – большим влиянием старейшин родов и мусульманских священников, оказывавших определяющее влияние на молодежь, тейповой замкнутостью. Население Чечено-Ингушетии почти не проявляло интереса к данному мероприятию. «Добровольцев очень мало», – отмечал военком республики полковник К.А. Бронзов⁴⁶⁸. Люди справедливо указывали властям на добровольность кампании и ссыпались на наложенный прежде запрет на призыв: «Сталин запретил призывать чеченцев и ингушей в армию, а местные власти, несмотря на это, призывают»⁴⁶⁹. Как и в случае с карачаевцами, о чем говорилось выше, многие чеченцы и ингуши расценивали этот запрет скорее как благо и привилегию.

Угроза срыва добровольческой кампании наряду со стремлением республиканских властей оправдать доверие советского правительства неизбежно вела к перерождению добровольческого принципа в обязательный. Существенные элементы принудительности были заложены еще в самой директиве ГУФУ, поскольку республикам был выдан наряд на добровольцев. Для Чечено-Ингушской АССР был установлен наряд в 3 тыс. чел. для пополнения 30-й кавалерийской дивизии. Для его выполнения использовались обычные методы обязательного призыва: райвоенкомы по согласованию с местными советскими и партийными властями составляли списки кандидатов в «добровольцы», рассыпали им повестки, а затем при помощи работников милиции обеспечивали их явку в райвоенкомат. «Добровольная мобилизация сразу

же превратилась в очередной призыв», – констатировал К.А. Бронзов. Сам термин «мобилизация», в большинстве случаев использовавшийся в документации, имел принудительную семантику, вместо более подходящего для добровольчества «вербовка». Грубое администрирование, неразборчивость в методах (заложничество, вооруженное конвоирование «добровольцев»), невнимание к будущим бойцам и их семьям (например, нередко из семьи забирался единственный кормилец, в то время как в соседних семьях оставалось несколько взрослых мужчин) только отталкивали горцев. Они всячески сопротивлялись проводимым мероприятиям: отказывались получать на руки повестки, не являлись на сборные пункты, сбегали от конвоя, уходили в леса и т. д.

К середине марта 1943 г. по Чечено-Ингушетии удалось мобилизовать 4208 человек, прежде всего чеченцев. В войска (112-й запасный стрелковый полк и 30-ю кавалерийскую дивизию) удалось отправить 1850 чел.⁴⁷⁰

Благоприятнее положение складывалось в Дагестане. Дагестанскому обкому партии удалось достойно организовать кампанию по вербовке добровольцев. В совместном постановлении обкома и СНК ДАССР, объявлявших начало вербовки, подчеркивалось, что мероприятию придается «исключительное политическое значение»⁴⁷¹. Здесь тоже местами констатировались «грубейшие нарушения принципа добровольности»⁴⁷². Однако властям не пришлось прибегать к крайним мерам, поскольку дагестанцы проявляли большую сознательность. Власти со своей стороны старались всячески подчеркнуть почетность для молодых людей службы в армии. Для агитации широко привлекались родственники призывников и старейшины.

К середине марта 1943 г. в дагестанские военкоматы поступило 8255 заявлений добровольцев, большинство из которых подавали молодые люди: 3,2 тыс. чел. владели русским языком. По утверждению заведующего военным отделом Дагестанского обкома партии Омарова, «в большинстве районов заявления подали почти все мужчины»⁴⁷³. Правда, он же отметил слабую явку добровольцев на комиссию, что свидетельствовало об определенном формализме записи в добровольцы. Но в целом положение в Дагестане выгодно отличалось от ситуации с добровольчеством, сложившейся в соседней республике. Заместитель командующего Закавказским фронтом генерал-лейтенант Курдюмов в служебной записке отмечал: «Вербовка добровольцев в Дагестане проходит гораздо лучше, чем в Чечено-Ингушской республике. Как видно, [Дагестанский] обком подошел по-серьезному к этому вопросу»⁴⁷⁴. Всего из Дагестана в течение 1943 г. было отправлено в войска 4315 чел., местных национальностей при наряде в 4850 чел. Это вполне соответствовало среднегодовой норме приема призывников из Дагестана⁴⁷⁵. Общее число призванных по ДАССР в течение 1943 г. составило 5132 чел.⁴⁷⁶ Таким образом, на народности Дагестана в 1943 г. пришлось 84 % призванных. В то же время в Дагестане к концу 1943 г. оставалось 25 799 военнообязанных и 4902 призывника местных национальностей⁴⁷⁷.

Таким образом, определяющей чертой добровольчества на Северном Кавказе можно считать ярко выраженный кампанейский, управляемый характер добровольчества, также роднивший его с обязательными мобилизационно-призывными мероприятиями. Как правило, инициатива развертывания таких кампаний принадлежала партийным лидерам автономных республик, которые таким образом демонстрировали толерантность своих

народов курсу центрального правительства, приобретавшую особую актуальность с ростом политического бандитизма в горах. Такие инициативы от лица трудящихся в разное время выдвигали обкомы Адыгеи⁴⁷⁸, Чечено-Ингушетии, Дагестана⁴⁷⁹, Кабардино-Балкарии⁴⁸⁰ и т. д.

Результаты кампании оценивались в Москве и с политической точки зрения и легли в основу решений о дальнейшей судьбе чечено-ингушского и дагестанских народов. В рассмотренных добровольных мобилизациях начала 1943 г. новое руководство Дагестана, возглавленное в сентябре 1942 г. креатурой Берии и влиятельного лидера Азербайджана М.-Д. Багирова вторым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана А.К. Алиевым, несмотря на издержки, выдержало экзамен.

Уже после отставки Л.П. Берии в 1953 г. К.Д. Кулов – в годы войны председатель правительства Северной Осетии – утверждал, что в 1944 г., когда на Северный Кавказ часто выезжал Берия, он «несколько раз похвалил народы Осетии и Дагестана как активных участников войны». «Он говорил правду, – добавляет Кулов, – но этим он упрекал другие народы Северного Кавказа»⁴⁸¹.

Чечено-ингушское руководство (первый секретарь обкома – В. Иванов), несмотря на сверхусилия, не смогло переломить устойчивых антисоветских настроений в среде чеченских горцев. «Как никогда, – докладывал республиканскому обкому полковник Бронзов, – политическая и разъяснительная работа была хорошо организована... но [будучи] исключительно слабая в прошлом, [она] дала свои плохие результаты»⁴⁸². Ощущая неотвратимость наказания, партийное руководство Чечено-Ингушетии всячески старалось сгладить свои промахи. 13 мая 1943 г. в постановлении местного обкома было заявлено о «готовности чечено-ингушского народа выполнить свой долг перед

советской отчизной», но перечисление затем «ряда крупных и серьезных ошибок» фактически перечеркивало популистский тезис⁴⁸³.

После кампании февраля – марта 1943 г. в северокавказских республиках добровольческое движение существовало только в рамках частной инициативы отдельных людей, но не в масштабах республиканских мероприятий. В отношении чеченцев и ингушей было и вовсе признано целесообразным прекратить вербовку добровольцев, а контингенты, оставшиеся после республиканской кампании, распустить по домам⁴⁸⁴.

Часть четвертая
Горцы в рядах Красной Армии:
в тылу и на фронте

1

Укомплектование воинских частей представителями народов Северного Кавказа

На 22 июня 1941 г. в составе Северо-Кавказского военного округа имелись управления трех стрелковых и одного танкового корпуса, десять стрелковых (28, 38, 106, 129, 157, 158, 165, 171, 175, 207-я) и ряд кавалерийских дивизий⁴⁸⁵. Все кадровые соединения были укомплектованы преимущественно славянским командным, младшим начальствующим и рядовым составом.

С первых дней войны коренные жители Кавказа стали поступать на укомплектование частей и учреждений Красной армии. В Северо-Кавказском военном округе, включавшем в себя к началу войны, кроме территорий северокавказских автономных республик (кроме Дагестана, относившегося к Закавказскому военному округу), многонаселенные русскоязычные Ростовскую, Сталинградскую области, Краснодарский и Орджоникидзевский (Ставропольский) края, военнообязанные и призывники северокавказских национальностей имели незначительный удельный вес среди славян.

В первые недели войны в Северо-Кавказском военном округе, после доукомплектования кадровых дивизий округа до боевого штата, командование приступило к формированию еще ряда дивизий – 302, 333, 335, 337, 339, 341, 343, 345, 347, 349, 351, 353-й стрелковых, 35, 38, 40, 42, 56, 66, 68, 70, 72-й кавалерийских. В октябре 1941 г. было начато формирование девяти морских стрелковых бригад,

шести стрелковых бригад курсантов и двух воздушно-десантных корпусов трехбригадного состава. В дальнейшем округ в основном выполнял наряды на переформирование снятых с линии фронта некомплектных дивизий. К началу 1942 г. таковых в его составе насчитывалось четыре (73, 242, 276, 320-я)⁴⁸⁶.

За счет многонаселенных русскоязычных регионов Северо-Кавказского округа формируемые дивизии по национальному составу были в основном русские (от 80 до 97 % личного состава). Если учесть украинцев и белорусов (так называемые «европейские» национальности), то удельный вес неславян в дивизиях, формировавшихся осенью 1941 г., не превышал 2–5 %⁴⁸⁷. Исключение составляла только 345-я стрелковая дивизия, формировавшаяся на территории Северной Осетии и Дагестана, в которой на начало октября удельный вес славян составлял лишь 38,3 %, в то время как осетин было 24 %, чеченцев – 18 %, дагестанцев – 7,5 %⁴⁸⁸.

Как было показано в предыдущем разделе, такое положение объясняется не только относительной малочисленностью коренного населения северокавказских автономий, но, прежде всего, особой политической линией в отношении горцев Северного Кавказа, проявившейся еще в самом начале войны. Еще до ограничения приема горцев в ряды РККА многим из тех уроженцев Северного Кавказа, которые оказались в армии, уже в первые месяцы войны был затруднен доступ в боевые формирования. Это стало частью общей правительственной линии по предотвращению допуска в действующие войска «неблагонадежных» и «контрреволюционных» элементов.

19 сентября 1941 г. в Северо-Кавказский военный округ поступила инструкция, утвержденная заместителем наркома обороны СССР и начальником Главного управления формирований и укомплектования

войск Красной армии армейским комиссаром 1-го ранга Е.А. Щаденко за № V/X/1875, в которой было предписано, в целях «очищения запасных частей от негодных, вражеских и неустойчивых элементов», в переменном составе нужно оставить «только русских, украинцев, белорусов (кроме западных), казанских татар, мордву, армян, грузин, азербайджанцев, евреев»⁴⁸⁹. В число отсеянных попали чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, осетины, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, народности Дагестана и представители среднеазиатских народов. Масштабы отсева были впечатляющими: из 16-й запасной стрелковой бригады было отчислено 10 342 чел., из 26-й – 2853 чел., из 45-й – 1817 чел.⁴⁹⁰ Многие из них являлись «националами».

В документах отдела укомплектования и мобилизации штаба Северо-Кавказского фронта можно обнаружить многочисленные списки лиц, отчисленных из частей, относящиеся к ноябрю 1941 г. Среди них представители карачаевского, черкесского, кумыкского, ногайского, абазинского, калмыцкого, татарского народов, а также народов Средней Азии: туркмен, таджиков, узбеков⁴⁹¹. Если напротив фамилий лиц, уволенных по политико-моральным соображениям, указывалась причина увольнения (судимость за государственные преступления, компрометирующее родство и т. п.), то увольнения «националов» не мотивировались. Командиры на местах и не нуждались в таких объяснениях. Пользуясь расхожими негативными штампами, они легко и быстро навешивали ярлыки на уволенных, скатываясь, по сути, к шовинистическим высказываниям: «Отсеянные националы... являлись в основном всегда больными, малодушными, неустойчивыми, постоянно ссылались на плохое состояние здоровья...»⁴⁹²

Директивой начальника ГУФУ № V/X/1875 от 19 сентября 1941 г. был объявлен осенний 1941 г. призыв

лиц 1923 г. рождения. В связи с недостатком лиц призываемых национальностей многие военкоматы северокавказских автономных республик не выполнили наряд Упраформа СКВО⁴⁹³. Призывники горских национальностей проходили процедуру призыва, но в запасные части не принимались. Таковых по Дагестану, например, было 6150 чел. (84,2 % всех призывников республики)⁴⁹⁴. Исключение составили призывники осетинской национальности. По итогам осеннего призыва в запасные части и в гвардию было направлено 557 чел. В то же время 315 осетин было отправлено в рабочие подразделения. Сюда отсеивались лица, непригодные к строевой службе по физическим признакам либо по политико-моральным соображениям. Соотношение направленных в строевые части и откомандированных в рабочие подразделения у осетин лишь незначительно уступало соответствующим показателям для русских юношей, призванных по тому же Северо-Осетинскому республиканскому военкомату (64 % к 36 % у осетин и 69 % к 31 % у русских)⁴⁹⁵.

Как юноши призывного возраста, так и лица, отчисленные из запасных и боевых частей, в большинстве своем направлялись на укомплектование рабочих колонн, использовавшихся на тяжелых работах: «На строительство железнодорожной линии Бзыбь – Сухуми выделено 6000 [чел.] не призываемых [национальностей]: греки, эстонцы и др.»⁴⁹⁶ На строительстве ветки Кизляр – Астрахань использовалось восемь рабочих колонн общей численностью около 9 тыс. чел.⁴⁹⁷ и т. д. Какие национальности подразумевались в категории «и др.», можно понять по другому документу, подготовленному в связи с обсуждением вопросов формирования рабочих колонн. В подготовленных 17 октября 1942 г. Упраформом Закфронта «Сведениях о количестве военнообязанных

запаса и призывников непризываемых в Красную армию национальностей», кроме греков и эстонцев (наиболее многочисленных), перечислены литовцы, латыши, финны, немцы, болгары, иранцы, китайцы, румыны, турки, айсоры, курды, а также горцы Северного Кавказа – чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы и народности Дагестана⁴⁹⁸. Все перечисленные в данном абзаце документы относились к Закавказскому фронту. Горцев призывных возрастов, годных для укомплектования рабочих колонн, числилось не много – 130 чел.⁴⁹⁹

Положение горцев в частях Северо-Кавказского военного округа стало совсем неопределенным 9 декабря 1941 г., когда в округ поступила директива Щаденко с перечнем категорий личного состава, подлежащих оставлению в составе рабочих колонн⁵⁰⁰. Представителей северокавказских народов среди них не оказалось. В штабе округа это умолчание было принято как указание отчислять их из рабочих колонн, хотя прямого указания об этом не обнаружено. Отныне штаб округа не мог укомплектовывать уроженцами Северного Кавказа *ни боевые части, ни запасные, ни даже рабочие подразделения*. В такой ситуации местные военные власти действовали по своему усмотрению, отчисляя или оставляя в частях горцев.

Хотя личный состав рабочих колонн имел права военнослужащих Красной армии, а также должен был получать оплату труда по государственным расценкам, правда, без выдачи красноармейских пайков и обмундирования (приказ НКО № 0854 от 21 октября 1942 г.⁵⁰¹), бытовые и санитарные условия их службы были исключительно тяжелыми. Гражданские ведомства, на объектах которых трудились эти люди, подолгу не брали рабочие колонны на свой баланс, обрекая их личный состав на голодное существование и замерзание⁵⁰². Снабжение колонн осуществлялось по

остаточному принципу. Пищу личный состав получал по самой низшей норме, а обмундирование – по 4-й категории, фактически ветошь. Как правило, заболеваемость и смертность бойцов строительных частей в несколько раз превышала аналогичные показатели у вольнонаемных рабочих одного и того же промышленного или строительного объекта⁵⁰³. Так, согласно рапорту командира рабочей колонны № 6 при 64-м военно-дорожном отряде военинженера 3-го ранга Г.Т. Лежнева на имя военкома Грузинской ССР, в отличие от кадровых бойцов военно-дорожного отряда, имевших палатки, сносное обмундирование, питание по тыловой норме и возможность сносного ночного отдыха, военнослужащие рабочих колонн ночевали под открытым небом у костров, не имели теплой одежды и питания. С похолоданием в октябре 1942 г. заболеваемость в колонне резко выросла, а медобслуживание между тем отсутствовало полностью. Время, которое должно было быть затрачено бойцами колонны на строительство землянок, командование военно-дорожным отрядом решило «обратить на максимум выхода бойцов на трассу», то есть выполнение норм выработки⁵⁰⁴. В сходном положении находились бойцы и других колонн⁵⁰⁵.

При всей частоте и категоричности приказов из Москвы об очищении войск от северокавказских горцев, вследствие бюрократизма и неповоротливости военного механизма, немалое их количество долго продолжало оставаться в частях. Отчисление шло, но медленными темпами и редко проводилось до конца. Интенсивная ротация военнослужащих, особенно в запасных частях и частях, находившихся на стадии формирования, а также непрерывная досылка призывников и военнообязанных военкоматами заставляли многократно начинать работу по отсеву заново. В запасных частях скапливалось большое количество военнослужащих горских

национальностей, не принимавшихся в боевые части. В табл. 7 и 8 представлены данные национального состава запасных частей СКВО и ЗакВО. Из них следует, что на 1 апреля 1942 г. в представленных в выборке запасных частях Северо-Кавказского военного округа числилось 9160 чел. военнослужащих горских национальностей, или 25,2 % всего переменного состава запасных частей. Во всех запасных частях Закавказского военного округа (без данных по 9-й запасной артбригаде и 3-му запасному кавполку) горцев имелось 10 175 чел., или 16,4 % всего переменного состава запасных частей.

Таблица 7

Национальный состав запасных частей СКВО на 1 апреля 1942 г.

Национальность	15-я зсбр	24-я зсбр	26-я зсбр	3-я зап. артбр.	15-й зкп	29-й зкп	Итого
Русские	2714	4528	3247	2318	1945	376	11 881
Украинцы	291	409	811		457	195	2163
Белорусы	20	117	42	33	12	13	237
Евреи	273	250	150	91	51	5	820
Армяне	685	506	472	43	394	124	2224
Азербайджанцы	3484	2249	2459	3	601	112	8909

Грузины	1210	942	303	18	229	261	2963
Адыгейцы	170	142	59	7			378
Аварцы	3	12	6	1		63	85
Балкарцы	4	118	72	7	38	173	412
Даргинцы	2	4	18	6		75	105
Ингуши	18	376	2	4		82	482
Кабардинцы	789	604	231	148	170	791	2733
Карачаевцы	80	71	102		34		287
Кумыки	33	14	65	9		45	166
Лезгины	64				81	15	160
Ногайцы	85	47	67	27	28	5	259
Осетины	414	232	114	46	143	72	1021
Чеченцы	1223	750	99	49		585	2704
Черкесы	57	169	77	4	55	6	368
Всего горских национальностей							9160

Составлено по: ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 142. Л. 151, 162, 190, 206.

Таблица 8

Национальный состав запасных частей ЗакВО на 18 апреля 1942 г.

Национальность	28-я зсбр	38-я зсбр	10-й зап. полк связи	13-й зап. инж. полк	11-й пуш.-арт. полк 9-й зап. артбригады	Итого
Русские	5952	2399	907	400	689	10 347
Украинцы	2263	780	252	473	161	3929
Белорусы	174	154	18	13	9	368
Евреи	347	186	71	83	62	749
Армяне	3534	2442	305	355	370	7006
Азербайджанцы	10 557	7808	116	296	504	19 281
Грузины	3034	4738	181	415	438	8806

Народности Дагестана	2457	2708	5	186	471	5827
Адыгейцы	5					5
Аварцы	1123		15			1135
Даргинцы	873		15			888
Лакцы	121		4			125
Кабардинцы и балкарцы					1	1
Кумыки	384		29			413
Лезгины	540		24			564
Осетины	609	155	25	52	75	916
Чеченцы	248		2		5	255
Черкесы	46					46
Другие национальности	2272	275		94	55	2696
Всего личного состава	33 321	21 645	1969	2367	2840	61 917
Из них горских национальностей						10 175

Составлено по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 81. Л. 158–159.

Как видно из представленных таблиц, контингенты горцев достаточно равномерно распределялись в запасных частях, готовивших специалистов разного профиля – стрелков, кавалеристов, артиллеристов, саперов, связистов. Однако при укомплектовании формируемых боевых частей, насыщенных техникой (артиллеристских, связи, танково-истребительных и т. п.), командование стремилось избавиться от них под предлогом незнания или слабого знания горцами русского языка и низкой грамотности⁵⁰⁶. В подразделения специального назначения отбирались горцы, только хорошо владевшие русским языком, образованные, по возможности с боевым опытом. К примеру, такие требования к подбору десяти чеченцев, десяти ингушей, десяти осетин и двадцати черкесов были предъявлены для укомплектования Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД, наряд на которых был спущен в СКВО в мае 1942 г.⁵⁰⁷

Допуск горцев к занятию командных должностей запрещен не был, однако при отборе кандидатов в курсанты военных училищ и курсов республиканским военкомам предписывалось отбирать в первую очередь русских и украинцев⁵⁰⁸.

18 апреля 1942 г. решением начальника штаба Закавказского фронта генерал-майора Субботина из запасных частей фронта были отчислены с последующим увольнением из рядов РККА лица, отсеянные ранее из боевых частей Крымского фронта «по нацпризнаку» (литовцы, эстонцы, латвийцы, болгары, поляки, греки, немцы, турки, англичане, ирландцы, чехи) в связи с тем, что они «съедают пайки и заполняют штаты без перспективы их дальнейшего использования в армии»⁵⁰⁹. Однако горцы на этот раз остались в составе запасных частей.

В отличие от запасных частей в формировавшихся в СКВО в этот же период стрелковых дивизиях, напротив, горцев было значительно меньше. В постановлении ГКО № 2114 от 28 июля и приказе НКО № 0155 от 1 августа 1942 г., предписывавших условия формирования новых восьми стрелковых дивизий (242, 271, 276, 317, 319, 328, 337 и 351-я), прямо был оговорен запрет приема в их состав лиц «горских национальностей Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии»⁵¹⁰. Тем не менее среди личного состава упомянутых восьми дивизий имелись осетины, карачаевцы, народности Дагестана (определить численность последних сложно, поскольку в типовых бланках сведений о ходе формирования дивизий они замаскированы в категории «прочие»), а также «запрещенные» кабардинцы, балкарцы, чеченцы. В процессе формирования относительный удельный вес личного состава славянских национальностей увеличивался, а горцев – сокращался (см. табл. 10). Следует отметить и высокую долю (до 5,3–5,8 %) укомплектованности осетинами некоторых соединений.

При этом семь из восьми перечисленных дивизий формировались на территории горских автономий, четыре – на территории СОАССР, две – на территории КБАССР, одна – на территории ЧИАССР. Позднее, в августе 1942 г., подобная формула была использована и при укомплектовании личным составом формировавшихся на территории СКВО 8-й и 10-й гвардейских стрелковых бригад: «Армяне, азербайджанцы, грузины, чеченцы, ингуши и кабардино-балкарцы отбору (из запасных бригад. – Авт.) не подлежат»⁵¹¹.

В семи соединениях, в документации которых детально зафиксирован национальный состав на момент сформирования (73, 203, 242, 271, 276 и 320-й стрелковых дивизиях и 58-й укрепрайоне), в совокупности представителей народов Северного Кавказа насчитывалось 1052 чел. (*около 1,4 % списочной численности соединений*)⁵¹². Поскольку формирование и переформирование соединений велось в основном за счет ресурсов запасных частей округа, то налицо непропорциональное (*в 18 раз меньше*) использование ресурсов запасных частей по национальному признаку. При этом 707 чел. из учтенных по шести дивизиям 920 горцев были осетинами⁵¹³ (67,2 % против 11,1 % в запасных частях). Хотя на адыгейцев, карачаевцев и черкесов в первые летние месяцы 1942 г. запрет приема в строевые части не распространялся, их представительство здесь было минимальным. Налицо неодинаковое отношение к различным северокавказским народам при явном предпочтении осетинам.

Многие горцы продолжали числиться в рабочих строительных колоннах до апреля 1942 г., когда приказом НКО последние были расформированы. Личный состав колонн, не годный для службы в строю по состоянию здоровья и политико-моральным признакам,

был демобилизован и на время войны закреплен за теми хозяйственными организациями, в ведении которых находились рабочие колонны⁵¹⁴. Для тех горцев, которые оставались в колоннах, военная служба окончилась.

В 1942 г. представители северокавказских народов в незначительных количествах продолжали поступать в войска. Так, дагестанцы в начале 1942 г. в некоторых соединениях (151-я стрелковая дивизия Закавказского фронта и 156-я стрелковая дивизия Северо-Кавказского военного округа) составляли солидную прослойку – от 12 до 40 %. Еще в нескольких соединениях Закавказского фронта их удельный вес составлял от 1 до 5 %⁵¹⁵. Однако постепенно горцев заменяли представителями «европейских народов». Например, в упомянутой 156-й стрелковой дивизии к 1 июля 1942 г. на 8942 чел. личного состава оставалось 16 чеченцев, ингушей, кабардинцев и балкарцев, а также 92 военнослужащих, отнесенных в сводке национального состава к категории «остальные», куда входили дагестанцы⁵¹⁶.

В июле 1942 г. в составе войск Северо-Кавказского фронта I формирования (51-я, 47-я армии, 17-й гвардейский казачий кавалерийский корпус, 1-й отдельный стрелковый корпус, фронтовой резерв), вступившего в битву за Кавказ, прослойка представителей горских народов была относительно высока. Согласно данным оперативного отдела штаба СКФ (см. табл. 6), на 117 776 чел. личного состава числилось 4606 кабардинцев, балкарцев, чеченцев и ингушей (3,9 % от всего личного состава)⁵¹⁷. В основном это было достигнуто за счет 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии и 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка, включенных в состав 51-й армии, в которой удельный вес указанных национальностей благодаря этому достигал 8,8 %. К сожалению, народности Дагестана и прочие народы

Северного Кавказа отнесены к категории «остальные», и, следовательно, их численность ни при каких условиях не превышала 1927 чел. (1,6 %), а на деле была значительно ниже (см. табл. 9).

Таблица 9

Национальный состав войск Северо-Кавказского фронта по состоянию на 1 июля 1942 г.

	51-я А	47-я А	17-я гв. Ккк	1-й оск	Резерв фронта	Всего
Русские	30 187	21 110	17 602	5727	3414	78 441
Украинцы	8559	5315	2304	1311	898	18 387
Белорусы	828	579	172	128	134	1841
Армяне	1154	814	105	56	92	2221
Грузины	995	440	26	32	74	1567
Азербайджанцы	764	233	33	24	46	1160
Узбеки, таджики	226	151	18	34	16	445
Туркмены, казахи	229	236	26	363	27	880
Киргизы, карелы ⁵¹⁸	30	29	2	21	1	84
Евреи	592	492	127	131	62	1404
Чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы	4485	45	44	13	19	4606
Татары	345	390	49	198	41	1023
Чуваши, мордвины	219	270	21	113	26	649
Башкиры, калмыки	2909	212	25	39	16	3201
Остальные	689	532	273	279	154	1927
Всего	52 611	30 848	20 828	8468	5021	117 776

Составлено по: ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 38. Л. 192–194.

Движение личного состава по национальному признаку не было хаотичным. В докладе заместителя начальника Упраформа Закфронта полковника Силина заместителю начальника Главупраформа генерал-лейтенанту Косякину упоминаются указания Военного совета фронта, согласно которому до 9 сентября должно

было завершиться «перераспределение личного состава дивизий по национальным признакам»⁵¹⁹, однако самих этих указаний в отношении вышеперечисленных восьми дивизий обнаружить не удалось. В то же время известна изданная в эти же дни директива Ставки ВГК № 170578 от 20 августа 1942 г., согласно которой из состава 61-й стрелковой дивизии, назначенной к переброске из Закавказья на прохладненское направление, изымалось 3736 армян, 2721 азербайджанец и 510 дагестанцев. При этом штат дивизии сокращался почти на 2,5 тыс. чел., а образовавшийся некомплект покрывался за счет русских, украинцев и белорусов⁵²⁰. Интересно, что относительно отсеянных военнослужащих кавказских национальностей у Ставки определенных планов не было: их было предписано отправить в запасные части до дальнейших указаний⁵²¹.

Правда, в отдельных соединениях численность горцев со временем, напротив, существенно выросла. Так, в 337-й стрелковой дивизии по состоянию на 2 октября 1942 г. числилось уже 241 осетин, 196 кабардинцев и балкарцев, 48 представителей народов Дагестана и 40 чеченцев и ингушей – 5,3 % всего личного состава дивизии⁵²².

Таблица 10

Движение славянских и северокавказских народов в стрелковых дивизиях Северо-Кавказского военного округа в период их переформирования (конец августа – начало сентября 1942 г.)

	Всего личного состава	Русские	Укра- инцы	Осе- тины	Кара- чаевцы	Кабар- динцы и бал- карцы	Народ- ности Даге- стана	Чечен- цы
328-я сд	8954/ 11 620	1791/ 4902	813/ 1723	401	39/9	93/84		32/0
351-я сд	8808/ 9284	1792/ 4682	539/ 1398	543	0/9	218/ 119	459	6/0
317-я сд	4606/ 10 381	2426/ 7378	942/ 1744		101/0	88/90		7/7
276-я сд	6662/ 5959	1372/ 1752	427/ 645	320		0/17		
337-я сд	10 386/ 10 323	6737/ 6482	115/ 1040			0/16		
271-я сд	7202/ 7925	3212/ 3321	366/ 401			76/15		0/2
319-я сд	9881	2900/ 3815	581/ 1895		0/13	0/26		0/16
242-я сд	8069	2537	1893					

Примечание. В числителе – данные за 28.8.42, в знаменателе – за 9.9.42 (для 337-й и 271-й сд – за 1.9, для 319-й сд – за 4.9, для 242-й сд данные есть только за 5.9.42); по народностям Дагестана сведения имеются только по состоянию на 2.9.42.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 224. Оп. 832. Д. 133. Л. 30; Ф. 209. Оп. 999. Д. 235. Л. 217.

На 20 ноября 1942 г. в составе Северной группы войск Закавказья, полоса действий которой пролегла по территориям Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Дагестана, числилось 1483 представителя народностей Дагестана, 1094 осетина, 357 кабардинцев и балкарцев, 90 чеченцев и ингушей (см. табл. 11).

Таблица 11

Национальный состав войск Северной группы
Закавказского фронта на 20 ноября 1942 г.

	9-я армия с 11-й и 10-й гв. ск	58-я армия	44-я армия	37-я армия	4-я воздушная армия	4-й гв. кк	275-я сд	ВСЕГО	Удельный вес, %
Русские	54 273	7630	11 922		10 547	8720	1979	95 071	43,85
Украин- цы	13 544	2162	2472		6578	1910	812	27 479	12,67
Бело- русы	1372	119	224		400	174	12	2201	1,01
Азербайд- жанцы	8121	13 541	18 478		127	80	129	40 476	18,67
Армяне	11 742	417	1338		211	140	48	13 896	6,41
Грузины	2808	702	10 241		123	109	94	14 077	6,43
Осетины	719	206		330	34	47	8	1094	0,5
Чеченцы и ингуши	3				2	85		90	0,04
Кабар- динцы и балкарцы	308			858	8		41	1215	0,56
Даге- станцы	127		1339		16		13	1483	0,68
Карача- евцы и черкесы	68							68	0,03
Турки	8		139		12	51	16	219	0,1
Калмыки			9			236		245	0,11
Узбеки	3425	542	1224		56	48	15	5548	2,56
Таджики	17				11			28	0,01
Киргизы	52				4	20		76	0,03
Казахи	629		196		40	77	38	975	0,44
Морд- вины, чуваши	1057				100	48	207	1412	0,65
Татары	1404	227	103		141	101	12	1988	0,92
Евреи	1526	433			833	140	108	3095	1,43
Прочие	3323	963	2323		65	241	97	6922	3,19

ВСЕГО	104 518	26 942	50 008		19 465		2827	216 800	100
Всего горцев Север- ного Кавказа	1225	206	1339	1188	26	133	62	3950	1,82

ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

Их распределение по объединениям группы (например, основная масса осетин и кабардинцев – 719 и 308 чел. соответственно – находилась в составе 9-й армии, действовавшей на территории их республик, а подавляющее число дагестанцев – 1339 чел. – в составе 44-й армии, прикрывавшей дагестанское направление, в то время как в 37-й армии, дислоцированной в Кабардино-Балкарии, было 858 кабардинцев и балкарцев⁵²³) наводит на мысль о том, что решения о призывах горцев проводились явочным порядком на уровне Военного совета армии и при попустительстве вышестоящих инстанций⁵²⁴. Тому есть некоторые документальные подтверждения. Известно, например, что военкоматы Кабардино-Балкарии проводили специальные мобилизации местного населения для пополнения расположенной на территории республики 37-й армии. Мобилизованные кабардинцы и балкарцы не использовались в бою, а шли на укомплектование тыловых частей (гужевого транспорта рот)⁵²⁵.

Так или иначе, военные власти использовали лишь малую толику реальных мобилизационных возможностей северокавказских республик. В отмеченный период их жители составляли в войсках Северной группы войск лишь 1,8 % личного состава⁵²⁶.

В других оперативно-стратегических объединениях, удаленных от Северного Кавказа, удельный вес представителей горских народов был невысок. Так,

например, на конец сентября 1942 г. во всех стрелковых дивизиях Донского фронта, сражавшегося на сталинградском направлении, при общей численности стрелковых частей 300,6 тыс. чел., имелось 398 осетин (0,13 %) и 270 кабардинцев и балкарцев (0,08 %)⁵²⁷. В выведенных с фронта весной 1942 г. на доукомплектование в Центральную Россию 17 стрелковых дивизиях на 15 июня 1942 г. числилось 91 кабардинец и 64 осетина⁵²⁸. В составе 21 стрелковой дивизии, укомплектованной Приволжским, Сталинградским и Южно-Уральским военными округами к 10 октября 1942 г., на 217 233 чел. личного состава числилось 16 осетин, 53 чеченца, 104 кабардинцев и балкарцев и 577 карачаевцев (0,35 %)⁵²⁹.

В 1943 г. проследить наличие горцев в боевых частях становится еще сложнее. В связи с отменой призыва и прекращением их планомерного поступления в войска удельный вес представителей народов Северного Кавказа неуклонно снижался, и в национальной статистике штабов и органов учета и укомплектования (когда таковая велась) они все чаще скрывались в графе «прочие».

На этапе освобождения территории Северного Кавказа, в 1943 г., статистически значимые сведения о национальном составе частей Северо-Кавказского фронта II формирования (бывшие Северная и Черноморская группы войск Закавказского фронта) зафиксированы лишь однажды. В июле 1943 г. штаб фронта, выполняя приказ НКО, собирал сведения о боевом пути и боевые характеристики соединений и отдельных частей на предмет присвоения им почетных наименований. На материалах одиннадцати соединений (пяти стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад), в числе прочего предоставивших в штаб фронта подробные данные о национальном составе, можно сделать следующие наблюдения. На 41 479 чел. личного

состава на русских пришлось 62,07 %, украинцев – 13,03 %, осетин – 0,58 %, представителей народов Дагестана – 0,55 %, кабардинцев и балкарцев – 0,27 %, чеченцев и ингушей – 0,08 % (см. табл. 12).

Таблица 12

Национальный состав некоторых соединений Северокавказского фронта (II формирования) в июле 1943 г.

	276-я ед	295-я ед	389-я ед	395-я ед	417-я ед	8-я гв. сбр	34-я осбр	5-я осбр	84-я осбр	157-я осбр	256-я осбр	Всего
Русские	3139	3488	4026	2093	3551	1414	1297	2270	1753	1701	1029	25 761
Украинцы	564	779	319	1015	671	500	372	384	372	296	250	5522
Белорусы	32	55	40	20	104	25	27	37	39	21	9	409
Армяне	66	213	115	254	320	201	57	163	81	119	143	1732
Грузины	227	197	125	271	236	94	79	118	74	95	100	1546
Азербайджанцы	42	359	212	526	338	123	75	325	348	378	195	2921
Татары	50	52	197	61	35	28		50	37	39	16	565
Узбеки	6	73	76	64	56	31	14	52	29	12	39	416
Таджики	1	3	13	17	5	5	2	8	13		13	79
Туркмены		14	7	17	17	6			3	3	9	65
Казахи	12	32	42	44	18	35	9		26	11	18	247
Киргизы		4	2	12	1	5				1	9	34
Евреи	68	97	86	83	17	43	45	56	19	53	14	581
Осетины	30	43	41	40	27	11		5	17	11	16	241
Народности Дагестана	6	27	28	20	38	29			7	19	54	228
Чеченцы и ингуши	1		20			5			3	2		31
Кабардинцы и балкарцы	3	15	45		16	13			14	5	3	114
Чуваши	8	10	16		14	12		26	15	5	3	109
Мордвины	3	11	34		13	4			13	9	2	89
Башкиры		9			4				5	1	4	23
Прочие	26	68	73		33	28	139	93	10	36	88	594
Всего	4205	5560	5785	6881	5627	2620	2210	3631	3060	2836	2014	41 479

Составлено по: ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 12. Л. 6; Д. 14, Л. 3; Д. 17. Л. 2; Д. 22. Л. 1 об; Д. 24. Л. 5; Д. 27. Л. 8;

Д. 142. Л. 4; Д. 146. Л. 17; Д. 153. Л. 5 об; Д. 155. Л. 5; Оп. 962. Д. 67. Л. 181.

Большинство представленных в таблице соединений ранее входили в состав Северной группы войск Закавказского фронта, действовавшей и частично пополнявшейся на территории северокавказских автономий. В войсках другой группы войск Закавказского фронта – Черноморской, – сражавшейся на туапсинском и новороссийском направлениях и пополнявшейся в основном из Закавказья, удельный вес горцев Северного Кавказа был ниже. Известен национальный состав всех частей и соединений 56-й армии СКФ, прежде входившей в состав Черноморской группы войск ЗКФ. По состоянию на 30 июля 1943 г. в ее составе числилось 107 369 чел., из которых русских было 67 353 чел. (62,7 %), чеченцев и ингушей – 37 (0,03 %), кабардинцев и балкарцев – 107 (0,1 %), осетин – 304 (0,28 %), народностей Дагестана – 515 (0,48 %)⁵³⁰.

С учетом того, что прием горцев в армию был прекращен в 1942 г. (осетин – в 1943 г.), их движение в действующих войсках объяснялось несколькими факторами: 1) продолжали службу военнослужащие, принятые в РККА в 1941-1942 гг.; 2) в действующие войска поступали военнослужащие горских национальностей из запасных частей, призванные в РККА в 1941-1942 гг. – частично из военкоматов, частично – из расформированных частей; 3) наконец, в войска возвращались военнослужащие после излечения. Так, на доукомплектование 339-й стрелковой дивизии в мае – июне 1943 г. из запасных частей поступило в общей сложности 5222 военнослужащих, имевших боевой опыт. Среди них было 218 чеченцев и 22 осетина⁵³¹.

Факт целенаправленного и массового укомплектования горскими контингентами боевых

частей в 1943 г. до настоящего времени установлен лишь однажды. Как отмечалось в главе о добровольчестве, в марте 1943 г. значительная часть изъявивших желание поступить на военную службу чеченцев и ингушей была направлена на пополнение 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Очевидно, что использование горцев в качестве кавалеристов диктовалось острым дефицитом подготовленных кадров этой военно-учетной специальности. Кавалерийские корпуса Закавказского фронта (4-й гвардейский Кубанский и 5-й гвардейский Донской) сыграли важную роль в оборонительных боях на Северном Кавказе летом – зимой 1942 г., но понесли тяжелые потери и нуждались в доукомплектовании. В начале 1943 г. на кавалерию как на подвижный род войск легла большая нагрузка в операциях по преследованию и окружению отступавших с территории Северного Кавказа войск противника. В феврале 1943 г. корпус вышел на рубеж р. Миус в районе Матвеева Кургана, а затем был отведен во второй эшелон и до конца августа не принимал участия в боевых действиях. К моменту окончания зимней наступательной кампании в середине марта 1943 г. кавалерийские дивизии 4-го гвардейского кавкорпуса не имели и половины штатного состава (5401 чел.): в 9-й гвардейской числилось 2432 чел., в 10-й гвардейской – 2156 чел. и в 30-й Краснознаменной – 2346 чел.⁵³² Несколько месяцев затишья были использованы для доукомплектования, боевой учебы, приведения в порядок конского состава и оружия.

В конце 1942 – начале 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта и запасные части рассылали строгие распоряжения о выявлении и изъятии из стрелковых частей всех кавалеристов и обращении их на укомплектование кавалерийских частей. Все обнаруженные кавалеристы направлялись на

пополнение 4-го и 5-го гвардейских казачьих корпусов⁵³³. Чеченцы и ингуши, как хорошие всадники, вполне годились в качестве пополнения кавчастей. 20 марта 1943 г. в журнале боевых действий уже находившегося вне боя казачьего корпуса записано: «Изменений в положении частей корпуса нет. Дополнительно прибыло 2200 чел. из Чечено-Ингушетии и Адыгеи и из других мест – 14 чел.»⁵³⁴ Горцы прибыли, как отмечалось в документах корпуса, в составе «чечено-ингушской добровольческой команды» под руководством майора С.В. Висаитова⁵³⁵. Висаитов и еще восемь офицеров по национальности чеченцев и ингушей уже 22 марта были награждены командиром корпуса медалями «За отвагу»⁵³⁶. Формулировка представления к наградам была шаблонной и неинформативной («За образцовое выполнение заданий командования...»), однако, учитывая, что вайнахи едва прибыли в расположение корпуса и в боях поучаствовать не успели, медали могли быть вручены только за сам факт прибытия столь многочисленного пополнения, а точнее – за его благополучную доставку к месту назначения.

Новое пополнение было встречено почестями, которые всегда уделяли в корпусе вновь прибывшим бойцам. Политотдел корпуса поставил задачу организации работы с «нерусскими бойцами», организовать изучение ими русского языка и, как косноязычно выразился начальник политотдела Манилис, изучить их «национальные чувства»⁵³⁷. 1 апреля работники политотдела корпуса доносили одной из частей 10-й гвардейской дивизии, получивших пополнение вайнахами, что в ней «большое место уделяется работе с пополнением нерусской национальности. Политработники правильно поняли национальные особенности чеченцев и ингушей...

Подобраны агитаторы, хорошо знающие русский язык. Учеба, занятия организованы с ними неплохо. Дружба, взаимоотношения старого состава казаков с молодым пополнением организована неплохо, и вокруг этого вопроса проводится большая политико-воспитательная работа»⁵³⁸. Какие реалии скрывались за этими канцелярскими фразами, неизвестно. Однако, судя по тому, что в дальнейшем в тех же политдонесениях не отмечалось каких-либо проблем с адаптацией вайнахов, думается, что в целом она прошла безболезненно.

Интересно, что, хотя добровольцы-чеченцы и ингуши изначально предназначались для 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии (негвардейской и неказачьей), прежде уже получавшей пополнения из ЧИАССР, в конце концов основная часть пополнения была распределена в казачьих дивизиях – 9-й и 10-й гвардейских Кубанских. Если до пополнения (на 5 февраля 1943 г.) в 30-й кавдивизии было двое сержантов и 79 рядовых по национальности чеченцев и ингушей (3,1 % от списочного состава – 2608 чел.), то после пополнения (на 19 мая 1943 г.) их числилось 9 командиров, 19 сержантов и 72 рядовых (1,8 % от списочного состава – 5597 чел.)⁵³⁹. В гвардейских казачьих дивизиях, напротив, было получено большое пополнение уроженцами Чечено-Ингушетии. Например, 40-й гвардейский кавалерийский полк к 1 апреля 1943 г. получил на пополнение 557 чел., в числе которых было 229 чеченцев и 14 ингушей⁵⁴⁰.

Вплоть до акции по выселению чеченцев и ингушей с исторической родины от генерала Кириченко время от времени приходили шаблонные благодарности горским воинам, публиковавшиеся местными газетами⁵⁴¹. Корпус также навещали делегации трудящихся ЧИАССР, по итогам поездок которых в местной прессе публиковались очерки о совместной боевой работе

казаков и горцев в украинских степях⁵⁴². Как на самом деле воевали добровольцы из Чечено-Ингушетии, установить по сохранившемуся корпусу архивных документов не представляется возможным. Известно лишь, что спустя девять месяцев, в конце декабря 1943 г., в 4-м гвардейском кавкорпусе числилось лишь 11 чеченцев и ингушей рядового и младшего командного состава (на 9321 чел. всего личного состава)⁵⁴³. Понесли ли горские добровольцы большие потери в боях или были отчислены из корпуса по каким-то причинам – установить пока не удалось.

По мере удаления линии фронта на запад, а также выбытия из строя контингентов, призванных в армию в первый период войны, удельный вес представителей северокавказских горцев в рядах РККА неуклонно снижался. Органы укомплектования фронтов и армий активно использовали для пополнения войск освобожденное население, что упрощало и ускоряло процесс возмещения потерь наступавшей Красной армии. После Курского сражения началось грандиозное контрнаступление советских войск, результатом которого стало освобождение от оккупантов огромной территории Советского Союза. К регионам Северного Кавказа и Нижнего Дона, освобожденным в ходе зимней кампании 1942/43 г., прибавились Левобережная Украина и центральные области России. Контингент лиц, подлежавших призыву в Красную армию, возрастал пропорционально стремительным темпам наступления советских войск. Так, к 1 июля 1944 г., когда была освобождена вся территория Украины, удельный вес украинцев в рядах Красной армии возрос в три раза по сравнению с аналогичным периодом 1943 г. (с 11,6 до 33,9 %). Одновременно быстро уменьшалось представительство других национальностей: русских – с 63,84 % в июле 1943 г. до 51,78 % в июле 1944 г., армян – с 1,40 до 0,81 %, грузин – с 1,17 до 0,50 %,

азербайджанцев – с 1,57 до 0,81 %, узбеков – с 4,44 до 1,25 % и т. д.⁵⁴⁴

Продолжало сокращаться и представительство северо-кавказских народов. Например, в период боев за Левобережную Украину и Донбасс летом и в сентябре 1943 г. в пяти армиях Юго-Западного фронта числилось лишь 71 чеченцев и ингушей, 219 представителей народов Дагестана и 290 осетин⁵⁴⁵.

Летом 1944 г. в двух армиях 1-го Белорусского фронта – 8-й гвардейской и 28-й (всего 18 стрелковых дивизий) – на 127 963 чел. личного состава числилось лишь 12 чеченцев (0,01 %), 45 кабардинцев и балкарцев (0,035 %), 117 представителей народов Дагестана (0,09 %) и 171 осетин (0,13 %)⁵⁴⁶. Тем не менее в последний период войны горцы Северного Кавказа, в том числе уже выселенные с исторической родины, в незначительных количествах продолжали поступать в действующие войска с пополнениями. Так, известно, что в три дивизии Ленинградского фронта (10, 11, 281-я), по которым имеется статистика национального состава пополнений, полученных в период с ноября 1943 г. по май 1944 г. общим количеством 12 218 чел., прибыло 7 дагестанцев (0,06 %), 5 чеченцев (0,04 %), 3 карачаевца (0,02 %), 2 кабардинца (0,02 %) и 1 осетин (0,01 %)⁵⁴⁷.

Проблема языковой адаптации, остро стоявшая в частях, где большую прослойку составляли военнослужащие закавказских национальностей, в частях, сформированных на Северном Кавказе, не оставила серьезного следа в источниках.

Итак, как было показано, приостановки призыва среди представителей коренных народов Северного Кавказа были санкционированы высшей властью. Однако отсев никогда не проходил до конца; нужного числа славянских контингентов для покрытия потребностей действующей армии, как правило, не находилось. Напротив, объективные условия (большие

потери, отсутствие регулярных пополнений) порой заставляли пополнять войска за счет представителей народов Северного Кавказа, даже несмотря на прямой запрет этого.

2

Формирование горских кавалерийских частей

Все мероприятия начала войны, касавшиеся использования кавказцев в частях Красной армии, в той или иной мере являлись импровизацией, немедленным ответом на неуклонно усложнявшиеся условия пополнения действующих войск. Уже в 1941 г. назрела необходимость принципиально нового подхода в деле интеграции представителей народов Кавказа в воюющую армию и поднятия их боевой выучки до общего уровня военнослужащих Красной армии. В конце 1941 г. выход виделся советскому руководству в воссоздании однонациональных формирований, упраздненных в конце 1930-х гг. Однородная языковая и культурно-ментальная среда в них должна была способствовать ускорению боевой подготовки бойцов нерусских национальностей, повышению ее качества, укреплению дисциплины в подразделениях и стойкости личного состава.

Воссоздание национальных частей в 1941-1942 гг., как и появление нерегулярных воинских формирований – истребительных батальонов, ополченческих дивизий, организационное оформление стихийного партизанского движения и т. п., – диктовалось острой необходимостью предельно быстро и без значительных затрат дефицитных кадровых ресурсов восполнить тяжелые потери начала войны и остановить врага.

Анализ источников показал, что переход в начальный период войны к мононациональной системе комплектования военных формирований был вызван объективными причинами: выбытием из строя в результате потерь значительной части кадрового

состава Красной армии и дефицитом подготовленных в военном отношении и владевших русским языком людских ресурсов, прежде всего командиров в национальных регионах СССР.

Список национальных формирований, созданных на территории Северного Кавказа, не столь велик, как, например, в Закавказье, где были сформированы десятки соединений, имевших статус национальных. Необходимо отметить, что в региональной литературе издавна существует методологическая путаница, вызванная престижным значением национальных формирований в национальных исторических представлениях о событиях Великой Отечественной войны. К национальным частям нередко относят, во-первых, строевые части, формировавшиеся на территории той или иной республики, вне зависимости от их реального национального состава и официального статуса; во-вторых, многочисленные истребительные батальоны, партизанские отряды и тому подобные нерегулярные подразделения, создававшиеся на местах и предназначенные для защиты родного края.

К собственно национальным формированиям, созданным на Северном Кавказе, следует отнести 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию, 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию, 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк и Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон. К национальным можно отнести и 29-й (позднее преобразован в 40-й гвардейский) Кубанский казачий кавалерийский полк, формировавшийся на территории Адыгеи и более чем наполовину укомплектованный представителями титульной национальности. Только дагестанской и адыгейской частям, небольшим по численности, посчастливилось дойти с боями до Дня Победы, окончив войну в Западной Европе; остальные

были расформированы в 1942 г., через несколько месяцев после формирования.

Северокавказские национальные части имели ряд принципиальных особенностей. Их формирование, в отличие от прочих национальных частей, шло на добровольных началах, а материальное обеспечение, кроме огнестрельного вооружения, возлагалось на население и республиканские власти. Горцам было разрешено использовать национальную форму одежды. Добровольность вступления в ряды национальных частей позволяла отбирать только наиболее надежных в морально-политическом отношении и крепких физически людей. Эти мероприятия являлись, таким образом, альтернативой обязательному призыву. Публичность формирования частей служила созданию важного пропагандистского символа, олицетворявшего национальный дух в борьбе с врагом, и втягивала все население республики в патриотическую работу. Этим же способом в начале 1942 г. на Кубани и Дону шло формирование казачьих кавалерийских дивизий.

114-я и 115-я кавалерийские дивизии были сформированы во исполнение постановления ГКО № 00894 от 13 ноября 1941 г. Постановлением было санкционировано формирование в общей сложности 20 национальных кавалерийских и 15 отдельных стрелковых бригад из представителей народов Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа. Общие требования к создаваемым соединениям сводились к следующему:

- соединения укомплектовать здоровым и крепким личным составом местных национальностей в возрасте не старше 40 лет;

- начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающий пополнить русскими;

- конский состав, обмундирование, людское и конское снаряжение, седла, продфуражное довольствие,

холодное и частично огнестрельное оружие обеспечить за счет ресурсов союзных и автономных республик;

- обязать военные советы СКВО, САВО и УрВО провести формирование, обучение и сколачивание кавалерийских дивизий и отдельных стрелковых бригад, формируемых на территории этих округов;

- приемку соединений для доформирования и обеспечения недостающим вооружением и снаряжением проводить только после проверки специальными комиссиями округов;

- срок приема дивизий установить не ранее января месяца 1942 г.⁵⁴⁸

Кабардино-Балкарскому обкому, который взялся за дело «по-большевистски», удалось сформировать 115-ю кавалерийскую дивизию в короткие сроки и без значительных затруднений⁵⁴⁹. В состав соединения, командиром которого был назначен полковник А.Ф. Скороход, комиссаром – старший батальонный комиссар Ф.С. Иголкин, начальником штаба – подполковник М.С. Эхохин, вошли три кавалерийских полка (278, 297 и 316-й), 104-й кавалерийский артдивизион, 115-й эскадрон химзащиты, 86-й отдельный полуэскадрон связи, 85-й медсанэскадрон, 104-й артпарк, 87-й продтранспорт⁵⁵⁰.

Личный состав дивизии в подавляющем числе прежде не проходил ни срочной службы, ни допризывной подготовки⁵⁵¹. Командный состав в основном был призван из запаса и в большинстве своем не имел опыта участия в Великой Отечественной войне. Политсостав, за единичными исключениями, и вовсе не имел опыта военной службы, то есть был призван с гражданских партийных должностей. В лучшую сторону выделялся лишь старший командный состав, большинство которого имело военную подготовку в размере нормального курса военной школы или ускоренного курса усовершенствования командного

состава (КУКС)⁵⁵². Правда, командир одного из полков (297-го) майор П.П. Киселев был призван из запаса, в котором пребывал с 1922 г. Командный состав в основном был представлен русскими и украинцами, в меньшей степени – кабардинцами и балкарцами⁵⁵³.

Недостаток военной подготовки, как считалось, должен был возместить высокий боевой дух, гарантию которого должна была дать значительная партийно-комсомольская прослойка личного состава – 20 %⁵⁵⁴.

Конский состав был подобран из числа высокоценимой в кавалерии кабардинской породы, однако в большинстве своем лошади, прибывшие на укомплектование из кабардино-балкарских колхозов, оказались «малорослыми, беднокостными и недоразвитыми», до трети были в неудовлетворительных телах⁵⁵⁵.

Подполковник Эхохин в своем личном дневнике отмечал, что за период формирования дивизии не было зафиксировано серьезных недостатков; деятельность партийных и советских органов он характеризовал положительно. В день приема одного из полков в действующую армию 2 мая 1942 г. в населенном пункте Баксан Эхохин наблюдал подлинный народный праздник, где все люди были сплочены общей гордостью за своих сыновей, одетых в национальную одежду, вооруженных кинжалами и клинками⁵⁵⁶. По воспоминаниям бывшего первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии Н.П. Мазина, приглашенного на торжества, проводы были организованы грандиозные. «Национальные одежды, холодное оружие – все очень красочно... Первоначально состоялся парад бригады, потом митинг, и в конце торжеств была проведена джигитовка и рубка лозы»⁵⁵⁷. Парад частей принимал командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов.

Руководители республики – первый секретарь обкома КБАССР З.Д. Кумехов и Х. Ахохов – были очень горды результатами работы.

На основании распоряжения Ставки ВГК № 170382 14 мая 1942 г. приказом войскам СКВО № 00187 115-я кавалерийская дивизия 17 мая была отправлена в распоряжение главнокомандующего Северо-Кавказским направлением маршала С.М. Буденного⁵⁵⁸.

К моменту отправки на фронт дивизия была практически полностью укомплектована личным составом: налицо имелось 79 старших командиров, 331 средний командир, 716 младших командиров и 3382 рядовых – всего 4508 чел., при штатной численности 4584 чел.⁵⁵⁹

Национальный состав дивизии по состоянию на 20 июня 1942 г. представлен в табл. 13.

Таблица 13

Национальный состав 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии по состоянию на 25 июня 1942 г.

Национальность	Количество, чел.	Национальность	Количество, чел.
Кабардинцев	2919	Балкарцев	568
Русских	680	Украинцев	86
Грузин	25	Осетин	58
Горских евреев	6	Евреев европейских ⁵⁶⁰	11
Карачаевцев	12	Адыгейцев	13
Черкесов	2	Казахов	12
Ингушей	2	Армян	15
Татар	1	Ногайцев	6
Лезгин	1	Всего	4508

ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 226.

Лошадей имелось 4726 против 4755 по штату, однако оставался некоторый некомплект верховых лошадей и значительный (свыше 40 %) некомплект

артиллерийских при большом сверкомплекте обозных⁵⁶¹. Дивизия была практически полностью укомплектована повозками и тачанками, однако почти не имела грузовиков и специальных автомобилей (14 по списку против 112 по штату)⁵⁶².

Переброска дивизии на фронт не обошлась без чрезвычайных происшествий: было отмечено несколько случаев групповых дезертирств, в основном, как подчеркнуто в источнике, балкарцев. Среди 27 дезертиров оказалось 8 членов партии и 8 комсомольцев. Считалось, что большинство из них ушли в банды, действовавшие на территории Кабардино-Балкарии⁵⁶³. Это говорило о том, что дисциплина в дивизии была на невысоком уровне.

В Чечено-Ингушской АССР ситуация оказалась значительно сложнее. 114-я кавалерийская дивизия (командир Х.Д. Мамсуров, комиссар политрук М.Т. Гайрбеков, начальник штаба подполковник И.Х. Баев) была сформирована в составе 277, 296 и 315-го кавалерийских полков, кавалерийского артиллерийского дивизиона, артпарка и ряда других специальных подразделений. К началу марта 1942 г. дивизия в основном была укомплектована личным составом, правда, в командном составе, особенно младшем, испытывался большой недостаток. Так, командного состава имелось налицо 352 (некомплект 54 чел.); младшего командного состава – 239 (некомплект 470 чел.). Следует отметить, что большая часть командиров, поступивших на укомплектование дивизии (190 чел.), имела пехотные специальности. В январе 1942 г. несколько десятков чеченцев и ингушей, имевших достаточную общеобразовательную подготовку и состоявших в комсомоле или в коммунистической партии, были направлены на учебу в кавалерийское отделение Грозненского пехотного училища⁵⁶⁴.

Рядового состава к марту 1942 г., напротив, имелось сверх комплекта 614 чел. (всего 3961 чел.)⁵⁶⁵.

По национальному составу 3543 чел. были чеченцами, 441 ингушами, 33 осетинами, 298 русскими и 237 чел. представляли прочие национальности⁵⁶⁶.

С конца декабря 1941 г. дивизия занялась боевой учебой. Был установлен напряженный распорядок дня: в 6.00 – подъем, до 7.30 – уборка лошадей, до 8.00 – утренний туалет, затем завтрак и пятичасовые дневные занятия. После обеда и дневной уборки лошадей следовали трехчасовые занятия, вечерняя уборка лошадей и ужин⁵⁶⁷.

Однако на практике организовать работу по боевой подготовке частей дивизии не удалось. Согласно постановлению Военного совета СКВО от 27 февраля 1942 г., 5 марта дивизия была проверена комиссией округа во главе с полковником Волковым. Результаты проверки выявили неудовлетворительное состояние всех сфер жизни дивизии. Планирование боевой подготовки штабом дивизии было поставлено неудовлетворительно: приказы не были спущены в подразделения, планы контроля и проверки не разработаны; программы и расписания командирской учебы не объявлены. При учебной тревоге в полках наблюдался «большой шум и растерянность командного состава». Караул нес службу с грубейшими нарушениями; караульных помещений не имелось, а постовых ведомостей не велось вообще⁵⁶⁸. В результате окрестное население беспрепятственно проникало в расположение дивизии в любое время суток.

Дивизия не была укомплектована огнестрельным оружием, снаряжением, что существенно затрудняло боевую учебу. Конский состав на 96–97 % был в плохих телах и для верховой езды не годился⁵⁶⁹.

Бытовые условия в дивизии были неудовлетворительными. «Во всех помещениях грязь, некультурность, элементарные правила гигиены отсутствуют», – сообщалось в материалах проверки. В дивизии была зафиксирована стопроцентная вшивость⁵⁷⁰.

Политико-моральное состояние личного состава в целом комиссия характеризовала как здоровое, но в то же время отметила широкое распространение пьянства, в том числе и среди чеченцев⁵⁷¹.

Самой серьезной проблемой в дивизии стало дезертирство личного состава, в том числе групповое. Комиссия СКВО постаралась найти объективные причины широкого распространения тяжких воинских преступлений. «Слабая постановка партийно-политической работы среди рядового и начальствующего состава, – отмечалось в заключении комиссии, – тяжелое материальное состояние бойца, плохое питание, необеспеченность другими видами довольствия, либеральное отношение командования к нарушителям дисциплины привели к массовым случаям дезертирства из частей и подразделений»⁵⁷².

Приводились конкретные данные: в декабре 1941 г. дезертировало 26 чел., в январе 1942 г. – 247 чел., в феврале 1942 г. – 201 чел. Нередко дезертирства совершались группами. Убыль личного состава в связи с дезертирством за весь период существования дивизии с декабря 1941 г. по март 1942 г. составила 742 чел.⁵⁷³ (18,73 % от списочного состава). Из числа дезертировавших добровольно вернулись в части 101 чел. Удалось задержать 61 дезертира, из которых было осуждено 18 чел.⁵⁷⁴ Следует отметить ошибочность бытующей в некоторых публицистических и популярных исторических изданиях точки зрения о том, что чеченцы дезертировали с оружием в руках, ибо

ни стрелкового, ни артиллерийского вооружения дивизия так и не получила до момента своего расформирования в апреле 1942 г. Согласно постановлению ГКО № 00894, вооружение и обеспечение необходимым снаряжением формировавшихся стрелковых бригад и кавалерийских дивизий за счет ресурсов НКО предусматривалось только после того, «когда дивизии будут укомплектованы всем необходимым из местных ресурсов и проверены специальной комиссией округа»⁵⁷⁵. Возможно, поэтому дезертирам выносились достаточно мягкие наказания.

Ответственность за плачевное состояние чечено-ингушской дивизии, очевидно, следует отнести не только на военное командование, но и на политических руководителей ЧИАССР, которые не добились качественного отбора людского и конского состава, не обеспечили бойцам достойных бытовых условий, не провели доходчивой разъяснительной работы с бойцами и населением. Именно эти задачи Государственный Комитет Обороны возлагал на местные органы власти. 29 апреля 1942 г. командование дивизии в докладной записке генерал-инспектору кавалерии РККА О.И. Городовикову доносило, что «большая часть работников республики подошла к вопросу кампанейски. Многие постановления СНК ЧИАССР не дошли до исполнителей»⁵⁷⁶. Командование дивизии неоднократно ставило вопросы о бытовом положении частей перед СНК и обкомом, но они не решались.

Кампанейский подход отмечался ранее и в отчете комиссии полковника Волкова. Факты дезертирства наталкивали на мысль о некачественном отборе личного состава: «С внешней стороны вроде дело обстоит как будто благополучно. Были назначены целый ряд ответственных комиссий по отбору, в этих комиссиях сидели большие товарищи (председатели райсоветов, первые секретари РК ВКП(б), райвоенкомы и др.). Был

ряд постановлений обкома ВКП(б), как будто все говорило за то, что личный состав будет отобран в строгом соответствии с требованиями ГКО...» (возраст до 40 лет и 25-процентная прослойка комсомольцев и членов ВКП(б))⁵⁷⁷.

Действительно, при формировании в основном удалось достичь заданных социально-демографических параметров личного состава, которые, как считалось, должны были обеспечить высокий уровень боевого духа красноармейцев. Партийно-комсомольская прослойка составила 20,1 %, а возраст основной массы бойцов не превышал 35 лет. Однако социально-демографические характеристики оказались обманчивыми: часть членов партии и комсомольцев стали позднее дезертирами (соответственно 9 и 58 чел.); около 50 чел., поступивших на укомплектование, считались враждебными советской власти (родственники репрессированных мулл и кулаков) и т. д.⁵⁷⁸ «В дивизии оказались неустойчивые элементы. Подавляющее большинство политработников [призвано] из запаса», – отмечалось, в свою очередь, в донесении комдива генерал-инспектору кавалерии О.И. Городовикову⁵⁷⁹.

Руководство республики халатно отнеслось и к подбору лошадей, кавалерийского снаряжения всадников. Отметим при этом, что первым командиром дивизии в течение месяца в декабре 1941 г. являлся председатель СНК ЧИАССР С.К. Моллаев⁵⁸⁰.

По итогам мартовской проверки комиссией полковника Волкова, 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию было решено расформировать к 18 марта 1942 г. (приказ СКВО № 0070 от 7 марта 1942 г.⁵⁸¹), создав на ее базе чечено-ингушский кавалерийский полк (приказ СКВО № 0361 от 26 марта 1942 г.⁵⁸²) и чечено-ингушский кавалерийский дивизион и передав на их укомплектование лучший людской и

конский состав дивизии. Всего на укомплектование полка, получившего номер 255, поступило 1023 чеченца, 156 ингушей, 154 русских и 81 представитель других национальностей. Благодаря строгому отбору удалось добиться очень высокой партийно-комсомольской прослойки – 35 % (при средней по Красной армии – 15–20 %). Что важно, большинство личного состава (1158 чел.) владело русским языком. Конским составом полк был укомплектован по штату, но в основном некачественным, низкорослым, ибо много в дивизии не имелось⁵⁸³. Командиром полка был назначен майор Я. Абадиев (30 апреля 1942 г. его сменил капитан М.А. Висаитов, уже после войны удостоенный звания Героя Советского Союза). Начальником штаба был капитан Алханов, а позднее – капитан Емельянов. Комиссаром полка был назначен политрук Имадаев.

Отдельный кавалерийский дивизион формировался во вторую очередь, и качество его состава было ниже: на 597 человек (чеченцев – 469, ингушей – 78, русских – 11, прочих – 39) имелось лишь 80 членов ВКП(б). Конским составом дивизион обеспечен не был⁵⁸⁴.

Оставшийся личный состав дивизии (около 1,5 тыс. чел.) был уволен в запас с формулировкой «до особого распоряжения» и отпущен по домам. Отмечалось, что в период расформирования 114-й кавалерийской дивизии значительно возросло дезертирство⁵⁸⁵.

Учитывая печальную историю 114-й кавдивизии, командование округа постаралось скорее вывести 255-й кавалерийский полк с территории Чечено-Ингушетии:

2 апреля закончилась организация и укомплектование полка, а уже 6 апреля он прибыл в Краснодар, где был включен в состав формировавшегося на Кубани 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. 2 мая полк принял присягу, а 5 мая получил оружие. 17 июня полк был принят в состав действующей армии. Все это время шла напряженная боевая работа.

Полк дважды посещал командующий войсками Северо-Кавказского фронта Маршал Советского Союза С.М. Буденный⁵⁸⁶.

В заключение главы о процессе формирования горских частей нельзя не вернуться к вопросу о дезертирстве прежде всего из чечено-ингушских частей. Это, без сомнения, одна из наиболее болезненных и острых проблем истории участия чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне, предмет нескончаемых споров и спекуляций не только в исторической литературе, но в большей степени – в публицистике, журналистике и на политической трибуне.

Являясь одним из наиболее существенных критериев оценки дисциплинарной практики и моральной устойчивости воинского коллектива, статистика дезертирства лежала в основе решений военно-политического руководства страны о целесообразности сохранения того или иного соединения как боевой единицы Красной армии. Какой уровень дезертирства считался критическим, неизвестно. Скорее всего, такого норматива не существовало. В той или иной мере в тяжелом 1942 г. это воинское преступление было распространено во всех частях Красной армии, особенно если место формирования и дислокации совпадало с районом укомплектования людскими ресурсами. Находясь поблизости от родных домов, в привычной культурно-бытовой среде, морально неустойчивые бойцы имели значительно больше соблазнов покинуть свою часть и рассчитывали скрыться от преследования, опираясь на помощь родных и знакомых. Дезертирство, как правило, росло, когда войска подолгу оставались в тылу, вне боевой работы, когда испытывали затруднения в материальном снабжении. К примеру, во всех соединениях 58-й армии, в конце лета и осенью 1942 г. прикрывавшей махачкалинское направление и находившейся во втором эшелоне войск Северной

группы Закавказского фронта на территории ДАССР, факты дезертирства были достаточно распространенными. Так, только за один месяц, с 18 августа по 20 сентября 1942 г., из 337-й стрелковой дивизии дезертировало 107 чел., из 328-й – 16 чел., из 317-й – 24 чел., из 3-й стрелковой бригады – 45 чел.⁵⁸⁷ К известному по состоянию на 31 августа 1942 г. списочному составу этих соединений⁵⁸⁸ удельный вес дезертирств составил соответственно: 1,0 %, 0,24 %, 0,59 % и 1,0 %. В документе масштабы дезертирства охарактеризованы как «*большие*»⁵⁸⁹.

В 114-й кавалерийской дивизии, если за точку отсчета принять списочный состав по состоянию на март 1942 г. – 3961 чел., ежемесячная убыль в связи с дезертирством составляла в декабре 1941 г. 0,66 %, в январе 1942 г. – 6,24 %, в феврале – 5,07 %, в марте – 6,77 %, что существенно больше аналогичных показателей в упомянутых выше стрелковых соединениях.

Все перечисленные выше соединения 58-й армии были смешанного национального состава с преобладанием славян и национальностей Закавказья. На территории Дагестана доукомплектовывались 328-я и 317-я стрелковые дивизии, но численность дагестанцев в них была незначительна. Дезертирство и иные воинские преступления здесь не оценивались с точки зрения национальности личного состава. Нетрудно представить, что в случае с национальными формированиями факты дезертирства (в совокупности с прочими дисциплинарными показателями) почти неизбежно экстраполировались на весь народ, представителями которого они комплектовались, прочно связывались с этничностью дезертиров. Особенно опасным, в том числе и с политической точки зрения, считалось групповое дезертирство и дезертирство с оружием в руках, понимавшееся как проявление

осознанного и организованного сопротивления советской власти. Мотивами дезертиров часто были не только малодушие и недоверие советской власти, но и тяжелое бытовое положение бойцов, бескормица, грубость и бездушие командиров, однако они отходили далеко на задний план. Дезертирство квалифицировалось как преступление против государства, а групповое дезертирство представителей одной национальности – как проявление нелояльности государству целой этнической группы.

В аналогичном чечено-ингушской кавалерийской дивизии положении несколько позже оказались армянские и азербайджанские национальные стрелковые дивизии, которыми была укомплектована 44-я армия Северной группы войск Закавказского фронта. Осенью 1942 г. в напряженных боевых и бытовых условиях значительно выросло дезертирство, а на линии соприкосновения с противником – и добровольная сдача в плен. Так, 223-я Азербайджанская стрелковая дивизия, еще во время длительного марша на фронт, продолжавшегося с 19 по 31 августа, потеряла 163 чел., многие из которых дезертировали группами и с оружием⁵⁹⁰. Военные советы 44-й армии и Северной группы войск неоднократно высказывали свое возмущение поведением бойцов армянской и азербайджанской национальностей, а командующий группой генерал-лейтенант И.И. Масленников, пользуясь своей особой близостью к наркому внутренних дел Л.П. Берии (одновременно с армейской должностью он занимал должность заместителя наркома внутренних дел по войскам), дважды ходатайствовал перед руководством страны о переформировании дивизий как небоеспособных и неустойчивых в стрелковые бригады, что означало сокращение («чистку») численности их личного состава более чем вдвое. Нельзя не сказать и о том, что грузинских дивизий, воевавших в составе

Северной группы, критика не затронула, хотя их боевые качества также были невысокими. В этом усматривается несомненная политизированность подхода к национальным формированиям: очевидно, генерал Масленников не желал затронуть национальные чувства И.В. Сталина и Л.П. Берии (последний фактически курировал оборону Кавказа, дважды выезжал на фронт в качестве представителя Государственного Комитета Оборона)⁵⁹¹.

Отметим также, что типологически (но не терминологически) дезертирство из организованных воинских частей отличалось от хаотичного движения неорганизованных масс войск, отступавших с линии фронта. Летом 1942 г. огромная людская волна, состоявшая из «большого количества одиночек и групп красноармейцев и начсостава» из разбитых Южного и Северо-Кавказского фронтов, двигалась по дорогам Северного Кавказа, «неизвестно куда и зачем», сея панику среди населения и создавая заторы на трассах и вокзалах⁵⁹². Таких лиц, также именовавшихся дезертирами, после проверки в специальных фильтрационных лагерях НКВД направляли на доукомплектование обычных частей; уличенных в «нарушении дисциплины, проявлении трусости, неустойчивости» – в штрафные роты и батальоны⁵⁹³. Политические претензии к этой категории дезертиров предъявлялись редко.

3

Участие горских частей в обороне Кавказа

Фронтовая судьба северокавказских национальных формирований оказалась драматичной и очень короткой. В самом начале битвы за Кавказ летом 1942 г. они использовались в борьбе с плацдармами войск вермахта на левом берегу Дона. Как и многие другие части Северо-Кавказского фронта, 225-й кавалерийский полк и 115-я кавалерийская дивизия были буквально сметены танковыми армиями врага.

Северо-Кавказский фронт, к началу битвы за Кавказ (25 июля 1942 г.) представлявший собой, по существу, остатки разбитого в конце мая 1942 г. Крымского фронта, в который вливались другие отступавшие части, располагал очень незначительным количеством свежих частей и соединений. Горские кавалерийские части оказались в их числе, и на них возлагались большие надежды.

Согласно первоначальному плану организации обороны ростовско-кавказского направления Северо-Кавказского фронта от 2 июня 1942 г., 115-я кавалерийская дивизия наряду со 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизией входили в состав Отдельного кавалерийского корпуса (сформирован 25 мая 1942 г.). На 115-ю дивизию возлагалась задача «занять и оборонять р. Дон на участке Манычская, Ольгинская, не допустить противника форсировать р. Дон»⁵⁹⁴. В полосу обороны дивизии вошло не менее десяти крупных населенных пунктов, которые должны были быть оборудованы как опорные пункты⁵⁹⁵.

В первых числах июня командир Отдельного кавкорпуса генерал-майор Б.А. Погребов ознакомился с

состоянием частей дивизии, найдя его в целом удовлетворительным. Дивизия прибыла на фронт фактически не укомплектованной стрелковым вооружением и артиллерией, однако в течение двух недель к концу июня получила необходимое количество винтовок, автоматов и пулеметов. В то же время оставался большой некомплект артиллерии, стрелковых и артиллерийских боеприпасов; дивизия почти не имела автомобильного транспорта, инженерного имущества и средств связи⁵⁹⁶. В подразделениях велись интенсивные занятия, а проверки боевой готовности показали в целом удовлетворительный уровень тактической, конно-строевой и пеше-строевой подготовки. Оценки по огневой подготовке были отличными и хорошими⁵⁹⁷.

В середине июня часть сил 115-й кавалерийской дивизии и 255-го кавалерийского полка были задействованы в прочесывании лесного массива южнее хутора Веселый Веселовского района Ростовской области, где, по оперативным данным НКВД, скрывались дезертиры и возможные агенты противника. Имелись сведения о частых пролетах над лесом немецких самолетов и подачи им сигналов с земли ракетами. Операцию по ликвидации находившихся в лесу дезертиров и агентов врага было приказано использовать в интересах тактической подготовки частей⁵⁹⁸.

В середине июля 1942 г. 115-я кавдивизия и 255-й кавполк, включенные в состав 51-й армии, после длительного марша прибыли на южный берег Дона, имея задачу упорно его оборонять, не допустив вторжения противника в Сальские степи и на территорию Северного Кавказа. Главным силам надлежало быть готовыми действовать в направлении Сталинград – Сальские степи и, если благоприятно сложится обстановка, во взаимодействии с 14-м танковым корпусом нанести врагу контрудар. В ударную

группу входил Отдельный кавалерийский корпус в составе 115-й кавалерийской дивизии, 255-го отдельного кавалерийского полка, 40-й танковой бригады и 19-го гвардейского минометного полка. В случае наступления противника на Сталинград севернее Дона ударная группа выдвигалась в районы Мал. Мартыновка, Бол. Орловка и Батлаевская для прикрытия этого участка фронта.

Первоначально частям 115-й кавдивизии, как основной силе Отдельного кавкорпуса, удавалось отражать передовые группы противника. В оперативной сводке 51-й армии сообщалось: «Захватив переправу через р. Сал, противник просочился через боевые порядки 316 кавалерийского полка 115 кавалерийской дивизии, занявшей к этому времени оборону на рубеже Мал. Мартыновка, Рубашкин, Бол. Мартыновка, Арбузов, Батлаевская, Новоселовка (общим протяжением 50 км), занял Батлаевскую и вышел к Крепянке, Московскому...

Выброшенные на автомашинах спешенные два эскадрона 297 кавалерийского полка 115 кав. дивизии, стремительной атакой с утра 27.07.42 выбили противника с северной окраины Батлаевской и удержали этот населенный пункт, несмотря на контратаку двух рот мотопехоты и 20 танков, поддержанных сильным артиллерийским огнем».

В последующие дни дивизия вела ожесточенные бои с превосходящим противником. Особенно кровопролитный бой состоялся 29 июля в районе Большая Мартыновка. 12 августа, уже на новом рубеже обороны в районе села Ремонтное, 115-я кавалерийская дивизия вновь вступила в неравный бой с танками противника и понесла тяжелые потери. В дальнейшем остатки дивизии отступали отдельными группами по калмыцким степям и влились в состав 4-го кавалерийского корпуса. Здесь дивизия в сентябре 1942 г. была расформирована.

Боевой путь 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка во многом был похож на историю кабардино-балкарской дивизии, тем более что и сражаться им выпало в бескрайних Сальских степях, можно сказать, плечом к плечу.

18 июля полк был передан в оперативное подчинение 138-й стрелковой дивизии 51-й армии, задачей которой являлось оборонять предмостный район у станицы Цимлянской и всю полосу левобережья Дона до стыка с войсками 64-й армии. Ночными маршами за шесть суток полк преодолел свыше 300 км до линии фронта. Ему был определен участок обороны по южному берегу Дона огромной протяженностью в 35 км – от Верхне-Кумоярской до Кривского. Такой участок обороны в годы войны обычно занимали несколько стрелковых дивизий.

Противник рвался в направлении Котельникова, с тем чтобы овладеть железнодорожной магистралью Тихорецкая – Сталинград. 4 августа в бою под Чилековым полк подвергся атакам с воздуха, а затем был рассеян танками противника и потерял, как сказано в журнале боевых действий полка, «убитыми, ранеными, а главным образом разбежавшимися свыше 50 % людей и до 70 % лошадей», а также значительную часть вооружений и имущества⁵⁹⁹.

В дальнейшем 255-й кавалерийский полк отступал в общей группе южного крыла 64-й армии, которой руководил заместитель командарма генерал-лейтенант В.И. Чуйков. К середине августа 1942 г. в полку оставалось 599 человек и 384 лошади⁶⁰⁰. 27 августа – 4 сентября полк принимал участие в боях против румынских войск за калмыцкое селение Тундутово, потеряв 18 чел. убитыми, 28 ранеными и 33 без вести пропавшими⁶⁰¹. В дальнейшем полк действовал в районе сел Унген-Герачи, Зим, Чарлакты, Присарта, сменив части 302-й стрелковой дивизии, а затем – совместно с

остатками 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Все это время 255-й полк воевал в крайне ослабленном составе; впрочем, очень немногочислен был и противник, поэтому серьезных боев не возникало.

16 октября 1942 г. приказом НКО полк был расформирован. Из остатков 115-й кавдивизии и 255-го кавполка были сформированы два кавалерийских разведывательных дивизиона и истребительно-противотанковый дивизион. Курьезную смысловую инверсию, связанную с этим переформированием, можно встретить в современной региональной литературе. Упразднение боевых частей как разукомплектованных и небоеспособных и формирование на их основе значительно меньших по штату подразделений, парадоксальным образом представлено как «свидетельство признания не только боевых заслуг воинов полка (имеется в виду 255-й Чечено-Ингушский полк. – *Авт.*), но и безграничного к ним доверия»⁶⁰².

Интересны оценки боевых качеств горских кавалерийских формирований, данные их начальниками штабов – капитаном Емельяновым (255-й кавполк) и подполковником Эхохиным (115-я кавдивизия). Оба оператора подчеркивали, что их части использовались не по назначению – в обороне и для борьбы с танками. Как кавалерийские части они не применялись, а чечено-ингушский полк к тому же ни разу не действовал в бою в полном составе. В хаосе отступления горские части не получали четкой задачи, часто переподчинялись другим соединениям. Так, в последние недели своего существования эскадроны 255-го кавалерийского полка, часто сводные, были распределены сразу между тремя соединениями.

Оба начальника штаба высказывались в том смысле, что при более благоприятных условиях и грамотном использовании конницы северокавказские соединения

могли проявить себя лучше: «Хорошо с чеченцами быть в наступлении. Здесь они дерутся храбро» (Емельянов)⁶⁰³.

Любопытно, что часть кавалеристов после окончания активной фазы боев, пользуясь относительной близостью родных мест, беспрепятственно вернулись домой. Подполковник Эхохин встречал целые группы вооруженных кабардинцев и балкарцев, невозмутимо следовавших прочь от линии фронта и считавших свой воинский долг выполненным⁶⁰⁴. По данным НКВД КБАССР, число дезертиров, вернувшихся в республику, достигало 700 чел. Многие из них «с оружием ушли в горы, составив ядро бандитских групп»⁶⁰⁵. Такие же настроения нередко встречались и среди чеченцев и ингушей. Капитан Емельянов оставил на этот счет парадоксальный комментарий: «Отдельные люди в полку были прекрасными, а в общей массе – все *свободолюбивые*» (выделено в подлиннике. – Авт.)⁶⁰⁶. Отметим, что ментально не все горцы воспринимали Советский Союз, Россию как свою родину. Еще в период формирования 114-й Чечено-Ингушской дивизии среди личного состава встречалось такое мнение, что «они будут защищать только свою республику»⁶⁰⁷.

Как отмечалось выше, кроме 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии (255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка) и 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, к национальным иногда относят также 29-й (40-й гвардейский) Кубанский казачий кавалерийский полк и Дагестанский добровольческий кавалерийский эскадрон. Однако в первом случае национальный состав части был смешанным, а во втором – подразделение слишком немногочисленно для подробного исторического анализа. Вкратце история этих формирований такова.

4 января 1942 г. приказом Ставки ВГК № 003, продублированного приказом командующего войсками

СКВО № 080 от 24 января 1942 г. в состав действующей армии была зачислена 13-я Кубанская казачья кавалерийская дивизия, в составе которой имелся 29-й Кубанский казачий кавалерийский полк, сформировавшийся на территории Адыгеи. По данным историка Х.И. Сиджаха, из 1294 отобранных в полк бойцов и командиров около 700 чел. были уроженцами Адыгеи⁶⁰⁸. В составе 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса полк прошел всю войну, закончив ее в Праге, заслужил гвардейское звание (40-й гвардейский), удостоен почетного наименования «Барановичский».

Дагестанская АССР с ее более чем миллионным населением, в отличие от соседних автономных и союзных республик, в начале войны не имела собственного национального формирования. (Для сравнения: в годы Первой мировой войны в Дагестанской области, также в условиях отсутствия обязательного призыва, было сформировано сразу два добровольческих Дагестанских конных полка – 1-й и 2-й, – в то время как остальные горцы Северного Кавказа имели по одному полку.) В августе 1942 г., когда началась битва за Кавказ и немецкие войска быстро продвигались к предгорьям, Совнарком ДАССР обратился к командованию Красной армии с просьбой разрешить трудящимся Дагестана сформировать добровольческий кавалерийский эскадрон. 3 сентября 1942 г. Военный совет дислоцированной на территории Дагестана 44-й армии Северной группы войск Закавказского фронта дал разрешение на формирование в составе кавалерийского полка 44-й армии эскадрона из добровольцев Дагестана. Этот вопрос был возложен на К.Р. Караева, известного в республике партизана периода Гражданской войны. Бойцы эскадрона получили право на ношение национальной формы одежды: черкески, шапки, кинжалы, башлыки. В течение

нескольких дней был набран полный состав подразделений, многим желающим пришлось отказать. 10 октября 1942 г. эскадрон был включен в состав 44-й армии и с почестями отправился на фронт⁶⁰⁹. В последующем Дагестанский обком ВКП(б) направлял людские и конские пополнения в эскадрон⁶¹⁰. Дагестанское подразделение начало боевые действия под станицей Ищерской, восточнее Моздока, и прошло длинный боевой путь до Берлина.

4

Горцы как объект и субъект советской пропаганды

Военная пропаганда издавна была мощным орудием воздействия на морально-психологическое состояние как своих войск и населения, так и войск и населения противника. Вторая мировая война, носившая характер столкновения антагонистических идеологий (национал-фашистской, интернационально-коммунистической, либерально-демократической), придала пропагандистскому обеспечению военных действий исключительно важный характер. По мнению советского историка пропаганды Г.Д. Комкова, идеологическая борьба в этот период выделилась в самостоятельный фронт, от состояния которого в немалой степени зависела судьба воюющих государств⁶¹¹. Немецкий историк Р. Зульцман высказал аналогичную мысль, рассматривая пропаганду наравне с любым другим оружием – как по степени эффективности воздействия на собственные войска и противника, так и по глубине наносимых ей «ран»⁶¹².

Рассматривая особенности агитационно-пропагандистской и воспитательной работы с горцами, следует разделять эту деятельность с «гражданскими» и «военными» контингентами горцев. В первом случае агитация и пропаганда исходила от партийно-советских органов и прессы и была адресована потенциальным защитникам Родины – военнообязанным, призывникам и добровольцам, еще не зачисленным в войска. Во втором случае имеется в виду работа армейских политорганов и командного состава с военнослужащими горских национальностей в частях РККА. Цели, формы и методы

работы гражданских и военных партийно-политических органов существенно различались.

В начале войны Главное политуправление Красной армии не проявляло инициативы в вопросе организации специальной агитационно-пропагандистской и воспитательной работы с бойцами нерусских, в том числе северокавказских национальностей. В первый год войны фронты и округа, где призывались и куда поступали для прохождения службы контингенты северокавказских национальностей (Закавказский, Крымский, Кавказский фронты, Северо-Кавказский военный округ), не получили ни одного руководящего документа, регулировавшего воспитательно-идеологическую работу с ними.

Пропагандистская институционализация образа воина-горца и активное вовлечение этого образа в пропагандистскую и воспитательную работу относится к началу битвы за Кавказ летом 1942 г., и значительная роль в этом принадлежит прессе. Немалое значение здесь сыграли яркие художественные портреты, созданные писателями и журналистами Ильей Эренбургом, Георгием Леонидзе, Петром Павленко, Виталием Закруткиным, широко растиражированные региональной и фронтовой прессой. Расчет строился на противопоставлении красивому и гордому горцу отвратительного карикатурного немца-оккупанта – «безмозглого колбасника» с «квадратной головой». В данном случае был использован прием гитлеровской пропаганды, отказывавшей противнику в звании полноценного человеческого существа. Широко использовались негативные анималистские образы («звери», «скоты», «волки», «пруссские шакалы», выпускающие свои «отравленные когти», и т. п.).

Начало эскалации милитаристских и национально-патриотических настроений горцев в прессе и устной пропаганде было положено обнародованием обращения

старейшин Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии к народам Северного Кавказа по поводу зверств оккупантов в кабардинском селении Кызбурун-1 (ныне – Атажукино) и митингами народов Закавказья 7 августа 1942 г., Северного Кавказа 13 августа 1942 г. и горской молодежи 26 августа 1942 г. Официально митинги были названы проявлением всенародного порыва, но на деле они были инициированы начальником Управления пропаганды и агитации ЦК Г.Ф. Александровым, отмечавшим 30 июля 1942 г. в записке секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову (последний являлся начальником ГлавПУРККА), что «митинги должны быть проведены под знаком мобилизации народов Закавказья и Северного Кавказа на усиление борьбы против немецко-фашистских захватчиков»⁶¹³. Также в записке указывалось на необходимость «организовать выступления красноармейцев, колхозников, рабочих, интеллигенции следующих национальностей: грузин, армян, азербайджанцев, осетин (из Южной Осетии), дагестанцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, черкесов, балкарцев, карачаевцев, осетин (Северная Осетия)». Организация митингов северокавказских народов была поручена Северо-Осетинскому обкому партии⁶¹⁴.

Фактов о зверствах фашистов и подвигах земляков добавили члены делегаций трудящихся из КБАССР и ЧИАССР, посетивших в мае 1942 г. расположение войск Южного фронта. В своих газетных отчетах делегаты от Кабардино-Балкарии сообщали, в частности, и о случайной встрече с немецкими военнопленными, лишь недавно захваченными советскими разведчиками: «Они имеют жалкий вид, беспрерывно чешут себя и тупо смотрят перед собой»⁶¹⁵.

Важно отметить такую деталь. Мотив беспощадной мести захватчикам, адекватной степени их злодеяний,

стал одним из главных приводных ремней советской антифашистской пропаганды, воспитания ненависти и беспощадности к врагу. И противник давал для этого массу веских причин. Что касается народов Северного Кавказа, то здесь идея мести подпитывалась фактическим материалом несколько сложнее: территория горских автономий была оккупирована врагом на короткий период и лишь частично; горцам гитлеровцы уделяли показное радушие и в целом держали себя значительно более человечнее, чем по отношению к славянам. Событий, способных до глубины души тронуть национальные чувства горца и вызвать в нем стремление к мести и самопожертвованию, было не так много. Как показано выше, трагедия в селе Кызбурун-1, в котором «немецко-румынские звери» убили 52 мирных жителя⁶¹⁶, была использована пропагандистскими органами по максимуму.

В дальнейшем страдательный образ приобрел город Малгобек, в окрестностях которого в течение месяца осенью 1942 г. велись ожесточенные бои. Оставляя город, оккупанты взорвали объекты нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. После освобождения города в начале 1943 г. фотографии разрушений Малгобека публиковались едва ли не в каждом номере органа Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) «Грозненский рабочий», а восстановление города стало своего рода «национальной идеей» для чеченцев и ингушей.

Интересны попытки совместить идею мести немецко-фашистским захватчикам с кровной местью – института традиционного общества, с которым многие годы советская (а до этого – царская) власть вела ожесточенную и небезуспешную борьбу. С точки зрения массовой пропаганды объявление противнику не простой мести, а кровной выглядело, несомненно, эффектно и колоритно. На митингах и в газетах этот

сугубо частно-семейный институт обычного права быстро разросся и обрел наднациональный масштаб. «Немец нигде не найдет приюта, – заявляла газета «Грозненский рабочий». – Убежав от мести черкеса, он наткнется на кинжал чеченца, его сразит пуля ингуша – на Кавказе нет народа, который не считал бы Гитлера своим кровником. Кровник – это человек, проливший кровь. Немец пролил кровь чеченца Маташа Мазаева, кровь храброго Магомеда Ханиева...» (Имеются в виду горцы, геройски погибшие на советско-германском фронте. – *Авт.*)⁶¹¹ Таким образом, в пропагандистском обороте кровная месть как бы превращалась в свою противоположность: обращенная не вовнутрь, а вне горского общества, она не разрушала его, а играла консолидирующую функцию.

Если врагу отказывалось в человеческих качествах и он подлежал беспощадному уничтожению, то полной противоположностью ему был пропагандистский образ горца-воина. Он включал в себя как общий набор положительных человеческих качеств: смелость, решительность, верность, так и специфический пласт, обычно приписываемый горцу: гордость, неподкупность, свободолюбие. Использовались такие традиционные элементы горской ментальности, как круговая порука, долг воина перед родителями, трепетное отношение к женщинам в противовес насилию над ними немцев и т. д.⁶¹⁸ Все штампы о вольнолюбивых джигитах и горской удали были аккумулированы в передовице «Правды» «Северный Кавказ», вышедшей 2 сентября 1942 г., и растиражированы в дальнейшем всеми местными газетами⁶¹⁹.

Особенно широкое распространение получила своеобразная секуляризованная мусульманская пропаганда. Тема газавата (священной войны) за советскую родину получила официальную поддержку, стала общеупотребительной и неоднократно

озвучивалась как мусульманским духовенством, так и советско-партийными функционерами и прессой. По замечанию историка А.А. Нуруллаева, «советский режим разрешал... популяризировать идею о войне против гитлеровской Германии как войне за мусульманскую веру»⁶²⁰.

В то же время непосредственно в воинских частях политорганы не поощряли распространения религиозных (ни мусульманских, ни христианских) настроений среди военнослужащих. Автором не обнаружено *ни одного* свидетельства какой-либо поддержки и ретрансляции на личный состав армейскими воспитательными органами религиозных обращений, поступавших из тыла, и вообще сколько-нибудь серьезного отношения к религиозности военнослужащих Красной армии. Религиозная пропаганда была допустима для агитации призывников и военнообязанных *в тылу*, как фактор, усиливавший эффект традиционной советской пропаганды, мобилизующий их на вооруженную борьбу, и прекращалась с отправкой их на фронт.

Поощрялись воинственные представления, ведущие к национальным корням. Историк Б.З. Плиев свидетельствует о возрождении у осетин в годы войны нартских воинских обычаев: клятва перед родом (лаузганан) и торжественный проход воина сквозь строй обнаженных сабель, культивирование нартских ценностей, таких как отвага в бою, воздержание в пище и уважение к женщине (как к объекту защиты)⁶²¹.

Комплекс исторических героических символов и персонажей во время войны стал основой для генерации новых героев, рожденных текущей войной. Уже в годы войны о прославивших себя в боях земляках складывались песни, их именами называли топографические объекты и военную технику. В каждой республике выбирались один-два наиболее ярких

образа, которые затем безусловно превалировали над пантеоном прочих героев войны. Для чеченцев и ингушей, например, таким символом стал 20-летний пулеметчик Ханпаша Нурадилов, убивший, как считалось, 920 фашистов и погибший в бою в сентябре 1942 г. 13 апреля 1943 г. Нурадилову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал первым чеченцем, удостоенным этого высокого звания.

Чрезвычайно сильны в пропаганде были исторические образы и ценности Гражданской войны, которой было уготовано место своего рода нравственного идеала для горской молодежи, которой предстояло отстаивать свою родину по примеру отцов. От старых партизан ожидалась передача молодежи некоего воинского духа, опыта ведения войны. Уже пожилые ветераны Гражданской войны выступали с воззваниями, возглавляли партизанские и истребительные отряды и даже регулярные части Красной армии (например, бывший красный партизан Кара Караев стал во главе отдельного Дагестанского кавалерийского эскадрона, сформированного в составе 44-й армии; а в ингушских селах к формированию партизанского отряда приступил известный предводитель ингушей в боях против деникинцев Хизир Орцханов). Одновременно делались отсыпки к безусловным символам Гражданской войны на Северном Кавказе – Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирову и местному пантеону – Асланбеку Шерипову, Уллубию Буйнакскому, Махачу Дахадаеву и др. Всех перечисленных персонажей давно не было в живых, многие из них погибли от рук белогвардейцев, вследствие чего их образы с годами стали предельно символичны и общи.

Налаживание тесных ментальных связей с временами Гражданской войны – явление в целом не характерное для советской пропаганды военной поры. У центральных пропагандистских органов большой нужды

в обращении к сложной и противоречивой истории Гражданской войны не было. Уже в начале Великой Отечественной войны появился четкий ориентир – глубокая, полная подлинных и мнимых военных триумфов история русского народа. Русский национализм стал стержнем всей официальной советской пропаганды.

На Северном Кавказе такой твердой почвы, с точки зрения советских идеологов, не было. Гражданская война являлась, пожалуй, единственным коротким отрезком истории, когда горцы безусловно поддерживали советскую (русскую) власть и стали плечом к плечу с русскими. Иного опыта, совместимого с опытом советского (русского) народа, у горцев не имелось. Правда, эпизодически появлялись некоторые иные исторические сюжеты. Например, в Дагестане гитлеровское нашествие иногда сравнивали с завоевательными походами иранского завоевателя первой половины XVIII в. Надир-шаха. Тогда разные дагестанские общества сумели объединиться и дать отпор агрессору, что давало надежду повторения этого подвига и в отношении «Надир-шаха XX века» – Гитлера⁶²².

Некоторые «несоответствия» исторических фактов текущей ситуации разрешались незамысловатым мифотворчеством. Большой соблазн был ввести немецких завоевателей и в историю Гражданской войны на Северном Кавказе. В резолюции упомянутого выше митинга народов Северного Кавказа, проходившего 13 августа 1942 г. в Орджоникидзе, говорилось: «Вспомним, братья, тяжелый 1918 год... Германские полчища через Крым, Украину и Дон бросились к нам, на Северный Кавказ. Немецким грабителям и людоедам помогали предатели родной земли: Гаппо Баев, генерал Хабаев в Осетии, богач-коннозаводчик Пшемахо Коцев в Кабарде, миллионер Тапа Чермоев и шейх Узун Хаджи в Чечне,

барантовод Нажмуддин Гоцинский и князь Тарковский в Дагестане...»⁶²³ Отметим, что митинг проходил у братской могилы 17 тыс. погибших в годы Гражданской войны красноармейцев и командиров Красной армии, ни один из которых не пострадал от руки немца.

Обращает на себя внимание то, что развернутая в августе-сентябре 1942 г. пропагандистская кампания, адресованная специально северокавказским горцам, ориентировала их, прежде всего, на партизанскую борьбу, оборону гор – «своего края», но не на вступление в ряды Красной армии. По важности стоящих перед ними задач они не уступали тем горцам, которые уже находились в рядах действующих войск: «Будем уничтожать фашистских людоедов, как уничтожают их на фронтах Отечественной войны героические сыны Дагестана...»⁶²⁴ В ответ на известие о зверской расправе фашистов над жителями селения Кызбурун-1 газета своеобразно взывала к мести: «Вдвое, втрое напряженнее работать, чем вчера и сегодня»⁶²⁵.

Для северокавказских народов такая форма патриотизма развивалась на фоне ширившегося в 1942 г. антисоветского повстанческого движения в горах и уголовного бандитизма. Вскоре ряду народов, выселенных со своей исторической родины, было вовсе отказано в патриотизме и в праве жить на исторической родине. Не исключено, что уже в период обороны Кавказа в 1942 г. в отношении некоторых народов вызревали суровые политические решения об их выселении как «предателей». По этой причине замечается дифференциация в пропагандистской работе. Так, в начале ноября 1942 г. от председателя Радиокomiteта при СНК СССР Д.А. Поликарпова на имя А.С. Щербакова поступило предложение в связи со сложившейся на Северном Кавказе обстановкой организовать радиовещание на горское население оккупированных территорий на балкарском,

кабардинском, адыгейском, осетинском, чеченском и ингушском языках. Щербаков подчеркнул в документе кабардинский, осетинский и адыгейский языки, оставив резолюцию: «Т[оварищу] Поликарпову. Начать на языках подчеркнутых»⁶²⁶. За рамками информационного и агитационного обслуживания на родных языках остались балкарцы, карачаевцы (говорящие на одном языке), чеченцы и ингуши – народы, выселенные с исторической родины в течение 1943–1944 гг.

Пожалуй, наиболее интенсивная и артикулированная пропагандистская кампания развернулась в двух советских автономных республиках – Чечено-Ингушетии и Дагестане – в начале 1943 г. Почему это случилось только на исходе второго года войны, становится ясно из обстоятельств ее сопровождавших. К этому времени уже более чем полгода горские контингенты призывников и военнообязанных не призывались в армию. Поэтому уже упомянутая в главе о добровольчестве директива начальника Упразформа РККА генерал-полковника Щаденко № ГУФ/28ш от 26 января 1943 г., объявившего мобилизацию всех добровольцев по национальности чеченцев, ингушей и представителей народностей Дагестана, была принята с большим воодушевлением, по крайней мере, представителями местных властей и понималась ими как своего рода политический экзамен на верность советскому строю.

Мобилизация велась при активном участии советских, партийных и комсомольских организаций республик. Местной прессой и партийными органами кампания была представлена как стихийная инициатива горцев, реакция молодежи на грандиозные успехи Красной армии на Северном Кавказе и под Сталинградом, освобождения от остатков войск противника территорий северокавказских автономных

республик и желанием помочь Красной армии в дальнейшей борьбе с врагом.

Вся добровольческая кампания проходила на фоне грандиозных побед Красной армии на советско-германском фронте. Победоносно завершалась Сталинградская битва, были освобождены Харьков, Ростов, Ворошиловград, часть Донбасса. За три зимних месяца 1942–1943 гг. было освобождено 14 краев и областей. Наступление продолжалось. Советские войска захватили небывалое количество пленных и трофеев. Все это должно было способствовать созданию приподнятого, боевого настроения у горской молодежи. В январе 1943 г. военком ЧИАССР К.А. Бронзов осторожно отмечал «улучшение настроения» и «намек» на «коренной перелом в политической обстановке в республике», что позволяло говорить о «перспективе возвращения в дальнейшем чеченцев и ингушей к участию с оружием в руках в защите Родины»⁶²⁷.

Первые признаки пропагандистской кампании по добровольному вступлению в ряды РККА появились 10 января 1943 г., когда в газете «Грозненский рабочий» была опубликована передовица, в которой отмечалось, что «сыны Чечено-Ингушетии, находящиеся в Красной армии и готовящиеся влиться в ее стальные ряды новыми крупными подразделениями, также свято выполняют свой долг, как выполняют его сыны великого русского народа, сыны Украины, Грузии и Азербайджана...»⁶²⁸. 19 января в «Грозненском рабочем» было опубликовано обращение «добровольцев Красной армии – комсомольцев и молодежи Ачхой-Мартановского района ко всей молодежи ЧИАССР» под заголовком «В бой за Родину, молодые джигиты Чечено-Ингушетии!»⁶²⁹. Таким образом, ачхой-мартановские комсомольцы официально стали инициаторами кампании. Дальнейшее ее развитие строилось по обычному сценарию: изо всех уголков республики

посыпались отклики молодежи и комсомольцев, также готовых присоединиться к добровольцам.

Нельзя не отметить, что развертывание кампании по добровольному вступлению чеченцев и ингушей в ряды РККА началось до издания директивы начальника Главупраформа. Можно констатировать редкий случай, когда центральные власти подхватили почин, шедший снизу. Насколько самостоятельны были в своей инициативе ачхой-мартановские комсомольцы, сказать сложно. Одно можно утверждать твердо: в проведении кампании кровно были заинтересованы республиканские власти и готовы были поддержать и тиражировать любое проявление патриотических чувств со стороны населения.

В ходе пропагандистской кампании властям удавалось успешно использовать традиции горского населения, склоняя на свою сторону старейшин («авторитетов», «почетных стариков»), пожилых женщин – основательниц родов и вести через них разъяснительную работу. При этом допускалось серьезное отклонение от коммунистической идеологии. Особенно интересно с этой точки зрения широкое сотрудничество с мусульманским духовенством и повсеместная эксплуатация исламских ценностей. Агитация за вступление в ряды Советской армии принимала порой экзотические формы. Имела место агитация непосредственно во время богослужений. Один мулла, возглавив партизанский отряд, обосновывал обязанность каждого ингуша защищать Родину положениями Корана. Уважаемый старик на митинге в честь добровольцев в ингушском селе Базоркино заявлял: «Каждый, погибший на фронте, попадет в рай, а умерший трусом попадет в ад»⁶³⁰. Другой старик, выступая на том же митинге, сказал: «Я люблю сына, это моя жизнь и надежда. Я посылаю его в Красную армию, чтобы он стал надеждой всего села,

всего народа. На Коране клянусь – в бою он оправдает мою любовь»⁶³¹. Распространены были апелляции к родовому позору, который ляжет на лиц, отказавшихся от призыва («Тем, которые не пойдут в армию, и не только им, но и семьям их не может быть места в селе Базоркино», «Пусть помрет та молодежь, которая не идет добровольно в ряды Красной армии»⁶³²).

Подчеркивалось, что остающимся дома старикам будет совсем не плохо: о них, вместо ушедших на фронт сыновей, позаботится государство и родной колхоз. Так, в «Грозненском рабочем» было опубликовано коллективное письмо троих пожилых чеченцев, каждый из которых имел по двое сыновей на фронте. «Мы старики, работать не можем, но помогаем хозяйским глазом и добрым советом. Колхоз вполне обеспечивает нашу старость», – писали они. В свободное от хозяйственных забот и заслуженного отдыха время отцы писали сыновьям письма на фронт – так заканчивалась эта пасторальная зарисовка⁶³³.

Начавшаяся неожиданно пропагандистская кампания в поддержку вербовки добровольцев в Красную армию сразу после отправки в войска изъявивших желание служить молодых людей немедленно была свернута. Последнее сообщение о них появилось 5 февраля 1943 г. Думается, рядовому жителю республики такая метаморфоза могла показаться странной: еще вчера газета славил «чеченских джигитов», готовых проливать кровь за Родину, а сегодня они будто испарились. Не ясны были и итоги столь широко развернутого мероприятия. В ее начале в газетах приводились цифровые данные записавшихся добровольцев. Например, в Шалинском районе ЧИАССР было подано 308 заявлений, в Чеберлоевском – 298, в Курчалоевском – 100⁶³⁴. В дальнейшем всякие цифровые данные исчезли, и оценить ход и масштабы добровольческой кампании не

было никакой возможности. Можно предположить, что быстрое свертывание пропагандистской кампании и замалчивание итогов вербовки добровольцев были обусловлены не совсем успешными ее итогами: как отмечалось выше, реально желающих отправиться на фронт оказалось немного, во многих районах добровольная вербовка выродилась в принудительный призыв, военкоматы получили разнарядку и любой ценой старались выполнить наряды на добровольцев, а те, в свою очередь, скрывались от вербовщиков⁶³⁵.

До конца войны аналогичных пропагандистских кампаний более не проводилось. В 1943–1944 гг. в республиканской прессе этническая и квазирелигиозная по форме и мобилизационная по содержанию тематика в основном была вытеснена образами конкретных лиц – Героев Советского Союза, орденоносцев, военачальников горского происхождения, каковых с годами становилось все больше. За шаблонными описаниями их подвигов, званий и регалий этничность была уже неразличима. Разумеется, репрессированные народы немедленно исчезали не только с исторической родины, но и с газетных полос.

Деэтнизация идеологических императивов в конце войны характерна для всей пропагандистской работы. Красная армия и так неуклонно шла к победе, и апелляция к национальным чувствам советских людей была теперь не только излишней, но и неуместной, поскольку порождала у военнослужащих излишние ожидания.

5

Воспитательная работа с военнослужащими горских национальностей в войсках

В войсках ситуация с партийно-политической и воспитательной работой с военнослужащими горских национальностей была иной.

Руководящим органом партийно-политической работы в войсках в годы Великой Отечественной войны являлось Главное политическое управление РККА, начальник которого имел статус заместителя наркома обороны. Накануне войны на эту должность был назначен армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис, а в июне 1942 г. его сменил секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков. На фронтах политической работой в войсках руководили члены военных советов фронтов и начальники политуправлений. Организационная структура политорганов в течение войны постоянно совершенствовалась. Они состояли из управлений и отделов, занимавшихся конкретными направлениями партийно-политической работы: организационно-инструкторского, пропаганды и агитации, кадров, комсомольской работы, спецпропаганды, печати, партучета и др.

В самом начале войны, 16 июля 1941 г., был возрожден институт военных комиссаров (в ротах и батареях – политруков). Это решение мотивировалось необходимостью расширить и углубить партийно-политическую работу в войсках, помочь командиру в организации боевой деятельности своей части. Важной опорой для штатных политработников были первичные партийные и комсомольские организации,

создававшиеся во всех низовых армейских структурах – ротах и батареях. Коммунисты и комсомольцы считались стеновым хребтом воинского коллектива. Поддержание организационной структуры и постоянный рост партийных и комсомольских организаций в армии являлось одной из главных обязанностей руководителей армейских политорганов. Нормальным считалось, когда партийно-комсомольская прослойка колебалась в пределах 15-20 % всего личного состава, иногда она достигала 40-50 %.

В каждом подразделении с небольшими группами бойцов работали агитаторы, подбиравшиеся из числа коммунистов, комсомольцев и «беспартийных большевиков». Агитаторская сеть охватывала весь без исключения личный состав, и поддержание ее стабильности являлось одной из важнейших задач политорганов.

Координация деятельности политорганов в частях возлагалась на инструкторов пропаганды политуправлений фронтов и политотделов армий. Они постоянно посещали войска. Материалы инспекций инструкторов политуправлений, отложившиеся в фондах политорганов армейского и фронтового звеньев, содержат обширную и, как правило, достоверную информацию о состоянии партийно-политической работы, дисциплинарной практике в частях и соединениях.

Воспитательная работа велась в условиях боевой обстановки, которая определяла ее результаты и корректировала ее развитие. В первые годы войны эта обстановка, как правило, была неблагоприятной. Частям, сформированным на Северном Кавказе со слабо обученным и плохо владеющим русским языком личным составом, приходилось вести тяжелые оборонительные бои. Это снижало эффективность воспитательной работы и становилось причиной отрицательных явлений.

В работе с таким своеобразным контингентом военнослужащих, как бойцы нерусских национальностей, эти недостатки, особенно в первый период войны, были наиболее заметны. К тому же жесткий централизм в работе партполитаппарата становился причиной нередких пробуксовок, проявлений формализма и равнодушия в работе политработников, недостатка гибкости и инициативы.

Поскольку в годы войны не сложилось сколько-нибудь значительного количества горских национальных частей (две кавалерийские дивизии – чечено-ингушская и кабардино-балкарская – просуществовали лишь несколько месяцев в 1942 г.), а контингенты военнослужащих-горцев распределялись в войсках дисперсно, то разработка специальной пропаганды на горцев Северного Кавказа не считалась актуальной задачей. До конца войны пропагандистских кампаний и вообще какой-либо специальной работы с военнослужащими-горцами не проводилось. Например, в ходе развернутой ГлавПУРККА в сентябре 1942 г. работы по публикации литературы для армии на языках народов СССР за год на 12 языках было издано 523 наименования наставлений, учебных плакатов, пропагандистских брошюр и листовок. На языках горцев Северного Кавказа не было издано ни одного наименования⁶³⁶.

Агитационно-пропагандистская работа с горскими контингентами в войсках велась в рамках общей деятельности политорганов по реализации в жизнь положений опубликованных в сентябре 1942 г. и январе 1943 г. двух директив Главного политуправления РККА, детально регулировавших работу с военнослужащими нерусских национальностей. В директивах были оговорены и социально-бытовые особенности прохождения службы нерусскими военнослужащими в смешанных по национальному составу частях.

17 сентября 1942 г. была издана директива начальника Главного политуправления А.С. Щербакова № 012 «О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности». В директиве признавалось, что специальная работа с бойцами нерусских национальностей «имеет огромное политическое значение». Между тем, констатировалось в документе, политорганы и военные комиссары «забыли, что у каждого из них есть родной язык, свои обычаи, устоявшийся уклад национальной жизни, и стригут всех под одну гребенку, не учитывая национальных особенностей»⁶³⁷. Нельзя не сказать и о бытовом национализме, который проявлялся у некоторых бойцов, а чаще – командиров и политработников славянских национальностей в отношении нерусских военнослужащих. Так, весной 1942 г. с Южного фронта, где служило много грузин, азербайджанцев, дагестанцев, кабардинцев, поступали сведения о «пренебрежительном отношении» к этим бойцам; допускались националистические оскорбительные высказывания. Отдельные командиры открыто старались быстро «израсходовать» нерусские контингенты, бросая их в бой без подготовки и соответствующей поддержки огнем, чтобы получить взамен славянское пополнение⁶³⁸.

Отсюда – рост чрезвычайных происшествий, членовредительств, дезертирств, фактов измены Родине со стороны «некоторой части красноармейцев нерусской национальности»⁶³⁹. Согласно справке начальника оргинструкторского отдела ГлавПУРККА, только по Отдельной Приморской армии, действовавшей в Крыму и в значительной мере укомплектованной уроженцами Кавказа, за период с февраля по апрель 1942 г. «среди изменников Родине лица нерусской национальности составляют 79,8 %». Среди перебежчиков в справке назывались 71 лезгин, 75 армян, 111 грузин, 135

азербайджанцев⁶⁴⁰. Еще одно прямое следствие бездушного отношения – «отчужденность между русским и нерусскими красноармейцами», обособление последних в рамках земляческих групп⁶⁴¹.

Щербаков приказал всем политорганам и комиссарам уделять работе с бойцами нерусских (прежде всего кавказских и среднеазиатских) национальностей первоочередное значение. Предписывалось иметь в частях достаточное число агитаторов, владевших национальными языками, организовать переводы и публикацию газет, листовок, брошюр, а также отдельных докладов и бесед на темы дружбы народов СССР, расистской сущности нацизма. В пропагандистскую работу вводились конкретные примеры героизма на фронтах текущей войны, проявленные красноармейцами нерусских национальностей. Особо была подчеркнута роль «великого русского народа как старшего брата народов Советского Союза». Отдельным пунктом воспрещались всякие проявления великорусского шовинизма, пренебрежения к нерусским военным; предписано было всячески поощрять дружбу между солдатами различных национальностей⁶⁴².

Непосредственно в войсках ситуация, однако, менялась медленно. Спустя месяц после издания директивы № 012 начальник политотдела Северной группы войск Закавказского фронта бригадный комиссар Надоршин отмечал, что повсеместно командование и партполитаппарат «все еще мало общаются с бойцами нерусской национальности, плохо изучают их нравы и обычаи, их запросы и требования», поэтому допускают в работе с ними формализм, а порой и бездушие и грубость⁶⁴³. Это оборачивалось снижением дисциплины в национальных частях, массовым распространением воинских преступлений. Работавшая в течение месяца в октябре и ноябре 1942 г. на

Закавказском фронте группа агитаторов ГлавПУРККА застала многочисленные случаи проявлений шовинизма в отношении нерусских бойцов, как со стороны бойцов, так и со стороны командиров; отказы принимать нерусское пополнение, повсеместно бытующие штампы о плохих боевых и моральных качествах нерусских бойцов, их лицемерии (многие не верили, что те не понимают русского языка). В то же время работники ГлавПУРККА отметили, что значительное число дезертирств, саморанений, симуляций действительно приходится на бойцов нерусских национальностей⁶⁴⁴.

Эти явления многократно увеличились зимой 1942/43 г., когда многие национальные дивизии, сформированные в Закавказье, были введены в бой. Немало в войсках было и представителей северокавказских народов. Это стало причиной острого конфликта между военными советами Закавказского фронта и его Северной группы войск по поводу боеспособности национальных дивизий и политической благонадежности бойцов кавказских национальностей. Военный совет Северной группы настаивал на необходимости расформировать ряд национальных дивизий как небоеспособные. Очередная комиссия Главного политуправления, направленная на Северный Кавказ в январе 1943 г., выявила поразительные факты. Оказалось, что *«многие политработники соединений и частей даже не знают (курсив наш. – Авт.) о существовании директивы ГлавПУРККА № 012»*. Начальники политотделов ряда стрелковых дивизий эту директиву «подшили к делу, но до частей не довели, на партийных и комсомольских собраниях не обсудили»⁶⁴⁵.

24 января 1943 г. была издана вторая директива начальника Главного политуправления, посвященная воспитательной работе с нерусскими красноармейцами и младшими командирами. Директива констатировала полную запущенность в работе с кавказскими

военнослужащими, факты шовинизма, формализм проводимых мероприятий, наконец, тяжелое материально-бытовое положение бойцов. Очевидным образом появление новой директивы диктовалось невыполнением на местах предписаний директивы № 012. А.С. Щербаков потребовал у политработников немедленно покончить с проявлениями бездушия, бюрократизма, возобновить борьбу с великорусским национализмом. «Первейшей обязанностью» политработника, подчеркнул он, «является забота о бытовых нуждах бойцов и командиров», ибо «политработники, оторванные от красноармейских масс, не знающие их быта, запросов, не могут иметь должного авторитета, не будут на практике душой своих частей и подразделений, а вся партийно-политическая работа может превратиться в болтовню»⁶⁴⁶.

Директивы ГлавПУРККА № 017-1942 г. и № 01-1943 г. охватывали весь комплекс факторов, влиявших на моральное состояние и психологическую устойчивость военнослужащих нерусских национальностей и определявших успешность или неуспешность работы политических органов с этими контингентами. Рассмотрим кратко основные из этих факторов.

Одним из важнейших среди них было состояние санитарно-бытового обслуживания и питания воинов. В первые годы войны по объективным причинам оно почти повсеместно было неудовлетворительным. Прямая взаимосвязь между бытовыми условиями и боеспособностью войск была вполне ясна командованию, что неоднократно подчеркивается в различных документах, в том числе и начальником Главного политуправления⁶⁴⁷. В апреле 1943 г. начальник политуправления Северо-Кавказского фронта образно показал ее так: «Когда боец сидит... в необорудованном блиндаже... вроде робинзонов на одиноком острове, оторванный от внешнего мира,

зарождаются различные настроения, а враг этим пользуется»⁶⁴⁸.

По мере перевода экономики страны на военные рельсы снабжение армии постепенно улучшалось. Среди документов стрелковых дивизий за период 1943–1945 гг. содержится немало отчетов, справок и прочих материалов, отражающих состояние быта солдат. В 1943 г. питание значительно улучшилось. Нормой стала подача на передовую горячей пищи и горячего чая дважды в сутки и выдача сухого пайка с колбасой и салом в обед. Меню стало разнообразным. Если этот режим не выдерживался, работа снабженческих органов считалась неудовлетворительной⁶⁴⁹.

Среди документов 89-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта за июнь 1943 г. обнаружена любопытная справка о результатах опроса свыше 1100 бойцов дивизии на предмет сбора их жалоб и предложений по поводу бытового обслуживания. Красноармейцы высказали свои пожелания об улучшении качества и разнообразия пищи, подавали просьбы об оказании помощи своим семьям, попросили увеличить количество концертов, кинопоказов и прочих культурных мероприятий. В предыдущие годы ничего подобного данному опросу не проводилось.

В период освобождения территории Северного Кавказа в 1943 г. существенно возросли требования к санитарно-бытовому обслуживанию войск. Оперативно ремонтировалось или заменялось изношенное обмундирование⁶⁵⁰. Если прежде марши и преследования противника молодыми кавказскими дивизиями надолго нарушали систему снабжения соединений и многократно снижали уровень их боеспособности, то в последние годы войны они почти не отражались на ней. Например, после длительного марша 414-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта в апреле 1944 г. уже в первый же день

сосредоточения на новом месте было организовано трехразовое горячее питание⁶⁵¹.

С конца 1942 г. был установлен порядок периодического отдыха войск передней линии. Срок кратковременного отдыха в прифронтовой полосе достиг шести дней. В течение этого времени предписывалось провести санитарную обработку людей и одежды. Отдых должен был сочетаться с боевой подготовкой (с 9 до 17 часов) – тактической, огневой, строевой и инженерной⁶⁵².

Коренным образом менялось отношение к бойцу как к личности. Если старослужащие, закаленные в боях и привыкшие к фронтовым невзгодам, не нуждались в повышенном внимании, то новое пополнение, прибывавшее в соединения, требовало особой заботы. Именно на эту категорию военнослужащих, оказывавшихся в чужом коллективе, часто впервые участвовавших в бою, приходилось наибольшее число чрезвычайных происшествий и аморальных явлений. Постепенно утвердился традиция торжественного приема пополнения, в ходе которого вновь прибывшие бойцы знакомились с боевыми традициями соединения, коллективом. Боец окружался заботой: немедленно по прибытии организовывалась баня, питание, ремонт одежды и обуви. Когда позволяла обстановка, командиры и политработники лично знакомились с ними. Бойцы, прибывавшие из госпиталей и имевшие большой боевой стаж, нередко награждались приказом командира дивизии⁶⁵³. Практиковалось вручение лучшим красноармейцам из числа вновь прибывших именного оружия погибших героев дивизии. Такое подлинно теплое отношение к новому пополнению способствовало его скорейшей адаптации в части и в конечном итоге повышало ее боевые возможности. Например, во 2-й гвардейской стрелковой дивизии

Северо-Кавказского фронта за короткий срок более 50 % из числа пополнения были представлены к наградам⁶⁵⁴.

Огромное значение в поддержании высокого боевого духа бойцов имела система поощрений и награждений за проявленные в бою мужество и доблесть. В начале войны наградная политика представляла собой чрезвычайно громоздкий механизм. Отличившегося бойца или командира представлял к награде командир полка, представление утверждал комдив. Затем требовалось заключение Военного совета армии и приказ Военного совета фронта. Награждение утверждалось Президиумом Верховного Совета СССР. Только после этого военный служащий получал награду.

Промежуток между совершением подвига и награждением нередко растягивался на несколько месяцев, когда порой сам награжденный выбывал из строя части, нередко погибал в бою. Кроме того, награды раздавались весьма скупой, только за подвиги, беспримерные по храбрости. Поэтому даже наиболее активные в наградной политике фронты (например, Западный или Брянский) имели к сентябрю 1941 г. лишь по 350–400 награжденных⁶⁵⁵. Естественно, что пропагандистский эффект от такого рода работы оставался ничтожным, хотя значение его было очевидным.

Постепенно громоздкая схема награждения стала упрощаться. С августа 1941 г. вручение наград производилось непосредственно в частях представителями военных советов фронта или армии. В марте 1942 г. этим структурам было предоставлено право самостоятельного награждения медалями СССР с последующим утверждением награждения Президиумом Верховного Совета СССР⁶⁵⁶.

Тем не менее число награжденных бойцов и командиров по отношению к представленным к наградам оставалось мизерным. После девяти месяцев

войны на многомиллионную армию имелось лишь 40 тыс. награжденных. Ненормальность этой ситуации была очевидна всем. Особенно остро ее переживали национальные политработники и руководство национальных республик, для которых факт награждения их земляков означал признание Советским государством усилий их народов в борьбе с агрессором⁶⁵⁷. Как видно из табл. 14, воины кавказских национальностей награждались достаточно редко.

Таблица 14

Сведения о награжденных орденами и медалями СССР на 2 марта 1942 г.

Национальность	Звание Героя ССР	Орден Ленина	Орден Красного Знамени	Орден Красной Звезды	Медаль «За отвагу»	Медаль «За боевые заслуги»	ВСЕГО	В % к населению по переписи 1939 г.
Русских	95	765	7106	8815	6650	4369	27 800	58,41
Украинцев	28	209	1910	2438	1652	1230	7497	16,56
Евреев	3	21	234	366	216	225	1065	1,78
Татар	2	6	114	123	124	122	491	2,54
Белорусов	2	35	323	410	294	185	1249	3,11
Грузин	—	10	71	76	72	39	268	1,33
Армян	—	5	53	73	27	30	188	1,27
Азербайджанцев	1	3	18	14	16	18	70	1,34
Казахов	—	3	41	51	59	41	195	1,10
Чувашей	1	1	26	57	41	26	152	0,81
Латышей	—	7	61	59	16	9	152	—
Узбеков	—	1	20	25	32	14	92	1,08
Таджиков	—	4	1	3	7	3	18	0,72
Киргизов	—	1	4	3	5	5	18	0,52
Туркмен	1	—	4	3	2	1	11	
Марийцев	—	1	10	9	13	5	38	
Эстонцев	1	1	4	3	6	1	16	
Литовцев	—	—	1	1	1	1	4	
Лезгин	—	—	4	3	2	—	9	
Кабардинцев	—	—	5	3	3	3	14	
Черкесов	—	—	—	—	1	2	3	
Карачаевцев	—	—	1	3	3	4	11	

Чеченцев	—	—	4	3	3	2	11	58,4
Адыгейцев	—	1	3	5	1	3	13	16,6
Кумыков	—	—	1	2	—	—	3	
Лакцев	—	1	1	1	—	—	3	
Даргинцев	—	—	—	—	—	1	1	
Табасаранцев	—	—	—	—	1	—	1	
Ингушей	—	—	—	—	—	1	1	
ИТОГО	136	1094	10 228	12 796	9448	6476	40 178	

Архив Института военной истории МО РФ. Ф. 169. Оп. 102. Д. 2. Л. 54.

Наконец, 10 ноября 1942 г. право награждения орденами и медалями отличившихся от имени Президиума Верховного Совета СССР было предоставлено командному составу вплоть до командиров дивизий, бригад и полков⁶⁵⁸. Общее число награжденных существенно выросло. За девять месяцев 1942 г. оно выросло почти в десять раз и на 1 января 1943 г. составляло следующую картину (см. табл. 15).

Таблица 15

Сведения о награжденных орденами и медалями СССР по национальностям по состоянию на 1 января 1943 г.

Национальность	Число награжденных	Национальность	Число награжденных
Русских	187 178	Башкир	687
Украинцев	44 344	Чувашей	1362
Белорусов	7210	Осетин	471
Азербайджанцев	450	Лезгин	55
Грузин	1322	Кабардинцев	115

Армян	1306	Черкесов	58
Туркмен	93	Карачаевцев	51
Узбеков	666	Табасаранцев	1
Таджиков	103	Ингушей	12
Казахов	1620	Даргинцев	7
Киргизов	142	Дагестанцев ⁶⁵⁹	5
Карелов	505	Ногайцев	1
Молдаван	193	Аварцев	46
Литовцев	29	Чеченцев	60
Латышей	617	Адыгейцев	60
Эстонцев	73	Кумыков	21
Евреев	6767	Лакцев	16
Татар	4384	Прочих	2452
Мордвин	1742	Всего	264 198

Составлено по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 127. Л. 144, 145.

21 июля 1943 г. было издано постановление Военного совета Северо-Кавказского фронта о немедленном награждении бойцов и командиров, отличившихся в боях. Было предписано не позднее суток награждать личный состав роты, первой ворвавшейся в окопы противника и обеспечившей успех других подразделений – орденами Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны и медалями в зависимости от проявленной доблести⁶⁶⁰. Комдив-414 полковник Курашвили награждал отличившихся бойцов и командиров прямо на поле боя и возил для этой цели ордена и медали в своем автомобиле.

В дни наступательных операций число награжденных многократно возрастало. Только за две недели боев на Тамани осенью 1943 г. орденами и медалями в дивизии было награждено 673 чел. Еще 82 чел. были представлены к высшим орденам в отдел кадров армии и фронта⁶⁶¹. В 77-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта за четыре недели апреля 1944 г.

было награждено 942 чел. Еще 10 чел. были представлены к званию Героя Советского Союза⁶⁶². Нормой стало награждение «по совокупности заслуг» прибывавшего нового пополнения из числа лиц, несколько лет пробывших на фронте или имевших ранения. К середине 1944 г. во многих частях число награжденных достигало показателя 80–90 % личного состава; многие были награждены дважды и трижды⁶⁶³. Наблюдавший эту картину нацистский специалист по пропаганде В. Рейхард осенью 1943 г. заметил, что «награды и премии сыплются как из рога изобилия на красноармейцев и партизан»⁶⁶⁴.

Такая наградная политика при умелом ее использовании политорганами давала большой воспитательный эффект. Комдив 223-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта полковник Шкодунович, обобщая опыт практики поощрений и награждений в своей дивизии, подчеркивал: «Поощрение у бойца нерусской национальности его успехов и достижений, его дисциплинированности, его радивости перед другими, широкая популяризация нашими агитаторами успехов бойцов нерусской национальности – основные факторы успеха в нашей работе»⁶⁶⁵.

Итоги наградной политики за годы Великой Отечественной войны показаны в табл. 16.

Таблица 16

Сведения о награжденных орденами и медалями СССР за годы Великой Отечественной войны по национальностям (по состоянию на 1 апреля 1946 г.)⁶⁶⁶

Национальность	Число награжденных	В % к общему числу награж- денных	В % к общему количеству на- селения СССР по переписи 1939 г.
Русских	4 985 449	68,00	58,41
Украинцев	1 305 584	17,81	16,56
Белорусов	211 804	2,90	3,11
Азербайджанцев	29 746	0,41	1,34
Грузин	42 868	0,58	1,33
Армян	57 073	0,78	1,27
Туркмен	11 482	0,16	0,48

Узбеков	61 899	0,84	2,82
Таджиков	11 070	0,15	0,72
Казахов	76 061	1,03	1,83
Киргизов	11 064	0,15	0,52
Карелов	6437	0,09	0,15
Молдаван	9896	0,13	0,04
Литовцев	3318	0,05	—
Латышей	8644	0,12	—
Эстонцев	5895	0,08	—
Евреев	141 502	1,93	1,78
Татар	138 632	1,89	2,54
Мордвин	44 980	0,61	0,86
Башкир	22 798	0,31	0,50
Чувашей	41 143	0,56	0,81
Удмуртов	15 309	0,21	0,50
Коми	11 287	0,15	0,24
Марийцев	14 696	0,20	0,28
Бурят-монголов	5542	0,08	0,13
Якутов	1715	0,02	0,14
Абхазов	1117	0,02	0,03
Осетин	10 678	0,15	0,21
Кабардинцев	2784	0,04	0,13
Дагестанцев	8490	0,12	0,50
Адыгейцев	2830	0,04	0,05
Другие национальности СССР	11 847	0,18	3,02
Национальности других стран	16 875	0,23	
ВСЕГО	7 330 519	100,00	100,00
В том числе женщин	175 821	2,40	

Составлено по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. Документы советской истории. М., 2009. С. 1006–1008; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.

Пропаганда подвигов отличившихся бойцов и командиров постепенно заняла одно из важнейших мест в работе армейских агитаторов. В практику вошли беседы и выступления героев перед личным составом, в которых они делились своим ценным боевым опытом. Даже когда ветераны выбывали из состава части, уважение к ним сохранялось. Особо отличившиеся бойцы и командиры, павшие в боях, нередко навечно зачислялись в состав своей части. Их имена произносились на ежедневных поверках личного состава, а оружие, как особая святыня, передавалось лучшим бойцам. Так, рядовой-артиллерист 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса, уроженец Шапсугского (ныне – Лазаревского) района Краснодарского края Айдамир Ачмизов, в одиночку принявший бой с немецкими танками, был посмертно награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза и навечно зачислен в списки своей части.

Не меньшее значение для морально-боевого духа бойцов и командиров имело и поощрение всей части. К началу войны в составе Красной армии имелось лишь некоторое количество соединений, прославившихся еще в годы Гражданской войны и боях с интервентами. Они носили почетные наименования и награды на своих знаменах. Служить в таких соединениях считалось очень почетным, и политработники всячески подчеркивали это. Через несколько месяцев после начала войны наиболее отличившиеся в боях части и соединения стали преобразовываться в гвардейские. Бойцы и командиры таких соединений носили почетное наименование «гвардеец», даже если переводились в другую часть, поскольку получение этого звания являлось его боевой заслугой.

С середины 1943 г. было санкционировано присвоение частям почетных наименований по названиям тех населенных пунктов, в освобождении

которых они особо отличились. Одновременно активизировалось награждение частей и соединений орденами. Наименование дивизии становилось солидным, гордым, праздничным. К концу войны, например, 414-я грузинская дивизия имела полное название «414-я Анапская Краснознаменная стрелковая дивизия», 77-я азербайджанская «77-я Симферопольская Краснознаменная ордена Суворова дивизия им. Серго Орджоникидзе» и т. д. Многочисленные документы свидетельствуют, что награждение части орденом или присвоение ей почетного наименования неизменно встречались с огромной радостью всем личным составом, становилось предметом их гордости⁶⁶⁷. К сожалению, отдельных горских национальных частей (за исключением Дагестанского кавалерийского эскадрона) к этому времени уже не существовало и присвоение им гвардейских званий и почетных наименований уже было невозможно.

Большое значение имели благодарности наркома обороны или военных советов фронтов частям за их доблесть. Весть об этом молниеносно распространялась среди бойцов, а читка праздничного приказа сопровождалась громовыми аплодисментами⁶⁶⁸.

Эпистолярные контакты с родиной также не прерывались. Довольно образно эффект писем фронтовиков смоделировал А.С. Щербаков, выступая на заседании Совета военно-политической пропаганды при ГлавПУРККА 6 июля 1941 г. Передавая положительный опыт политотдела одной из дивизий, он сообщал: «Пишут отцу или матери в таком духе: «Дорогой Иван Иванович Иванов! Сообщаем Вам о том, что Ваш сын Василий Иванович Иванов награжден Военным советом орденом. Ваш сын участвовал в таком-то бою, подбил танк противника. Поздравляем Вас и гордимся Вашим сыном!» Представьте, такое письмо получают в колхозе родители. Сначала старики всплакнут, потом пойдут с

этим письмом по всему колхозу, а в колхозе молодежь, которая готовится в армию. Так вот эта молодежь и думает: почему я не могу сделаться как Вася, значит, немец не такой страшный. Дальше, будьте уверены, в большинстве случаев колхоз соберет собрание, старик выйдет и зачитает письмо на собрании, найдутся люди, которые скажут, что вот у нас Вася отличился, а мы берем на себя обязательство скорее убрать и сдать хлеб государству...»⁶⁶⁹

В обычай вошли взаимные коллективные письма. Причем письма-наказы из национальных республик подписывали сотни тысяч человек, что не могло не оказывать на бойца сильного впечатления. В целом постоянная связь со своими земляками придавала бойцу дополнительные моральные силы, положительно влияли на его мотивацию защиты Родины в независимости от того, на каком бы фронте он находился. В конце войны поток поступавших в части публичных писем стал столь большим, что приходилось организовывать в дивизионных газетах рубрики «Письма с родины»⁶⁷⁰. Партийные организации республик Северного Кавказа, подвергшихся оккупации, извлекали дополнительный пропагандистский эффект, посылая бойцам, призванным в этих республиках, индивидуальные письма с описанием и фотоотчетами злодеяний фашистов на их малой родине. Такие письма способствовали «воспитанию жгучей ненависти к врагу»⁶⁷¹.

Немалое влияние на политико-моральное состояние личного состава оказывало отношение к проблеме опознания и достойного погребения воинов, павших в бою. В первые годы войны далеко не всегда удавалось вовремя собрать с поля боя останки, опознать их и захоронить с воинскими почестями. Ответственность за это лежала на командирах и политработниках, недооценивавших деморализующее влияние на бойцов вида брошенных трупов их погибших товарищей. Тем

более что они продолжали числиться без вести пропавшими. А в эту категорию потерь могли быть включены и лица, сдавшиеся в плен противнику. Авторы этих строк неоднократно участвовали в экспедициях по поиску захороненных останков советских воинов, в том числе и на местах боев на территории Северного Кавказа. Многочисленные находки останков в окопах, щелях, оврагах и просто на поле боя подтверждают практику оставления трупов красноармейцев на месте гибели.

Особенно остро эта проблема стояла во время позиционных оборонительных боев, когда трупы накапливались на хорошо пристреленных нейтральных полосах, а также во время зимних боев, когда они скрывались под снегом. Оpozнание тел погибших, а значит, и информирование родных о судьбе бойцов нередко осложнялось плохой сохранностью тел и документов, выходом из строя непосредственных командиров, ведших учет личного состава, необходимостью производить захоронения ночью на поле боя. Кроме того, во время интенсивных боев пополнения, прибывавшие в часть, далеко не всегда оформлялись установленным порядком, и погибшие из их числа навсегда оставались безымянными⁶⁷².

Только с 1943 г. положение с учетом, опознанием и захоронением погибших стало выправляться. Так, по окончании кровопролитных боев на Таманском полуострове (на так называемой «Голубой линии» обороны немецких войск) в октябре 1943 г. специально сформированные команды тщательно прочесывали все овраги и лиманы в поисках трупов советских военнослужащих. В полосе каждой армии были организованы мемориальные кладбища, в которых над братскими могилами ставились памятники. Кладбища передавались на баланс местным органам власти, которые обязаны были поддерживать их в должном

состоянии⁶⁷³. Новым явлением, обозначившим поворот в отношении памяти павших товарищей, стала установка памятников на местах тяжелых боев. Усилиями военнослужащих 89-й стрелковой дивизии Отдельной Приморской армии, на участке обороны которой еще в октябре 1942 г. несколько недель валялись неубранные трупы их сослуживцев, в августе 1944 г. в Крыму было торжественно открыто несколько обелисков на месте гибели однополчан⁶⁷⁴.

Часть пятая
Народы Северного Кавказа в
условиях нацистской
оккупации (1942-1943 гг.)

1

Северный Кавказ в планах нацистской Германии

Соединяя Европу и Азию, Кавказ являлся важным стратегическим плацдармом для дальнейшего продвижения войск вермахта на Ближний и Средний Восток, а его полезные ископаемые, прежде всего нефть, давно вызывали интерес военно-политической и экономической элиты Германии. Поэтому еще до начала Второй мировой войны в германском руководстве рассматривалась возможность овладения Кавказом. По сообщению французского посла в Берлине Ноэля, уже в ноябре 1938 г. в военных кругах Германии говорили «о походе на Кавказ вплоть до Баку»⁶⁷⁵. Однако непосредственная разработка немецких планов в отношении Кавказа началась с момента подготовки войны с СССР.

Рассчитанный на «молниеносную войну», план «Барбаросса» не предусматривал специальной боевой операции по овладению Северным Кавказом. Однако понимание того, что сырьевые запасы Германии невелики, вынудило отдел обороны страны штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ) к 4 мая 1941 г. разработать план овладения кавказскими нефтяными районами. Он предусматривал захват Баку, как минимум – района Майкопа и Грозного (соответственно 7 и 9 % общей добычи нефти в СССР). Опасность уничтожения нефтяной промышленности советскими войсками вынуждала немецкое командование искать средства для создания «самостоятельного государственного образования на Кавказе», заинтересованного в сохранении добычи и производства нефти в прежнем объеме⁶⁷⁶.

Перспективное планирование последующих военных действий включало операцию через Кавказский хребет и Иран на Ирак. В разработке, завершенной уже в июле 1941 г., указывалось на возможную опасность со стороны воинственных «кавказских горных народностей, которые хорошо знают местность и смогут вести борьбу против наших тыловых коммуникаций»⁶⁷⁷.

Согласно экономическому разделу плана «Барбаросса», получившему кодовое название «Ольденбург», общее управление экономикой оккупированных областей возлагалось на рейхе-маршала Г. Геринга как генерального уполномоченного по четырехлетнему плану. Ему подчинялся экономический штаб особого назначения «Ольденбург» во главе с генерал-лейтенантом Шубертом, позже переименованный в экономический штаб «Ост». Он состоял из групп по вооружению и средствам транспорта («М»), продовольственному снабжению и сельскому хозяйству («Л»), промышленности, включая вопросы производственного снабжения и сырья, лесного хозяйства, финансов, торговли, использования рабочей силы («В»), Роль региональных организаций возлагалась на хозяйственные инспекции, которые предполагалось разместить в Ленинграде, Москве, Киеве и Баку. Последней должны были подчиняться хозяйственные команды в Краснодаре, Грозном, Тбилиси, Баку и хозяйственный филиал в Батуми.

Вопросы хозяйственного использования территорий СССР детализировались в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (известных как «Зеленая папка» Геринга), утвержденных не позднее 16 июня 1941 г. Согласно «Зеленой папке», советская оккупированная территория превращалась в аграрно-сырьевого экспортера, призванного обеспечить победу Германии в войне. Особое внимание уделялось нефти и продовольствию:

«Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании»⁶⁷⁸. В соответствии с экономическими задачами предполагалось устанавливать и отношения с населением. Если жители северных областей СССР обрекались на вымирание, то с населением нефтяных районов Закавказья и сельскохозяйственных районов Северного Кавказа следовало поддерживать «хорошие» отношения. Указывалось на необходимость использовать противоречия «между туземцами и русскими»⁶⁷⁹.

В «Зеленой папке» окончательно утверждалась структура немецких военно-хозяйственных учреждений. Экономический штаб «Ост» был преобразован в Восточный штаб экономического руководства, подчиненный непосредственно Герингу и возглавлявшийся его представителем статс-секретарем Кернером. В качестве его полевого управления создавался Восточный экономический штаб, состоявший из группы руководства и групп «Л», «М», «В».

Задолго до войны Гитлер говорил о новой восточной политике, направленной на приобретение территорий, необходимых германскому народу. Ее принципы определялись убеждениями фюрера в неполноценности славянской расы, «специфически великорусской и еврейской природе большевизма», постоянном конфликте Германии и славянского мира. По мнению фюрера, здесь следовало ликвидировать промышленное производство, проложить гигантские автострады, обеспечивавшие постоянную связь с рейхом, разделить проживание немцев и местного населения для предотвращения их постоянных контактов.

«Сумасбродством» назвал Гитлер устройство на оккупированных территориях системы здравоохранения, «подобной немецкой». Для сокращения численности жителей он считал необходимым поощрять аборты и применять противозачаточные средства, запрещать

прививки и другие профилактические меры. Программу обучения для населения следовало свести к усвоению навыков чтения и письма (на немецком языке, чтобы обеспечить выполнение распоряжений руководства), пониманию правил дорожного движения и т. п. Для «туземцев» признавалось излишним обучение арифметике и строго запрещалось высшее образование. В целом программа, намеченная Гитлером, сводилась к ликвидации любых форм самостоятельной политической организации на оккупированных советских территориях, их превращению в аграрносырьевой придаток Германии.

Собственные проекты покорения и использования региона предлагали различные ведомства и руководители Третьего рейха, но разработка наиболее полной программы политического переустройства Кавказа связана с именем одного из главных нацистских идеологов – бывшего российского эмигранта Альфреда Розенберга⁶⁸⁰. В 1933 г. он возглавил внешнеполитическое бюро НСДАП (АПА), созданное в противовес германскому министерству иностранных дел. Его сотрудники, не являвшиеся профессиональными дипломатами, проектировали переустройство мира на расово-биологических принципах. Именно ведомство Розенберга стало главным центром сначала разработки планов в отношении советских территорий, а затем и управления захваченными областями СССР.

2 апреля 1941 г. Розенберг подготовил специальный меморандум, в котором охарактеризовал СССР как «конгломерат весьма разнородных этнических групп... восточную империю, переживавшую состояние упадка»⁶⁸¹. Обращаясь к Кавказу, он отмечал многонациональный состав его населения, в частности, указывал, что «северные склоны хребта населены множеством горных племен самого различного происхождения». Розенберг уделял внимание и экономическим возможностям региона, назвав его

«нефтяным центром» России, от эффективности которого зависело существование «прочих, преимущественно аграрных областей СССР». В меморандуме говорилось о необходимости создания центрального германского учреждения для всей оккупированной советской территории, одной из задач которого являлось бы снабжение рейха материалом и сырьем. Однако более всего Розенберга, поставившего задачей развалить «восточную империю», интересовали возможные центры сепаратизма в СССР⁶⁸².

Через пять дней Розенберг представил проект создания рейхскомиссариатов на территории СССР, отметив отличия оккупационной политики в отдельных советских регионах. 20 апреля Розенберг был назначен уполномоченным для централизованного решения вопросов восточноевропейского пространства. Первоначальный аппарат уполномоченного составили прежние сотрудники АПА, его заместителем стал Г. Лейббрандт⁶⁸³. 8 мая Розенберг утвердил инструкцию для рейхскомиссариатов оккупированных восточных областей, где подчеркнул необходимость создания на Кавказе с прилегающими к нему территориями «федерального государства с германским полномочным представительством»⁶⁸⁴.

Накануне войны с СССР 20 июня 1941 г. Розенберг выступил с речью «О политических целях Германии в предстоящей войне против Советского Союза и планах его расчленения». Несмотря на то что она была произнесена в достаточно узком кругу, речь считается программной, так как автор представил новую концепцию германской политики на Востоке. Он отверг возможность замены Сталина «новым царем» и заключения союза с «возрождающейся национальной Россией». Розенберг считал, что в задачи германской политики входило «подхватить в умной и целеустремленной форме стремление к свободе»

различных народов СССР, «придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы».

Четыре рейхскомиссариата должны были «оградить» Германию от «первобытной Московии» и «одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы»: Великая Финляндия, Прибалтика, Украина и Кавказ. Границы рейхскомиссариата Кавказ на севере устанавливались восточнее Волги и южнее Ростова, на юге – вдоль государственных границ СССР с Турцией и Ираном. Общая площадь должна была составить более 500 тыс. кв. км, на данной территории проживало 18 млн жителей; ее предполагалось разделить на шесть генеральных комиссариатов⁶⁸⁵.

Проекты административных преобразований, подготовленные ведомством Розенберга, составили так называемую «Коричневую папку». Сущность его программы сводилась к стремлению расколоть СССР по национальному признаку и основывалась на своеобразной «иерархии национальностей», расположившей народы СССР в соответствии с национал-социалистической доктриной в определенной последовательности. Первое место среди них занимали «фольксдойче» – немцы, проживавшие на советской территории, затем прибалтийцы, близостью к арийцам и германской культуре «заслужившие» германизацию, далее следовали горские и мусульманские народы, для которых признавалось возможным сохранение элементов самоуправления. Ниже располагались славяне, причем в более предпочтительном положении оказывались украинцы, ввиду экономических возможностей Украины, представлявших интерес для Германии, и ярче выраженной националистической

тенденции, а в худшем – белорусы. На последнем месте находились русские, для которых не предусматривалось никаких «привилегий». Не имели вообще прав на существование евреи и цыгане.

Временно, до окончания войны, все оккупированные советские территории следовало передать под управление имперских комиссаров. После войны Россия как самостоятельное государство прекращала свое существование, Прибалтика и Крым превращались в зоны германской колонизации, Белоруссия, Украина и Туркестан должны были стать буферными государствами под контролем Германии. На Кавказе, по мнению Розенберга, стабильность была возможна только при наличии сильной власти: «Там живут грузины, армяне, татары, черкесы, чеченцы, абхазы, карачаи, и как они только там не называются. Если это смешение народов предоставить самим себе, то все они перережут друг другу горло.

Такой факт уже имел место в 1918-1920 гг., когда Кавказ попеременно занимался различными державами»⁶⁸⁶. Поэтому германской целью являлось создание здесь не одного какого бы то ни было «кавказского национального государства», а именно федеративного государственного образования во главе с немецким уполномоченным. При этом к кавказским народам, как и украинцам, предполагалось более «мягкое» отношение, чем к русским.

Однако проекты Розенберга вызывали определенные возражения со стороны многих руководителей нацистской Германии, а Гитлер соглашался их рассматривать только в качестве временных мер, призванных обеспечить военную победу. В свою очередь, уверенность в способности вермахта одержать быструю победу над Красной армией вообще лишала планы Розенберга всякой целесообразности. Вслед за Гитлером большинство нацистских руководителей

считали, что вермахт не нуждался в поддержке националистических движений советских народов и способен был самостоятельно создать мощную колониальную империю.

Тем не менее именно Розенбергу как главному специалисту по «восточному вопросу» было поручено управлять захваченными советскими территориями. 17 июля 1941 г. Гитлер подписал приказ о «гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях». Согласно этому приказу Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных областей и занимал этот пост до апреля 1945 г. Центральный аппарат министерства включал несколько управлений: политическое (его возглавил Лейббрандт), административное (Рунге), экономическое (Шпоттерер), техническое (Шютце), кадров (Сепвиц), прессы и пропаганды (Кранц), культуры⁶⁸⁷.

За день до этого, 16 июля 1941 г., на совещании у Гитлера было принято решение о создании на советской территории четырех рейхскомиссариатов, подчиненных рейхсминистру Розенбергу: Остланд, Украина, Москва и Кавказ. В свою очередь, имперские комиссариаты делились на генеральные комиссариаты (гаупткомиссариаты). Низшим звеном оккупационной администрации являлись 1050 областных комиссариатов (гебитскомиссариатов). Для их укомплектования в «восточное министерство» было направлено 144 офицера СА, 711 чиновников министерства внутренних дел и Трудового фронта.

Свои проекты преобразований на оккупированных территориях имелись у руководства СС. С июня 1941 г. по 1944 г. по указанию Гиммлера разрабатывался генеральный план «Ост», согласно которому в целях освобождения «жизненного пространства» для немцев следовало уничтожить, выселить и германизировать

значительную часть жителей Польши и западных районов СССР. Северный Кавказ при этом рассматривался как «резервная» территория для германизации – место возможного переселения белорусов⁶⁸⁸.

Начало войны означало переход замыслов в стадию практического воплощения. С первых же ее дней на оккупированных советских территориях проводилась крайне жестокая политика по отношению к населению. Насилие порождало ответную ненависть и способствовало развитию сопротивления оккупантам. В условиях затягивавшейся войны многие представители руководства Германии осознали необходимость изменить оккупационную политику. Даже Геббельс, никогда не отличавшийся благожелательностью по отношению к России, 25 апреля 1942 г. записал в дневнике: «Мы слишком больно ударили по русским... Затрещина не всегда является убедительным доводом». Почти через месяц, 22 мая, Геббельс продолжил запись, указав на необходимость изменить оккупационную политику, особенно по отношению к народам Востока. Смысл предлагаемых им изменений сводился к осуществлению «ясной» политики по отношению к крестьянам и церкви, а также к созданию в различных районах марионеточных правительств, «чтобы переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия» и уменьшить опасность со стороны партизан⁶⁸⁹.

Ряд предложений по изменению оккупационной политики выдвинули офицеры и генералы вермахта. 17 сентября 1941 г. командир 39-го армейского корпуса генерал Шмидт направил Гитлеру специальную «Памятную записку о возможности подрыва большевистского сопротивления изнутри». Здесь отмечалось, что «большевистское сопротивление и ожесточение далеко превзошли все ожидания». В

данной связи предлагалось отменить наиболее жестокие приказы, а в долгосрочной перспективе – «показать русскому народу позитивное будущее»⁶⁹⁰. Осенью 1941 г. Главное командование сухопутных войск вермахта (ОКХ) рекомендовало, исходя из интересов самих войск, сочетать энергичные и беспощадные действия против партизан со справедливым обращением с населением. О необходимости проведения «конструктивной восточной политики, которая бы считалась с нуждами населения и привлекала его симпатии», не раз заявляли и другие представители немецких военных и гражданских властей⁶⁹¹.

Провал «блицкрига» отодвинул срок оккупации Кавказа на год. Вопрос о захвате Кавказа вновь встал весной 1942 г. Директива ОКБ № 41, подписанная Гитлером 5 апреля 1942 г., в качестве главной операции немецкого летнего наступления предусматривала прорыв на южном участке фронта с целью уничтожения советских войск западнее Дона, захвата нефтеносных районов Кавказа и перехода через Кавказский хребет⁶⁹². Захватом Кавказа германское руководство рассчитывало втянуть в войну Турцию, нарушить связь СССР с союзниками через Иран и поставить его на грань катастрофы в целом, добившись благоприятных изменений в стратегической обстановке на Ближнем и Среднем Востоке. Существенной проблемой для Германии становилось обеспечение сырьем и топливом. Широко известны слова Гитлера, сказанные им на совещании командующих армейской группировкой «Юг» 1 июня 1942 г.: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной».

В ходе боевых действий план овладения Кавказом выделился в самостоятельную боевую операцию под кодовым наименованием «Эдельвейс». Ее план излагался в директиве ОКВ № 45 от 23 июля 1942 г. Он предусматривал оккупацию Северного Кавказа, а затем

и Закавказья с обходом Главного Кавказского хребта с запада и востока и одновременным прорывом горно-пехотных частей через кавказские перевалы.

Появление непосредственной возможности овладения Кавказом активизировало разработку планов использования региона. Весной – летом 1942 г. Розенберг и его сотрудники представили целый пакет документов, содержащий программу предполагаемых преобразований на Кавказе, имевших определенные отличия от политики, проводившейся в других оккупированных советских областях. Так, в докладной записке Гитлеру «О преобразовании Кавказа», датированной 27 июля 1942 г., Розенберг главной целью германской политики называл «господство над Кавказом и над граничащими с юга странами, как в политическом, так и в военном отношении»⁶⁹³. Сравнивая Кавказ с другими регионами СССР, Розенберг утверждал: «Проблема Востока (имелся в виду рейхскомиссариат Остланд. – *Авт.*) состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент сырьем.

Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от кавказского перешейка на Ближний Восток». Этим разнообразием условий и задач обуславливалась «большая гибкость в осуществлении интересов Германской империи и обеспечении ее будущего»⁶⁹⁴.

Специфика Кавказа, по словам Розенберга, заключалась в чрезвычайной пестроте населения: «Историческое развитие показало: кавказские племена так разнообразно развились в смысле расы, традиций и религии, что о едином кавказском народе не может быть

и речи. Горный характер страны усилил грани между этими народностями, а не помог объединению, которому скорее способствуют большие долины». Однако ни одна из народностей не обеспечивала себе самостоятельного существования на продолжительное время, все могли развиваться лишь под защитой великой державы, которая «не намерена вмешиваться во внутренние дела отдельных народов, не имеет никаких культурных и религиозных миссий, а наоборот, намерена охранять и поощрять своеобразие отдельных народов». Такой державой и должна была стать Германия, а сохранение своеобразия отдельных кавказских народов, в свою очередь, вполне соответствовало германским интересам⁶⁹⁵.

Розенберг не раз подчеркивал, что «народы Кавказа имеют другие расовые качества в сравнении с русскими и украинцами. Они отличаются от них своим происхождением, своей историей и традициями»⁶⁹⁶. Обращаясь к характеру кавказских народов, он выделил прежде всего их свободолобие и воинственность, благодаря которым «они в течение десятилетий защищались от царских армий»⁶⁹⁷. Поэтому Розенберг указывал, что средства, уместные по отношению к русским, украинцам, населению Прибалтики и Белоруссии, не должны были применяться на Кавказе. Чтобы завоевать симпатии кавказских племен, требовались другие методы. При этом Розенберг считал необходимым использовать «исторически закоренелую ненависть между кавказскими народностями, развивая ее, идя навстречу гордости и тщеславию тех или других», с целью добиться благоприятных условий для германского господства в регионе⁶⁹⁸.

На Кавказе планировалось создать пять больших управлений – Грузию, Азербайджан, Горную страну (Горный Кавказ или Горский комиссариат), Кубань, Терек, а также два меньших, окружных – Армению и

Калмыкию. По экономическим признакам и численности населения они находились между главными и областными комиссариатами. Их создание, по словам А. Шикеданца, не являлось «обыкновенным приспособлением к бывшим царским, а также большевистским единицам управления, как это предусмотрено в системе управления остальных оккупированных областей Востока», а имело целью сохранение «национальной разрозненности». По этой же причине предлагалось дальнейшее разделение управлений. В Грузии в качестве комиссариатов выделялись Аджария, Абхазия, Южная Осетия, в Азербайджане – Нахичевань, в Армении – Горный Карабах. Горную страну с центром во Владикавказе предполагалось раздробить на зондеркомиссариаты Дагестан, Чечено-Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Адыгею и Кара-Ногайскую область. Признавалось возможным удовлетворение требований отдельных народностей о собственном самоопределении – например, распад Чечено-Ингушетии на Чечню и Ингушетию⁶⁹⁹.

Одним из главных изменений в сфере политических преобразований Розенберг считал применение на Кавказе иных, не ущемлявших достоинства местных народов, тактичных названий для представителей германской администрации. Рейхскомиссара как главного представителя германской власти на Кавказе он предлагал назвать имперским покровителем по Кавказу, наместником по Кавказу или имперским резидентом по Кавказу. Вместо генеральных округов следовало говорить «о стране Грузии, о стране Армении и т. д.». Начальников управлений этих стран предполагалось называть не генеральными комиссарами, а покровителями, наместниками или резидентами страны. Наконец, для руководителей областей предлагалось звание «областного

начальника», которое «лучше соответствует воинственному настроению, чем какое-либо другое»⁷⁰⁰.

При этом Розенберг подчеркивал необходимость управления главными комиссарами над теми из племен Кавказа, которые «недостаточно велики, чтобы их земли называть странами и поручать там управление» покровителю страны. В то же время они должны были непосредственно подчиняться имперскому комиссару по Кавказу и фактически выполняли функции генерального комиссара, не имея его чина. В этом случае их следовало называть особыми уполномоченными имперского покровителя, областными наместниками или областными резидентами. Розенберг считал, что такое решение должно было не задевать достоинства больших кавказских народов и в то же время свидетельствовать о проявлении внимания к меньшим племенам⁷⁰¹.

К вопросу о наименованиях германских руководителей на Кавказе Розенберг вернулся 14 августа 1942 г. в специальной «Заметке для фюрера». «Для более гибкого и тактичного подхода к отдельным народностям Кавказа» представителей Третьего рейха на Кавказе предлагалось называть не резидентами, а имперским резидентом по Грузии, имперским резидентом по Азербайджану и т. д. Германских представителей в отдельных областях следовало называть не генерал-резидентами, а генеральными уполномоченными, генеральными поверенными по Грузии, по Азербайджану и т. д. Гаупткомиссаров – особо уполномоченными имперского резидента на Кавказе. По мнению Розенберга, эти названия подчеркивали, что представители германской администрации выступали в качестве третейских судей «на Кавказе, где ввиду пестроты населения невозможно добиться единства». В то же время он признавал, что предлагаемые наименования не меняли общих принципов⁷⁰².

Обращает на себя внимание стремление Розенберга использовать в германских интересах исторический опыт развития Кавказа, хотя он понимался и трактовался порой достаточно упрощенно. Например, Розенберг подчеркивал «естественную культурную склонность к туркам» азербайджанцев, «на языке которых они разговаривают». Напротив, по его словам, армяне «в качестве христиан испокон веков являются» их врагами. Особое внимание он уделил «со всех сторон угрожаемой Грузии», которая, находясь между враждебными ей азербайджанцами, дагестанцами и армянами, «не является достаточно сильной для господства над остальными народами». Вследствие этого «она может повести политику исключительно германской ориентации, так же как, вопреки своей враждебности России, она была вынуждена по военным причинам до этого вести прорусскую политику». Розенберг надеялся, что Грузия станет «сильнейшим опорным пунктом скрытого германского господства на Кавказе», и считал выгодным разместить в ней столицу рейхскомиссариата, тем более что «грузины являются самым интеллигентным и сильным народом Кавказа».

Гораздо хуже Розенберг представлял себе ситуацию на Северном Кавказе. В записке «О преобразовании Кавказа» он отмечал: «На севере Грузии находятся малые горные племена Кавказа, суть и развитие которых требует тщательного изучения»⁷⁰³. В другом документе он говорил о «кубанской и терской народностях», возникших в результате смешения «поселенцев и других разных народов бывшего царского государства и местных горных народностей Кавказа». В целом Розенберг считал, что разграничение всех кавказских «племен и народностей между собой и поощрение существующих между ними противоречий и ненависти облегчило бы немецкому командованию господство над ними»⁷⁰⁴.

Специфика Кавказа предполагала необходимость отказа от прежних германских принципов управления захваченными областями. Немецкое представительство в данном регионе, по его словам, являлось «исключительно политическим», требовало такта, внимательности и приспособления к непредвиденным явлениям. Поведение немецкого представителя «должно быть особо осторожным и безупречным», для этого германским руководителям на Кавказе следовало глубоко знать историю, привычки и жизнь местных народов⁷⁰⁵.

Давая указания специально назначенному уполномоченному имперского министра по оккупированным восточным областям при командовании группы армий «А»⁷⁰⁶, наступавшей летом 1942 г. на Кавказ, Розенберг требовал от него «особой сдержанности, связанной с тщательным наблюдением». Он писал, что уполномоченный «должен поддерживать германские военные органы, используя по мере возможности ограниченное количество немцев или союзных кадров по обеспечению порядка и привлекая местные, преданные Германии круги. Обеспечить проведение мероприятий хозяйственного порядка и пресечь деятельность банд (так в нацистской пропаганде именовались партизаны. – *Авт.*) – это значит обеспечить успех всей нашей дальнейшей политики на Кавказе»⁷⁰⁷.

Отдельные сотрудники ведомства Розенберга предлагали идти еще дальше по пути преобразований на Кавказе. В «Заметке о политическом будущем Кавказа» Фекенштедт писал: «Завоевать симпатии кавказских племен – это означает получить от них все, что мы желаем: дополнительный источник питания, возможность широкого использования богатств страны, в частности нефти. Этим мы укрепляем наше политическое влияние на судьбы Европы и Азии». При

этом дружба народов Кавказа, по его мнению, могла быть обеспечена только тогда, когда «мы предоставим им полную политическую самостоятельность и позволим себе вмешиваться в их политические дела, лишь если они этого сами пожелают, чтобы временно, в связи с недостатком в местных кадрах интеллигенции, выполнять здесь административные функции». Промедление в решении данного вопроса могло отрицательно отразиться на «сотрудничестве с этими впечатлительными племенами», что признавалось нежелательным с военной и хозяйственной точки зрения. Поэтому автор заметки предлагал «немедленно заверить кавказские племена в том смысле, что им будет предоставлена неограниченная свобода», призывая к соблюдению «политической честности» по отношению к ним с немецкой стороны⁷⁰⁸.

Однако сам Розенберг полагал, что «удовлетворение требований кавказских народностей» не должно привести «к забвению конечных политических и экономических целей Германии». Поэтому он считал, что «не следует давать преувеличенных обещаний в смысле предоставления полной независимости» народам Кавказа. В то же время он указывал на необходимость акцентировать внимание «на общности борьбы Германии и кавказских народов, подчеркивать, что кровь, пролитая немцами, спасла Кавказ от тех страданий, которые он испытывал под гнетом царизма и большевизма». Важной задачей уполномоченного при командовании группы армий «А» считалось создание органов местного самоуправления, подбор в них необходимых кадров из числа местных жителей⁷⁰⁹.

В сфере экономики значительное место занимал вопрос об отношении к колхозной системе. Хотя многие руководители Третьего рейха и выступали за ее ликвидацию, в реальности на большей части оккупированной советской территории колхозы

первоначально сохранялись как форма хозяйственной организации, способная обеспечить сдачу продовольственных поставок крестьянами. На Кавказе Розенберг предполагал быстрее отменить колхозы и перейти к единоличному землепользованию, чем в других советских областях. Механизм проведения аграрных преобразований уточнил Фекенштедт: «Не мы должны наделять землей или другим имуществом отдельных крестьян, – этим призваны заниматься местные коммунальные органы управления, причем под нашим умелым и тактическим наблюдением... Было бы целесообразным здесь говорить не о сельскохозяйственных руководителях, а о сельскохозяйственных советниках»⁷¹⁰.

Розенберг также не раз подчеркивал, что Германия «должна взять в свои руки всю нефть»⁷¹¹. Он говорил о необходимости развития национальных ремесел и торговли, возвращения национализированных в годы советской власти домов и земель их прежним владельцам⁷¹². Существенным вопросом признавалось и обеспечение населения продуктами питания. Например, Фекенштедт писал: «Население должно быть сытым»⁷¹³.

Вступая в противоречие с Гитлером, Розенберг считал возможным разрешить горцам, в отличие от других советских народов, ношение легкого оружия: «Большой кавказский кинжал и сабля считаются здесь символом свободного человека». Он даже предполагал возможность оставить жителям Кавказа и винтовки при дополнительном изучении обстановки. Полицию Розенберг рассчитывал формировать из местных жителей, в традиционной грузинской, азербайджанской и иной форме, но под немецким руководством⁷¹⁴.

В области просвещения и культуры Розенберг предлагал предоставить автономию местному населению «без всяких оговорок», исходя из его

желаний. При этом следовало разрешить функционирование средних, ремесленных и высших школ, «поскольку это будет необходимо». Предусматривались изменения учебных программ ряда дисциплин, в том числе по истории, создание новых учебников. Местом для размещения учреждений высшей школы намечался Тбилиси, в других областях Кавказа предполагалось создание ремесленных школ, «чтобы усилить у племен сознание их культурной автономии». На представителя германской администрации возлагалась обязанность поощрять искусства, «особыми пожертвованиями» закрепив это в сознании народов⁷¹⁵.

В отличие от других оккупированных советских областей на Кавказе считалось целесообразным ввести немецкий язык, призванный вытеснить в качестве обиходного русский язык. Это объяснялось тем, что в условиях пестрого национального состава немецкие чиновники не могли изучить «все языки разных племен». При этом немецкий язык оставался необязательным для всех, за исключением ремесленных и высших учебных заведений, «то есть для тех слоев, которые непосредственно связаны с немецким управлением». Наряду с этим желательным признавалось изучение грузинского и армянского языков. Напротив, русским языком пользоваться разрешалось только «в русских колониях и тогда, когда без него нельзя обойтись». В религиозном вопросе Розенберг считал целесообразным ввести полную веротерпимость, особо выделяя знание ритуалов и обычаев ислама, вернуть церковные здания верующим⁷¹⁶.

Рейхсминистр отметил важность развития санитарного дела и медицинского обслуживания на Кавказе, что также противоречило прежним планам: «Успешная борьба с тропическими болезнями... может сделать немецкого представителя и немецкого врача другом и благотворителем местных жителей». В

дальнейшем Розенберг особенно подчеркивал необходимость проведения мероприятий в данной сфере для сохранения работоспособности лиц, занятых на заводах и фабриках военного значения⁷¹⁷.

Серьезное значение Розенберг уделял и созданию воинских частей из народов Кавказа. 28 марта 1942 г. он подписал специальный документ под названием «Вопрос о кавказских воинских частях», в котором обосновал свои предложения по данному вопросу сугубо политическими соображениями. По мнению Розенберга, использование кавказских воинских частей должно было произвести «глубочайшее впечатление на эти народы», тем более «когда они узнают, что только им и туркестанцам фюрер оказал эту честь». Как важную предпосылку для их создания он отмечал особое отношение к оружию у кавказских народов: «Отдельные из них явно воинственно настроены, например, невооруженный мужчина считается у них недостойным уважения, невооруженный народ – неполноценным».

Розенберг отмечал, что эти воинские части должны были «комплектоваться из основных, хотя бы и не единых народностей Кавказа, главным образом – из народностей Закавказья. Если включить сюда горные народности, они должны состоять из четырех групп: грузинская, армянская, азербайджанская и одна группа, охватывающая горные народности». Однако распределить места дислокации следовало «с расчетом углубления противоречий между народностями в целях господства над ними»⁷¹⁸. Например, формирование кубанцев могло дислоцироваться в Азербайджане, азербайджанское – на Тереке, грузинское – среди горных народностей, «с целью достижения желаемого успеха при возможных волнениях».

Предполагалось, что офицерские должности во всех воинских частях будут занимать немцы (в качестве примера для подражания Розенберг приводил англичан

в Индии). Кроме того, воинские соединения должны были путем вербовки на 10-20 лет обеспечить себе замену выбывающих, которые могли бы занимать должности в низших органах управления. Общая же численность данных формирований «должна быть такой, чтобы они ни в коем случае не могли оказывать давление на немецкую оккупацию»⁷¹⁹.

Поэтому Розенберг считал необходимым определить численность каждого формирования в отдельности, так как «по отношению к отдельным племенам и народностям необходим известный паритет». Он предлагал набрать по 1 тыс. чел. грузин, армян, азербайджанцев и представителей горных народностей. Розенберг также считал желательным создать два формирования одинаковой численностью (по 1 тыс. чел.) «из кубанских и терских народностей», что должно было ускорить процесс их освобождения «от слияния с украинским или русским народом», и набрать 500 чел. из калмыков, проживавших между Доном и Волгой. Всего под единым немецким командованием должно было находиться 6,5 тыс. чел.⁷²⁰

Розенберг считал необходимым сохранить в руках командующего войсками на Кавказе только военное руководство, а использование данных формирований, как и любые другие вопросы политического характера, относилось к компетенции рейхскомиссара, поскольку «среди легко возбудимого населения Кавказа могут в любое время возникнуть кровавые мятежи». В данной связи Розенберг считал возможным использовать опыт управления Кавказом в составе Российской империи. Например, он считал поучительным, что, в отличие от всех остальных областей Российской империи, только на Кавказе находился наместник, который объединял в своих руках не только высшую гражданскую, но одновременно и полную военную власть, «с тем, чтобы

быстро и эффективно принимать меры по ликвидации волнений и восстаний»⁷²¹.

К вопросу о создании кавказских воинских частей Розенберг вернулся летом 1942 г. Он отметил необходимость введения для них специальных знаков и символов, «чтобы этим актом выразить наше уважение к народным традициям». Кроме того, еще раз подчеркнул, что данные части должны находиться в подчинении его ведомства по политической линии: «Надо предполагать, что легионы, в качестве особых охранных частей, будут подчиняться военному командующему Кавказа, но обеспечение и возможное использование должен будет решать политический руководитель на Кавказе, так как этого потребует местная сложная обстановка»⁷²².

Сотрудники министерства по делам восточных оккупированных областей учитывали длительное воздействие большевистской пропаганды на жителей Кавказа, особенно на молодежь. Поэтому они уделяли внимание «антибольшевистскому воспитанию юношей в возрасте от 15 до 20 лет, чтобы они покинули улицу и стали полезной для нас рабочей силой». Среди документов Нюрнбергского процесса отложился подписанный штурмбаннфюрером СА Гейбелем план создания специальной «организации, которая явилась бы инструментом немецкой власти и дала бы гарантию, что непосредственно после оккупации нравственно оздоровленная молодежь Кавказа будет работать в интересах Германии». Она получила наименование «Организационной службы», а ее задачей провозглашалось «выявление сил для гражданского управления и наблюдения за порядком». Кроме того, она могла использоваться при катастрофах, «стоять на страже урожая».

Создание данной организации предполагалось «на основе доброй воли, без всякой поспешности, выжидая, пока созреет сознание этих людей». «Организационная

служба» должна была подчиняться непосредственно имперскому комиссару, ее центральный аппарат включал три отдела. К функциям первого отдела относился учет добровольцев, разработка вопросов пропаганды, наблюдение за подготовкой и политическим обучением, «выращивание руководящих кадров». Задачей второго являлась одежда, рабочее снаряжение, обеспечение необходимыми материалами. Третьего – квартирное размещение и продовольственное снабжение членов организации во время работ. Низшим подразделением предлагалось звено (8—12 чел.), три звена составляли отряд (24–36 чел.), четыре отряда – сотню (96—140 чел.), четыре сотни – батальон (380–560 чел.). Начальники звеньев и отрядов назначались из числа добровольцев, вышестоящие должности должны были занимать имперские немцы.

Для подготовки руководящих кадров в каждом генеральном комиссариате предполагалось создать по одной школе, обучение, одежда и питание в которой являлись бы бесплатными. Подготовка включала, помимо пропаганды, физическую закалку, поощрялись спортивные соревнования. Одежда должна была соответствовать местным традициям, ее важным элементом считался кинжал «как внешнее выражение личной свободы». Хорошо проявившие себя члены «Организационной службы» могли получить места в полиции и других учреждениях⁷²³.

Кавказ оказался в центре внимания и других политических группировок в НСДАП и государственных органов нацистской Германии, в том числе руководства министерства иностранных дел. Особую активность проявлял посол Германии в Турции Ф. фон Папен. «Мы должны, – писал он из Стамбула в Берлин, – попытаться найти в кавказских... странах по одному подходящему лицу местного происхождения» и поставить его во главе правления. Рядом с ним следовало поставить

ответственного немецкого руководителя, формально – на заднем плане, в качестве советника, по сути – в качестве руководящего и направляющего лица⁷²⁴.

В своем стремлении к реализации собственных проектов преобразований на оккупированной советской территории, отражавшем сложную политическую игру, руководители министерства иностранных дел Германии предпочитали ориентироваться на эмигрантские круги. В Берлине была организована встреча представителей кавказской эмиграции. Эти действия вызвали недовольство Розенберга, и для устранения межведомственных разногласий потребовалось вмешательство Гитлера⁷²⁵.

Анализ германских планов свидетельствует об определенных различиях во взглядах руководителей Третьего рейха на оккупацию советских территорий. Разные проекты отражали взгляды той или иной группировки в составе германского руководства, представляя различные программы решения одних и тех же вопросов на основе общей национал-социалистической доктрины. Особенности отношения к Северному Кавказу складывались под воздействием ряда факторов, важнейшими из которых являлись экономические, военно-стратегические и политические. Он интересовал германское руководство своими продовольственными и сырьевыми ресурсами, особенно запасами нефти. С захватом Кавказа вермахт приобретал стратегический плацдарм для продвижения на Ближний и Средний Восток. Отдельные руководители Германии считали регион возможным центром сепаратизма, а горцев «ненадежным» для советской власти населением, чье недовольство планировалось использовать в интересах Третьего рейха.

2

Система и методы управления захваченной территорией Северного Кавказа

Уже в июле 1941 г. были назначены имперские и генеральные комиссары во всех советских областях, включая и те, которые, как Северный Кавказ, еще только предполагалось захватить. Ожидалось, что пост рейхскомиссара Кавказа займет статс-секретарь имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства Г. Бакке, родившийся в Батуми и являвшийся также уполномоченным особого штаба «Ольденбург» (23 мая 1942 г. он стал рейхе министром продовольствия и сельского хозяйства). В качестве претендента на эту должность также рассматривался видный нацистский тюрколог профессор Г. фон Менде, но он слишком откровенно выражал симпатии к мусульманам⁷²⁶. 16 июля 1941 г. рейхскомиссаром Кавказа утвердили журналиста А. Шикеданца, в качестве столицы ему определили Тбилиси. Аппарат рейхскомиссариата был укомплектован в составе 1,2 тыс. чел. Заранее были назначены и другие представители германской власти на Кавказе, в том числе начальник СС и полиции рейхскомиссариата Кавказ обергруппенфюрер СС Г. Корземан.

В августе – начале сентября 1942 г. части вермахта захватили перевалы Главного Кавказского хребта, вышли к Тереку и Туапсе. В упорных боях Красная армия остановила противника, не допустив его прорыва в Закавказье. Тем не менее вермахту удалось захватить Адыгейскую, Карачаевскую и Черкесскую автономные области, Кабардино-Балкарскую АССР, большую часть

Северо-Осетинской АССР (Ирафский, Дигорский, Ардонский, Кировский, частично Орджоникидзевский и Гизельдонский районы) и незначительную – Чечено-Ингушской АССР (Малгобек). Поскольку в регионе продолжались боевые действия, сам срок их оккупации различался, составляя от двух до шести месяцев. Оккупация Адыгеи, Карачая и Черкесии продолжалась пять-шесть месяцев. Зольский, Нагорный, Баксанский, Прималкинский, Прохладненский, Кубинский, Терский, Майский, Курпский районы КБАССР были оккупированы в течение пяти месяцев, а г. Нальчик, Нальчикский, Лескенский, Чегемский, Хуламо-Безенгиевский и Эльбрусский – более двух месяцев.

В начале 1943 г. началось общее советское контрнаступление на Северном Кавказе, сопровождавшееся освобождением всей его территории. Заранее назначенные чиновники гражданской оккупационной администрации на Кавказе так и не смогли занять свои посты. Поэтому вся полнота власти на оккупированной территории Северного Кавказа, как и в других советских областях, примыкавших к району боевых действий, принадлежала немецкой военной администрации. Возглавляло всю вертикаль управления ОКХ, а военными действиями против партизан руководил отдел обороны страны в штабе оперативного руководства вермахта. В районе боевых действий функции исполнительной власти возлагались на командиров дивизий, корпусов и подчиненные им войска. В находившемся за ним тыловом районе назначались коменданты, которым подчинялись охранные части⁷²⁷. Главой всей военной администрации на Кавказе являлся генерал Кох-Арбах.

В оккупированных областях Северного Кавказа немецкие военные комендатуры – полевые (фельдкомендатуры) и местные (ортскомендатуры) – отвечали за расквартирование и снабжение войск,

порядок и выполнение приказов командования, формировали вспомогательную полицию и гражданские административные учреждения, следили за выпуском газет, охраной объектов. Местную комендатуру в населенных пунктах создавали штабы действующих частей вермахта. Она состояла из отделов: военного, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственного, транспортного, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных, финансового и других. При комендатуре действовали команда охраны, группа связных-мотоциклистов, писари, переводчики, а также агентурная сеть. Возглавляли комендатуры офицеры вермахта. Так, ортскомендантом Нальчика являлся майор Маннэ, Кошехабльского района ААО – подполковник Финстлер⁷²⁸. В небольших городах и других населенных пунктах комендатуры имели упрощенную организацию и сокращенный личный состав.

С первых дней оккупации приказы немецкого коменданта предупреждали жителей о необходимости сохранять порядок, выполнять распоряжения руководства, призывали вернуть скот, продукты питания и прочее имущество, «взятое» гражданами из магазинов, учреждений, предприятий, совхозов и колхозов в период «бегства большевистско-коммунистической власти». Впоследствии коменданты не только руководили деятельностью местной администрации, но и прямо вмешивались в решение отдельных вопросов. 16 октября 1942 г. комендант Майкопа предупредил горожан о необходимости экономить расход воды, содержать в порядке дома и улицы⁷²⁹.

На оккупированной советской территории действовали также дивизии охраны тыла, полицейские полки и батальоны, полевая жандармерия и другие полицейские и карательные части. Они выполняли

полицейские, охранные и репрессивные функции. Их верховным руководителем считался рейхсфюрер СС Г. Гиммлер как глава германской полиции.

Военно-экономический аппарат на оккупированных территориях находился под контролем командования вермахта. Роль его руководителя в качестве члена Восточного штаба экономического руководства исполнял начальник управления военного хозяйства и вооружения генерал Г. Томас, учреждения Восточного экономического штаба действовали в составе армейских штабов. В тыловом прифронтовом районе структура военноэкономического аппарата включала хозяйственные инспекции при командующих тылом армейских групп, хозяйственные команды при охранных дивизиях, хозяйственные группы при полевых комендатурах. В армейском тылу и районе боевых действий решение экономических вопросов возлагалось непосредственно на военное руководство – 4-й экономический отдел штаба армий (административно-хозяйственный отдел управления военного хозяйства и вооружения). Ему подчинялись технические батальоны, части экономической разведки и хозяйственные группы при полевых комендатурах⁷³⁰.

Структура хозяйственных инспекций повторяла структуру Восточного экономического штаба. Они состояли из групп руководства и групп «Л», «М», «В». В состав хозяйственной команды входили начальник – офицер – и специалисты по отраслям (сельскому хозяйству, промышленности и транспорту, использованию рабочей силы, вооружению и общим экономическим вопросам). В ее подчинении находились подразделения по охране орудий производства и сырья, инженеры для руководства сельскохозяйственными предприятиями и МТС (по мере надобности). Хозяйственная группа состояла из начальника – офицера, подчиненного военному коменданту, и

консультантов по вопросам промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом⁷³¹.

Военная комендатура оказывала содействие хозяйственной команде при проведении обысков, реквизиций и других мероприятий. В районах, где отсутствовали специальные хозяйственные подразделения, комендатура самостоятельно использовала местные ресурсы для германских нужд. Военно-хозяйственные организации укомплектовывались опытными офицерами интендантской службы, многие из которых являлись участниками Первой мировой войны. В них привлекались офицеры запаса из числа предпринимателей и специалистов различных отраслей хозяйства⁷³². Уполномоченный по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Г. Бакке подготовил для них специальную инструкцию «О поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации» («Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»), К 1 августа 1942 г. на Северный Кавказ в составе тыловых служб группы армий «А» прибыло 3898 различных чиновников – специалистов в различных областях хозяйства⁷³³.

Главной опорой немецких властей на оккупированной советской территории Северного Кавказа являлись войска вермахта и местные полицейские формирования. Вследствие близости линии фронта их численность в отдельных населенных пунктах нередко менялась. Так, военный гарнизон Майкопа в сентябре 1942 г. состоял примерно из 2 тыс. чел., а в октябре вырос до 10 тыс. чел.⁷³⁴ В ноябре численность оккупационных войск в Майкопе вместе с различными полицейскими формированиями составила уже 20 тыс. чел. В городе также размещался штаб 44-го армейского корпуса во главе с командиром, генералом артиллерии де Ангелисом. Для борьбы с партизанами были созданы

отряд полевой жандармерии и конный карательный отряд из военнопленных красноармейцев⁷³⁵.

В селах, находившихся вдали от линии фронта и главных коммуникаций, охрану нередко несла только местная полиция. По агентурным данным партизанской разведки, в населенных пунктах Адыгеи немецкие гарнизоны отсутствовали, и охрану несли полицейские отряды. Например, в ауле Хачемзий полиция состояла всего из 8 адыгейцев⁷³⁶.

Немецким комендантам подчинялась местная гражданская администрация – городские и районные управы, которой отводилась вспомогательная роль. Работой управы руководил бургомистр или городской голова, назначенный комендантом. Обычно городские и районные руководители еженедельно проводили совещания, на которых присутствовали комендант или начальник одного из отделов комендатуры. Бургомистры и старосты отчитывались, получали задание на следующую неделю, их знакомили с распоряжениями оккупационных властей.

В обязанности бургомистра входили выполнение приказов и распоряжений немецких властей, поддержание порядка, организация полиции, сбор оружия, арест солдат и командиров РККА, регистрация населения, запрет собраний и демонстраций, восстановление работы учреждений и предприятий, ремонт поврежденных сельскохозяйственных орудий и машин. Бургомистры обязывались следить за затемнением окон и дверей, препятствовать образованию политических партий. В то же время им запрещались самостоятельные мероприятия по преобразованию существовавшего порядка хозяйствования и управления, не разрешался «самовольный дележ земли, скота и запасов», относившийся к компетенции немецких властей⁷³⁷. Районные бургомистры обязывались также следить за

выполнением старостами деревень
сельскохозяйственных поставок, проведением
необходимых агротехнических мероприятий,
благонадежностью крестьян. Обо всех отклонениях им
следовало доносить коменданту.

Бургомистр имел право налагать штраф до 5 тыс. руб. (500 марок), заменявшийся принудительными работами до четырех недель. Штрафы обжалованию не подлежали, денежные средства поступали в городские и районные кассы, а случаи штрафования проверялись комендатурой. Однако бургомистр не мог наказывать лиц немецкой национальности или германских подданных, которые подлежали дисциплинарному взысканию со стороны немецкой комендатуры⁷³⁸.

Управы состояли из отделов: административного, финансового, промышленного, торгового, транспортного, земельного, жилищного, дорожного, строительного, коммунального, просвещения, здравоохранения и других. Различия в структуре зависели от численности жителей населенных пунктов, специфики их положения и социально-экономического развития. Управы небольших районов и населенных пунктов состояли из четырех-пяти отделов. В прифронтовом Малгобеке немецкое командование вообще не стало создавать городской управы, разделив город на девять участков во главе со старостами, которым в помощь придавалось несколько полицейских. Старосты подчинялись напрямую военному коменданту города обер-лейтенанту Линдемону⁷³⁹. Для работы в управах часто привлекались бывшие служащие советских учреждений, хорошо разбиравшиеся в вопросах организации управления и руководства хозяйством. Обычно управы занимали прежние помещения Советов или исполкомов.

Бургомистрам как руководителям местной гражданской администрации подчинялись сельские

старосты. В специальной инструкции для старосты определялись его должностные обязанности: восстановление деятельности всех учреждений, продолжение сельскохозяйственных работ, сбор оружия, регистрация жителей, розыск советских военнослужащих, организация вспомогательной полиции, обеспечение светомаскировки, а главное – поддержание порядка и выполнение распоряжений немецких властей⁷⁴⁰. Староста был обязан доводить до сведения населения приказы немецкого командования. Просьбы и ходатайства жители подавали лишь через старосту. Староста имел право наказывать жителей за незначительные проступки, налагать денежный штраф до 1 тыс. руб., сажать под арест и отправлять на принудительные работы на срок до 14 дней⁷⁴¹. Нередко должность сельского старосты, считавшуюся выборной, занимали случайные люди. В других местах оккупанты назначили старостами первых попавшихся на глаза колхозников, нередко помогавших жителям и партизанам. Так, староста аула Верхняя Маара в Карачаевском районе А. Эбзеев прятал у себя дома разведчика М. Хутова и сотрудника органов госбезопасности Л. Узденова⁷⁴².

В крупных селениях Кабардино-Балкарии главы местной администрации назывались бургомистрами, а районные руководители – шефами⁷⁴³. В городах бургомистры назначали в каждом квартале специальных уполномоченных – квартальных, а в каждом доме – ответственных (комендантов), возложив на них обязанности соблюдения порядка и правил общежития, санитарных и противопожарных инструкций. Их деятельность контролировал начальник полиции⁷⁴⁴.

Важное место в структуре аппарата власти занимали органы управления сельским хозяйством. Ключевая роль в данной сфере отводилась немецким учреждениям –

сельскохозяйственным комендатурам. Сельскохозяйственный комендант (офицер вермахта) назначал главного агронома как непосредственного руководителя сельского хозяйства района и руководителей МТС. На районного руководителя сельским хозяйством возлагалась ответственность за работу колхозов и МТС, сельскохозяйственных предприятий и учреждений по заготовке и сбыту сельхозпродукции. Его штат включал агронома, зоотехника, ветеринара, землеустроителя и статистика⁷⁴⁵.

Агрономы совхозов и колхозов отвечали за уборку, обмолот и сдачу хлебов, сохранность скота и семенного фонда, подготовку складских помещений, инвентаря, сельскохозяйственной техники, а при ее отсутствии – организацию ручного труда. Они несли ответственность перед бургомистром или старостой за бесперебойную работу и беспрекословное исполнение всех предписаний германских сельскохозяйственных руководителей. Им также вменялось в обязанность следить за сбором оружия и боеприпасов, препятствовать саботажу, «всякой политической деятельности и выборам каких бы то ни было Советов», вести борьбу с партизанами, докладывать обо всех лицах без определенных занятий.

Одной из самых главных задач в организации управления на захваченной территории оккупанты считали создание полиции. На каждые 100 жителей по штату полагался 1 полицейский. В сельской местности полицейские управления входили в состав управ. В городах полиция выполняла распоряжения бургомистров, но подчинялась непосредственно военным комендантам. Полицейское управление состояло из отделов: политического, выявлявшего лиц, враждебно относившихся к оккупационному режиму, криминального, боровшегося с уголовной преступностью, наружной службы и службы порядка,

патрулировавших улицы и охранявших объекты, паспортного, пожарной охраны, а также располагало следственной тюрьмой и тюрьмой для осужденных. Все полицейские чины подчинялись ортскомендатуре, а политическим отделом руководила служба безопасности.

Полицейские не имели специальной формы, их отличительным знаком являлась белая нарукавная повязка. Им также выдавались специальные удостоверения, подписанные бургомистром и заверенные комендантом. Обычно полицейские имели только холодное рубящее или колющее оружие, огнестрельное получали только в случаях, когда их привлекали к участию в боевых действиях против партизан, охране объектов и т. п.⁷⁴⁶

В «Служебных наставлениях для жандармерии и вспомогательной полиции» целью создания данных формирований называлось сохранение спокойствия, порядка и безопасности гражданского населения. Полицейским полагалось «честно и ревностно» исполнять свои обязанности, быть безукоризненными во всех отношениях, своей внутренней установкой, поведением и внешней выправкой подавать пример гражданскому населению. При исполнении служебных обязанностей следовало «вести себя корректно, быть вежливым», не курить и не употреблять спиртные напитки⁷⁴⁷. Полицейские были обязаны задерживать и производить личный обыск «красноармейцев, шпионов, агентов и бандитов», а затем направлять их в ближайшую немецкую воинскую часть. На полицию также возлагались задачи контролировать цены на рынках, конфисковать награбленное имущество и передавать его местной комендатуре. Обыски на дому полицейские имели право производить только на основании письменного приказа немецкой воинской части или комендатуры, которым обязывались сдавать

все изъятые вещи и документы. Самостоятельно полицейские не могли налагать взыскания, это право принадлежало местной комендатуре и бургомистру.

Документы юридически закрепляли неравенство во взаимоотношениях полиции и немецких войск. «Почетнейшей обязанностью» полицейских провозглашалось сотрудничество с частями вермахта. Полицию обязывали подражать последним, выполнять все немецкие приказы и распоряжения. Немецкие военнослужащие руководили военной подготовкой полицейских формирований. При исполнении служебных обязанностей и в свободное от службы время полицейские должны были отдавать честь немецким офицерам. В случае нарушения порядка со стороны представителей вермахта полицейский мог лишь обратить внимание военнослужащего на незаконность его поступка, призвать себе на помощь немецких офицеров или солдат и доложить об инциденте в местную комендатуру или ближайшую немецкую воинскую часть. Меры принуждения, насилие и применение оружия по отношению к немецким солдатам и офицерам строго воспрещались⁷⁴⁸.

Первые приказы городских и районных бургомистров требовали от жителей сдать оружие, радиоприемники и «прочее военное имущество», разграбленное в период отступления советских войск, угрожая расстрелом. От руководителей предприятий и учреждений требовалось произвести инвентаризацию, составить списки рабочих и приступить к работе. В городах вводился комендантский час, ограничивалось хождение без специальных пропусков. Виновные в нарушении установленного порядка подвергались наказаниям, вплоть до смертной казни. Местная администрация призывала жителей и руководителей предприятий и учреждений очистить дома и улицы от мусора, убрать трупы, произвести дезинфекцию, наладить работу общественных бань,

покрасить и побелить здания. Трудоспособное население через биржи труда направлялось на работы, прежде всего в интересах немецкой армии: строительство оборонительных сооружений, расчистку завалов, ремонт дорог.

Одним из первых мероприятий местной администрации стала регистрация населения, проводившаяся по трем спискам. Первый включал постоянных жителей данной местности, второй – всех прибывших. Мужчины и женщины старше 16 лет, внесенные в оба списка, получали временные удостоверения, подписанные бургомистром или старостой, или специальную отметку в паспорт. В особый список заносились евреи, красноармейцы, иностранцы, партизаны, коммунисты, комсомольцы, пионеры, активисты, сотрудники органов НКВД, управления и суда – словом, все «политически неблагонадежные», вместе с членами своих семей, а также уголовные преступники, их жены и дети. По первому требованию немецкого коменданта или гестапо старосты и бургомистры должны были представить списки населения⁷⁴⁹.

Отсутствие общественного контроля над деятельностью органов местной власти, низкая степень их ответственности, господство силы над правом и законом порождали массовые случаи злоупотребления ее представителей своим служебным положением. Представителям германского командования приходилось неоднократно пресекать неправомерные действия местной администрации. В ряде случаев немецкие военнослужащие даже защищали местное население от произвола старост и полицейских⁷⁵⁰.

Следует отметить, что немецкое командование в целом весьма скептически относилось к местной администрации. Любые проявления самостоятельности с ее стороны прямо пресекались, часто в унижительной

форме. Действия местных властей обычно дублировали решения немецких органов. Основаниями для многих постановлений гражданской администрации являлись приказы немецких комендантов. Солдаты и офицеры вермахта прямо демонстрировали пренебрежительное отношение не только к старостам и полицейским, но и к членам управ и бургомистрам. Военное командование не раз обещало подвергнуть наказанию немецких военнослужащих, виновных в проявлении «несправедливых действий» против служащих полиции и вспомогательных вооруженных формирований⁷⁵¹. Но в реальности дело редко шло дальше угроз.

С другой стороны, бургомистры не всегда спешили выполнять распоряжения вышестоящих властей, особенно по сбору с жителей продовольствия и денежных средств на нужды оккупантов, несмотря на строгие предупреждения о возможных для себя негативных последствиях. 10 декабря 1942 г. шеф Нальчикского районного управления в своем приказе отмечал: «Бургомистры несут ответственность за точное и своевременное исполнение приказов и распоряжений ортскомендатуры и райуправления без повторных напоминаний, и строжайше отвечают за произведенные действия помимо указаний ортскомендатуры и райуправления». Но уже на следующий день районный начальник указывал всем бургомистрам селений, что они не выполнили задания по сбору денег среди населения. 15 декабря районный шеф вынужден был снова указать на недоработки бургомистру селения Баксаненок, который дважды сорвал сроки поставок продовольствия для германской армии⁷⁵².

Важнейшими методами управления в оккупированных областях стали пропаганда и террор. Для этого германское руководство создало широко разветвленный аппарат. При Генеральном штабе вооруженных сил Германии действовало специальное

управление пропаганды под руководством генерал-майора фон Веделя, в который входили отделы, непосредственно отвечавшие за пропагандистскую работу в отдельных регионах СССР (отдел «К» – за Кавказ)⁷⁵³. Среди сотрудников военных пропагандистских органов оказалось немало бывших выходцев из России, затем к этой работе стали привлекаться советские военнопленные.

В министерстве по делам оккупированных восточных территорий, комиссариатах, полевых комендатурах и управах также существовали специальные отделы или чиновники, ответственные за проведение пропагандистских мероприятий. Пропагандистские материалы рассылались всем бургомистрам, старостам, управляющим, которых обязывали зачитывать жителям немецкие газеты и листовки, доводить до их сведения приказы и распоряжения немецкого командования. В одной из инструкций немецкого командования говорилось: «Все действующие в оккупированных областях немецкие учреждения обязаны заниматься вопросами пропаганды: офицеры, служащие, работники хозяйственных организаций, которые... продолжительное время служат в одном учреждении и вошли в доверие населения»⁷⁵⁴.

На оккупированной территории Северного Кавказа, как и в других захваченных областях СССР, использовались различные средства пропаганды, включая радио и кино. Широко использовалась и устная пропаганда – выступления агитаторов, систематическое распространение различных слухов, проведение митингов и собраний. Но наиболее значительную роль играла печатная пропаганда, особенно газеты и листовки. Так, в Майкопе в период оккупации издавалась газета с дореволюционным названием «Майкопская жизнь». Сначала редакцию возглавлял непосредственно бургомистр Н.В. Палибин, затем П.Л.

Кобисский. Первый номер вышел 30 августа 1942 г., последний, 37-й, – 14 января 1943 г. В Карачае в качестве органа управления г. Микоян-Шахара и Карачаевского национального комитета выходила газета «Свободный Карачай», в Черкесске – газета «Новая жизнь».

В оккупационной прессе публиковались приказы и объявления германского командования и оккупационных властей, сообщения ОКБ о ходе боевых действий на фронте, перепечатывались статьи из немецких, эмигрантских и других оккупационных изданий. Печатались и собственные материалы. Обращает на себя внимание, что под своими фамилиями обычно публиковали статьи ответственные работники администрации, и так известные вследствие своей деятельности, а большинство авторов скрывалось за инициалами или псевдонимами. Как правило, оккупационные газеты выходили под общим девизом: «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь в борьбе против большевизма!».

Для захваченной советской территории издавались специальные книги и брошюры, пропагандировавшие национал-социалистическое мировоззрение («Гитлер – освободитель», «Труд в Германии», «Адольф Гитлер и дети», «Я живу в немецкой семье и очень счастлив» и др.), русско-немецкие словари, календари. Значительное место среди печатной продукции занимала антисемитская литература («Еврейский вопрос», «Протоколы сионских мудрецов»). Антисемитизм выступал важным средством мобилизации масс сначала против внутреннего, а затем и против внешнего врага (российских «жидо-большевиков» и «англо-американских плутократов»), поэтому он пропагандировался и после уничтожения значительной части еврейского населения. В статьях и брошюрах, издававшихся на советской оккупированной территории

и привозимых в Россию из Германии, утверждалось, что антисемитизм «живет в каждой арийской семье» и представляет собой «глубоко народное явление». Евреи обвинялись в стремлении к власти, подчеркивалась связь марксизма с еврейством, «разоблачались» происки сионизма. Нередко в подобной литературе встречались ссылки и на российские традиции («Достоевский как идеолог антисемитизма»).

Анализ содержания пропагандистских материалов позволяет выделить три основных направления в развитии пропаганды на оккупированной территории Северного Кавказа.

1. Критика сталинского режима. Средства пропаганды утверждали, что господство большевиков совершенно разорило страну. Когда большевики, «обманув трудовой русский народ, захватили власть», вместо мира народы получили гражданскую войну, вместо свободы – «тяжкое ярмо порабощения», вместо хлеба – постоянный голод и нищету: «Мы были рабы. Мы были нищие». В оккупационной прессе постоянно подчеркивалось, что большевики развязали настоящую войну против своего народа: «Над нами был всегда занесен кровавый топор НКВД». Особое внимание уделялось коллективизации и раскулачиванию, когда на Северном Кавказе «не ручьями, а реками потекла кровь», террор дошел до предела, «тысячи опухших от голода людей расстреливали, сажали в тюрьмы, выселяли». Эти события заслужили характеристику «самой постыдной, самой темной страницы в цепи большевистских преступлений». Впрочем, рассказы о жестокости большевиков касались не только недавнего прошлого. В газетах описывался ущерб, нанесенный народному хозяйству региона при отступлении Красной армии, публиковались от лица очевидцев сообщения о расстрелах заключенных, проводившихся при

оставлении Черкесска и других городов Северного Кавказа органами НКВД⁷⁵⁵.

Следуя установкам нацистской пропаганды, оккупанты подчеркивали «еврейский характер» большевистской власти, утверждали, что «в интересах интернационального капитала и евреев» Сталин и его приспешники ввергли страну в бесцельную и ненужную войну. Русский народ «не впервые платится своей кровью за англо-американские интересы». Но, по утверждениям оккупационной прессы, несмотря на диктатуру и систему устрашений бойцов Красной армии расстрелами, «жестокими судами и чудовищной слежкой», Сталин уже проиграл войну из-за собственных просчетов и ошибок: «Бойцы, не желая драться за чуждые им интересы, бросают оружие и толпами сдаются в плен. Сталинская клика организовать дальнейшую оборону страны не способна», она стремится «лишь удержаться у власти», бросая в бой «совсем необученные, наспех собранные части без всякого плана»⁷⁵⁶.

2. Апология действий руководителей Германии, обеспечивших условия для «свободного развития немецкого народа». Пресса утверждала, что в Германии также «было тяжело трудовому народу, пока великий вождь Адольф Гитлер не выгнал из своей страны всех капиталистических эксплуататоров и не ввел национал-социализм». Таким образом, в нацистской пропаганде на оккупированной территории вновь прозвучали антикапиталистические идеи, характерные для времени зарождения фашизма.

Опубликованные письма и рассказы «восточных рабочих» и советских военнопленных уверяли в том, что Германия являлась «замечательной страной, с очень хорошими людьми, которые живут зажиточно» (носят кожаную обувь, ездят по прекрасным дорогам, имеют в каждом доме мебель, холодильники и т. п.). В газетах и

документальных кинохрониках рассказывалось об успехах в развитии немецкой науки и культуры, а также о помощи, которую Германия и немцы всегда оказывали России. В частности, отмечалось, что именно немцы являлись первыми учеными Российской академии наук⁷⁵⁷.

Немало внимания в пропагандистских материалах уделялось описанию успехов вермахта в войне. При этом средства пропаганды неоднократно прибегали к прямой дезинформации и лжи, сообщая, например, о взятии Москвы, Ленинграда, Сталинграда войсками вермахта, «вопреки исступленным приказам Сталина». Приводились рассказы о поражениях войск союзников СССР на других фронтах, национально-освободительном движении в английских колониях, общем истощении сил антигитлеровской коалиции. В то же время осуждалась «лживая сталинская пропаганда, неоднократно повторявшая знакомую всем басню о том, что Германия хочет поработить русский народ». Сплошной «наглой ложью» объявлялись рассказы советских пропагандистов о Германии, тяжелом положении советских военнопленных⁷⁵⁸.

3. Призыв к сотрудничеству и агитация в поддержку мероприятий «нового порядка». «Теперь наша Адыгейская область освобождена от клещей красного дракона, она свободно вздохнула и принимается за устройство новой счастливой жизни», – утверждала «Майкопская жизнь». Оккупанты призывали жителей приступить к уборке урожая, работе на предприятиях и учреждениях: «Немецкий солдат дает свою кровь и жизнь для нашего освобождения. Помогите ему своим трудом!»

Широко пропагандировалось создание «добровольческих» формирований, разъяснялись их цели, приводились рассказы о вступивших в них людях. В газетах было опубликовано заявление сдавшегося в

плен генерал-лейтенанта А.А. Власова, в котором говорилось о необходимости «свергнуть кровавую диктатуру Сталина, жидов и дать народу полностью воспользоваться завоеваниями национальной революции и всеми теми правами, ради которых он шел на революцию и совершил ее». Текст заявления распространялся и в качестве отдельных листовок.

Значительное место в нацистской пропаганде отводилось «поощрению национальных стремлений» отдельных народов. В «Воззвании к гражданскому населению Кавказа» утверждалось: «Германская армия и ее союзники пришли к вам не как поработители, а как освободители всех кавказских народов от ненавистного вам большевистского ярма». В этом документе, как и во многих других обращениях к населению, провозглашалось начало новой жизни: «Мы несем вам право на собственность, уничтожение колхозного строя, свободу труда, свободное развитие национальной культуры и свободу вероисповедания»⁷⁵⁹.

Оккупационная пресса акцентировала внимание на непокорности Кавказа Москве, неоднократно обращалась к драматическим событиям Кавказской войны: движению Шамиля, колонизаторской политике царизма, переселению черкесов за рубеж. При этом утверждалось, что германская армия лишь «следует по пятам» за отступавшим врагом, не имея цели «поработить кавказские народы»⁷⁶⁰. В приказах военного командования неоднократно говорилось о необходимости относиться к жителям Кавказа как к «друзьям немецкого народа», распустить колхозы, уважать честь горской женщины, право собственности, развивать национальные ремесла и кавказские языки.

Стремясь полностью уничтожить следы «господства большевиков» на Северном Кавказе, оккупационные власти сжигали книги, уничтожали библиотеки и избы-читальни, сносили памятники, установленные в годы

советской власти. Прежде всего, уничтожились памятники В.И. Ленину как главные символы советского строя. Так, был разрушен памятник В.И. Ленину в ауле Понежукай Теучежского района ААО, а на его пьедестале сооружена виселица.

Широко использовался в пропагандистских целях и религиозный фактор. Оккупанты объявили о свободе вероисповедания на Северном Кавказе, разрешили открывать церкви, закрытые большевиками. Особое внимание уделялось поддержке ислама, во многих городах и аулах Северного Кавказа появились мечети. Так, в Кисловодске уже через две недели после прихода оккупантов решением городской управы была открыта мечеть⁷⁶¹. В ноябре 1942 г. командующий 1-й танковой армией генерал Э. фон Макензен принял ислам и посещал мечеть в Нальчике.

Стремясь внести раскол в межнациональные отношения на Кавказе, нацистские идеологи пытались доказать общность происхождения того или иного народа с немцами, в частности, обосновывали родство осетин и германцев. Впервые идею о сходстве языка и обычаев германцев и осетин высказал барон А. фон Гакстгаузен еще в середине XIX в. Позже на нее опирались требования отторжения от России областей к северу от Черного моря, высказанные группой германских империалистов на рубеже XIX–XX вв. После 1917 г. эту идею пытались использовать представители осетинской эмиграции А. Кодзаев и Г. Баев, стремившиеся доказать силу и могущество осетин. В нацистской Германии Ф. Риш в комментарии к «Истории монголов» П. Карпини назвал осетин потомками готов, а В. Шульц в одном из журналов только осетин из всех кавказцев именовал арийским народом⁷⁶².

Специальные листовки выпускались на кавказских языках и предназначались как для местных жителей, так и для солдат национальных формирований РККА. В

то же время оккупанты демонстрировали свое расположение к казачеству, подчеркивали его превосходство перед горцами, обещали восстановить сословные привилегии казаков и создать особое «казачье государство». Пытаясь использовать в своих целях идею возрождения казачества, оккупанты воссоздали на Северном Кавказе казачьи отделы во главе с атаманами. О возвращении к старым, дореволюционным порядкам должно было свидетельствовать появление управ и бургомистров, гимназий и полиции, введение обращения «господа». Городские и районные управы переименовывали улицы и населенные пункты, возвращая им дореволюционные названия.

Отдельными объектами пропагандистского воздействия выступали рабочие и крестьяне, молодежь и верующие, интеллигенция и руководящая элита. Так, в газете «Майкопская жизнь» задачи строительства «нового порядка» связывались с образованием нового «ведущего слоя народа», подчеркивалась специфика проблем, существовавших в развитии отдельных социальных слоев советского общества. Крестьянин должен быть освобожден от «колхозного рабства и распоряжаться плодами своего свободного труда». Рабочий – материально обеспечен и поставлен «в культурные бытовые условия жизни». Интеллигенция должна служить не партии, а народу, иметь свободу научной мысли, возможности для знакомства с иностранными научными достижениями⁷⁶³. Специальные пропагандистские материалы адресовались женщинам и девушкам захваченных районов (брошюры «Женщина в Германии», листовки «Как живут женщины в Германии» и др.). Пытаясь привлечь представителей различных слоев населения, оккупанты создавали в городах литературные и агрономические кружки, сельскохозяйственные и

промышленные общества, открывали кафе, варьете, бильярдные, клубы, театры, а также курсы по изучению немецкого языка, призванные охватить в первую очередь этнических немцев⁷⁶⁴.

Наряду с пропагандой на оккупированных территориях Северного Кавказа широко использовался террор. Массовое уничтожение отдельных категорий советского населения предусматривалось нацистской доктриной. В первую очередь это были евреи, политработники, коммунисты, партизаны и все остальные лица, считавшиеся «врагами рейха». Специальное распоряжение Гитлера «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г. требовало беспощадного отношения к гражданскому населению, уничтожения всех, оказывавших сопротивление, их родных и близких. Любому немецкому офицеру на Востоке предоставлялось право осуществлять репрессивные меры, вплоть до расстрела подозреваемых лиц, без всякого судебного разбирательства. С военнослужащих вермахта снималась ответственность за совершение преступлений против местного населения⁷⁶⁵.

Для массового истребления советских граждан германское руководство создало специальные органы: четыре эйнзатцгруппы «А», «В», «С» и «Д», в состав которых входили более мелкие подразделения: эйнзатцкоманды, зондеркоманды, тайлькоманды. Одно из таких подразделений – зондеркоманда СС-10А под руководством оберштурмбаннфюрера СС К. Кристмана, находившаяся в оперативном подчинении эйнзатцгруппы «Д», прибыла на Северный Кавказ из Ростова-на-Дону и расположилась в Краснодаре, а ее филиалы – в Майкопе, Нальчике и других городах. Действуя совместно с немецкими военными частями, зондеркоманда СС-10А занималась розыском и

уничтожением евреев, лиц, заподозренных в связях с партизанами, партийных и советских руководителей, попавших в плен командиров и политработников РККА, осуществляла репрессии против остальных жителей.

Убийства и истязания советских граждан в Нальчике осуществляла специальная команда СД-10 во главе с майором Шифманом при участии отряда жандармерии обер-лейтенанта Шепса⁷⁶⁶. В Майкопе карательные функции выполняла специальная команда СД-11 во главе с офицером Кубяком, его заместителем, начальником экономического отдела Магером, начальником отдела следствия и политической разведки Кланном, комендантом СД-11 Витенбергом, старшим переводчиком и следователем Боска⁷⁶⁷.

К осуществлению репрессий активно привлекались представители местной администрации и полиции. Карательный отряд из 20 бывших советских граждан под руководством Ф. Махно и И. Соломенникова уничтожил в Черкесске 23 сентября 1942 г. более 500 чел., в основном женщин, стариков и детей. По приговорам чрезвычайной комиссии при Карачаевском национальном комитете (в нее входили председатель комитета К. Байрамуков, секретарь А. Хубиев, начальники областной и криминальной полиции М. Лайпанов и А. Абайханов, Х. Алиев) в декабре 1942 г. было расстреляно более 100 советских граждан⁷⁶⁸.

Крайней жестокостью отличалось отношение немецкого командования к советским военнопленным. Систематическому уничтожению подвергались неизлечимые больные, инвалиды. В детских домах курортов Теберды, Нижней Теберды и Нижнего Архыза были уничтожены дети, эвакуированные сюда из Ленинграда, Крыма, Ростова-на-Дону. 500 детей, больных костным туберкулезом, умерли от голода, 147 детей замучили и расстреляли, 54 отравили газом в «душегубке»⁷⁶⁹.

Помимо «организованного» террора как политики истребления жителей оккупированной территории, основанной на специальных приказах германского руководства и осуществлявшейся карательными органами, широкое распространение получили «неорганизованные» репрессии – насилие отдельных немецких военнослужащих и полицейских против населения. В результате пытки, издевательства, изнасилования, грабежи стали систематическим явлением на оккупированной территории. Являясь в определенной степени результатом морального разложения войск вермахта, они следовали из официальной нацистской политики и идеологии. Любой немецкий солдат мог практически беспрепятственно и безнаказанно убивать, насиловать, грабить в оккупированных районах. Например, в селении Сурх-Дигора Ирафского района Северной Осетии оккупанты убили 12 чел. только за то, что они протестовали против разграбления их имущества⁷⁷⁰.

Репрессии усиливали ненависть к оккупантам, но все формы недовольства жестко подавлялись. Когда школьнице из Алагира комсомолке Ч. Басиевой в ноябре 1942 г. предложили сотрудничать в местной газете, она ответила: «Я дочь советского народа, и на немцев, на своих заклятых врагов, работать не буду. Моя ненависть к врагам моей Родины сильнее всякой смерти. Я ненавижу вас!» В начале декабря ее с братом и матерью казнили⁷⁷¹. Репрессии обостряли и действия партизан: не в силах справиться с ними, оккупанты нередко совершали расправы над мирными жителями. Так, по подозрению в сочувствии к партизанам были расстреляны У. Джатдоев, М. Хубиев, Я. Чомаев в ауле Джага⁷⁷². В Микоян-Шахаре обер-лейтенант О. Вебер приказал расстрелять около 300 чел. по подозрению в связях с партизанами⁷⁷³.

Всего за период оккупации в Майкопе оккупанты уничтожили 3 тыс. чел., в Кошехабльском районе – 400 чел., в Адыгейской автономной области в целом – свыше 4 тыс. чел.⁷⁷⁴ В Карачаевской автономной области, по предварительным подсчетам, произведенным к 9 июня 1943 г., было уничтожено 4,5 тыс. чел.⁷⁷⁵ Согласно уточненным данным, приведенным в телеграмме Ставропольского крайкома ВКП(б) и крайисполкома Карачаевскому обкому партии 26 июня 1943 г., оккупанты замучили и убили 6 тыс. «карачаевцев, абазин, русских, осетин – лучших и преданных Советской Родине людей»⁷⁷⁶. В Черкесской автономной области захватчики расстреляли более 3 тыс. чел.⁷⁷⁷ В Кабардино-Балкарии было убито, замучено, казнено более 2 тыс. мирных граждан⁷⁷⁸. В Северной Осетии в концлагере на берегу реки Дур-Дур в Дигорском районе оккупанты уничтожили 2 тыс. чел. Кроме того, было расстреляно 128 мирных жителей, 1323 чел. погибло от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов, 781 чел. ранен⁷⁷⁹.

Таким образом, оккупанты использовали в захваченных районах Северного Кавказа широкий круг средств и методов управления. Важнейшее место среди них занимала пропаганда. На пропаганду возлагались задачи обеспечить лояльность населения, создать социальную опору режиму. Осуществлению пропаганды предшествовала серьезная и длительная подготовка. Она включала создание специальных пропагандистских органов, разработку программ пропагандистских мероприятий. К пропагандистской работе среди населения захваченных областей привлекались практически все кадры оккупационной администрации.

На оккупированной территории Северного Кавказа использовались различные пропагандистские средства, но решающее значение имели печатные, особенно

пресса, выполнявшая, наряду с приказами и объявлениями, роль главного источника официальной информации.

Анализ оккупационной прессы показал, что в основе пропаганды лежала критика советского режима, особое внимание уделялось трагическим событиям советской истории. Политике советской власти противопоставлялись действия германских руководителей. Население призывалось к сотрудничеству с оккупантами для успешного развития региона.

Изучение источников свидетельствует о том, что пропаганда оккупантов на Северном Кавказе имела дифференцированный характер, была активна, решительна, даже агрессивна, многие выдвигаемые лозунги – понятны и доступны населению. Стремясь обеспечить поддержку различных социальных слоев, оккупационные власти использовали различные средства и приемы: поощряли развитие национальных и религиозных чувств, возрождали старые порядки и уничтожали советскую символику, обещали ликвидировать колхозы и создать условия для свободного развития региона.

В то же время развитие нацистской пропаганды на Северном Кавказе столкнулось с рядом трудностей. Сообщения о взятии Москвы и Сталинграда опровергались листовками партизан и подпольщиков. Пропагандистские органы испытывали недостаток в оборудовании, кадрах, хорошо владевших языками народов Северного Кавказа. Но главной причиной невысокой результативности нацистской пропаганды оказался сам характер германской политики в захваченных областях. В донесении начальника полиции и СД о положении дел на Северном Кавказе осенью 1942 г. указывалось, что на настроение местных жителей особенно отрицательно действовала разница

между пропагандистскими лозунгами и действительностью. Кроме того, в результате действий партизан население чувствовало «угрозу своей жизни, имуществу, безопасности, теряло уверенность в отношениях с немецкими войсками». Свою роль играли и противоположные распоряжения различных служебных инстанций, а также «неумное поведение неподготовленных в национальной политике немецких персон», которое омрачало или разрушало «созданные отношения доверия»⁷⁸⁰.

Широкий размах на Северном Кавказе, как и в других советских областях, получил террор. Эскалация насилия на оккупированной территории Северного Кавказа не являлась случайным явлением. Репрессии порождались целями и характером войны, произвол был заложен в самой системе управления захваченной территорией. Расширению масштабов репрессий способствовали факторы идеологического порядка, а также действия партизан. В итоге различные средства и методы управления, призванные дополнять друг друга, пришли в очевидное противоречие.

3

Социально-экономическая политика оккупантов и ее итоги

Надеясь на «блицкриг», руководство Германии первоначально не рассчитывало использовать экономику оккупированных советских территорий во время войны. Предполагалось лишь захватить готовую продукцию и сырье, взять на учет предприятия, обеспечив их охрану до прекращения боевых действий. Срыв планов «молниеносной войны» поставил перед немецким командованием целый ряд новых вопросов, связанных с необходимостью ремонта техники, снабжения частей вермахта топливом, а солдат и офицеров – продовольствием и предметами первой необходимости. Дополнительных ресурсов требовало развитие экономики Германии, испытывавшей с самого начала войны серьезные трудности в снабжении топливом и некоторыми видами сырья. Рассматривая оккупированные территории в качестве главного источника любых видов ресурсов, германское руководство было вынуждено внести соответствующие коррективы в свои экономические программы. Через месяц после начала войны, 28 июля 1941 г., Геринг утверждал, что «не нужно чинить никаких препятствий солдатам, если они по собственной инициативе снабжают себя». Но уже в сентябре 1941 г. он осудил «дополнительные реквизиции» в тыловых районах, призвав воспитывать войска «в духе бережливости и порядка»⁷⁸¹.

Немало споров вызывали перспективы хозяйственного развития оккупированных советских областей. В самой Германии производство и потребление как промышленной, так и

сельскохозяйственной продукции контролировалось государством при сохранении частнособственнических отношений. Однако многие руководители страны и крупные предприниматели говорили о необходимости преобразовать советскую государственную экономику в частную. На этом, в частности, настаивала хозяйственная группа «Металлургическая промышленность». «Большевистские хозяйственные формы противоречат национал-социалистическим принципам, гласящим, что высшее достижение народного хозяйства создается только при широкой личной ответственности хозяйничающих людей и на почве частной собственности», – говорилось в «Коричневой папке»⁷⁸². Геринг заявил, что он в принципе отвергает «все, относившееся к большевистской системе», в том числе и колхозы. Однако время для соответствующих преобразований еще не пришло⁷⁸³.

Декларируя принципы свободы рыночных отношений и частной инициативы, германские руководители осознавали, что немедленное восстановление частной земельной собственности в оккупированных советских областях грозило срывом планов продовольственного снабжения за их счет. Поэтому еще в «Зеленой папке» обосновывалась необходимость сохранения большей части крупных сельскохозяйственных предприятий на советской территории ввиду «отсутствия инструментов и машин для восстановления мелких крестьянских хозяйств»⁷⁸⁴.

Осуществлявшаяся на оккупированных советских территориях аграрная политика претерпела серьезную эволюцию. На первом этапе колхозы и совхозы сохранялись на захваченной территории под контролем немецких властей. Но урожай 1941 г. не мог удовлетворить оккупантов. Поэтому в феврале 1942 г. Розенберг утвердил «Закон о новом аграрном порядке»

для оккупированных областей, согласно которому колхозы преобразовывались в «общинные хозяйства» как переходную форму от коллективного землепользования к единоличному.

В «общинных хозяйствах» предполагалась совместная обработка земли всеми трудоспособными членами. Частной собственностью крестьян объявлялись приусадебные участки, которые следовало использовать для разведения овощей, фруктов, корнеплодов и особенно для развития животноводства. При наделении приусадебными участками преимущества получали «старожилы селения», показавшие себя хорошими работниками и располагавшие рабочей силой для обработки земли, а также раскулаченные. Руководитель «общинного хозяйства» нес ответственность за выполнение поставок перед оккупационными властями.

Имущество совхозов и МТС переходило в собственность Германии. Совхозы преобразовывались в государственные (земские) хозяйства или имения, а МТС – в сельскохозяйственные базы. Технически оснащенным хозяйствам, выполнявшим обязательства по поставкам, оккупационные власти обещали переход к единоличному землепользованию. При этом земля делилась на полосы в каждом поле севооборота с последующим образованием земледельческого товарищества. Тягловый скот и сельскохозяйственные орудия подлежали разделу, машины и трактора оставались в собственности МТС или товарищества. Пахота и посев производились совместно, затем межи восстанавливались, и крестьяне обрабатывали наделы самостоятельно. К наделению землей не допускались «политически неблагонадежные», не выполнявшие поставки и неспособные к ведению единоличного хозяйства крестьяне. Самовольный раздел земли воспрещался. «Способным и трудолюбивым крестьянам, доказавшим свою хозяйственность», разрешалось

предоставление земли в единоличное пользование с образованием хуторов или отрубов⁷⁸⁵.

При отсутствии реальных технических возможностей для расширения сельскохозяйственного производства оккупанты сохранили коллективную обработку земли в качестве основной формы ведения хозяйства. «Новый аграрный закон» Розенберга, декларировавший иные принципы хозяйствования, имел прежде всего политическое значение и не привел к серьезным изменениям в сложившейся хозяйственной структуре. В условиях разрушенного хозяйства немногие колхозы и колхозники могли претендовать на переход к единоличному землепользованию.

В соответствии с принятыми директивами продовольственное снабжение войск вермахта на оккупированной территории Северного Кавказа контролировали немецкие учреждения. Сельскохозяйственные комендатуры и районные сельхозуправления жестко регламентировали порядок и график проведения всех сельскохозяйственных работ. Они определяли каждому хозяйству сроки уборочных и посевных работ, общий план посева и нормы высева на гектар, порядок распределения зерновых фондов и проведения мероприятий по борьбе с грызунами и другими полевыми вредителями, организацию ремонта помещений и заготовки кормов на зиму. Старосты и агрономы должны были отчитываться по многим показателям.

Первые распоряжения оккупационных властей в области сельского хозяйства требовали продолжения работы колхозов и МТС региона. После восстановления тракторов и машин все ремонтные мастерские предполагалось перевести на хозрасчет, с оплатой ремонта и эксплуатации машинно-тракторного парка, включая стоимость горючего, самими колхозами. Уполномоченные районов и МТС обязывались в

пятидневный срок представлять в краевое сельскохозяйственное управление заявки на требовавшееся количество горючего для выполнения работ. В колхозах сохранялась существовавшая система организации полеводческих и животноводческих бригад и прежняя система оплаты труда. Оккупанты призывали обратить все внимание на немедленное окончание уборки хлебов, организацию подготовки и проведения осеннего сева⁷⁸⁶.

Средние нормы обязательных ежегодных продовольственных поставок населения оккупированных областей СССР составляли: 3–4 ц зерновых культур с 1 га, 350 л молока с коровы, 100 кг свинины и 6 кг кур с двора, 35 яиц с курицы, 1,5 кг шерсти с овцы⁷⁸⁷. Чтобы обеспечить потребности германской армии в яйце и птице, военно-хозяйственная инспекция Кавказа обязала сдавать колхозы и совхозы региона яйца и отбракованную зоотехниками и ветеринарами птицу, а колхозников, частных владельцев и работников совхозов – по 10 яиц от каждой курицы и всю птицу, за исключением оставленной для разведения⁷⁸⁸. В отдельных районах вводились обязательные поставки винограда, бахчевых культур и других продуктов. На сельскохозяйственную продукцию устанавливались «твердые» закупочные цены, намного ниже не только рыночных, но и установленных розничных цен. От обязательных поставок освобождались инвалиды, пожилые мужчины и женщины при отсутствии других трудоспособных членов семьи, многодетные семьи, сельские специалисты. Но вводились обязательные поставки для жен красноармейцев.

Однако сельское хозяйство оккупированных районов значительно пострадало в результате боевых действий и эвакуации. Существенно сократилось и поголовье скота. Оставшийся на оккупированной территории скот, особенно тягловый, находился в крайне истощенном

состоянии. В результате выполнение сельскохозяйственных поставок в период оккупации столкнулось с серьезными трудностями объективного порядка.

20 декабря 1942 г. на оккупированную территорию Северного Кавказа распространилось действие «аграрного закона» Розенберга. Это мероприятие широко пропагандировалось. Так, в Майкопе в помещении кинотеатра «Пантеон» состоялся праздник, посвященный «ликвидации колхозов», на котором присутствовали представители немецкого командования, сотрудники городской и районной управ, агрономы и крестьяне. С приветственной речью выступил ортскомендант города майор Лангерфельд, объяснивший, что теперь крестьян ожидает приобщение к европейской культуре. Сельскохозяйственный комендант района и областной инспектор сельского хозяйства обер-лейтенант Бук довел до сведения присутствовавших основные положения реформы, вручил дипломы агрономам, управляющим государственными хозяйствами и крестьянам «за самоотверженную работу». Награжденные получили коров и земельные наделы. Встречу завершило выступление хора кубанских казаков. Городская газета охарактеризовала 20 декабря как «день торжества и ликования»⁷⁸⁹. Однако к серьезным изменениям в хозяйственной жизни региона преобразование колхозов в «общинные», а совхозов в государственные хозяйства не привело, да и не могло привести, так как через десять дней началось наступление советских войск на Кавказе.

Переход к затяжной войне заставил германское руководство отказаться и от прежних планов ликвидации советской промышленности. Специальная директива Розенберга «Обязательное постановление о восстановлении промышленного хозяйства во вновь

занятых восточных областях» от 23 января 1942 г. предусматривала восстановление и интенсивное использование предприятий тяжелой промышленности. Здесь же указывалось на необходимость продовольственного снабжения населения, работавшего «на немецкие военно-хозяйственные интересы»⁷⁹⁰.

Одной из важнейших отраслей в экономике региона являлась нефтяная промышленность. Специальное постановление главнокомандующего германскими войсками на Кавказе 15 ноября 1942 г. требовало взять на учет все запасы нефти и нефтепродуктов (бензина, керосина, машинных масел, мазута, парафина, битума и др.). Их владельцам следовало до 1 января 1943 г. подать письменные заявления о своих запасах в немецкие военно-хозяйственные органы или комендатуры. В ином случае они подлежали конфискации. Выдача горючего и нефтепродуктов разрешалась только с ведома военно-хозяйственных органов, а бензина – по распоряжению полевых комендатур⁷⁹¹. Прибывшая вслед за немецкими войсками хозяйственная команда верховного военного управления «Викдо» занималась преимущественно захватом сырья и промышленных товаров на складах, предприятиях и других объектах⁷⁹².

Активное участие в эксплуатации природных ресурсов оккупированных областей приняли германские концерны. Приказ Геринга от 27 июля 1941 г. все управление сельскохозяйственным производством, металлургической, нефтяной, угледобывающей, текстильной и другими отраслями промышленности передал «специально организованным монопольным обществам»⁷⁹³. Вопросами эксплуатации советских нефтяных месторождений занималась учрежденная 27 марта 1941 г. акционерная компания «Континентальное нефтяное общество», подчинившая себе нефтяные кампании Франции, Бельгии и нефтепромыслы Румынии.

Учредителями «Континентального нефтяного общества» стали «Дрезденер Банк», «Рейхскредитгезельшафт» и «Берлинер Гандельсгезельшафт», а представителем наблюдательного совета – имперский министр экономики В. Функ. На общество возлагалась задача стать представителем германской нефтяной промышленности. «Континентальное нефтяное общество» получило в захваченных областях СССР монопольное право на разведку, добычу, переработку и сбыт нефти, природных газов и их производных, на сооружение и эксплуатацию всех необходимых подсобных и вспомогательных предприятий сроком на 99 лет. В его распоряжение передавались все сооружения и имущество, включая средства транспортировки нефти в оккупированных районах СССР⁷⁹⁴. Для использования нефтяных источников Кавказа была основана его дочерняя кампания «Восточное нефтяное общество» с капиталом в 100 тысяч рейхсмарок⁷⁹⁵.

Задача возобновления добычи нефти на Кавказе возлагалась на специально созданную экономическую инспекцию А, которую возглавил генерал-лейтенант Ниденфюр. Ему временно подчинялись экономические управления Ростова-на-Дону, Краснодара, Майкопа, Пятигорска и Нальчика. Вслед за немецкими войсками продвигалась отдельная техническая бригада по добыче нефти (К) в составе трех батальонов под командованием генерал-лейтенанта Хомбурга⁷⁹⁶. Однако попытки восстановить добычу майкопской нефти не привели к успеху. Главными причинами этого оказались саботаж рабочих и действия партизан. После изучения состояния нефтепромыслов в районе Майкопа немецкие специалисты пришли к выводу, что «было бы целесообразным использовать подготовленное для Кавказа оборудование в Румынии или в районе Вены, чем в Майкопе»⁷⁹⁷. Лишь ценой огромных усилий

оккупантам удалось добыть на Хадыженских и Ильских промыслах около 10 тыс. т нефти, или 0,45 % от годовой добычи в 1940 г.⁷⁹⁸ Однако и эту нефть большей частью уничтожили партизаны, а ее остатки так и не были переработаны.

При министерстве по делам оккупированных восточных территорий возникло специальное «Общество обеспечения немецких капиталовложений» с задачей оказания помощи предприятиям, пострадавшим от разрушений. Уже к августу 1942 г. оно поставило на оккупированную советскую территорию промышленное оборудование на общую сумму в 45 млн рейхсмарок⁷⁹⁹. В Майкопе немецкое командование восстановило дубзавод и винокуренный завод⁸⁰⁰. Но часть восстановленных предприятий перешла на изготовление продукции, требовавшей менее высокой квалификации работников. Так, Майкопский комбинат «Лесомебель», выпускавший до войны гнутую мебель, стал изготавливать гробы и кресты для немецких солдат.

Оккупационные власти заявили о своем покровительстве частному предпринимательству. Обычно хозяйственные инициативы не встречали серьезных административных препятствий, особенно если предприниматель выражал желание выполнять заказы частей вермахта. Всем лицам и организациям, желавшим открыть «разного рода торгово-промышленные заведения, мастерские, магазины, ларьки, киоски, а также кустарям-ремесленникам разных специальностей» следовало зарегистрироваться и приобрести патент или регистрационное удостоверение в финансово-налоговом отделе управы. В ином случае их ожидало наказание в виде штрафа с последующим приобретением патента⁸⁰¹.

Оккупанты рассчитывали, что кустарная промышленность не только обеспечит выполнение военных заказов, но и насытит местный рынок товарами

широкого потребления, что позволило бы частично удовлетворить спрос на предметы повседневного обихода и стимулировать сельскохозяйственное производство. Эти надежды не оправдались. Тем не менее многие жители, особенно рабочие и служащие, не видевшие других возможностей для приобретения средств существования, стали заниматься кустарными ремеслами: пошивом одежды и обуви, выпечкой хлеба и т. п. Появились и частные магазины, в которых торговали, главным образом, шляпами, пуговицами и косметикой.

В качестве основных платежных средств на оккупированной территории Северного Кавказа использовались оккупационные марки и советские рубли: 1 оккупационная марка приравнивалась к 10 руб. С восстановлением хозяйственной деятельности между предприятиями и учреждениями вводилась безналичная форма расчетов, а деньги сдавались в городские банки или районные кассы.

Пытались оккупационные власти регулировать и ценообразование. Однако рыночные цены на продукты и предметы первой необходимости намного превосходили установленные властями цены. Отсутствие необходимых товаров в торговой сети, инфляция и реквизиции привели к широкой спекуляции, развитию натурального хозяйства и прямого обмена в условиях низких денежных заработков и катастрофического положения с продовольствием. Главными предметами обмена выступали одежда и обувь, которые горожане обменивали сельским жителям на продукты питания. Оккупанты категорически запрещали меновую торговлю, в целях «изжития спекуляции», угрожая нарушителям конфискацией имущества и штрафами, а впоследствии стали ограничивать и рыночную торговлю в целом. Однако подобные запреты не всегда

оказывались действенными. Сами солдаты вермахта порой участвовали в натуральном обмене.

Интересы вермахта требовали возобновления работы транспорта, но многие пути сообщения были разрушены в результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов. С целью их восстановления оккупационные власти пытались привлечь к работе железнодорожников, специалистов и квалифицированных рабочих. Для проведения ремонтных работ власти высылали разнарядки сельским старостам на мобилизацию лошадей, подвод, жителей с собственным пропитанием и инвентарем. Для обеспечения перевозок все машины, лошади и транспортные средства (брички, арбы, дроги, сани, тачанки) регистрировались в транспортном управлении. Владельцев подвод обязали ежедневно являться на работу. Возчики получали еженедельную зарплату и пропуск для выезда за пределы города⁸⁰². Но задачи восстановления транспортной сети в немалой степени срывали партизаны, наносившие значительные удары по коммуникациям противника.

Оккупационные власти запрещали старостам и управляющим выдавать продукцию без специального разрешения. Однако немецкие военнослужащие не считались с данными запретами. Немецкое командование, официально осуждавшее мародерство солдат, на практике редко наказывало их за подобные поступки. В результате действия военнослужащих, пренебрегавших решениями хозяйственных органов и гражданской администрации, часто принимали форму открытого грабежа. Даже командиры частей вермахта не считали необходимым соблюдать «формальности» при изъятии продукции.

Довоенные планы германского руководства не относили советское население к числу «трофеев». Однако уже летом 1941 г. в военном производстве

Германии не хватало 800 тыс. рабочих рук. Поэтому германские руководители приняли решение заменить немецких рабочих военнопленными и жителями оккупированных стран, в том числе советскими гражданами, получившими наименование «остарбайтеров» («восточных рабочих») или просто «остовцев». 31 октября 1941 г. Гитлер отдал приказ о широком использовании русских военнопленных на работах в Германии, распространявшийся и на гражданских лиц. В январе 1942 г. с оккупированных территорий СССР отправился первый официальный транспорт с «остовцами». В Германии была введена специальная должность генерального уполномоченного по трудовым ресурсам, на которую назначили гауляйтера Тюрингии Ф. Заукеля. Летом и осенью 1942 г. вывоз восточных рабочих в Германию достиг максимального количества, затем несколько снизился.

Первоначально ведомство Заукеля в оккупированных областях пыталось использовать методы добровольной вербовки. Однако число добровольцев оказалось слишком незначительно в сравнении с требовавшимся их количеством. Поэтому оккупанты стали применять методы принудительной мобилизации. Порой ничего не подозревавших людей захватывали во время облав, не давая возможности собрать в дорогу необходимые одежду и еду. Всего в Германию и оккупированные ею страны на работы было вывезено 1659 чел. из Северной Осетии⁸⁰³, 400 чел. из Черкесии⁸⁰⁴.

До начала войны германское руководство планировало сократить численность советского населения, а одним из средств достижения данной цели считало сведение к минимуму его потребностей. Тем не менее задачи пропаганды, потребности использования ресурсов оккупированных территорий, попытки создания массовой поддержки «новому порядку»

вызвали необходимость проведения мероприятий в социальной сфере.

В первую очередь регулировался порядок труда в оккупированных областях. 28 июля 1941 г. министр вооружений и боеприпасов Ф. Тодт по требованию начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии В. Кейтеля запретил оплачивать труд рабочих в прифронтовых районах захваченных советских областей. Он предложил использовать советских граждан на военно-строительных работах в интересах вермахта в порядке трудовой и гужевой повинности лишь за «скромное питание»⁸⁰⁵. 5 августа Розенберг издал распоряжение о введении обязательной трудовой повинности на оккупированных советских территориях⁸⁰⁶. В соответствии с принятыми директивами население оккупированной территории Северного Кавказа использовалось на строительстве дорог и оборонительных укреплений, окопов и блиндажей без всякого вознаграждения. По распоряжениям комендантов и управ работавшие граждане должны были вернуться на свои рабочие места. Остальных жителей привлекали к выполнению различных работ через биржи труда.

Снабжение жителей Северного Кавказа серьезно ухудшилось в период оккупации. В особо тяжелых условиях оказались горожане. Зарплата теряла свое значение как основной источник средств существования, да и она на ряде предприятий выдавалась лишь изредка. Сельские жители имели больше возможностей для удовлетворения своих потребностей в продовольствии, но значительную часть продуктов крестьяне сдавали в счет обязательных поставок, которым нередко сопутствовали реквизиции и прямой грабеж со стороны солдат вермахта. В привилегированном положении по сравнению с основной

массой населения оккупированных районов находились представители местной администрации и полиции. Они получали стабильную зарплату, продовольственные пайки, имели другие преимущества.

В целом на Северном Кавказе продовольственная ситуация в период оккупации оказалась несколько лучше, чем, например, в центральных или северо-западных районах РСФСР, прежде всего благодаря природно-климатическим условиям региона, а также кратковременности оккупации. Однако и здесь значительная часть жителей, особенно поздней осенью и зимой, испытывала трудности в обеспечении продуктами питания. В разряд дефицитных товаров попали мыло, спички, другие предметы первой необходимости, а также одежда и обувь.

Социальная политика оккупантов имела четко выраженную направленность. При отделах социального обеспечения и благотворительности управ создавались специальные бюро помощи гражданам, репрессированным в годы советской власти. В их функции входило составление списков репрессированных, обследование состояния тех, кто претендовал на помощь, предоставление продовольствия и топлива, трудоустройство, выдача ордеров на жилье, назначение пенсий и единовременных пособий. Однако оккупанты не спешили с возвращением собственности бывшим владельцам.

Материальное положение населения ухудшала система налогов, введенная оккупационными властями. Все денежные налоги на оккупированных территориях делились на общие и местные. К первым относились налоги с оборота товаров, на заработную плату и подоходный налог. Налог с оборота, рассматривавшийся оккупантами в качестве главного источника денежных поступлений, взимался с производителей или продавцов

в размере 4 % от суммы продажи или 2,5 % от валового оборота. От уплаты освобождались мастерские, удовлетворявшие заказы вермахта. Подоходный налог и налог на заработную плату взимались в размере 10 % от суммы поступлений. Минимальная сумма, не подлежавшая налогообложению, составляла 200 руб. в месяц (50 руб. в неделю или 6,66 руб. в день). От уплаты данных налогов освобождались крестьяне и «общинные хозяйства». Половина собранной суммы общих налогов поступала районному или городскому правлению, другая половина – военному командованию⁸⁰⁷. Местные органы власти вводили свои собственные налоги. Так, в Малокарачаевском районе был введен налог на собак: граждане, имевшие их, платили 50 руб., не имевшие – 100 руб.⁸⁰⁸ Неуплата налогов грозила нарушителю строгим наказанием – от денежного штрафа до расстрела.

Изменились размеры налогов с гражданских сделок. Оккупационные власти уменьшили налог на наследство, отменили налог на дарение, сократили налоги для частных домовладельцев, оставив размер земельной ренты на прежнем уровне. Участки и здания сельскохозяйственного или общественного назначения налогом не облагались. В сложившейся системе налогообложения преимущества получили сотрудничавшие с вермахтом частные предприниматели, крупные домовладельцы и землевладельцы, однако их на оккупированной территории насчитывалось немного. Снизились налоги со служителей религиозных культов, чьи доходы квалифицировались при советской власти как «нетрудовые» и облагались налогами с 40 %-й надбавкой⁸⁰⁹. В то же время для значительной части населения условия налогообложения ухудшились. Сократилось и количество бесплатных услуг населению. В наиболее тяжелом положении находились лица,

ограниченные в возможности самостоятельного обеспечения в силу возраста или иных причин – дети, престарелые, инвалиды и другие категории нетрудоспособного населения, находившиеся на государственном обеспечении.

Перед своим отступлением оккупанты пытались вывезти или уничтожить имущество предприятий, учреждений и граждан. В Майкопе были уничтожены комбинат «Лесомебель», дубзавод, электростанция, ферментационный завод, железнодорожный вокзал, разрушены и сожжены другие предприятия⁸¹⁰. Разрушения могли оказаться и большими, с этой целью действовали специальные команды «поджигателей», однако рабочие и служащие сумели спасти часть оборудования. Ущерб Адыгеи за период оккупации превысил 1 млрд руб., в Северной Осетии составил 1,5 млрд руб.⁸¹¹, в Кабардино-Балкарии – 1428 млн руб., в Черкесии – 489,7 млн руб.⁸¹²

В целом социально-экономическая политика оккупантов на Северном Кавказе складывалась под воздействием ряда факторов, важнейшими из которых являлось обеспечение сырьем и продовольствием германской армии и промышленности, а также пропагандистские задачи. В результате оккупационные власти существенное значение придавали мероприятиям, призванным способствовать нормализации хозяйственной жизни региона: развитию частного предпринимательства, восстановлению промышленности и транспортной сети, контролю над денежным обращением и ценообразованием. В решении этих задач были заинтересованы сами оккупанты. В то же время данный курс в определенной степени отвечал и интересам населения региона.

Однако при осуществлении социально-экономической политики оккупационные власти столкнулись с серьезными трудностями объективного

порядка. Эвакуация и боевые действия нанесли существенный материальный ущерб народному хозяйству. Восстановление разрушенного хозяйства требовало значительных капиталовложений и обновления материально-технических средств. Попытки нормализовать хозяйственную жизнь, наладить работу предприятий, финансовых учреждений, транспорта, стабилизировать цены не получали серьезной материальной поддержки и не могли иметь успеха.

С другой стороны, экономической стабилизации противоречили действия самих оккупантов. Действия многих военнослужащих и частей вермахта превращались в открытый грабеж. Важную роль в срыве хозяйственных планов германского руководства сыграли действия партизан и подпольщиков, саботаж населением решений оккупационных властей. В целом экономическое развитие региона в период оккупации характеризовалось сокращением промышленного и сельскохозяйственного производства. Лишенная перспектив и сопровождавшаяся репрессиями, экономическая политика порождала массовое недовольство и дестабилизировала оккупационный режим в целом.

4

Коллаборационизм на Северном Кавказе

Сотрудничество советских граждан с оккупантами имело широкий характер на захваченной территории СССР. Причины коллаборационизма носят разнообразный характер, различаются и мотивы, толкнувшие людей на путь сотрудничества с оккупантами. Среди них – и честолюбие, и стремление к обогащению, и недовольство существовавшими в стране порядками. Накануне войны в СССР насчитывалось немало людей, в той или иной мере не согласных с действиями его руководства или пострадавших от них. Революция и Гражданская война, коллективизация и раскулачивание, национальная и религиозная политика, массовые репрессии и депортации создавали достаточно причин для недовольства советским режимом, нередко принимавшего форму открытого антисоветского движения.

Ситуация на Северном Кавказе продолжала оставаться напряженной и в годы войны, сопровождавшейся ухудшением материального положения, ужесточением режима, мобилизацией на фронт. Продвижение немецких войск к Кавказу вызывало новые репрессии, аресты и депортации. В результате многие жители региона – выходцы из зажиточных слоев, воевавшие в годы Гражданской войны против большевиков, участники антисоветских движений, раскулаченные, а также члены их семей оказались в рядах коллаборационистов. Противостояние с советским режимом у части из них скрывалось до оккупации за внешним конформизмом, многие рассчитывали на изменение существовавших порядков

при помощи немцев и сознательно пошли на сотрудничество с оккупантами.

В частности, из представителей именно такой социальной среды в большинстве своем был сформирован Карачаевский национальный комитет во главе со старшиной Карачая К. Байрамуковым и Черкесская управа во главе с А. Якубовским. Став на путь открытой борьбы против советской власти, они ушли вместе с немцами при их отступлении с Северного Кавказа. Член Карачаевского национального комитета М. Лайпанов позже служил заместителем начальника Бешуйской разведывательной школы в Крыму. Заместитель руководителя Черкесской управы М. Дышеков создал в Мелитополе карательный отряд, впоследствии действовавший против белорусских и итальянских партизан⁸¹³.

В первые же дни немецкой оккупации в Нальчике «с целью наладить нормальную жизнь, с разрешения германского командования» было создано «правительство», представлявшее интересы «кабардино-балкарского народа». В опубликованном воззвании к кабардинцам и балкарцам оно обещало роспуск колхозов, возвращение скота владельцам, а земли – крестьянам. «Правительство» состояло из 7 чел. во главе со знатым дворянином С.Т. Шадовым, работавшим в 1920-х гг. следователем областной прокуратуры, а перед оккупацией республики – адвокатом. В него также входили дворяне Д.З. Тавкешев и Б.М. Шаков (до оккупации работал начальником планового отдела «Заготзерно»), выходцы из кулацких семей К.С. Бештоков, участник Баксанского восстания, дезертировавший из РККА, добровольно перешедший на сторону противника и окончивший разведшколу в Берлине, А.Х. Пшуков, в 1937 г. осужденный за контрреволюционную деятельность на десять лет лишения свободы⁸¹⁴. В ходе освобождения территории

Северного Кавказа все они ушли вместе с отступавшим противником.

Служба в административных учреждениях и полиции представлялась также хорошей возможностью для обогащения и реализации различных жизненных планов: удовлетворения личных и профессиональных амбиций, карьерных побуждений, сведения счетов и т. д. Она обещала покровительство и защиту оккупационных властей. Именно эти причины в значительной степени объясняют приток добровольцев на различные административные должности. Многие хозяйственные руководители и служащие советского аппарата продолжали работать на тех же должностях или выполнять близкие своим прежним служебные обязанности, преподаватели немецкого языка нередко служили переводчиками в комендатуре⁸¹⁵.

При анализе мотивов коллаборационизма следует учитывать растерянность и страх, охватившие часть населения в результате неожиданной оккупации региона. Оказавшись в критической ситуации, многие жители, в том числе и коммунисты, увидели в коллаборационизме реальный шанс для спасения себя и своей семьи от физической расправы, голода и лишений. Майкопский коммунист Брантов, став заведующим районным финансовым отделом, «собрал 1 миллион денег у населения для немцев»⁸¹⁶. В Шовгеновском районе ААО из 185 членов и кандидатов партии на оккупированной территории осталось 97 чел., 49 впоследствии исключили «за активную работу на оккупантов, измену Родине и предательство»⁸¹⁷. Дезертировали из партизанского отряда и добровольцами вступили в немецкую армию коммунисты уполномоченный уголовного розыска А.А. Хакунов и районный прокурор Шовгеновского района ААО А.Я. Хуштоков⁸¹⁸. Несмотря на предоставленный для эвакуации транспорт, самовольно остался в ауле Старый

Бжегокай ААО редактор Тахтамукайской районной газеты «За сталинский урожай» Г.А. Барчо, член ВКП(б) с 1927 г. При допросе признался в работе в редакции и членстве в партии, а затем, по заданию оккупантов, исполнял обязанности эфенди в мечети⁸¹⁹.

Не сумели эвакуироваться многие коммунисты и в других автономиях. В Карачае на оккупированной территории осталось 93,5 % членов Усть-Джегутинской, 69,6 % Малокарачаевской, 95 % Учкуланской, 86,2 % Зеленчукской, 69,8 % Микояновской районных партийных организаций⁸²⁰. Всего 565 чел., из них после освобождения 97 чел. были исключены, на 49 чел. наложено взыскание⁸²¹.

В ряде районных партийных организаций КБАССР – Урванской, Лескенской – на оккупированной территории осталось до 90 % коммунистов вместе с секретарями райкомов ВКП(б). Из 2209 коммунистов Кабардино-Балкарии, остававшихся на оккупированной территории, впоследствии 1005 чел. были исключены из партии, а 72 чел. ушли добровольно с немцами, включая 14 секретарей первичных партийных организаций и 12 председателей сельсоветов. Среди них – уполномоченный Урванского районного отдела НКВД Хупсарганов, уполномоченный Наркомата заготовок Зольского района Вороков, начальник Чегемского районного земельного отдела Жантуев и другие работники советских учреждений⁸²².

В Ирафском районе Северной Осетии на захваченной противником территории находилось свыше 50 % членов партийной организации, а всего в республике в оккупации осталось 485 коммунистов. 22 чел. ушли добровольно с немцами, 48 чел. с семьями были угнаны насильственно, 19 чел. сдали свои партийные документы оккупантам, а 318 коммунистов уничтожили или утратили их⁸²³. В Алагирском районе СОАССР

заведующий городским коммунальным хозяйством Кайтуков отказался идти в партизаны, работал полицейским и ушел с немцами, в Кировском районе полицейскими служили коммунисты Дзодзаев и Ханикеев, в Дигорском – старостами и полицейскими – Год заев, Аркаев, Абаев, Токаев⁸²⁴.

В итоге в числе коллаборационистов по разным мотивам оказались представители самых различных социальных слоев – от прежних руководителей партийных, советских, хозяйственных органов и рядовых коммунистов до политических противников советской власти, а также уголовных преступников, осужденных за убийства, взяточничество, хищения. Идеинные побуждения и страх перед оккупантами, с одной стороны, угроза физической расправы со стороны партизан и растущее недовольство оккупационной политикой – с другой оказывали влияние на отношение коллаборационистов к выполнению своих служебных обязанностей. Часть из них «верой и правдой» служила новым властям, осуществляя репрессии против мирных жителей. Начальником полиции Кабардино-Балкарии стал бывший заместитель начальника конторы связи Зольского района Титов, не успевший или не пожелавший эвакуироваться. Он лично участвовал в допросах и расстрелах партизан – председателя колхоза им. Розы Люксембург Ц. Кудоева и других коммунистов Зольского района, которых хорошо знал. Порой действия старост и полицейских отличались даже большей жестокостью и насилием в отношении населения, чем поведение солдат оккупационных войск. Однако значительная часть коллаборационистов оказалась ненадежным союзником оккупантов. Были среди тех, кто пошел на сотрудничество с оккупантами, и граждане, выполнявшие задания подпольных органов.

С самого начала войны германское руководство привлекало к воинской службе жителей захваченных и

зависимых стран, однако Гитлер крайне отрицательно относился к идее создания вооруженных формирований из советских граждан. Тем не менее многие командиры немецких частей с первых месяцев войны использовали советских военнопленных и местных жителей, без учета национальности, в качестве проводников, шоферов, возниц, подсобных рабочих на кухнях и в мастерских. Их называли *Hilfswillige* – «добровольная помощь» (сокращенно «хиви»). Уже к концу 1942 г. их количество составляло 200 тыс. чел., а весной 1943 г. – 500 тыс. чел. В конце войны, в феврале 1945 г., численность «хиви» составляла 600 тыс. чел. в сухопутных войсках, от 50 до 60 тыс. чел. – в военно-воздушных силах, 15 тыс. чел. – в военно-морском флоте Германии.

Из советских граждан было сформировано и несколько специальных подразделений, выполнявших особые задания германских спецслужб, в рядах которых служили представители различных народов Северного Кавказа. Так, по инициативе руководителя абвера адмирала В. Канариса в октябре 1941 г. в 5 км от г. Нойхаммера был сформирован батальон специального назначения «Бергман» («Горец») под командованием Т. Оберлендера. Он насчитывал 1,5 тыс. чел., разделенных на пять рот. Уроженцы Северного Кавказа составили 2-ю роту, в остальных служили армяне, азербайджанцы и грузины. Военнослужащие носили немецкую форму, отличительным знаком являлась эмблема в виде кавказского кинжала на отворотах горных кепи или на петлицах. В конце августа 1942 г. батальон был переброшен в Россию и 10 сентября прибыл в Моздок. 2-я рота была придана 13-й танковой дивизии, действовавшей в районе Майкопа. Подразделения «Горца» забрасывали в советский тыл разведывательно-диверсионные группы для сбора сведений, разрушения коммуникаций и организации паники, вели радиопередачи с призывом переходить к немцам.

Начальник штаба группы армий «А» генерал-лейтенант Г. Грейфенберг в своем докладе, отмечая заслуги ряда восточных национальных подразделений и батальона «Бергман», сообщал, что они действовали самостоятельно в лесистой местности, успешно вели боевые действия против партизан. Осенью 1942 г. штаб батальона разместился в Пятигорске, затем в Нальчике при штабе 1-й танковой армии генерала Клейста. В сентябре 1942 г. в Нальчике была создана запасная рота, впоследствии развернутая в батальон, укомплектованный военнопленными из Моздокского и других лагерей на Северном Кавказе. В Кабардино-Балкарии при батальоне был сформирован кавалерийский дивизион из трех эскадронов – кабардинского, балкарского и русского (по 200 чел. в каждом) – под командованием К. Бештокова. Осенью и зимой 1942/43 г. батальон проводил антипартизанские операции в районе Моздока, Нальчика и Минеральных Вод.

При отступлении вермахта с Северного Кавказа «Бергман» перебрался в Крым, здесь его развернули в полк и переименовали в «Альпинист». В начале апреля 1944 г. полк был переброшен в Румынию, а затем в Грецию, где использовался для охраны шоссейных и железных дорог и борьбы с партизанами, затем в Албанию и Македонию, принимал участие в боях против советских и болгарских войск, после чего оказался переведен в Сербию. В феврале 1945 г. находился в Хорватии, сначала в районе Сараева, а в марте выбыл в район города Аграма⁸²⁵.

Подъем народного сопротивления на оккупированных территориях, огромные потери немецких войск на Востоке вынудили германское командование пойти на создание и других вооруженных формирований из советских военнопленных и жителей захваченных областей. Первоначально предполагалось,

что они заменят немецкие войска, нехватка которых все более сказывалась на фронте, в выполнении некоторых функций в тылу. Так появились охранные батальоны, эскадроны и полки, специальные отряды для борьбы с партизанами, службы обеспечения порядка, отряды вспомогательной полиции. С января 1942 г. в Польском генерал-губернаторстве началось формирование военных частей на национальной основе из советских военнопленных и жителей оккупированных областей, в первую очередь тюркских и кавказских, предназначенных непосредственно для боевых действий на фронте против Красной армии – восточных легионов. Кавказско-магометанский легион первоначально объединял не только уроженцев Азербайджана, но и Северного Кавказа (дагестанцев, балкарцев, карачаевцев, ингушей и чеченцев). Грузинский легион также включал в свой состав адыгейцев, абхазов, балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, черкесов.

В августе 1942 г. горцев Северного Кавказа вывели из состава Кавказско-магометанского и Грузинского легиона и включили в созданный в городе Весоле Северокавказский легион во главе с майором Риделем. В основе его структуры, как и всех других «восточных войск», лежал пехотный батальон. Он обычно состоял из 3–4 стрелковых рот, по 100–200 чел. в каждой, и штабной роты, включавшей взводы управления, минометный, противотанковый и артиллерийский. Младший командный состав, до командира роты включительно, подбирался из командиров РККА и эмигрантов, выше должности обычно занимали немецкие офицеры.

Отличительным знаком военнослужащих северокавказских батальонов служила нарукавная нашивка-щиток, разделенная по горизонтали на две части – зеленого и красного цвета, в верхней части щитка имелась надпись Nordkaukasien и изображение

полумесяца. Другая ее разновидность имела аналогичную форму с изображением на синем фоне трех желтых лошадиных голов, составляющих вместе своеобразную свастику.

К созданию коллаборационистских формирований активно привлекались представители эмиграции. Еще в 1941 г. в Берлине было создано «кавказское правительство» во главе с грузином М. Кедией, включавшее представителей различных национальных секций. Северокавказскую представляли внук имама Шамиля С. Шамиль и бывший министр иностранных дел Горской республики Г. Баммат. В 1942 г. в Берлине был создан Северокавказский национальный комитет, который возглавил бывший руководитель Аварского округа А.-Н. Магомаев. В него вошли осетины А. Кантемиров и Б. Байтуган, адыгейский князь, активный участник Белого движения в годы Гражданской войны, генерал-майор Султан Клыч-Гирей, чеченец Д. Тукаев, ингуш Албагачиев, дагестанец Н. Муратханов и другие эмигранты. Комитет издавал журнал «Северный Кавказ» и газету «Газават», которую редактировал чеченец А. Авторханов, партийный работник, репрессированный в 1937 г. и перешедший к немцам в 1942 г.⁸²⁶ Адыгейский полковник К.К. Улагай возглавил Мусульманский комитет по освобождению Кавказа. В Кабардино-Балкарию прибыли князья Шелеметов и Тевкешев⁸²⁷, в Адыгею – Султан Клыч-Гирей, белые офицеры Кабехов и Маздов, вынуждавшие жен советских ответственных работников к розыскам и добровольной сдаче в плен их мужей⁸²⁸. Вербовка в Северокавказский легион на территории региона продолжалась и в ноябре-декабре 1942 г., когда инициатива стала переходить уже к советским войскам⁸²⁹.

Несмотря на предпринимавшиеся мероприятия, оккупационные власти не сумели полностью решить проблему личного состава «восточных» войск за счет

местных жителей. Наибольшую часть в коллаборационистских вооруженных формированиях составили военнопленные. Для отбора военнопленных по национальной принадлежности при организационном штабе «К» был создан специальный орган «Динстштелле Ц», занимавшийся формированием комиссий по фильтрации лагерей военнопленных, проверке отобранных красноармейцев с точки зрения их благонадежности⁸³⁰. Руководство отдельными комиссиями возлагалось на эмигрантов, вместе с которыми лагеря военнопленных посещали турецкие дипломаты, убеждавшие представителей народов Кавказа и других мусульман вступать в ряды вооруженных формирований, сражавшихся на стороне вермахта⁸³¹.

Серьезное значение в пропаганде отводилось сообщениям о победах вермахта, фальсифицированным данным о захвате Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Тбилиси и других советских городов. Военнопленным зачитывали приказ № 27 °Ставки Верховного главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины, сообщали, что в рейхе уже существуют национальные правительства будущих свободных республик⁸³². Но главную роль в том, что советские военнопленные пошли на сотрудничество с оккупантами, сыграло их тяжелое положение. По сведениям немецкого командования, к началу апреля 1942 г. от голода и тифа погибло 47 % всех советских военнопленных в Германии.

Все советские граждане (добровольцы, мобилизованные, военнопленные) включались в состав «восточных войск». Позже все они были переименованы в «добровольческие». Условия их формирования и порядок несения службы регулировало специальное «Положение о местных вспомогательных силах на Востоке», утвержденное ОКХ 16 августа 1942 г. Личный

состав «восточных войск» получал, в среднем, 240 руб. в месяц, командиры – 465 руб.⁸³³ Военная подготовка продолжалась до четырех месяцев и завершалась коллективным принятием присяги и вручением национального флага. Первоначально legionарам не выдавалось единообразного обмундирования, позже присвоили форму пехотных частей вермахта без нагрудного знака – орла со свастикой. Погоны и петлицы были красного цвета, командный состав носил серебряные нашивки⁸³⁴.

К концу 1942 г. на Восточный фронт были отправлены три северокавказских батальона – 800-й под командованием обер-лейтенанта Ф. Курпанека (900 черкесов, адыгейцев, карачаевцев и кабардинцев, 40 немцев)⁸³⁵, 801-й – капитана Эверлинга, затем капитана Буркхардта (920 дагестанцев, 27 немцев) и 802-й (900 осетин, 37 немцев).

800-й батальон был придан 125-й пехотной дивизии вермахта и действовал в районе Туапсе. Восточнее, в районах Нальчика и Моздока, дислоцировались 801-й и 802-й батальоны, приданные 370-й пехотной дивизии.

В начале января 1943 г. северокавказские батальоны были выведены в тыл для отдыха и пополнения вместе с отступавшими с Северного Кавказа частями вермахта.

801-й северокавказский батальон, насчитывавший к этому времени 400 чел., оказался в Крыму, нес охрану полуострова. В начале 1943 г. из Весолы на фронт отправился 803-й батальон, во второй половине 1943 г. – еще три – 835, 836 и 837-й. Всего на территории Польши было сформировано семь северокавказских батальонов⁸³⁶.

В связи с увеличением притока военнопленных – уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии – немецкое руководство приняло решение о создании центра формирований восточных легионов на Украине на базе 162-й пехотной дивизии. Штаб

Северокавказского легиона был создан в Миргороде Полтавской области, его командиром стал капитан Ольбрих, затем подполковник Ристов. К маю 1943 г. на Украине были сформированы 842-й и 843-й усиленные северокавказские полубатальоны, впоследствии действовавшие в Хорватии и Греции, а также 7 строительных и 2 запасных батальона⁸³⁷. В составе 17-й авиаполевой дивизии люфтваффе находился 835-й северокавказский батальон.

Несмотря на многочисленные декларации об обращении с «добровольцами» как с равными союзниками, их оснащение и снабжение оказалось хуже, чем немецких войск. Части «восточных войск» перешли на самообеспечение, стали обирать местное население. Сами немцы обычно невысоко оценивали боевые качества «добровольческих» частей и редко им доверяли. Подразделения легионов придавались немецким частям, в каждую роту добавлялось до 30 немецких автоматчиков. Легионерам не указывали передний край советских войск и не объявляли боевую задачу. Взаимоотношения немецких солдат и «добровольцев» характеризуют слова пленного ефрейтора И.-М. Швейгера: «Общее мнение солдат таково, что все эти иноземные части в первый же удобный момент изменят и начнут стрелять в спину немецким солдатам»⁸³⁸.

Действительно, по прибытии на фронт «добровольцы» часто переходили на сторону советских войск или партизан. Так, в сентябре 1943 г. из Северокавказского легиона бежали в партизанские отряды Брестской области карачаевцы С.Л. Коркмазов, Э.К. и Х.Д. Бостановы, Д.М. Крымшаухалов⁸³⁹. Поэтому в 1943 г. немецкое командование приняло решение перевести наиболее надежные части в Западную Европу и на Балканы, а ненадежные – переформировать в запасные батальоны.

В 1944 г. 800, 803 и 835-й батальоны охраняли Атлантический вал. Во время наступления союзников 800-й батальон был блокирован в одном из укрепрайонов и сдался американским частям. Остатки разбитых северокавказских батальонов зимой 1944 г. были сведены в 12-е кавказское истребительно-противотанковое подразделение, позже принимавшее участие в боях на Одере и в обороне Берлина. 836-й северокавказский батальон вошел в состав 1607-го гренадерского полка 599-й русской бригады, находившейся в Дании⁸⁴⁰.

Летом 1944 г. в Белоруссии на базе 70-го и 71-го полицейских батальонов началось формирование Северо-кавказского и Кавказского полков СС. В конце войны в Северной Италии в состав Кавказского соединения войск СС в качестве полка вошла Северокавказская боевая группа под командованием крупного военачальника Белого движения, генерал-лейтенанта С.Г. Улагая, которому было присвоено звание штандартенфюрера СС. В нее входили штаб, 3 кавалерийских дивизиона по 4 эскадрона в каждом и 2 отдельных кавалерийских эскадрона. К этому времени в Италии помимо боевых частей из уроженцев Северного Кавказа находилось примерно 7 тыс. беженцев во главе с генералом Султаном Клыч-Гиреем. Всех мужчин, способных держать в руках оружие, свели в два полка, роты которого были сформированы по национальному признаку. Эта вооруженная сила охраняла большой беженский обоз и являлась резервом для укомплектования Кавказского соединения СС. Впоследствии все беженцы вместе с казаками Казачьего стана были выданы СССР. Султан Клыч-Гирей предстал перед советским судом и был приговорен к высшей мере наказания. Всего в годы Великой Отечественной войны на стороне Германии воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа⁸⁴¹.

В целом для развития коллаборационизма на оккупированной территории Северного Кавказа существовали определенные объективные условия. Многие граждане испытывали недовольство советской политикой. Переход на сторону противника был вызван также желанием сохранить жизнь, избежать преследований или добиться привилегий. В данной связи представляется целесообразным использовать дифференцированный подход в изучении рассматриваемой проблемы⁸⁴². В самом деле, различную роль в событиях военных лет играли сотрудники местных управ, не только выполнявшие приказы германского командования, но и способствовавшие нормализации жизни на захваченной территории, крестьяне, собиравшие урожай, часть из которого сдавали оккупационным властям, и члены национальных комитетов, участники карательных акций. Среди последних, например, Ч. Сообцоков, вступивший добровольцем в 800-й батальон и командовавший расстрелами своих земляков, жителей аулов Эдепсукай и Джиджихабль. В 1944 г. он окончил военную школу в Берлине и получил звание обер-штурмфюрера СС, соответствующее армейскому званию обер-лейтенанта⁸⁴³. После освобождения местные жители нередко ходатайствовали перед следственными органами об уменьшении наказания для тех полицейских, которые вели себя лояльно по отношению к населению, и, напротив, указывали на тех, кто отличался особой жестокостью. Впрочем, последние редко дожидались прихода советских войск и стремились скрыться вместе с оккупантами, понимая неизбежность наказания и опасаясь за свою судьбу.

Для успешного развития коллаборационизма на Северном Кавказе отсутствовала позитивная программа, а идеи строительства «нового порядка без большевиков» на независимой национальной основе

отвергались германским руководством. Поэтому попытки создания прочной социальной опоры режиму не имели перспектив, а поражения вермахта на фронте заставляли задуматься даже активных противников советской власти о целесообразности дальнейшего сотрудничества с оккупантами.

5

Сопротивление захватчикам: партизанская борьба в предгорьях

Впервые вопрос об организации борьбы в тылу противника на Северном Кавказе, в случае его возможного вторжения в регион, встал еще осенью 1941 г., когда войска вермахта впервые захватили Ростов-на-Дону. В автономных республиках и областях подбирались личный состав партизанских отрядов, утверждались места их базирования и районы боевых действий, закладывались продовольственные базы и склады. Но когда угроза оккупации Северного Кавказа миновала, эта работа была свернута. В результате летом 1942 г. подготовку партизанских отрядов и подпольных групп вести пришлось практически заново. К тому же на развитие событий наложило свой отпечаток стремительное продвижение войск вермахта, «сломавшее» планомерный выход отрядов на заранее запланированные места дислокации.

Для общего руководства партизанскими отрядами Северного Кавказа 3 августа 1942 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о создании при Военном совете Северо-Кавказского фронта Южного штаба партизанского движения (далее – ЮШПД). Первым начальником штаба был утвержден полковник Х.-У.Д. Мамсуров, обладавший большим опытом организации диверсионно-разведывательной деятельности⁸⁴⁴. 12 августа 1942 г. он прибыл в Махачкалу во главе комиссии Центрального штаба партизанского движения (далее – ЦШПД) из 8 чел. На следующий день комиссия провела специальное совещание с руководителями автономных республик в г. Орджоникидзе по вопросу организации партизанских

отрядов⁸⁴⁵. Но в конце месяца Х.-У.Д. Мамсурова отозвали в Москву, и создание ЮШПД затянулось.

Главные усилия по организации партизанских отрядов на Северном Кавказе предпринимали партийные инстанции и органы НКВД Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Адыгеи, Карачая и Черкесии, а также военное командование, в полосу ответственности которого входила территория данных автономных республик и областей. При военных советах армий Северо-Кавказского и Закавказского фронтов были созданы оперативные группы, руководившие действиями отрядов на занимаемых ими участках в тылу противника и внесшие немалый вклад в их становление⁸⁴⁶. С другой стороны, армейское командование порой использовало партизанские отряды без учета их возможностей, как боевые части. Нередко партизанские отряды прикрывали эвакуацию населения и отступление частей Красной армии, затем удерживали вместе с ними перевалы через Кавказский хребет. Выполняя несвойственные им функции, партизаны, вооруженные лишь стрелковым оружием, несли большие потери.

Отсутствие единого руководства у партизан Северного Кавказа привело к тому, что возникшие с самого начала очаги сопротивления не имели между собой связи. Начальник 4-го отделения политотдела Северной группы войск Закавказского фронта отмечал: «Основным недостатком в организации и руководстве партизанскими отрядами является отсутствие единого централизованного руководства. Отрядами занимаются обкомы ВКП(б), наркоматы НКВД АССР, Военный совет армии, то есть все понемногу, а постоянного хозяина, который бы руководил всей оперативной, организационной и боевой деятельностью, нет»⁸⁴⁷.

С 1 сентября 1942 г. начальником ЮШПД стал член Военного совета Северо-Кавказского фронта первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезнев. С целью дальнейшей централизации руководства партизанской борьбой оперативные группы при военных советах армий были упразднены. 30 сентября Военный совет Черноморской группы войск Закавказского фронта принял специальное постановление, которым упорядочил систему взаимоотношений между армейским командованием и партизанскими отрядами. Командирам всех воинских подразделений запрещалось использовать партизан в обороне⁸⁴⁸.

Однако ЮШПД, находясь в тылу советских войск, в городе Сочи, не имел прямой связи с партизанскими отрядами, особенно теми, кто действовал в центральной и северо-восточной части Кавказа – на территории Ставрополя, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР. Связь вообще оставалась самым слабым участком в работе ЮШПД ввиду отсутствия радиоаппаратуры в необходимом количестве⁸⁴⁹. Ценные сведения, добытые с риском партизанской разведкой, порой с большим опозданием попадали к советскому командованию.

Периодически ЮШПД направлял через линию фронта в партизанские отряды оперативные группы и связных с директивами и инструкциями, но они не справились с поставленными задачами. Так, в сентябре 1942 г. ЮШПД направил в Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Чечено-Ингушетию и в Карачай для руководства партизанскими отрядами четыре оперативные группы, снабженные переносными радиостанциями. Ни одна из них до места назначения так и не добралась⁸⁵⁰. В результате оставшиеся без контроля местные руководители формально относились к организации борьбы в тылу противника. В итоговом

отчете ЮШПД отмечалось: «В Чечено-Ингушетии партизанские отряды существовали только на бумаге, в Северной Осетии прикрывались формированием так называемой партизанской бригады и бездействовали»⁸⁵¹.

Лишь в начале декабря 1942 г. из работников ЮШПД была создана специальная группа во главе с майором В.Г. Самохиным при штабе Северной группы войск Закавказского фронта. Во взаимодействии с командованием фронта она осуществляла руководство партизанскими отрядами, действовавшими на территории Ставрополя и республик Северного Кавказа. В конце декабря 1942 г., за несколько дней до начала советского контрнаступления, ЮШПД принял решение создать четыре штаба – оперативные группы по руководству деятельностью партизанских формирований на Северном Кавказе: в Ставропольском крае – в г. Кизляре (руководитель – первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) М. Суслов); в Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР – в г. Грозном (секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В. Иванов); в Краснодарском крае – в г. Сочи (начальник Управления НКВД Краснодарского края К. Тимошенко); в Крымской АССР – в г. Геленджике (секретарь Крымского обкома ВКП(б) С. Булатов)⁸⁵². Это решение явно запоздало: буквально через несколько дней немецкие войска оставили территорию автономий Северного Кавказа.

Большинство партизанских отрядов в автономных республиках и областях Северного Кавказа возникло на основе истребительных батальонов районов и городов. Для того чтобы контролировать процесс создания отрядов и руководить их действиями, на Кубани было создано 7 кустов (партизанских объединений). В составе Майкопского и Краснодарского кустов действовали и 8 партизанских отрядов Адыгейской автономной области:

Майкопский № 1 «Народные мстители» (157 чел.), Майкопский № 2 (129 чел.), Гиагинский (135 чел.), Кошехабльский (34 чел.), Красногвардейский (57 чел.), Шовгеновский «Советская Адыгея» (75 чел.), Теучежский «Ворошиловец» (45 чел.) и Тахтамукайский «За Родину!» (45 чел.)⁸⁵³. Майкопские, Кошехабльский, Гиагинский и Шовгеновский отряды базировались в Махошевских лесах юго-восточнее Майкопа, Красногвардейский – в Курго-Терновском лесу, Теучежский и Тахтамукайский – в Горячеключевском лесном массиве. Согласно данным, приведенным первым исследователем проблемы В.М. Глуховым, из общей численности отрядов Адыгеи почти в 700 чел. русские составляли 522 чел. (74,6 %), адыгейцы – 148 чел. (21,1 %), украинцы – 25 чел. (3,6 %)⁸⁵⁴. Эти цифры соответствуют национальному составу населения области. Однако в итоговом отчете о боевой и разведывательной деятельности Краснодарского штаба партизанского движения, содержащем сведения о национальном составе отрядов Кубани в целом, приводится другая цифра – 46 адыгейцев⁸⁵⁵.

Определенную роль в становлении партизанских отрядов и организации сопротивления на оккупированной территории Адыгеи сыграли оперативная группа НКВД по ААО под руководством заместителя начальника областного Управления НКВД, старшего лейтенанта госбезопасности И.Н. Арутюнова, а также Адыгейский областной партийный центр, в который вошли секретарь обкома ВКП(б) Н.Ц. Теучеж, председатель облисполкома А.Х. Чамоков, его заместитель П.Ц. Джасте, секретарь Майкопского горкома ВКП(б) А.М. Семкин⁸⁵⁶. В частности, Адыгейский областной партийный центр выпустил несколько номеров газеты «За социалистическую Адыгею» на русском и адыгейском языках.

Сводный партизанский отряд Адыгеи во второй половине августа 1942 г. провел две боевые операции. Партизаны убили 24 и ранили 23 немецких солдат, потеряв 1 убитым и 1 раненым⁸⁵⁷. 14 сентября первую боевую операцию провел Кошехабльский партизанский отряд, устроивший засаду между станицами Баракаевской и Губской. Партизаны расстреляли более 60 немецких солдат и офицеров, захватили трофеи, не понеся потерь⁸⁵⁸. Однако не все отряды смогли пережить трудности процесса становления. Так, партизанский отряд Красногвардейского района в сентябре 1942 г. был рассеян немецкой карательной экспедицией. Комиссар, начальник штаба и один боец присоединились к Шовгеновскому партизанскому отряду, остальные бойцы просто разошлись. Потери отряда составили 52 чел., причем в бою пали лишь 6–8 чел., остальные погибли, попав в руки полиции⁸⁵⁹.

Немецкое командование несколько раз пыталось уничтожить партизан, действовавших в непосредственной близости от Майкопа. Самая крупная карательная экспедиция проводилась 13–15 ноября 1942 г. с использованием авиации и бронетехники. В ходе трехдневных боев только отряд «Народные мстители» уничтожил 113 солдат и офицеров противника, но и сам понес значительные потери, был вынужден отойти дальше в лес⁸⁶⁰. С началом зимнего периода активность партизанских отрядов Адыгеи заметно снизилась, однако на завершающем этапе они приняли участие в освобождении Майкопа и собственных районов вместе с частями действующей армии.

Согласно плану организации партизанского движения в Ставропольском крае, его территория разделялась на четыре зоны: Северную, Южную, Восточную и Западную. Местом дислокации Западной группы партизанских отрядов была определена

территория Карачая, в основном Учкуланского, Микояновского, Преграденского (сейчас – Урупского) и Зеленчукского районов. Под руководством первых секретарей Карачаевского и Черкесского обкомов ВКП(б) М.Г. Романчука и Г.М. Воробьева были спешно сформированы восемь партизанских отрядов в Карачае – городской и сельский Микоян-Шахаровские, Кардоникский, Зеленчукский, Преграденский, Учкуланский, два Усть-Джегутинских и пять в Черкесии – городской и сельский Черкесские, Кировский, Хабезский, объединенный Кувинско-Икон-Халкский. Отряды имели численность от 40 до 120 чел.

Позже в горы Карачая как наиболее удобный для партизанских действий район были переведены еще четыре отряда Ставропольского края: Ново-Александровский, Изобильненский, Егорлыкский и Труновский. Общая численность партизан Карачая и Черкесии составляла 700 чел., в том числе 100 женщин, всей Западной группы – 834 чел., а с учетом отставших красноармейцев и не успевших эвакуироваться советских активистов борьбу в тылу противника в Карачае вели 1,2 тыс. чел.⁸⁶¹ Начальником штаба Западной группы отрядов стал секретарь крайкома ВКП(б) по пищевой промышленности И.П. Храмков, а общее руководство деятельностью всех партизанских отрядов Ставрополья осуществлял крайком ВКП(б) во главе с первым секретарем М.А. Суловым.

Большинство отрядов Карачая и Черкесии заняли позиции в Тебердинском, Марухском, Архызском, Лабинском и Урупском ущельях, по которым проходила дорога к перевалам Главного Кавказского хребта. Вступив в бой с хорошо вооруженными и подготовленными частями 49-го горнострелкового корпуса, они, как правило, всего на несколько часов могли задержать наступление противника, чтобы дать возможность отойти отступавшим частям РККА. Поэтому

уже к концу августа прекратили свое существование 11 партизанских отрядов: оба Микоян-Шахаровских, Зеленчукский, Хабезский, оба Черкесских отряда и несколько других. Оставшиеся небольшие группы партизан по 5—10 чел. уже не могли вести борьбу с противником и просто скрывались, чтобы сохранить себе жизнь⁸⁶². В результате из 834 чел., находившихся в отрядах Западной группы, 235 чел. (28 %) рассеялись в горах по различным причинам еще до прихода немцев. После первых боев и потерь продовольственных баз перешли за перевал, погибли в боях и пропали без вести 294 чел. (35 %), в горах остались действовать лишь 205 чел. (24,5 %).

На территории Преградненского (в настоящее время – Урупского) района до 22 ноября 1942 г. продолжали действовать позже вступившие в борьбу Кировский, Преградненский и Ново-Александровский отряды. Сводный партизанский отряд под руководством И.П. Храмкова 22 ноября напал на гарнизон в селе Псемен, выбил оттуда противника и затем ушел через перевал с большими потерями. К началу декабря 1942 г. на территории Карачаевской и Черкесской автономных областей не осталось больше ни одного боеспособного отряда⁸⁶³. Всего, согласно данным итогового отчета, партизанские отряды Западной группы провели 36 боев, в ходе которых уничтожили 1,7 тыс. солдат и офицеров противника, 11 танкеток и бронемашин, 22 автомашины, 17 мостов⁸⁶⁴.

После освобождения региона заведующий военным отделом Черкесского обкома Кисляков составил справку о движении личного состава партизанских отрядов Черкесии. Согласно данному документу, 109 из 230 партизан (46,3 %) Черкесской автономной области самовольно ушли из отрядов, 87 (37 %) отправились в тыл врага по заданию. С учетом 16 чел. пропавших без вести получается, что подавляющее большинство (90 %)

партизан Черкесской автономной области просто разошлись, кто самовольно, а кто с разрешения командиров. Остальные 31 чел. (13 %) были убиты в боях, 2 чел. умерли от голода, 3 чел. замерзли в отряде. Всего потери составили 36 чел. (15,6 %). После освобождения территории области в ряды РККА были призваны 9 чел. (13,85 %). Примерно таким же образом сложилась судьба партизанских отрядов Карачаевской автономной области. Большинство партизан разошлось по домам, а незначительная часть пряталась в лесах Карачая, а затем, после освобождения области от оккупации, присоединилась к частям РККА⁸⁶⁵.

В Кабардино-Балкарии в июле – августе 1942 г. было организовано восемь отрядов с численностью более 996 чел., подобраны коммунисты и комсомольцы для подпольной работы. Нальчикский комитет обороны утвердил командиров отрядов, а для координации их действий 17 октября был создан подпольный обком ВКП(б). Его возглавил А.Г. Фокичев, заместителями стали Х.Х. Кациев и М.И. Белов. Были также созданы Баксанский, Нальчикский, Прохладненский, Терский и Эльбрусский подпольные райкомы партии, их секретарями утверждены А.Т. Бигоев, М.Х. Хачетлов, Д.И. Литенков, Ахмедов, К.К. Уянаев⁸⁶⁶. Кабардино-Балкарский подпольный обком ВКП(б) издавал газету-листовку «За Советскую Кабардино-Балкарию» на трех языках. Всего вышло 9 номеров газеты на русском, 4 – на кабардинском, 6 – на балкарском языках, тиражом в 15 тыс. экземпляров каждый⁸⁶⁷.

С началом боевых действий на территории Кабардино-Балкарии партизаны республики выполняли задания командования 9-й и 37-й армий по разведке сил и дислокации противника в прифронтовой полосе. При этом они нередко вступали в боевые действия с противником. Об успешном начале боевой деятельности партизан Кабардино-Балкарии говорилось в донесении

политотдела 9-й армии в Политуправление Закавказского фронта 3 сентября 1942 г.: «В настоящее время по Кабардино-Балкарской АССР 5 партизанских отрядов находятся и действуют в тылу противника. Эльбрусский партизанский отряд совместно с тремя отрядами войскового подразделения 37-й армии ведет борьбу с десантом противника, который был выброшен в Заюково 31 августа сего года с целью отрезать Баксанское ущелье»⁸⁶⁸. Кроме того, партизаны Баксанского, Нагорно-Зольского, Эльбрусского и Прохладненского отрядов спасли от захвата врагом на летних Нагорных и Зольских пастбищах около 70 тыс. голов колхозного скота⁸⁶⁹.

Первым крупным боевым успехом партизан Кабардино-Балкарии стало нападение 21 сентября 1942 г. на село Каменномостское, в котором находился штаб румынской пехотной дивизии. Операцию провел Баксанский отряд под командованием И.А. Абазова совместно с Кисловодским партизанским отрядом и подразделениями 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Ночью партизаны и красноармейцы с нескольких сторон ворвались в село и завязали бой с противником, в ходе которого уничтожили свыше 100 солдат и офицеров, взорвали цистерну с горючим, 2 автомашины и кухню, уничтожили 2 пулеметных расчета, 1 орудие, разрушили казармы и вещевого склад, захватили важные штабные документы⁸⁷⁰. Из состава Баксанского отряда погибли секретарь Кубинского райкома ВКП(б) Кодзов и партизан Малкаров. Об успешном бое, проведенном партизанами Кабардино-Балкарии, сообщила сводка Совинформбюро⁸⁷¹.

По решению Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) от 15 октября 1942 г. с целью усиления командного и политического руководства партизанским движением Баксанский, Нагорно-Зольский и Прохладненский отряды были объединены. 85 % бойцов и командиров

объединенного Кабардино-Балкарского партизанского отряда составляли коммунисты. Командиром отряда стал Г.М. Царяпин, его заместителем по политической части – Ч.К. Кудаяев, заместителем по разведке – М.М. Куашев⁸⁷². 1 ноября 1942 г. объединенный партизанский отряд совершил налет на вражеский гарнизон селения Хабаз, насчитывавший около 100 чел. В момент боя противник подбросил дополнительные резервы на двух автомашинах и станковый пулемет. Партизанский отряд оказался в исключительно тяжелой обстановке, «только решительные действия, стремительность налета, большой порыв атаки и личный героизм бойцов дали блестящий результат». В результате Хабазской операции был разгромлен гарнизон оккупантов, уничтожен штаб, убито свыше 80 солдат и офицеров противника, разбиты 3 станковых пулемета и 1 миномет, взято несколько пленных⁸⁷³. Об успехе кабардино-балкарских партизан 18 ноября 1942 г. вновь сообщила сводка Совинформбюро⁸⁷⁴.

После боя в Хабазе Кабардино-Балкарский объединенный партизанский отряд находился в районе Лескенского фанерного завода, откуда наносил удары по врагу.

В ночь на 28 ноября 1942 г. партизаны совместно с военнослужащими 37-й армии совершили налет на селение Верхняя Жемтала, уничтожив в бою около 40 солдат противника, 3 пулеметные точки с расчетами, 1 миномет, автомашину и цистерну с горючим⁸⁷⁵.

4—5 декабря 1942 г. партизаны Кабардино-Балкарского объединенного отряда вместе с подразделениями 37-й армии участвовали в нападении на гарнизон противника в селении Лескен-І. В бою погибли 15 партизан⁸⁷⁶. Но и противнику был нанесен значительный урон – уничтожено до 200 солдат и офицеров, 3 автомашины, захвачены пулеметы,

автоматы, винтовки⁸⁷⁷. Внесли свой вклад в борьбу с захватчиками действовавшие самостоятельно партизаны Хуламо-Безенгиевского, Эльбрусского и Терско-Курпского отрядов. Хуламо-Безенгиевский отряд (командир Х.К. Бозиев) оборонял Черекское и Хуламо-Безенгиевское ущелья и неоднократно вступал в бой с превосходящими силами противника и наносил ему потери.

К 18 декабря 1942 г. в Кабардино-Балкарии осталось действовать четыре отряда с общей численностью в 202 чел., остальные бойцы были влиты в местный истребительный батальон⁸⁷⁸. Объединенный отряд, состоявший из 110 чел. под командованием Царянина, действовал в горно-лесной полосе в районе фанерного завода и Ташлы-Тала. Хуламо-Безенгиевский отряд (32 чел., командир Чеченов) располагался в Хуламском ущелье, Курпский отряд (40 чел., командир Гуважоков) – в Курпском районе, Эльбрусский (20 чел.) переместился из своего района к фанерному заводу⁸⁷⁹. В отчете обкома ВКП(б) и Наркомата внутренних дел КБАССР, составленном 22 декабря 1942 г., отмечалось: «Морально-политическое состояние личного состава партизанских отрядов хорошее, бойцы горят желанием, не щадя своей жизни, быстрее разгромить немецко-фашистских оккупантов»⁸⁸⁰.

В конце декабря 1942 г. партизаны Кабардино-Балкарии приняли активное участие в освобождении республики. 25 декабря они совместно с воинами 2-й гвардейской стрелковой дивизии нанесли новый удар по противнику в селении Верхняя Жемтала, уничтожив до 150 солдат и офицеров. 4 января 1943 г. Кабардино-Балкарский партизанский отряд, совместно с воинами 37-й армии, участвовал в освобождении столицы республики г. Нальчика. За боевые отличия 145

партизан Кабардино-Балкарии в 1942–1943 гг. были награждены орденами и медалями СССР⁸⁸¹.

Еще 1 августа 1942 г. решением Орджоникидзевского комитета обороны на территории СОАССР был утвержден состав командно-политических работников для руководства партизанским движением. Командиром объединенных партизанских отрядов был назначен заместитель наркома внутренних дел СОАССР Дзобаев (с 20 сентября 1942 г., в связи с его переводом на другую работу, – второй секретарь обкома ВКП(б) А.П. Газзаев), комиссаром – секретарь обкома ВКП(б) А.С. Мамсуров.

С началом оккупации территории Северной Осетии 31 октября 1942 г. Орджоникидзевский комитет обороны принял решение «ввести в действие» партизанские отряды Кировского, Махчешского, Дигорского, Ирафского и Садонского районов. Для организации партизанских действий на участках Ахсарисара, Дур-Дура, Чиколы, Дигорского и Урсдонского ущелий в Садонский и Махчешский районы через Згидский перевал был направлен А.С. Мамсуров, а А.П. Газзаеву поручено организовать отряды из партизан Правобережного, Орджоникидзевского, Дарг-Кохского, Алагирского, Гизельдонского и Ардонского районов, которые также должны были перейти к активным действиям.

Партизанские отряды Северной Осетии начали действовать с 1 ноября 1942 г. К этому времени в сельских районах СОАССР было создано девять отрядов общей численностью в 338 чел.: Кировский (41 чел.), Гизельдонский (31 чел.), Алагирский (40 чел.), Дигорский (50 чел.), Ардонский (29 чел.), Орджоникидзевский (27 чел.), Ирафский (46 чел.), Даргкохский (40 чел.), Махчешский (34 чел.)⁸⁸². Первоначально они занимались разведкой, выясняли места расположения штабов и пути подвоза снарядов.

23 ноября 1942 г. на основании решения ЦШПД Орджоникидзевский комитет обороны начал формирование Кавказской бригады партизанского движения на базе североосетинских отрядов. Командиром был утвержден майор Гусов, начальником штаба – капитан Кадиев, заместителем по политической части – А.С. Мамсуров⁸⁸³.

3 декабря 1942 г. все партизанские отряды Северной Осетии были включены в состав Северо-Осетинской бригады партизанского движения. В ночь на 7 декабря 1942 г. партизаны Дигорского и Кировского районов в районе Хусфарака напали на немецкую заставу и нанесли ей немалый урон. Однако в дальнейшем отряды Северной Осетии не проявляли активности. Только накануне освобождения республики, 31 декабря 1942 г., постановлением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) был создан штаб партизанского движения в СОАССР, куда вошли все первые лица республики: первый секретарь обкома ВКП(б) Н.П. Мазин, председатель СНК СОАССР К.Д. Кулов, второй секретарь обкома ВКП(б) А.П. Газзаев, нарком внутренних дел СОАССР В.И. Текаев. Во взаимодействии с частями 37-й армии партизаны участвовали в освобождении ряда населенных пунктов республики.

Всего за время оккупации на территории СОАССР действовало десять партизанских отрядов с общим количеством в 614 чел. С 1 ноября 1942 г. по 1 января 1943 г. партизанские отряды Северной Осетии уничтожили 158 солдат и 8 офицеров противника, взорвали 3 автомашины, 26 бричек с боеприпасами, 2 моста, захватили 2 тыс. голов рогатого скота, 600 ящиков со снарядами, более 25 тыс. патронов, несколько автоматов, винтовок, пулеметов, мотоциклов и другое военное имущество. Особенно отличились отряды Алагирского (командир Бтемиров), Дарг-Кохского (командир Кучиев) и Орджоникидзевского (командир

Мулухов) районов. Более 30 участников партизанской борьбы и подполья Северной Осетии за доблесть и мужество, проявленные в борьбе с захватчиками в годы войны, получили правительственные награды.

В Чечено-Ингушской АССР на случай ее оккупации 2 сентября 1942 г. был образован подпольный обком партии во главе со вторым секретарем обкома партии Х.У. Исаевым. В его состав вошли секретарь обкома партии М.Г. Гайрбеков и председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР Ю.Д. Тамбиев. Был образован также подпольный обком ВЛКСМ во главе с первым секретарем обкома комсомола В. Даниловым. Для руководства подпольной работой на местах были утверждены 16 подпольных райкомов партии⁸⁸⁴. Буквально через два дня, 4 сентября, данные вопросы рассматривались на заседании бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). В ходе обсуждения отмечалось: «В результате несерьезного отношения партийных и советских руководителей некоторых районов (Агалукского, Назрановского, Талашкинского, Ножай-Юртовского, Салсановского и др.) формирование партизанских отрядов и создание баз недопустимо затянулось. Некоторые районы (Назрановский, Агалукский, Пседахский) допустили серьезные ошибки в подборе партизанских бойцов, выразившиеся в игнорировании коренных национальностей»⁸⁸⁵.

10 октября 1942 г. начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко писал секретарю Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.А. Иванову: «Все вопросы и мероприятия по организации и руководству партизанским движением, проводимые Вами на территории области, прошу увязывать с представителем ЦШПД т. Селезневым, находящимся на Закавказском фронте»⁸⁸⁶. Была проведена экстренная работа по организации партизанских отрядов, создан штаб по руководству партизанским движением в Чечено-

Ингушетии, специальные группы для ведения разведки в тылу. В сентябре-октябре 1942 г. в ЧИАССР насчитывалось двадцать восемь партизанских отрядов численностью в 1081 чел. При этом 791 партизан (72,7 %) являлся членом и кандидатом в члены ВКП(б), 92 чел. (8,4 %) – членами ВЛКСМ, 204 чел. (18,9 %) – беспартийными. Чеченцы составляли 292 чел. (26,8 %), ингуши – 107 чел. (9,8 %), представители других национальностей (преимущественно русские) – 688 чел. (63,4 %). В отряде Пригородного района из 56 чел. было 39 ингушей. Малгобекский отряд (63 чел.) составили преимущественно рабочие нефтехимического треста «Малгобекнефть». В Сунженском отряде из 56 чел. насчитывалось 46 терских казаков. В Гудермесском из 40 чел. 9 чел. являлись чеченцами и ингушами. В Грозненском сельском отряде из 37 чел. русские составляли 23 чел. Указанные отряды к тому времени участвовали в боевых действиях. В процессе формирования продолжали находиться Назрановский отряд в 40 чел. (в том числе 16 ингушей), Урус-Мартановский в 32 чел. (19 чеченцев), Ачхой-Мартановский в 81 чел. (53 чеченца, 6 ингушей)⁸⁸⁷.

В Дагестане к ноябрю 1942 г. на случай вторжения войск вермахта было организовано десять партизанских отрядов из 49 боевых групп с общей численностью в 513 чел., а также подпольная сеть, объединявшая до 600 чел. и включавшая четыре подпольных куста, в которые вошли 24 подпольных райкома (в каждом от 3 до 5 ячеек, 3–5 коммунистов-одиночек) и один подпольный горком ВКП(б)⁸⁸⁸. Но, поскольку территория Дагестанской АССР не была оккупирована, партизанам и подпольщикам Дагестана не пришлось вести боевых действий с противником.

Таким образом, развитие сопротивления на Северном Кавказе имело свою специфику. Значительную часть территории данного региона составляет степь,

малопригодная для действий крупных партизанских отрядов и соединений. Поэтому основная масса партизанских отрядов сконцентрировалась в предгорных и высокогорных районах. Осенняя распутица и зимняя стужа вызвали серьезные затруднения для боевых действий в горах, требуя не только специальной подготовки, но и специального снаряжения. Многие партизаны – горожане и жители степных сельских районов – оказались к этому не готовы.

Район боевых действий партизан Северного Кавказа располагался вблизи линии фронта. Их деятельность осложняли повышенная концентрация войск противника, трудности перехода линии фронта, проблемы со связью и снабжением. Развитие событий в период отступления советских войск привело к спешному отходу заранее подготовленных партизанских отрядов и подпольных групп, их использованию в оборонительных боях вместе с частями действующей армии. В дальнейшем часть отрядов дислоцировалась в тылу советских войск, совершая периодические рейды на оккупированную территорию.

Причинами неудач и провалов в развитии партизанского движения на Северном Кавказе стали недостатки в подготовке, подборе личного состава отрядов, отсутствии между ними связи и в ряде случаев в отсутствии поддержки со стороны населения. Часть партизанских руководителей оказалась просто не подготовленной к ведению партизанской борьбы. Командир Зеленчукского отряда «при первом же выстреле растерялся, впал в панику, бросил управление отрядом и своим поведением внушил отряду безнадежность дальнейшего сопротивления немцам. Как результат, Зеленчукский отряд разбрелся по лесам и прекратил свое существование». Комиссар Черкесского городского отряда «на второй день после

занятия немецкими войсками Архызского ущелья бросил отряд на произвол судьбы и позорно сбежал за перевал». Свою роль сыграло и предательство: на сторону противника перешел комиссар Изобильненского отряда. В результате отряд был разгромлен, командир убит⁸⁸⁹. В ночь с 10 на 11 ноября 1942 г. из лагеря Урванского отряда в Кабардино-Балкарии к противнику перешли несколько человек, которые выдали его местонахождение. Отряд был окружен и разгромлен, уйти удалось немногим партизанам⁸⁹⁰.

Отдельные действия партизан противоречили интересам местных жителей, партизаны порой не считались с судьбой местных жителей, если могли нанести урон врагу. Все это осложняло в дальнейшем их деятельность, снижало эффективность. Напротив, наиболее успешной борьба в тылу противника была там, где партизаны могли опереться на поддержку населения.

В оккупации Северного Кавказа отразились как общие принципы нацистской оккупационной политики, так и ее особенности, связанные с экономическими возможностями данного региона, сроком оккупации, военно-стратегической ситуацией 1942-1943 гг. и некоторыми другими факторами. Управление захваченной территорией Северного Кавказа практически не отличалось от организации власти в других оккупированных областях РСФСР. В центре всей системы управления находились немецкие комендатуры, особые полномочия имели военно-хозяйственные, полицейские и карательные органы. В политике-правовой сфере оккупационный режим изначально формировался как режим чрезвычайной, военно-полицейской власти. Местная администрация и вспомогательная полиция занимали подчиненное положение, а их задачи сводились преимущественно к

выполнению немецких распоряжений. Однако документы свидетельствуют о том, что местная администрация все же пыталась наладить работу предприятий и учреждений, школ и больниц.

Главные задачи экономической политики оккупантов в регионе сводились к обеспечению продовольствием и сырьем германской армии и промышленности. В то же время существенное значение отводилось восстановлению промышленного и сельскохозяйственного производства, денежного обращения и финансовой системы, торговли и транспорта. Решение данных вопросов отвечало интересам самих оккупантов, но затруднялось как обстоятельствами объективного порядка, связанными с общим состоянием хозяйства региона, так и противоречивостью и непоследовательностью действий оккупационной администрации.

На захваченной территории Северного Кавказа оккупанты использовали широкий круг методов и средств управления. Особое место отводилось пропаганде и террору. Пропаганда носила дифференцированный характер, важное внимание придавалось критике советского режима. Поощрялись национальные и религиозные чувства, пропагандировалось возрождение старых порядков, использовались дезинформация и фальсификации. Однако пропагандистские мероприятия вступали в противоречие с развитием террора на оккупированной территории края. Размах насилия был связан прежде всего с факторами идеологического характера. Постепенно «выборочный» террор сменился массовым, организованные репрессии сопровождались развитием «неорганизованного» насилия. Правовой хаос, обесценивание человеческой жизни дестабилизировали систему управления в целом.

При проведении социальной политики оккупанты руководствовались хозяйственными и политическими задачами. Местные власти предпринимали определенные меры по организации снабжения работавших граждан, а также раскулаченных и репрессированных лиц. Но в целом в период оккупации существенно ухудшилось продовольственное и материальное снабжение жителей, сократились расходы на социальное обеспечение, медицинское обслуживание и образование.

Сотрудничество жителей захваченных районов с оккупантами оказалось сложным и неоднозначным явлением, мотивы которого объяснялись различными обстоятельствами бытового, психологического и идейно-мировоззренческого характера. Многие жители испытывали недовольство советской властью, были и те, кто хотел добиться для себя определенных привилегий в новых условиях. Немало коллаборационистов пошло на сотрудничество с оккупационными властями под воздействием тяжелых условий жизни и оказалось их ненадежным союзником. Сама оккупационная политика отталкивала многих противников советской власти и не позволила создать прочной социальной опоры оккупационному режиму.

Соппротивление противнику стало одним из главных факторов, дестабилизировавших оккупационный режим в целом. Оно порождало ситуацию постоянного конфликта между оккупантами и населением, провоцировало и усиливало обоюдное неприятие. Партизаны и подпольщики уничтожали военнослужащих вермахта и коллаборационистов, служивших в органах управления или в вооруженных формированиях. Нанося постоянный урон оккупантам, действия партизанских отрядов и подпольных групп демонстрировали их неспособность справиться с ситуацией. Внутренняя

логика эволюции оккупационного режима порождала глубокие противоречия.

Часть шестая

Депортации северокавказских народов в годы войны

В ряду репрессивных мероприятий по отношению к социальным и национальным группам, по мнению представителей власти, не принявших советских порядков, массовые выселения из мест постоянного жительства были одним из самых жестоких и масштабных проявлений внесудебного государственного террора советского режима к своим гражданам.

Нет оснований рассматривать депортации как социальное явление, впервые опробованное в годы Великой Отечественной войны. Еще в период становления Советов, в годы Гражданской войны, неугодные слои населения выселялись из родных мест не по признаку доказанной вины, а по социально-классовым и национальным признакам. Так, в 1920 г. массовым выселениям подверглись тысячи терских казаков, в свое время чересполосно расселенные царским правительством на землях ингушей и чеченцев. Своими жизнями они расплачивались за коварство прежнего режима, стремившегося «замирить» горцев руками и нагайками казачества. В дальнейшем эта практика только ширилась.

В период сплошной коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. с территории Северного Кавказа были выселены десятки тысяч семей, отнесенных к категории кулаков. В конце 1930-х гг. из пограничных зон в Закавказье были выселены представители некоторых этносов, считавшихся враждебными СССР (курды, иранцы).

Но именно с началом Великой Отечественной войны депортации по этническому признаку приняли широкомасштабный характер. Репрессиям подверглись миллионы людей. В начале 1940-х гг. эта акция коснулась советских немцев, румын, иранцев, греков и др., в том числе и проживавших на территории Северного Кавказа. На Северном Кавказе в течение 1943–1944 гг. были выселены карачаевцы, чеченцы, чеченцы-аккинцы, ингуши, балкарцы и представители других этнических общностей. Этим народам вменялось в вину сотрудничество с врагом в период обороны Кавказа, распространение антисоветских настроений, недовольство проводимыми преобразованиями советской власти, участие в повстанческом и бандитском вооруженном движении в тылу Красной армии.

Еще в конце 1930-х гг., в преддверии ожидаемой «большой войны», советское руководство зачищало приграничные районы от «неблагонадежных», на его взгляд, народов. К таковым относили прежде всего советских граждан, этнически родственных гражданам сопредельных стран или стран, с которыми СССР находился в напряженных отношениях. Все это делалось, по мнению И.В. Сталина, исключительно в интересах государства, достижения стабильности на его границах, развития новых хозяйственных регионов в Средней Азии и Казахстане. Так, в 1938–1939 гг. было выселено 8 тыс. иранцев (из них 6,3 тыс. чел. – из Азербайджанской ССР). Они расселялись на территории Казахской и Киргизской ССР.

Депортация лиц греческой национальности (граждан и не граждан СССР), проживавших в Крымской АССР, на Черноморском побережье Краснодарского края и в Абхазии, осуществлялась как накануне, так и в ходе войны с целью «очищения пограничных районов государства от нерусских народов ввиду неуверенности

в их «благонадежности». Именно эта мысль зафиксирована в постановлении Государственного Комитета Оборона «О выселении иноподданных из Краснодарского края и Ростовской области» от 12 мая 1941 г. и в постановлении ГКО «О выселении государственно опасных лиц» от 29 мая 1942 г. № 1828сс. В мае 1942 г. из Краснодарского края и Ростовской области было выслано в принудительном порядке 1402 грека. Кроме того, греков выселяли из Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья Грузии (Абхазия). Всего было выселено 16 376 человек.

21 сентября 1941 г. ГКО принял постановление № 698сс «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР». Было указано «к переселению из перечисленных республик, краев и областей приступить 25 сентября и закончить к 10 октября 1941 года». Так, с территории Кабардино-Балкарской АССР на основе принятого ГКО постановления и приказа наркома СССР Л.П. Берии «О мероприятиях по выселению немцев» были выселены 5803 немца. Они направлялись в Красноярский край, Новосибирскую область и Казахскую ССР. Часть из немцев пополнила трудовые колонны. Перестали существовать и населенные пункты немцев. Они были переименованы. 22 октября 1941 г. последовало новое постановление «О переселении немцев из Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР». В течение пяти дней, начиная с 25 октября 1941 г., предстояло выселить 4 тыс. немцев из ДАССР и 574 немцев из ЧИАССР.

В мае 1942 г. осуществлялось принудительное переселение лиц немецкой и румынской национальности, крымских татар и иностранно-подданных греков с территории Таманского полуострова и некоторых станиц Краснодарского края. Эта акция

проводилась на основе постановления ГКО от 29 мая
№ 1828сс.

1

Депортация карачаевцев из Ставропольского края

Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. свидетельствуют о том, что среди населения СССР по республикам, краям и областям проживало 108 545 лиц карачаево-балкарской национальности⁸⁹¹. Общность языка этих двух народов, их традиций позволяла составителям переписи объединять их в одну графу.

Правда, такой подход не отмечает конкретную численность карачаевцев и балкарцев. Поэтому особую ценность в плане выяснения численности каждого народа в отдельности дают сведения о национальном составе по краям, в частности по Орджоникидзевскому краю. По данным за 1937 г., численность карачаево-балкарского населения в нем составила 69 310 чел. Одновременно в Кабардино-Балкарской АССР насчитывалось балкарцев 39 145 чел.⁸⁹²

Если учесть, что на территории Карачаевской автономной области проживали и представители других народов, например греки, ногайцы, русские, абазины, черкесы, то надо согласиться с данными о численности населения в области на начало 1940-х гг., опубликованными в газете «Известия» 29 июня 1940 г. Согласно этим сведениям, численность нерусского населения в области составляла 75 736 чел.

Итоговые данные о численности населения были приведены в справке ЦК КПСС экспертами Е. Громовым, В. Чураевым, подготовленной в ноябре 1956 г. в связи с реализацией мер по возвращению карачаевцев в места прежнего проживания. В документе указывается, что по переписи 1939 г. в шести районах бывшей Карачаевской

автономной области проживало 150,3 тыс. чел., в том числе 70,3 тыс. карачаевцев⁸⁹³.

Как и повсюду на Северном Кавказе, обстановка в области оставалась как накануне захвата края фашистами, так и в ходе его освобождения сложной и напряженной.

Мобилизационная роль партийных организаций в крае оставалась, несомненно, высокой. Сотни коммунистов, комсомольцев, гражданского населения различных национальностей ушли на фронт защищать Отечество. Из области, по опубликованным сведениям И.М. Каракетовой, отправились на фронт 15 600 представителей народов, населявших ее, 3 тыс. чел. находились в трудовой армии⁸⁹⁴. От Карачаевской и Черкесской областей поступления в Фонд обороны СССР составили с 1941 по 1943 г. более 52 млрд руб.⁸⁹⁵

Трудная экономическая ситуация, вызванная войной, осложнила снабжение населения продуктами первой необходимости. На местах оживились те, кто был недоволен проводимыми мерами по коллективизации.

Как известно, немецкие войска захватили территорию Карачаевской автономной области. Действия их в области ничем не отличались от той политики, которая велась на всей остальной захваченной территории страны. Расстрелы, убийства, грабежи были повсеместными. Народному хозяйству края был нанесен громадный ущерб.

Немецкое командование развернуло широкую агитационную работу среди населения. Опора делалась в первую очередь на тех, кто мог оказать поддержку по установлению и упрочению «нового порядка». В области был образован Карачаевский национальный комитет, в состав которого вошли лидеры так называемых «сил сопротивления Советам», безусловно, никоим образом не отражавшие интересов народа в целом. Действовал комитет с 3 августа 1942 г. по 20 января 1943 г. В

срочном порядке на территории области был организован полицейский аппарат (от 15 до 45 полицейских в каждом ауле), специальные отряды по ликвидации немногочисленных партизанских отрядов и отряды самообороны⁸⁹⁶.

Еще до оккупации в Карачаевской автономной области становилась все более заметной концентрация дезертиров и уклонявшихся от призыва в Красную армию лиц. Большая часть влилась в банды, усилив позиции альтернативных властям сил.

После освобождения территории области в январе 1943 г. одно за другим следовали убийства партийных и советских работников, опытных специалистов сельского хозяйства. В январе 1943 г. Карачаевский национальный комитет сумел организовать вооруженное восстание в Учкулановском районе, направленное против Советов⁸⁹⁷.

Борьба с бандами на территории Ставропольского края протекала в сложных условиях, однако это вовсе не свидетельствовало о том, что будет выслано все карачаевское население, а заодно с ним и представители других этнических меньшинств.

15 апреля 1943 г. появилась директива НКВД СССР и Прокуратуры СССР № 52/6927, предписывавшая принудительно переселить 177 семей (673 чел.) бандглаварей. В процессе подготовки к переселению 214 семей бандглаварей и активных бандитов добровольно явились и сдали оружие. Число подлежащих к выселению семей сократилось до 110 (427 чел.)⁸⁹⁸.

Об этой акции в докладной записке на имя С.Н. Круглова сообщалось следующее: «Проведенное выселение из Карачая семей бандглаварей и активных бандитов в значительной степени облегчило нашу работу по легализации, то есть только за 10 дней августа 1943 г. легализовался 201 бандит».

Однако полностью стабилизировать обстановку не удавалось. Более того, в апреле 1943 г. пришлось заняться военной операцией по ликвидации так называемой «Балыкской армии», дислоцировавшейся в верховьях р. Малки. В ходе этой операции было изъято 7 минометов, 4 пулемета и другое военное снаряжение⁸⁹⁹.

На местах развернулась работа по агитации в подполье, разложению повстанческих отрядов. Исследователь А.С. Хунагов приводит в связи с этим интересный документ, когда благодаря такой работе все участвовавшие в банддвижении села Коста Хетагуров Микояновского района (17 чел.) сложили оружие и возвратились в аул. Аналогичный случай был отмечен и в Арзгирском районе⁹⁰⁰.

Тем не менее постепенно в Центре сформировалось решение о принудительном выселении всех граждан карачаевской национальности с территории Ставропольского края на восток СССР. По сведениям А.С. Хунагова, в течение сентября 1943 г. прорабатывался план такого переселения. В качестве районов переселения назывались Джамбульская и Южно-Казахстанская области Казахской ССР, Фрунзенская область в Киргизской ССР, уточнялись регионы, численность расселения по районам. Рекомендовалось при этом «использовать расселение по колхозам и совхозам, пустующим помещениям колхозов...». Одновременно были рассмотрены и такие вопросы, как обеспечение продовольствием, организация приема на местах, транспортное обеспечение, сопровождение, пункты питания, прием скота спецпереселенцев и др.⁹⁰¹

12 октября 1943 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/36, а спустя два дня, 14 октября 1943 г., и постановление СНК СССР № 1118342 с грифом «совершенно секретно» под названием «Вопросы НКВД СССР» о выселении лиц карачаевской национальности из Карачаевской автономной области.

Основание предпринимаемой акции в указе объяснялось следующим образом: «В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Карачаевской автономной области многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немецкие отряды для борьбы с советской властью, передавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дороги немецким войскам, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти врагов и заброшенных немцами агентов, оказывают им помощь, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: всех карачаевцев, проживавших на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать... Передать Учкуланский и часть Микояновского районов бывшей Карачаевской автономной области в состав Грузинской ССР»⁹⁰².

Для реализации этих мер выделялись войска общей численностью 53 327 чел., была проведена работа по определению затратных сумм на осуществление принятых правительством решений. Каждому из спецпереселенцев полагалось по 5 руб. в сутки, 100 г мяса, рыбы, 80 г крупы, 10 г жиров, 100 г хлеба.

В первую группу депортировавшихся карачаевцев предписывалось включить 62 842 чел., из них 37 249 чел. – взрослого населения. Однако затем были сделаны некоторые уточнения. Вместо предполагавшихся к переселению в Киргизскую ССР 22 900 карачаевцев туда направлялись 26 432 чел., остальные – в Казахскую ССР⁹⁰³.

Как отмечалось в упомянутой докладной записке на имя С.Н. Круглова, в ноябре 1943 г. были проведены спецмероприятия по выселению карачаевского населения из пределов Ставропольского края:

«Выселено карачаевского населения 14 774 семей с количеством в них членов 68 938 человек». Наряду с этим отмечалось, что в числе выселенных значились 53 легализовавшихся бандита, 41 дезертир, 29 уклонявшихся от призыва в Красную армию, 184 бандпособников⁹⁰⁴.

Подлежавшие к выселению были свезены на сборные пункты и в 34 эшелонах направлялись в восточные регионы СССР. Как сообщалось из Казахстана, уже к январю 1944 г. в республику было завезено 12 342 семьи карачаевцев (45 501 чел.), из них расселили в Южно-Казахстанской области 6643 семьи – 25 216 чел., в Джамбульской области – 5699 семей – 20 285 чел. Остальные – 22 900 чел. прибыли в 10 районов Киргизской ССР⁹⁰⁵.

На этом акции по переселению карачаевцев не прекратились. В упоминаемой докладной записке С.Н. Круглову сообщалось: «Кроме того, после выселения в течение ноября – декабря 1943 г. нами производится розыск карачаевцев и дополнительно собрано на сборный пункт г. Черкесска и отправлено к месту расселения карачаевского населения 329 человек. В процессе выселения карачаевцев за пределы Ставропольского края нами арестовано антисоветского элемента – 1014 человек»⁹⁰⁶.

По данным А.С. Хунагова, с территории края было депортировано 69 964 гражданина карачаевской национальности⁹⁰⁷.

Улучшилась ли ситуация в Ставропольском крае? На этот вопрос сложно ответить однозначно. «Согласно директиве НКВД СССР № 52/20468 от 26 октября 1943 г., с 15 по 25 ноября 1943 г., – читаем в специальной докладной записке на имя С.Н. Круглова по этому поводу, – во всех русских районах Ставропольского края были проведены спецмероприятия под предлогом призыва в Красную армию легализовавшихся бандитов и

дезертиров с последующим направлением в штрафные части тех, которые не совершили тяжких преступлений, а также арестом тех, на которых имелось достаточно материалов для привлечения к уголовной ответственности. К моменту операции по краю состояло на учете легализовавшихся бандитов 398 человек и дезертиров – 274 человека»⁹⁰⁸.

В последующее время в восточные регионы страны последовали карачаевцы, служившие в Красной армии и защищавшие на фронтах свое Отечество. Многие из демобилизованных пытались пробраться в Карачаевскую автономную область. Однако, согласно постановлению ГКО № 0741 от 3 марта 1944 г., их направляли в места поселений, не обеспечивая ни продовольствием, ни одеждой⁹⁰⁹. Переселение выявленных карачаевцев, уклонявшихся от переселения, освобожденных из мест заключения, репатриированных и демобилизованных из Красной армии, шло до 1948 г.⁹¹⁰ Были выявлены все карачаевцы, проживавшие в соседних краях и областях Северного Кавказа. 90 человек, расселившихся в Ростовской области, в Азербайджанской ССР, в Дагестанской АССР, были выселены 10 мая 1944 г.

В ходе выселения карачаевцам пришлось испытать острую проблему разрозненных семей. «Во всех районах расселения Казахской и Киргизской ССР, – читаем в докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова, направленную в декабре 1943 г. на имя наркома Л.П. Берии, – поступают в распоряжение и комендатуры НКВД много заявок в отношении розыска членов семей и соединения с ними. Только в Джамбульской области таких заявлений поступило свыше 2000...»⁹¹¹

Таким образом складывалась ситуация с контингентом граждан карачаевской национальности, оказавшихся в числе первых депортированных народов с территории Северного Кавказа, наряду с советскими

немцами. Формы их депортации мало чем отличались от депортации других народов.

Принудительное переселение карачаевцев явилось олицетворением методов функционирования тоталитарной системы, в условиях которой предпринимались жесткие формы управления национальными группами и даже целыми народами, в числе которых не исключались и депортации.

Основанием для выселений граждан карачаевской национальности, как отмечается во многих правительственных документах той поры, явилось несогласие некоторой части населения с установками партии, неприятие ею коллективизации, а также частичная поддержка нового режима власти в период войны 1941-1945 гг., установленного захватчиками на территории Северного Кавказа.

2

Принудительное выселение чеченцев и ингушей

Одним из самых многочисленных народов, подвергшихся принудительному переселению с территории Северного Кавказа, оказались чеченцы, численность которых составила около 400 тыс. чел. Заодно с чеченцами был депортирован и близкородственный им народ – ингуши, которых числилось более 90 тыс. чел.

Чтобы понять логику принятия сталинским руководством столь антигуманного решения, необходим определенный экскурс в историю национально-государственного строительства в первые десятилетия советской власти на территории расселения чеченцев и ингушей. Народам, не имевшим ранее своей государственности, пришлось преодолеть многие трудности ее становления, формирования институтов власти и управления, определение форм взаимоотношений с центром страны, а также с соседними государственными автономными образованиями, налаживания экономических и культурных связей.

Правительство Советской республики предпринимало огромные усилия по жизнеобустройству народов, советскому и национально-государственному строительству, возрождению экономики и культуры в отсталых регионах страны. Но не все провозглашаемые советской властью и партией большевиков лозунги были приемлемыми в национальных районах страны. Тяжело проходили в конце 1920-х – начале 1930-х гг. процессы коллективизации и связанной с ней индустриализации. Возможно, что необходимы были совершенно иные

подходы в объединении и мобилизации горского крестьянства, интегрировании его в новую экономику, вполне были допустимыми и отступления от создания колхозов, которые были более приемлемыми в хлебопашеских регионах страны, но не всегда отвечали интересам горского населения.

Как и в других регионах Северного Кавказа, уже в конце 1920-х – в первой половине 1930-х гг. прокатилась мощная волна восстаний, направленных против объединения в колхозы. Так, только в Чеченской автономной области было зафиксировано 268 восстаний, именуемых в документах «террористическими кулацкими»⁹¹². Мощное восстание с участием 3 тыс. чел. прошло в 1932 г. в аулах Ножай-Юртовского района и некоторых аулах соседних районов⁹¹³. В 1933 г. чекистско-войсковые операции велись с применением артиллерии и авиации.

Достичь особых успехов в колхозном движении в рассматриваемых регионах продолжительное время не удавалось. Более того, как отмечалось в докладе о работе отдела спецпоселений НКВД СССР, на территории ЧИАССР «в результате подрывной работы в единоличном пользовании оказались основные массивы земельных угодий, до последнего времени практиковалась купля, продажа и аренда земель, созданные колхозы существовали формально, в них было обобществлено не более 17 % пахотной земли, до 32 % сенокосных угодий и совершенно незначительное количество рабочего скота (около 5 %). В связи с такой обстановкой часть бедняцко-середняцких масс попала под влияние и зависимость кулаков»⁹¹⁴.

Одним словом, ситуация в главном секторе экономики Северного Кавказа – аграрном – была сложной и явилась причиной напряженной обстановки вплоть до Великой Отечественной войны. Решить задачу по преодолению вовлечения масс в повстанческую

авантюру, направленную против Советов, коммунистам не удавалось.

К началу 1940-х гг. в Чечено-Ингушской АССР удалось арестовать и осудить 1032 участника групп и их пособников, 746 беглых кулаков. В ходе операции удалось изъять также 5 пулеметов, 21 гранату, 8175 винтовок, 3513 единиц прочего оружия, 6838 патронов⁹¹⁵.

Однако на этом движение против советской власти не остановилось. С началом Великой Отечественной войны появились тенденции к организационному и политическому оформлению антисоветского движения. Бывший адвокат Х. Исраилов, возвратившийся в 1937 г. в республику после отбывания уголовного наказания, образовал ряд повстанческих групп в горных районах Чечено-Ингушетии. Им была подготовлена «Временная программа организации чечено-ингушской Объединенной партии кавказских братьев»⁹¹⁶ (ОПКБ). Задачей ОПКБ провозглашались свержение советской власти на территории республики и всемерная помощь немецким войскам в борьбе с Красной армией⁹¹⁷.

В конце 1941 г. М. Шериповым была создана контрреволюционная национал-социалистическая организация, именовавшая себя ЧГНСПО (Чеченогорская национал-социалистическая партийная организация). Имелась программа действий, разработанная Шериповым. Главной целью провозглашалась организация вооруженного восстания в момент приближения фронта к территории Чечено-Ингушетии⁹¹⁸.

Дестабилизировали ситуацию в республике и появившиеся группы дезертиров, уклонявшиеся от службы в Красной армии⁹¹⁹. Правда, как отмечают многие исследователи проблемы, это было общим явлением для всей территории страны.

В конце августа 1941 г. бандэлементам удалось спровоцировать восстание призывников в селе Бунь Чеберлоевского района, оказать вооруженное сопротивление оперативной группе НКВД. Во время восстания был убит уполномоченный районного Чеберлоевского отдела НКВД Наумходжиев. Восставшим удалось установить связь с жителями села Дай Веденского района. Аналогичным образом поступили в селе Борзой Шатоевского района, где в выступлениях приняли участие до 800 чел., вооруженных огнестрельным и холодным оружием⁹²⁰.

Разумеется, что не эти факторы выступали в числе главных при характеристике общего политического состояния республики, хотя они и приносили заметные неудобства. Одновременно на основе истинного патриотизма проводилась работа на трудовом фронте. Так, по сравнению с 1940 г. план добычи нефти и газа по Грознефтекомбинату Чечено-Ингушской АССР был выполнен на 135 %. Выработка авиабензина увеличилась, по сравнению с первым полугодием, в июле 1941 г. на 220 %, в августе 1941 г. – на 262 %⁹²¹.

Перед угрозой порабощения страны и остальное население республики активно участвовало в создании Фонда обороны страны, им направлялось на фронт продовольствие, собирались для фронта теплые вещи.

Газета «Грозненский рабочий» (2 марта 1944 г.) писала, что колхозники Чечено-Ингушетии выполнили годовой план государственных поставок продуктов животноводства в 1943 г., «план хлебозаготовок составил 111 %, было продано государству сверх плана 66 200 пудов зерна, 60 840 пудов овощей и 21 150 пудов картофеля».

Несмотря на это, после освобождения территории Северного Кавказа в январе – феврале 1943 г. началась подготовка к выселению чеченцев и ингушей. О том, как готовилась и осуществлялась органами внутренних дел

операция по выселению чеченцев и ингушей, закодированная под общим названием «Чечевица», подробно сообщается в документах и инструкциях по выселению, издаваемых в 1943-1944 гг., а также в записке министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова на имя Н.С. Хрущева от 5 февраля 1960 г.

В октябре 1943 г. группа оперативных специалистов, возглавляемая заместителем наркома Б.З. Кобуловым (Кобулянц), была направлена в Чечено-Ингушскую АССР.

Ей вменялось в обязанность изучить обстановку и собрать материал об антисоветских выступлениях с первых дней советской власти на Кавказе. Результатом проделанной работы явился официальный документ – «Докладная записка о положении в районах Чечено-Ингушской АССР».

Первоначально было предложено выселить чеченцев и ингушей в Новосибирскую и Омскую области и Алтайский край. Однако позднее было принято решение о выселении в Казахскую ССР. Было просчитано, куда и сколько надо выселить людей, определены области, нужное количество транспортных средств. Была установлена потребность в их общем количестве – 14 200 вагонов и 1000 платформ.

В Казахстан стали прибывать многочисленные группы командированных НКВД СССР специалистов, проводилась мобилизация членов местных партийных организаций, Советов, транспортных средств.

Начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин и нарком внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданов, обратившись к Л.П. Берии, просили оказать помощь по укомплектованию спецкомендатур необходимыми кадрами, предложив также, «кроме использования сотрудников Казахского НКВД, командировать дополнительно 200 человек...»⁹²².

В конце января 1944 г. ГКО СССР принял постановление № 5073сс «О мероприятиях по

размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». НКВД СССР поручалось переселить «в марте с. г. в Казахскую ССР спецпереселенцев до 400 тыс. человек и Киргизскую ССР – до 90 тыс. человек»⁹²³. В постановлении не указывалось о том, что оно касается лиц чеченской и ингушской национальностей.

В документе были распределены обязанности между ведомствами, отвечавшими за проведение операции по предстоящему проведению переселения чеченцев и ингушей, а также объем необходимого для этих целей продовольствия, транспортных средств и т. д.

Симптоматично, что в этот период внимание руководства Чечено-Ингушской АССР, которое, разумеется, не было поставлено в известность о грядущих мероприятиях, было обращено на состояние областной партийной организации, в которой «вопросами работы рядов ВКП(б) и первичными организациями не занимаются». Сообщалось также о том, что, например, всего в Галанчожском районе в 1943 г. в ряды ВКП(б) было принято лишь 17 чел. В связи с этим по районам с целью укрепления районных партийных организаций было направлено 6778 коммунистов, из них в упоминаемый район 300 чел., в Урус-Мартановский район – 1200 чел., в Гудермесский – 1528 чел. и т. д.⁹²⁴ В действительности же это было одним из приемов, нацеленных на подготовку предстоящего выселения чеченцев и ингушей. Для общественности трактовка мер была несколько иного содержания. Она включала положение о том, что усиление районных партийных организаций было необходимо якобы для «обеспечения подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа в горных условиях»⁹²⁵.

Одновременно продолжались чекистско-войсковые операции по очистке горных районов республики от

«банд-повстанческого элемента». В середине февраля 1944 г. отрядам НКВД под руководством Ш.О. Церетели удалось обнаружить документы, принадлежавшие Х. Исраилову.

21 февраля 1944 г. заместитель наркома внутренних дел СССР И.А. Серов доложил Л.П. Берии: «Исходя из изложенного, а также учитывая местные условия (предстоящая зимняя погода, базарные дни, праздники местных жителей и т. д.), считаю необходимым доложить, что наиболее целесообразным днем начала операции является 22-23 февраля с. г.».

За три дня до начала операции по выселению чеченцев и ингушей, то есть 20 февраля, по предложению Берии был подготовлен и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О передаче ряда районов бывшей Чечено-Ингушской АССР и организации Грозненского округа». Был разработан и проект постановления СНК СССР «О порядке заселения освобожденных от местного населения районов»⁹²⁶.

В конце февраля Берия информировал Сталина об отправке из Чечено-Ингушской АССР 478 479 чеченцев и ингушей. Сюда же входили и чеченцы-аккинцы Дагестана (3142 семьи – 14 901 чел.)⁹²⁷.

Начавшаяся 23 февраля 1944 г. операция «Чечевица» завершилась в 20-х числах марта. Всего, по данным НКВД СССР, было отправлено 180 железнодорожных эшелонов, в которых было перевезено 493 269 граждан ингушской и чеченской национальности, а также представителей других прихваченных заодно с ними национальностей. За время операции было убито 50 чел. В пути следования умерло 1272 чел.

Как свидетельствуют источники, в ходе сбора выселяемых на железнодорожных станциях не обходилось без варварских проявлений со стороны сотрудников НКВД. Жестокая расправа грозила тем, кто предпринимал хотя бы какие-то попытки к

сопротивлению. Если верить словам секретаря штаба ОПКБ К. Тимишева, имела место трагическая расправа над жителями сел Пешхоевское, Нашхой, Сюжи и др. Многие из спецпереселенцев были уничтожены⁹²⁸.

Уже 28 февраля последовал и приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00193 об окончании операции по выселению из Чечено-Ингушетии. В новой обстановке ставилась другая задача – обеспечить порядок и охрану горных районов республики, которой фактически не было, но которая оставалась еще в списке административных единиц СССР и на географических картах.

29 февраля в Алма-Ату отдельным эшелоном уезжали руководители республики: председатель СНК, председатель Президиума Верховного Совета и другие. Этот эшелон отправлялся без конвоя. Л.П. Берия направил предписание партийным органам Казахстана людей из правительственного эшелона использовать в дальнейшей работе и обеспечить жильем несколько лучше, чем остальных чеченцев и ингушей.

В это же время спецпереселенцы, среди которых в основном были женщины, старики и дети, следовали к новым местам поселения, испытывая огромные неудобства, невероятные лишения и голод.

Весь контингент чеченцев и ингушей предстояло расселить в определенных для этого областях Казахстана и республиках Средней Азии.

Источники свидетельствуют, насколько сложным было переселение. Особенно тяжело его переносили старики и дети. «В переполненных до предела «телячьих» вагонах, без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... Пошел гулять тиф. Лечения никакого, шла война... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда, в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших...» – вспоминал ингуш Х. Арапиев⁹²⁹.

Принимавшие в операции участие 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД и 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ, Смерш, имевших опыт по переселению в 1943 г. карачаевцев, калмыков, «успешно» справились с поставленной задачей. При их непосредственном содействии 32 110 хозяйств чеченцев и ингушей из 11 районов, 395 колхозов были выселены в Среднюю Азию и Казахстан.

Одновременно сообщалось, что за период проведения чекистско-войсковых операций и непосредственного переселения удалось арестовать 2016 чел. антисоветского элемента из числа чеченцев и ингушей, изъять 20 072 единицы огнестрельного оружия и автоматов – 479 шт.⁹³⁰

По указанию Сталина Берия подготовил Указ о награждении наиболее отличившихся в проведении операции «Чечевица» «за образцовое выполнение заданий правительства в условиях военного времени». Наград ордена Суворова 1-й степени были удостоены начальники оперативных секторов А.Н. Апполонов, Б.З. Кобулов, И.А. Серов, В.Н. Меркулов, С.Н. Круглов, начальник ГУКР «Смерш» В.С. Абакумов. Награды получили и многие другие участники операции «Чечевица».

Одновременно с выселением из Чечено-Ингушской АССР началось увольнение чеченцев и ингушей из рядов Красной армии. Они прибывали со всех фронтов, действовавших на западе СССР. В мае 1944 г. на станцию Муром прибыли около 1 тыс. военнослужащих (сержанты, рядовые) чеченцев, ингушей и карачаевцев⁹³¹. Они поступали из армейских соединений, действовавшей Красной армии.

Прибытие бывших военнослужащих из числа репрессированных народов продолжалось как в конце 1944 г., так в 1945 г. Многие из них устремлялись в бывшие республики, однако по строгому предписанию

они были вынуждены убывать к местам нового расселения народов. Всего в отдаленные места последовали 3892 офицеров, сержантов, рядовых из чеченцев и ингушей, служивших в Красной армии и прибывавших по различным причинам на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР. На местах органы власти не располагали сведениями о расселении их семей по областям и районам. Все это затрудняло поиск семей, увеличивало число разрозненных семей из чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других.

Тем чеченцам и ингушам, которые проживали вне Чечено-Ингушской АССР, также не повезло. Уже в мае 1944 г. Берия предписал местным управлениям НКВД провести в срочном порядке операции по выселению лиц, подпадавших под статус спецпереселенцев. Все они должны быть направлены в Казахскую и Узбекскую ССР. В связи с этим были проверены статистические сведения о численности лиц чеченской и ингушской национальности. Все они были взяты на учет. В середине апреля 1944 г. С.С. Мамулов докладывал Берии о подготовке операции по выселению этих лиц. Чеченцев было депортировано на сей раз 2741 чел. – из Грузинской ССР, 21 чел. – из Азербайджанской ССР, 121 чел. – из Краснодарского края. Численность ингушей, выявленных в соседних с Чечено-Ингушской АССР областях, краях и республиках, составила 52 чел.⁹³² Все они также были депортированы к местам основного расселения контингентов чеченцев и ингушей.

Следующим контингентом, пополнившим спецпереселенцев чеченцев и ингушей, были те, кто находился в тюрьмах Северной Осетии и других регионов страны. Они передавались в ведение управления ИЖЛАГА НКВД, а что касается больных чеченцев и ингушей, которые не могли следовать этапом, то они переселялись в Карагандинский лагерь

НКВД СССР. Эта же мера распространялась на карачаевцев, а впоследствии – и на балкарцев.

Прибывшие чеченцы и ингуши расселялись в 133 районах 12 областей Казахской ССР и 24 районах 4 областей Киргизской ССР.

Первоначально в Казахской ССР были расселены 400 600 чеченцев и ингушей, в Киргизской ССР – 22 900 чел. Однако переселение проводилось и в пределах самих республик. Так, в Казахской и Киргизской ССР были собраны спецпереселенцы-нефтяники из чеченцев и направлены в распоряжение Казахнефтекомбината г. Гурьева. Из Киргизской ССР в Гурьевскую область было переселено 100 семей спецпереселенцев. В мае 1944 г. НКВД Казахской ССР направил в Гурьев 450 чел.⁹³³

Итак, действительность была такова, что правительство СССР, решая задачу наведения должного порядка в ближнем тылу действующей армии, в частности на Северном Кавказе, не смогло удержаться от наиболее крайних, жестоких мер, сводившихся в конечном итоге к принудительному выселению всех без исключения граждан чеченской и ингушской национальности.

Безусловно, не мог быть виновным весь народ. Государство, правоохранительные органы должны были распространить жесткие меры применительно к тому контингенту, кто действительно заслуживал наказания. И об этом контингенте в основном все было известно – от его количественных характеристик до сведений по каждому преступнику индивидуально.

Вряд ли надо было включать в число подлежащих депортации женщин, стариков, детей. Среди них необходимо было проводить работу, вырабатывать новые формы и методы взаимоотношений. Однако в тот период подобные методы оказались для органов власти более сложными по сравнению с тем, который сводился к выселению всего народа. Но и этими акциями

проблема не была снята. Она еще более усугубила отношения между народами, подорвала авторитет партии и органов советской власти.

3

Выселение балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР

Накануне войны Кабардино-Балкарская автономная республика занимала достойное место среди национальных образований РСФСР. Здесь действовало 60 промышленных предприятий, а всего насчитывалось 164 относительно крупных предприятия. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве составил 70 %⁹³⁴. Наряду с этим функционировали свыше 150 колхозов, 10 совхозов, 16 МТС. В области имелось два города, 17 административных районов, 267 населенных пунктов, которыми управлял 121 Совет рабочих и крестьянских депутатов⁹³⁵.

По численности учащихся на 1 тыс. чел. населения республике принадлежало одно из первых мест среди других автономий и областей РСФСР. Так, число учащихся на 1 тыс. чел. населения в 1939 г. в СССР составляло 185, в РСФСР – 187, Украинской ССР – 176, Грузинской ССР – 195, Кабардино-Балкарской АССР – 196 чел.⁹³⁶

О национальном составе населения республики в годы Великой Отечественной войны можно судить по докладу наркома внутренних дел К.П. Бзиавы «О проделанной работе НКВД Кабардинской АССР за 1-й квартал 1944 г.», направленном им на имя Л.П. Берии 21 июня 1944 г. В частности, отмечалось, что население республики составляет 318 951 чел., из них: русские – 120 650 чел., кабардинцы – 150 301 чел., балкарцы – 40 000 чел., горские евреи – 4720 чел., осетины – 2508 чел., грузины – 835 чел., представители прочих национальностей – 2285 чел.⁹³⁷

Трудящиеся Кабардино-Балкарии также отправились на фронт. Только представителей молодежи республики, в том числе и балкарской, было направлено на фронт около 5 тыс. чел.⁹³⁸ Из одного селения Гунделен (большое балкарское селение Баксанского района) на фронтах героически сражались с врагами более 1500 чел., из которых отдали свою жизнь за Родину более 80 воинов-балкарцев⁹³⁹.

В августе 1942 г. пять районов республики были заняты фашистами (Нальчик – 29 октября 1942 г.). По данным Х.И. Хутуева, за 35 дней немецкой оккупации были расстреляны и убиты около 5 тыс. балкарцев⁹⁴⁰. В небольшом балкарском селении Нижний Чегем фашисты расстреляли 50 чел., в Гунделене – 41 чел.⁹⁴¹ В балкарских селах Черкесского, Чегемского, Хуламо-Безенгийского, Эльбрусского районов колхозы, по неполным данным, понесли ущерб от оккупации на 22 млрд руб.⁹⁴²

Уже в 1943 г. началось осуществление неотложных мер по восстановлению народного хозяйства. За короткое время в Кабардино-Балкарии были отстроены заново электростанция, мост через реку Малку, мебельная фабрика, Нальчикский и Терский райпромкомбинаты, два маслозавода. Параллельно восстанавливалась база соцкультбыта⁹⁴³. В республике начали работу 18 больниц на 958 коек, поликлиника, санэпидстанция, 2 детских яслей, детский санаторий, 71 школа и т. д.⁹⁴⁴

В то же время в январе 1944 г. состоялось первое предварительное обсуждение вопроса о переселении балкарцев. Членам Государственного Комитета Оборона было рекомендовано «высказать мнение по данному вопросу»⁹⁴⁵.

В феврале 1944 г. нарком Л.П. Берия непосредственно руководил переселением чеченцев и

ингушей. Х.И. Хутуев – в то время сотрудник НКВД Кабардино-Балкарской АССР – вспоминал: «В феврале 1944 г. Берия приехал в Орджоникидзе и жил там в своем бронированном вагоне. И вот оттуда стали поступать запросы о том, в каких селах живут балкарцы, сколько жителей в каждом селе, пригодны ли дороги для прохождения в балкарские аулы грузовых автомобилей и так далее...»⁹⁴⁶

2 марта в Нальчик специальным поездом прибыли Берия, Кобулов и Мамулов. Первый секретарь обкома Кабардино-Балкарской АССР З.Д. Кумехов совместно с офицерами НКВД встретил группу Берии на вокзале и отправился с ним в Приэльбрусье, посетив по дороге Баксанскую ГЭС и город Тырныауз. В конце пути Берия заявил Кумехову о том, что «есть предложение передать район Эльбруса Грузии», объясняя это тем, что территория освобождается от балкарцев и что Кабарда ее не освоит. Никакие доводы Кумехова не имели успеха.

Вернувшись в Нальчик, Берия опять затронул вопрос об изменении границ, обещая взамен Приэльбрусья включить в состав Кабардинской республики (Балкария подлежала исключению из названия) все города Кавказских Минеральных Вод (Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск) и Черкессию⁹⁴⁷.

В чем же обвинялись балкарцы? В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» подчеркивалось, что «в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской АССР *многие* (курсив наш. – Авт.) балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной армии... а после изгнания Красной армией с Кавказа войск

противника вступили в организованные немцами банды для борьбы против Советской власти...»⁹⁴⁸.

Что понимало сталинское руководство под словом «многие»? В конце 1941 г. нарком внутренних дел республики С.И. Филатов сообщал в докладной записке начальнику отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР Клепову о том, что «бандпроявления зарегистрированы на территории Эльбрусского, Чегемского и Зольского районов. Выявлено и взято на учет на 15 декабря 1941 г. 500 чел., из них по Эльбрусскому району – 52 чел., Лескенскому – 47 чел., Баксанскому – 95 чел. и т. д.»⁹⁴⁹

Спустя полгода НКВД Кабардино-Балкарской АССР была вскрыта и ликвидирована антисоветская террористическая группа, орудовавшая в селении Эльбрус. Ее участники проводили контрреволюционную агитацию, распространяли провокационные слухи, группировали вокруг себя враждебные элементы и подготавливали кадры террористов⁹⁵⁰. Об этом сообщал в Центр в докладной записке «Об агентурно-оперативной работе отдела борьбы с бандитизмом НКВД Кабардино-Балкарской АССР. Апрель – июнь 1942 г.» С.И. Филатов⁹⁵¹.

В период оккупации части территории Кабардино-Балкарии некоторые партийные и советские работники перешли на сторону повстанческих элементов и оказывали им всяческую поддержку. Так, в Чегемском, Черекском, Эльбрусском районах таких насчитывалось 46 чел., из них пять членов бюро и инструкторов ВКП(б), пять секретарей первичных партийных организаций, шесть председателей сельских Советов, шесть председателей колхозов и их заместителей, шесть директоров школ и учителей ит. д.

Как и в Чечено-Ингушетии, по данным НКВД, имелись попытки объединения антисоветских сил и выдвижения ими политических программ. В частности, бывшими дворянами и рядом советских работников было

сформировано «Представительство интересов Кабардино-Балкарии».

В своем первом воззвании к народам «представительство» заявляло: «С целью наладить нормальную жизнь, с разрешения германского командования образовано Представительство интересов кабардино-балкарского народа. Колхозы будут распущены, скот возвращен владельцам, земля станет собственностью крестьян»⁹⁵². «Представительство» активно занималось организацией национального легиона (до 600 чел.), карательных отрядов, в основном из дезертиров, которые выступали на местах против своих же народов.

Непосредственно в республике националисты (Б. Эфендиев, И. Ульбашев) повели курс на отделение Балкарии от Кабарды, чтобы объединить ее с Карачаем и создать из них государственное образование под протекторатом Турции⁹⁵³.

На май 1943 г. на территории республики уже действовали, по данным отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, 44 террористические группы (941 чел.), в то время как до занятия территории республики известно было только о девяти группах (286 чел.)⁹⁵⁴.

Предпринятые меры позволили легализовать 188 террористов, арестовать 60 из них, 20 были убиты. Однако на учете оставались еще 800 участников террористических групп со своими лидерами⁹⁵⁵.

Однако в Центре были недовольны работой республиканского аппарата НКВД. В июне 1943 г. в наркомом внутренних дел КБАССР был назначен К.П. Бзиава. Приняв дела от С.И. Филатова, Бзиава писал: «В месячных отчетных докладах о работе по борьбе с бандитизмом, высылаемых в НКВД СССР, максимально преуменьшали количество бандгрупп, групп вооруженных дезертиров и их количественный состав, оперирующий на территории Кабардино-Балкарской

АССР, отсутствовал какой-либо надежный оперативный учет. Не принимались меры по ликвидации оперировавших бандитов и дезертиров. Эта категория и послужила основной базой и ядром комплектования многочисленных полицейских аппаратов и органов оккупационных властей»⁹⁵⁶.

5 июня 1943 г. Бзиава провел совещание начальников районных отделов НКВД совместно с оперативными работниками отдела борьбы с бандитизмом и управления милиции. Был рассмотрен вопрос о перестройке агентурно-оперативной работы по борьбе с бандитизмом, о действиях 44 террористических групп, объединявших к этому времени 997 чел. О сложившейся ситуации в республике было известно и в Центре⁹⁵⁷.

Начальники РО НКВД были заменены, оперативный состав райотделов был существенно пополнен за счет прикомандированных работников, армейских подразделений и внутренних войск⁹⁵⁸. Принятые меры позволили уже к середине июля 1943 г. легализовать 157 участников подполья.

Работа по борьбе с бандитизмом в 1943 – начале 1944 г. была проведена большая. По данным НКВД Кабардинской АССР, за 1-й квартал 1944 г. на территории республики оставались в числе действовавших лишь 10 террористических групп (139 чел.), 12 «бандитов-одиночек».

И вновь из-за действий групп отщепенцев, пособников фашистов, диверсантов вся «вина» перекладывалась на балкарский народ.

24 февраля 1944 г. Л.П. Берия сообщал в телеграмме И.В. Сталину, что он «ознакомился с материалами по поведению балкарцев как во время наступления немецких фашистских войск на Кавказ, так и после их изгнания». Осветив общее состояние, Берия также замечал, что «по указке немцев и привезенных ими с

собой эмигрантов Шокманова и Кемметова, балкарцы договорились с карачаевцами об объединении Балкарии с Карачаем». Сообщил Берия и о том, что «только в 1942-1943 гг. за антисоветскую работу и бандитизм было арестовано 1227 чел., из них коммунистов и комсомольцев 186 чел. Бежали с немцами 362 чел.». В заключение Берия высказал Сталину предложение следующего содержания: «В связи с предстоящим окончательным выселением чеченцев и ингушей считал бы целесообразным освобождающуюся часть войск и чекистов использовать для организации выселения балкарцев с Северного Кавказа с расчетом закончить эту операцию 15-20 марта текущего года до покрытия лесов листвой.

Балкарцев насчитывается 40 900 чел., проживающих в основном в четырех административных районах, расположенных в ущельях Главного Кавказского хребта, общей площадью 503 тыс. гектаров, из которых около 300 тыс. составляют сенокосы, пастбища и леса».

«Если будет возможность, ваше согласие, – телеграфировал далее Берия, – я сумел бы до возвращения в Москву организовать на месте необходимые мероприятия, связанные с выселением балкарцев. Прошу ваших указаний»⁹⁵⁹.

Судя по всему, согласие было получено 26 февраля 1944 г. Последовал приказ от народного комиссара внутренних дел СССР (№ 00186, гриф «совершенно секретно») «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения». В нем были детализированы составные части предстоящей операции по переселению балкарцев, определены функциональные обязанности исполнителей приказа и оперативные сектора, порядок снабжения войсковых подразделений.

Сообщая Сталину в конце февраля 1944 г. о силах, привлекаемых для проведения операции по выселению

чеченцев и ингушей, Берия также обронил фразу, указав, что «значительная часть их (военных сил. – Авт.) будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев»⁹⁶⁰.

В постановлении Государственного Комитета Обороны № 5309сс от 5 марта указывалось, что НКВД СССР обязуется направить в Казахскую ССР 25 тыс. балкарцев, в Киргизскую – 15 тыс. спецпоселенцев из Кабардино-Балкарской АССР⁹⁶¹.

Этот документ был дополнен конкретным планом расселения переселенцев по областям республик Средней Азии. Так, в плане, подготовленном за подписью старшего оперуполномоченного ОСП ГУЛАГ НКВД Петренко, указывалось, что, например, во Фрунзенской области будут расселены: балкарцев – 5 тыс. чел., карачаевцев – 22 900 чел., ингушей и чеченцев – 34 800 чел., а всего – 62 700 чел.; в Ошской области: балкарцев – 5 тыс. чел., чеченцев и ингушей – 29 200 чел., а всего – 34 200 чел.; в Джалал-Абадской области: балкарцев – 2500 чел., чеченцев и ингушей – 24 300 чел., всего – 26 800 чел.; в Иссык-Кульской области: балкарцев – 15 тыс. чел., карачаевцев – 22 800 чел., чеченцев и ингушей – 88 300 чел.⁹⁶²

Наркоммясомолпрому, Наркомзагу, Наркомзему, Наркомсовхозу предлагалось обеспечить возврат скота и зерна спецпереселенцам из Кабардино-Балкарии на условиях и в сроки, установленные постановлением ГКО № 5073сс от 31 января 1944 г. Наркомзаг СССР обязан был выделить также дополнительные к постановлениям ГКО № 5073сс от 31 января 1944 г. СНК Казахской ССР 300 т муки, 150 т крупы и СНК Киргизской ССР 200 т муки и 100 т крупы для питания переселенцев из Кабардино-Балкарской АССР.

29 февраля 1944 г. Берия доложил из Грозного Сталину, что для обеспечения подготовки и успешного проведения операции по выселению балкарцев приняты

все необходимые меры. Берия также сообщал: «Подготовительная работа будет закончена до 10 марта, и с 15 марта будет проведено выселение балкарцев. Сегодня заканчиваем здесь (в Чечено-Ингушетии. – *Авт.*) работу и выезжаем на один день в Кабардино-Балкарию, и оттуда – в Москву».

Выполнение планов непосредственно в Кабардино-Балкарии, начиная с 8 марта, проводилось по уже четко отработанной схеме. Все проходило так, как было задумано. «НКВД докладывает, – сообщал 11 марта 1944 г. Берия, – что операция по выселению балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР закончена 9 марта. Погружено в эшелоны и отправлено к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца, кроме того, арестовано 478 чел. антисоветского элемента. Изъято 288 единиц огнестрельного оружия. Заслуживающих внимания происшествий во время проведения операции не было...»

Одновременно предпринимались меры по «стабилизации обстановки в районах прежнего проживания балкарцев». 11 марта 1944 г. за подписью Берии был издан приказ № 765000/133 НКВД СССР. Документом предписывалось сразу же после выселения «организовать в ряде районов (Черекском, Чегемском, Эльбрусском и Хуламо-Безенгийском. – *Авт.*) оперативные группы с войсковыми гарнизонами и мобилизовать все силы на ликвидацию стоявших на учете» и «действовавших 7 бандгрупп (89 чел.), 14 банд-одиночек». Согласно приказу, нарком внутренних дел Северо-Осетинской АССР Текаев обязывался «принять участие в ликвидации банд в Лексенском, Урванском, Черекском районах, граничивших с Северной Осетией, создать 23 разведывательные группы, обеспечить охрану продовольствия»⁹⁶³.

14 марта на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Берия отчитался за проведенную новую «операцию». В тот же день, в 20 часов, З.Д. Кумехову в Нальчик позвонил Г.М. Маленков, сообщавший, что тот (Кумехов. – *Авт.*) освобожден от должности первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б).

14 эшелонов с балкарцами направлялись на станции Оренбургская (9 эшелонов) и Ташкентская (5 эшелонов) железных дорог. Общее число депортировавшегося населения составило 37 713 человек. Отдел перевозок НКВД СССР в своей сводке сообщал, что «происшествий не было»⁹⁶⁴.

Общий контроль за движением эшелонов возлагался на личный состав Пятигорской бригады конвойск. По просьбе наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР Бзиава для сопровождения каждого из эшелонов прикомандировывалось по 35 красноармейцев⁹⁶⁵.

23 марта 1944 г., докладывая о движении эшелонов с переселенцами с Северного Кавказа (имеются в виду ингуши, чеченцы, балкарцы и др.), начальник Отдела перевозок НКВД СССР Д.В. Аркадьев сообщал В.В. Чернышову: «Последний эшелон «Северный Кавказ-268» прибыл к месту назначения – ст. Риддер Томской железной дороги 20 марта 1944 г. Все эшелоны проследовали благополучно⁹⁶⁶. Всего было доставлено в 180 эшелонах 491 571 чел.»

Спустя три дня он направил новую телеграмму, в которой уведомлял: «Проследовал эшелон с балкарцами «Северный Кавказ-455», прибыл Омскую железную дорогу». В телеграмме, поступившей в НКВД СССР 23 марта 1944 г., сообщалось о прибытии на восток переселенцев, куда входили и 37 044 балкарца, отмечалось, что «умерших среди них в ходе следования было 562 чел.»⁹⁶⁷

Переселение балкарцев протекало также в неимоверно трудных условиях. Резко выросла

смертность от недостатка продовольствия, антисанитарных условий, эпидемий, трудностей адаптации в новых районах проживания. Особенно страдали старики и дети. По данным архива Совета Министров Киргизской ССР, балкарцы-мужчины, а это были оставленные по брони передовые колхозники, советские и партийные работники, сотрудники госбезопасности и управления внутренних дел, инвалиды детства и инвалиды грохотавшей еще войны, столетние старцы, прибывшие в 1944 г. на спецпоселение, – все, вместе взятые, составляли только 18 % от общего числа переселенцев. Женщин было около 30 %, все остальные, то есть больше половины, – дети⁹⁶⁸.

В конечном итоге по территории восточных районов страны к концу 1944 г. балкарцы распределялись следующим образом: в Казахской ССР – 16 684 чел., в Киргизской ССР – 15 743 чел., в Узбекской ССР – 419 чел., в Таджикской ССР – 4 чел., Иркутской области – 20 чел., в районах Дальнего Севера – 14 чел.⁹⁶⁹

Численность переселенных балкарцев позднее возросла за счет тех, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны (сюда включались и инвалиды Великой Отечественной войны, возвращавшиеся как непосредственно в Кабардино-Балкарскую АССР до 8 марта 1944 г., так и позднее). Возвращение демобилизованных из армии проводилось на основе директивы МВД СССР № 140 от 22 августа 1945 г. о направлении прибывших с фронта представителей переселяемых народов на места проживания основной группы⁹⁷⁰.

По данным Отдела спецпоселений НКВД СССР, среди возвратившихся из Красной армии спецпоселенцев-балкарцев значились: 99 офицеров, 243 сержанта, 703 рядового состава, а всего – 1045 чел.⁹⁷¹

Следует заметить, что 31 октября 1945 г. Берия дал согласие на освобождение из спецпоселений тех из бойцов Красной армии, которые оставались на службе в армии без права возвращения на Северный Кавказ, в Крым, на территорию бывшей Калмыцкой АССР.

Как и демобилизованные представители других депортированных народов, демобилизуемые воины-балкарцы высказывали недоумение, чувствовали ущемление своих прав. Балкарец, студент Алма-Атинского пединститута С.К. Абаев, писал В.М. Молотову: «Суровые испытания Великой Отечественной войны я выдержал с честью (в сентябре 1941 г. он был призван в Красную армию. – *Авт.*). Так же как и миллионы советских людей, служил и боролся с врагами (около 5 лет), после окончания войны я не знаю, за что я несу это половинчатое, компрометирующее меня наказание»⁹⁷².

Единственным послаблением для выселенных балкарцев, так же как и для и других народов, разделивших их судьбу, было то, что те балкарцы, которые состояли в брачных отношениях с представителями народов, которые не подлежали переселению (например, азербайджанцами, кабардинцами, русскими и т. д.), освобождались от переселения. Освобождались от переселения и те, кто принадлежал к другим национальностям и случайно был «прихвачен» в процессе переселения. Кстати, это правило имело широкое распространение и на новых местах проживания. 11 января 1945 г. замнаркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов предписал наркому Казахской ССР Н.К. Богданову: «Спецпереселенцы по национальности чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы при выходе замуж за местных жителей, не являющихся спецпереселенцами, снимаются с учета спецпоселения и освобождаются от всех режимных ограничений постановлением НКВД Казахской ССР»⁹⁷³.

В 1944 г. принудительному выселению с территории Северного Кавказа подвергся еще ряд национальных и социальных групп. На основе специального постановления ГКО от 2 июня 1944 г. за пособничество немецким оккупантам было подвергнуто депортации все греческое население Крымского полуострова – 15 040 чел. Выселение иноподданных греков проходило в рамках отдельной операции согласно постановлению ГКО от 24 июня 1944 г. № 6100 сс. Из Крыма был выселен дополнительно 3531 чел. с просроченными национальными паспортами, а с территории Ростовской области и Краснодарского края еще 8300 греков, не имевших гражданства СССР. Операцией по выселению из Краснодарского края руководил комиссар госбезопасности И. Серов, а из Керчи – нарком Г. Каранадзе. На октябрь 1946 г. на спецпоселении пребывало 39 959 граждан греческой национальности.

На основании приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 001036 «О выселении из городов-курортов Кавмингруппы семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немцами» от 24 августа 1944 г. началась кампания по выселению из городов Кавмингруппы (Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки, Минеральные Воды) в Новосибирскую область членов семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родины, осужденных и добровольно ушедших с немецко-фашистскими оккупантами, в количестве 378 семей общей численностью 850 чел.⁹⁷⁴ Проведение операции по выселению возлагалось на начальника УНКВД по Ставропольскому краю Ткаченко. Выселение намечалось произвести одновременно 31 августа 1944 г., но состоялось оно только в декабре 1944 г. Переселению подлежали 735 семей – 2238 чел., в том числе из Ставрополя – 210 семей – 523 чел., и городов

Кавмингруппы – 206 семей – 549 чел., из Черкесской автономной области – 319 семей – 1166 семей. Сроком выселения устанавливалось 25 января 1946 г.⁹⁷⁵

В целом динамика движения выселенцев и спецпереселенцев к 1949 г. представлена в табл. 17.

Таблица 17

Справка о количестве выселенцев и спецпоселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение, и о количестве выселенцев и спецпоселенцев, прошедших переучет на 1949 г.

	Семей	Человек
Чеченцев и ингушей	165 610	397 966
Карачаевцев	16 122	60 565
Балкарцев	9027	32 248
Калмыков	28 065	78 931
Из Крыма	51 850	188 609
Немцев	267 968	956 567
Бывших кулаков	58 135	161 241
Из Грузинской ССР	20 730	97 619
«Фольксдойче»	1748	3109
Немецкие пособники	1160	3007
«ИПХ»	392	1074
Из Литовской ССР	2705	8668
«Власовцы»		136 339
Итого	600 187	2 209 454

Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-9401. Он. 1. Д. 435. Л. 132.

Среди спецпереселенцев наблюдалась высокая смертность. Из всех депортированных из Северного Кавказа за период с 1944 по 1948 г. умерли 144 704 чел. (23,7 % от всех выселенных). Например, в Казахской ССР умерших чеченцев, ингушей, балкарцев с апреля 1944 г. по июнь 1949 г. числилось 101 036 чел. (23,3 %)⁹⁷⁶.

Начальник 4-го отделения 4-го отдела МВД СССР Курочкин, составляя отчет о демографических изменениях среди переселенцев Северного Кавказа (1951 г.), отмечал, что среди всех спецпереселенцев в 1945 г. умерли 44 652 чел., родились - 2230 чел.; в 1946 г. соответственно: 15 634 и 6320 чел.; в 1947 г.: 10 849 и 7204 чел.; в 1948 г.: 15 182 и 10 348 чел. Всего с 1944 по 1948 г. родившиеся после спецпоселения у чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев составили 26 102 чел.⁹⁷⁷

4

Судьба национально-государственных образований репрессированных народов Северного Кавказа

Одним из главных последствий депортаций стала полная ликвидация существовавших национально-государственных автономных образований, вызревших в процессе сложной эволюции национально-государственного обустройства народов Северного Кавказа в предыдущие десятилетия существования советской власти. Последствия демонтажа автономий депортированных народов в новейшее время послужили причиной множества эксцессов, в том числе и кровопролитных.

Первым стал вопрос о дальнейшем статусе и хозяйственном использовании Карачаевской автономной области Ставропольского края. 6 ноября 1943 г. СНК СССР рассмотрел этот вопрос и принял специальное постановление № 1221368сс «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края». Определялись территории, которые переходили под юрисдикцию Ставропольского и Краснодарского краев и Грузинской ССР.

В состав Краснодарского края включалась часть территории Преградненского района, а другая его часть передавалась в состав Зеленчукского района Ставропольского края. В состав Грузинской ССР переходили Учкуланский и Микояновский районы. На их базе создавался новый административный район – Тебердинский в составе Грузинской ССР. Часть земель этих двух районов перешла к Джегутинскому району

Ставропольского края. Бывший Мало-Карачаевский район переименовывался в Кисловодский сельский район Ставропольского края.

15 ноября 1943 г. состоялось заседание бюро Ставропольского краевого комитета ВКП(б), в работе которого участвовали первый секретарь крайкома М.А. Суслов, уполномоченный КПК ЦК ВКП(б) по Ставропольскому краю Гуров, инструктор ЦК ВКП(б) Брюхачев. Центральным был вопрос «О порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области».

В связи с новым делением территории вносились изменения в колхозное строительство. В Ставропольском крае планировалось создание на территории бывшей автономной области 17 новых колхозов с подселением в них 3280 хозяйств. 19 колхозов ликвидировались, 7 – подселялись и объединялись с другими.

По Грузинской ССР ликвидировались 26 бывших колхозов Учкулановского и Микояновского районов КАО, в селении Нижняя Теберда Микояновского района организовывался новый колхоз путем вселения 200 хозяйств из горных районов Грузии (население – сваны, рачинцы, лехчумцы). Курорт Теберда предполагалось передать в ведение Наркомздрава Грузинской ССР. Все эти мероприятия надо было завершить в течение 1944 г.

Руководствуясь постановлением СНК СССР от 6 ноября 1943 г., Ставропольский крайком ВКП(б) детально расписал порядок территориального разделения области вплоть до числа хозяйств, отходивших к тому или иному административному району. Так, создавались новые колхозы в Усть-Джегутинском районе за счет переселения по 300 хозяйств из Александровского, Благодарненского и Ипатовского районов и 130 хозяйств из Буденновского района, 250 хозяйств Труновского района, 150 хозяйств Дмитриевского района. Создавался новый колхоз в

Микояновском районе за счет 150 хозяйств, переселявшихся из Изобильненского района, и 300 хозяйств Молотовского района⁹⁷⁸. В Мало-Карачаевском районе образовывались два колхоза за счет 150 хозяйств аула Красный Восток и 200 хозяйств Егорлыкского района⁹⁷⁹.

По-новому осуществлялось и распределение земель между колхозными хозяйствами. По этому поводу п. 10 предписывал: «В ауле Ново-Карачаевского района из-за крайней ограниченности пахотной земли колхоз как самостоятельное хозяйство ликвидировать. Все земли передать смежным колхозам села Коста Хетагурова (Осетинская), а также передать им постройки (производственные и жилые) и инвентарь бесплатно...»⁹⁸⁰

Перестройки колхозов потребовали проведения (зачастую поспешного) землеустроительных работ не только в пределах бывшей Карачаевской автономной области, но и между различными республиками и областями Северного Кавказа. Так, в п. 21 названного постановления отмечалось о передаче «эссентукских прирезков» в размере 14 тыс. гектаров прилегающим колхозам Черкесского района Черкесской автономной области и Суворовского района⁹⁸¹.

Таковыми были первые шаги в административно-территориальных преобразованиях в крае, явившихся прямым следствием проводимой депортации народов.

Уже 1 марта 1944 г. нарком внутренних дел СССР Берия, докладывая председателю Государственного Комитета Обороны Сталину об общих итогах переселения чеченцев и ингушей, сообщал: «Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов»⁹⁸².

Некоторое время эти меры осуществлялись стихийно, хотя в Москве, в союзных ведомствах уже готовились на сей счет соответствующие документы. 24 февраля 1944 г. заместитель председателя СНК СССР А. Гриценко докладывал Л.П. Берии о готовности проекта постановления СНК «О районировании территории бывшей Чечено-Ингушской АССР». Далее следовали пояснения предполагаемого обустройства территории. Один из вариантов сводился к созданию Грозненского округа в составе Ставропольского края. К Грозненской области переходили 16 районов (13 – в существующих границах, 3 – с уменьшенной территорией). В область передавались 238 колхозов и 45 тыс. дворов. В состав Дагестанской АССР должны были быть переведены 4 прилегавшие к этой республике района (88 колхозов, 20 800 дворов). К Северо-Осетинской АССР отводился непосредственно прилегающий к городу Орджоникидзе Пригородный район, за исключением южной части, полностью Назрановский район и большая часть Ачалукского района, составлявшие примерно 70 % к нынешней территории Ингушетии (на территории района имелось 52 колхоза, 8400 дворов). К Грузинской ССР отводились северные склоны Кавказского хребта, относившиеся к пяти районам бывшей Чечено-Ингушской АССР, в том числе Итум-Калинский, наполовину Шароевский, Галанчожский, Пригородный (от 30 до 40 % территории каждого). На территории 213 тыс. га, отходившей Грузии, располагались 40 колхозов и 8 тыс. колхозных дворов.

Участвовавшие в совещании представители от Дагестанской республики (Даниялов, Алиев) обратились с просьбой присоединить к Дагестану восточную часть Гудермесского и Курчалоевского районов. Секретарь обкома ВКП(б) Северо-Осетинской АССР Кулов выступил с предложением присоединить к Северной Осетии

Пседахский, Малгобекский, полностью Ачалукский и часть Сунженского районов.

Через два дня Сталину был представлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и проект постановления СНК СССР о заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР.

Заместитель председателя СНК РСФСР Д. Дегтярь предложил 27 февраля 1944 г. внести в представленный СНК СССР проект дополнения, включающий перевод в Грозненскую область районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, а также Кизлярского округа Ставропольского края⁹⁸³. Это объяснялось тем, что Кизлярский округ больше тяготел в экономическом и культурном отношении к Грозному, чем к Ставрополю.

26 февраля 1944 г. проект Указа о ликвидации Чечено-Ингушской АССР был представлен Сталину, с которым он, однако, не согласился. В связи с этим 29 февраля из Владикавказа Берия направил второй вариант проекта раздела территории Чечено-Ингушетии. В него Сталин внес существенные поправки. И только 7 марта был представлен окончательный вариант с приложенной географической картой об административно-территориальном устройстве бывшей республики. Указ был утвержден.

В указе о ликвидации республики предписывалось:

«...2) Образовать в составе Ставропольского края РСФСР Грозненский округ с центром в г. Грозном, с включением в его состав районов Чечено-Ингушской АССР (Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский – в существующих границах, Гудермесский район, за исключением восточной части, Сунженский район, за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский районы, за исключением

южной части этих районов и северо-западную часть Курчалоевского района).

3) Включить в состав Дагестанской АССР следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский – в существующих границах, а также Курчалоевский и Шароевский районы, за исключением северо-западной части этих районов, и восточную часть Гудермесского района.

4) Включить в состав Северо-Осетинской АССР гор. Малгобек и следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Ачалукский, Назрановский и Пседахский – в существующих границах, Пригородный район, за исключением его южной части, западную часть Сунженского района, а также восточную часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР».

9 марта 1944 г. СНК СССР принял постановление № 25574сс «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР», касавшееся исключительно порядка переселения колхозов хозяйств и в значительной мере повторявшее уже изложенные юридические акты.

Два дня спустя Верховный Совет СССР издал распоряжение № 5473рс, обязывавшее СНК Дагестанской АССР до середины апреля 1944 г. переселить 1300 хозяйств колхозников из горных районов Дагестана на земли, освобожденные после выселения чеченцев из Ауховского района Дагестанской АССР, и обеспечить проведение сельскохозяйственных работ указанными хозяйствами.

Этим распоряжением также определялись нормы обеспечения переселяемых колхозов дополнительно скотом, тягловой силой, семенами, предусматривалось освобождение в 1944–1945 гг. от поставок государству сельскохозяйственных продуктов, денежных налогов и сборов⁹⁸⁴.

Необходимо было повсеместно стимулировать переезд колхозных хозяйств в районы прежнего проживания депортированных народов. Нарком путей сообщения СССР выступил с предложением «за счет местных бюджетов выдавать переселяемым колхозам субсидии на оплату стоимости проезда и провоза личного имущества по железной дороге»⁹⁸⁵.

Однако менее чем через месяц, 22 марта 1944 г., последовала новая административная реформа: было принято постановление об образовании Грозненской области с центром в г. Грозном, ликвидации Грозненского и Кизлярского округов Ставропольского края.

В составе области значились 20 административных единиц (города и районы), включая Кизляр и его район, а также Наурский район, выделенные из состава Ставропольского края. Постановление было утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 22 марта 1944 г.⁹⁸⁶

Уже в мае 1944 г. многие из намеченных мер по заселению бывших районов Чечено-Ингушской АССР были выполнены, шел процесс обустройства на местах новых колхозных хозяйств. В одной из сводок «Об оперативно-служебной деятельности в бывшей Чечено-Ингушской АССР» сообщалось: «После выселения чеченцев и ингушей часть населенных пунктов, в особенности плоскостных и у коммуникационных дорог, заселены. Пригородный, Назрановский районы – осетинами, Чеберлоевский, Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский и ближе к плоскости Шалинский, Курчалоевский – дагестанцами. Остальные районы, относящиеся к Грозненской области, плоскости и предгорья заселялись в основном русскими из Ставропольского края. Часть жителей в этих районах остались – это тавлины (народы Дагестана) и кабардинцы...»⁹⁸⁷

В июне 1944 г. в докладной записке Грозненского обкома ВКП(б) (П.Чеплаков) секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову читаем: «В указанные районы (11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР) из Ставропольского края было переселено 6800 семей, а также... 5892 хозяйства колхозников из Грозненской области, жителей Грозного и всего до 15 июля... вселено 12 692 семейства, за счет которых организованы 65 колхозов». Это составляло меньше 40 % от общего числа существовавших хозяйств чеченцев и ингушей. Двадцать два села оставались незаселенными, и двадцать сел были заселены частично.

Секретарь Грозненского обкома ВКП(б) П. Чеплаков неоднократно выступал с предложением о дополнительном переселении колхозов в бывшую Чечено-Ингушскую АССР с территории республик и областей Центральной России, в частности 5 тыс. хозяйств из малоземельных Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Рязанской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей⁹⁸⁸.

Не оставались пустыми и районы Дагестанской АССР, в которых ранее проживали чеченцы-аккинцы. СНК Дагестанской АССР и бюро обкома ВКП(б) утвердили план по переселению из двадцати горных и предгорных районов республики 9160 хозяйств колхозников в две очереди: в первую очередь было намечено переселить 6300 хозяйств. Чеченцы проживали в Андалалском районе (Ножай-Юртовском) – 3280 хозяйств, в Новолакском (образован с 1943 г. из Хасавюртовского района). Бывший Ауховский район заселялся ранее исключительно чеченцами. После проведенного спецпереселения в районе оставалось не более 100 хозяйств других национальностей. После выселения чеченцев два населенных пункта Новолакского района

передавались в ведение Казбековского района. В 1671 переселенном хозяйстве числилась 61 тыс. чел.⁹⁸⁹

Переселение на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР продолжалось вплоть до 1947 г. Почти незаселенными остались высокогорные территории, отошедшие Грузинской ССР⁹⁹⁰.

Сразу же вслед за решениями по распределению территории бывшей Чечено-Ингушской АССР последовали решения по перераспределению земель Кабардино-Балкарской АССР в связи с выселением балкарцев. В апреле 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был принят проект, подготовленный под руководством Бери. Согласно Указу, балкарцы выселялись «в другие районы СССР», Кабардино-Балкарская АССР переименовывалась в Кабардинскую АССР, а территория бывших балкарских районов была разделена. Кабардинской АССР отошла основная часть земель, в состав Грузинской ССР были включены юго-западные части Эльбрусского и Нагорного районов⁹⁹¹. Был образован Клухорский район с центром в Микоян-Шахаре (Клухори).

Заключение

Участие горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне – сложная и многогранная тема, обремененная чрезмерной политизацией событий войны в исторической памяти северокавказских народов. К сожалению, современное состояние исторического знания о Великой Отечественной войне в республиках Северного Кавказа и, особенно, у народов, подвергшихся в годы войны репрессиям, – яркая иллюстрация того, как историческая наука становится не то что служанкой, а рабыней политики, причем, похоже, это рабство добровольное.

Как показано в работе, историческому сознанию и историографии народов Северного Кавказа присущи позитивизм советского типа, акцент на героико-патриотическую тематику и престижные сюжеты. Контент большинства издаваемых в регионах академических трудов, статей, представляемых на научных конференциях докладов ограничен биографиями горцев-участников войны, описанием подвигов награжденных орденами и медалями, Героев Советского Союза, изложением достижений тружеников тыла. Часто авторы ставят перед собой задачу составить исчерпывающий список участников войны по тому или иному критерию (жители одной местности, представители одного этноса и т. п.) и посвящают этому значительную часть своих работ. Для народов, подвергшихся в годы войны репрессиям, эта задача особенно важна. На фоне акцентированной героико-патриотической тематики депортация кажется особенно преступной, несправедливой, дикой акцией.

В доказательство своей правоты региональные авторы часто ссылаются не на архивный материал, а на

литературу предшественников и даже на свои собственные ранние работы, что как бы легитимизирует многократно приведенные факты, первоисточник которых теряется в перекрестных ссылках.

Важно отметить, что между продукцией академических учреждений, публицистическими очерками, журналистскими статьями, речами общественных и государственных деятелей нет принципиальной разницы. Все они нацелены на одно – отстоять (а в случае с репрессированными народами – и реабилитировать) свою этносоциальную общность перед лицом соседей (на фоне их непрерывного соперничества) и российского общества. Этноэтноистские императивы для национальных профессиональных сообществ историков на Северном Кавказе имеют безусловный приоритет над собственно научной актуальностью. И в научном, и в публицистическом тексте, и в журналистском репортаже воспроизводятся, как правило, одни и те же факты, дается одна и та же их интерпретация. События войны сакрализированы, и для их консервации удобнее всего оказалось не трогать советскую, по существу, историографическую оболочку, к тому же агрессивно отстаиваемую как единственно возможный способ осмысления военной истории горских народов.

Этнопатриотический подход, возможно, небесполезен в деле воспитания молодого поколения, но не позволяет прояснить многие проблемы в развитии региона в годы Великой Отечественной войны. Он не способствует объективному и всестороннему изучению участия горцев в Великой Отечественной войне и не позволяет объединить усилия северокавказских историков в попытке дать обобщенную картину событий.

В настоящей работе предпринята нечастая в современной историографии попытка с научным инструментарием заглянуть в табуированный мир

истории участия горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. Предметом исследования стали прежде всего те вопросы, которые намеренно обходятся стороной в современной историографии или толкуются крайне тенденциозно: почему на Северном Кавказе судьба большинства национальных частей (так почитаемых сейчас) была очень короткой, почему первоначальные планы национального военного строительства уже через несколько месяцев после их принятия были резко сокращены, а затем и свернуты. В книге обобщен и оценен опыт военно-мобилизационных мероприятий в национальных регионах Северного Кавказа. Дано объяснение начавшимся уже в 1941 г. приостановкам приема горского населения во всех северокавказских республиках, постепенное сворачивание и отмена его приема в армию. Дан беспристрастный, основанный на архивном материале ответ о масштабах и политических мотивах повстанческого движения в 1941–1943 гг., о корреляции военно-мобилизационных мероприятий, повстанческого движения и последующих массовых репрессий. Показаны особенности оккупационного режима в регионе, дана оценка причин и масштабов коллаборационизма горцев.

Авторы надеются, что им удалось развеять хотя бы несколько устойчивых историографических мифов и, тем самым, внести свою лепту в объективное изучение участия горцев в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-5445. Распоряжения Совета народных комиссаров СССР.

Оп. 2. Д. 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 45, 46, 47, 49, 50.

Ф. Р-5446. Совет народных комиссаров СССР.

Оп. 1. Д. 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206.

Ф. Р-7021. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

Оп. 16. Д. 4, 561, 562.

Оп. 17. Д. 296, 297, 311.

Оп. 23. Д. 49, 51.

Ф. Р-7445. Международный военный трибунал для главных немецких военных преступников (Нюрнбергский процесс).

Оп. 1. Д. 189, 1711.

Оп. 2. Д. 96, 99, 157, 166.

Ф. Р-9401. Министерство внутренних дел СССР.

Оп. 1. Д. 65, 68, 134, 234.

Ф. Р-9478. Главное управление по борьбе с бандитизмом Министерства внутренних дел СССР.

Оп. 1. Д. 160, 299, 653.

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 25873. Управление Закавказского военного округа. 1938–1940 гг.

Оп. 1. Д. 104, 107, 129, 132, 135, 145, 382, 447, 2388.

Ф. 25896. Управление Северо-Кавказского военного округа. 1930–1941 гг.

Оп. 9 (Военный совет). Д. 13, 17, 19, 22, 24, 29, 34, 82, 89, 95, 96, 103.

Ф. 38650. Главное управление внутренних войск НКВД. 1941–1945 гг.

Оп. 1. Д. 128.

Ф. 38652. Заместитель наркома внутренних дел по войскам.

1941–1945 гг.

Оп. 1. Д. 20.

Ф. 38663. Управление Грозненской дивизии внутренних войск.

1942–1943 гг.

Оп. 1. Д. 24, 27, 30, 31.

Ф. 39385. Управление войск НКВД по охране тыла Северной группы войск Закавказского фронта. 1942–1943 гг.

Оп. 1. Д. 5.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. ЦК ВКП(б).

Оп. 3 (Протоколы заседаний Политбюро ВКП(б) за 1941–1952 гг.). Д. 1044, 1045, 1046, 1047.

Оп. 22 (Протоколы заседаний бюро ЦК ВКП(б) союзных республик, обкомов и крайкомов ВКП(б)). Д. 35, 36, 37, 124, 125, 126, 127, 532, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 673.

Оп. 43 (Протоколы заседаний бюро ЦК ВКП(б) союзных республик, обкомов и крайкомов ВКП(б)). Д. 5, 6, 7, 8, 9, 318, 320, 321, 322, 325, 351, 380, 381, 383, 390,

471, 472, 474, 965, 985, 989, 1171, 1751, 1752, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757, 1758, 1759, 1760, 1761.

Оп. 88 (Сектор информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) за 1938–1955 гг.). Д. 79, 80, 81, 82, 83, 189, 223, 224, 483.

Оп. 122 (Организационно-инструкторский отдел ЦКВКП(б)). Д. 17, 41, 54.

Оп. 125 (Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)). Д. 27, 60, 78, 81, 82, 85, 94, 106, 127, 165, 166, 169.

Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения.

Оп. 1. Д. 645, 651, 653, 654, 655.

Ф. 81. Л.М. Каганович.

Оп. 3. Д. 254, 255, 294, 309, 417, 420.

Ф. 82. В.М. Молотов.

Оп. 2. Д. 314, 316, 330.

Ф. 558. И.В. Сталин.

Оп. 11. Д. 483, 484, 485, 487, 712, 743, 762, 818.

Ф. 644. Государственный Комитет Обороны.

Оп. 2. Д. 25, 83, 93, 96, 98.

Ф. М-1. ЦК ВЛКСМ.

Оп. 53 (Отдел ЦК ВЛКСМ по работе среди комсомольцев и молодежи во временно оккупированных районах и партизанских отрядах). Д. 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

Ф. 51. Полевое управление Северо-Кавказского фронта (II формирования). 1943 г.

Оп. 926 (Военный совет). Д. 15.

Оп. 932 (Оперативный отдел штаба). Д. 12, 13, 14, 17, 19, 21, 22, 24, 27, 122, 130, 131, 133, 134, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 146, 147, 153, 155, 160, 174, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 213, 214, 648.

Оп. 958 (Военный совет). Д. 2, 63, 64, 65.

Оп. 959 (Политическое управление). Д. 2, 63, 64, 65.

Оп. 962 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 2, 4, 12, 14, 18, 21, 52, 55, 65, 78, 133, 450.

Ф. 56. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии Наркомата обороны. 1941-1945 гг.

Оп. 12214 (Главное управление формирований). Д. 356, 403, 404, 405, 406, 417, 470, 736, 932.

Оп. 12238 (Отдел инспектирования новых формирований (с 1943 г. – Управление инспектирования и боевой подготовки стрелковых частей и соединений). Д. 74, 144, 219, 298.

Оп. 12216 (Управление мобилизации и укомплектования (с 1943 г. – Мобилизационное управление). Д. 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 25, 26, 28, 30, 32, 33, 47, 48, 49, 56, 59, 61.

Ф. 144. Полевое управление Северо-Кавказского военного округа (I и II формирований). 1941-1942, 1943-1945 гг.

Оп. 13181 (Военный совет). Д. 2, 5, 6, 10, 11, 14, 22, 26.

Оп. 13184 (Политическое управление). Д. 1, 13, 14, 32, 37, 38, 40, 41, 132.

Оп. 13189 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 10, 11, 22, 23, 38, 39, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 91, 92, 93, 102, 118, 126, 131, 137, 142, 143, 147, 151, 152, 159, 163, 167, 170, 207, 210, 218, 220, 226, 234, 237, 241, 257, 278, 281, 282, 285, 288, 290, 291.

Ф. 209. Полевое управление Закавказского фронта (I и II формирований). 1941-1945 гг.

Оп. 989 (Военный совет II формирования). Д. 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 55, 59, 62, 70, 73.

Оп. 990 (Военный совет II формирования). Д. 2.

Оп. 997 (Разведывательный отдел штаба II формирования). Д. 1, 8, 9, 10, 23, 24, 25, 26.

Оп. 999 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба II формирования). Д. 1, 3, 4, 6, 8, 14, 21, 26, 30, 31, 33, 35, 39, 40, 49, 50, 51, 53, 56, 57, 65, 69, 72, 80, 98, 99, 101, 107, 108, 117, 125, 138, 139, 148, 151, 153, 156, 157, 171, 163, 165, 194, 206, 209, 213, 220, 233, 235, 246, 275, 278, 284, 288, 292, 293, 294, 300, 303, 313, 317, 326, 332, 333, 345, 346, 364, 366, 368, 370, 407, 408, 415, 417, 425, 429, 443, 446, 486, 487, 501, 513, 521, 526, 547, 578, 581, 600, 685, 690, 697, 703, 730, 731.

Оп. 1000 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба II формирования). Д. 170.

Оп. 1019 (Политическое управление II формирования). Д. 41, 42, 404, 407, 411, 412, 415, 420, 434.

Оп. 1029 (Тыловое управление фронта II формирования). Д. 1, 8, 21, 25, 34, 177, 232.

Оп. 1063 (Оперативный отдел штаба II формирования). Д. 6, 7, 25, 28, 30, 31, 34, 40, 42, 61, 63, 64, 70, 80, 83, 90, 91, 92, 126, 128, 129, 139, 151, 154, 158, 166, 168, 169, 170, 172, 176, 177, 198, 200, 206, 218, 226, 317, 318, 419, 420, 422, 423, 425, 426, 432, 436, 456, 463, 464, 465, 469, 473, 490, 493, 499, 501, 509, 642, 644, 646, 655, 658, 659, 688, 689, 692, 693, 696-а.

Оп. 1064 (Оперативный отдел штаба II формирования). Д. 1, 2, 3.

Оп. 1085 (Военный совет I формирования). Д. 1, 5, 10.

Оп. 1089 (Оперативный отдел штаба I формирования). Д. 5, 6, 14, 20, 37.

Оп. 1091 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба I формирования). Д. 4, 30, 65, 118, 138, 143, 145.

Оп. 1113 (Политическое управление I формирования). Д. 1, 8, 11, 19, 26, 32, 44, 45, 47, 48, 49, 82, 93, 95, 96,

105, 111, 126, 127, 137.

Ф. 215. Полевое управление Крымского фронта. 1942 г.

Оп. 1184 (Военный совет). Д. 2.

Оп. 1185 (Оперативный отдел штаба). Д. 7, 14, 18, 25, 26, 27, 28, 44, 45, 47, 59, 66, 67, 72, 85, 87, 98, 100, 103, 126, 151. Оп. 1188 (Отдел укомплектования штаба). Д. 3.

Оп. 1199 (Политическое управление). Д. 3, 7-6, 9, 15, 35, 42, 44, 45, 89, 91.

Ф. 216. Кавказский фронт. 1941 г.

Оп. 1144 (Отдел укомплектования штаба). Д. 16, 19, 20, 23.

Оп. 1166 (Политическое управление). Д. 3, 4, 6, 7.

Ф. 217. Ленинградский фронт. 1941-1944 гг.

Оп. 1221 (Оперативный отдел штаба). Д. 718, 719, 726, 727, 728, 729, 731, 849, 3841, 3844, 3846, 3848, 3849, 3850, 3851, 3853, 6237.

Ф. 224. Полевое управление Северо-Кавказского фронта (I формирования); Черноморской группы войск Закавказского фронта. 1941-1943 гг.

Оп. 760 (Оперативный отдел штаба). Д. 7, 10, 25, 35, 38, 308.

Оп. 763 (Отдел укомплектования и службы войск штаба). Д. 44, 46, 52.

Оп. 811 (Оперативный отдел штаба). Д. 39, 46, 72, 198, 199, 217.

Оп. 832 (Политическое управление). Д. 2, 3, 17, 21, 64, 122, 133, 450.

Ф. 228. Южный фронт (II формирования). 1942-1943 гг.

Оп. 536 (Политическое управление). Д. 27.

Ф. 233. 1-й Белорусский фронт. 1944-1945 гг.

Оп. 2338 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 91.

Ф. 236. 1-й Украинский фронт. 1943-1945 гг.

Оп. 2677 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 26, 71, 84.

Ф. 241. 3-й Белорусский фронт. 1944-1945 гг.

Оп. 2628 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 98.

Ф. 243. 3-й Украинский фронт. 1943-1945 гг.

Оп. 2917 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 43, 54, 142.

Ф. 273. Полевое управление Северной группы войск; Закавказского фронта. 1942-1943 гг.

Оп. 875 (Военный совет группы). Д. 2, 4.

Оп. 879 (Оперативный отдел штаба группы). Д. 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 14, 35, 36, 39.

Оп. 882 (Отдел укомплектования и службы войск штаба). Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Оп. 900 (Политический отдел). Д. 1, 5.

Ф. 288. Отдельная Приморская армия (I и II формирования). 1941-1942, 1943-1945 гг.

Оп. 9905 (Военный совет). Д. 19.

Оп. 9925 (Политический отдел). Д. 4, 6, 44.

Оп. 9921 (Оперативный отдел штаба). Д. 48-а.

Ф. 5871. Полевое управление 9-й армии (II формирование). Оп. 5689. Д. 70, 74, 76, 77, 78, 84, 85, 160.

Ф. 399. Полевое управление 44-й армии (II формирование). Оп. 9385. Д. 15, 17, 18, 20, 25, 27, 28, 29.

Ф. 400. Полевое управление 45-й армии.

Оп. 9450. Д. 1, 5, 6, 11, 12, 13, 21, 22.

Ф. 401. Полевое управление 46-й армии.

Оп. 9511. Д. 22, 30, 31, 32, 38, 41.

Ф. 414. Полевое управление 58-й армии.

Оп. 10945. Д. 2.

Ф. 832. 10-й гвардейский стрелковый корпус.

Оп. 1. Д. 18, 22.

Ф. 827. 9-й стрелковый корпус.

Он. 1. Д. 1, 5.
Ф. 1256. 91-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 16, 70, 73, 76, 111, 144.
Ф. 1382. 151-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 6, 39, 52, 58, 59.
Ф. 1495. 223-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 1, 2, 4, 6, 8, 30, 47, 49, 54, 55.
Ф. 1563. 271-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 1.
Ф. 1572. 276-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 8, 79, 80, 82, 177.
Ф. 1633. 320-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 7. Оп. 2. Д. 8.
Ф. 1671. 351-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 1.
Ф. 1673. 353-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 2.
Ф. 1713. 389-я стрелковая дивизия.
Он. 1. Д. 8, 9. Оп. 2. Д. 22.
Ф. 3562. 30-я кавалерийская дивизия.
Он. 1. Д. 37, 38.
Ф. 3634. 115-я кавалерийская дивизия.
Он. 1. Д. 1.
Ф. 3623. 114-я кавалерийская дивизия.
Он. 1. Д. 5, 7, 8. Оп. 2. Д. 6.
Ф. 1842. 43-я стрелковая бригада.
Он. 1. Д. 1, 6, 8, 9.
Ф. 2056. 256-я стрелковая бригада.
Он. 1. Д. 2, 9, 16, 19, 36.
Ф. 255-го кавалерийского полка.
Он. 915461. Д. 1, 2, 3.
Ф. 24-й запасной стрелковой дивизии.
Он. 87924сс. Д. 5, 6.
Он. 94394. Д. 8, 9.
Ф. 26-й запасной стрелковой дивизии.
Он. 113805с. Д. 1, 2, 3, 4.

Оп. 113806с. Д. 4.
Ф. 28-й запасной стрелковой дивизии.
Оп. 6362сс. Д. 4.
Оп. 32296сс. Д. 2.
Ф. 38-й запасной стрелковой дивизии.
Оп. 99452. Д. 10.
Оп. 106373. Д. 9.
Оп. 110662с. Д. 4.

Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГА КЧР)

Ф. Р-2. Черкесский областной Совет депутатов трудящихся и облисполком.

Оп. 1. Д. 214, 216, 217.

Ф. Р-31. Комиссия при Черкесском горисполкоме по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Ф. Р-33. Коллекция документов периода немецко-фашистской оккупации Карачаевской автономной области.

Оп. 1. Д. 1, 4, 5, 6, 7.

Ф. Р-307. Карачаевский областной Совет депутатов трудящихся и облисполком.

Оп. 1. Д. 226.

Ф. Р-833. Коллекция документов участников Великой Отечественной войны и партизан.

Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. Р-807. Коллекция документов о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на Кубани.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 14, 15, 16, 23.

Оп. 2. Д. 3, 4, 5, 6, 7, 15, 24, 25.

Ф. Р-897. Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками.

Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК)

Ф. 1. Ставропольский крайком ВКП(б).

Оп. 2. Д. 419, 420, 303, 613, 614, 615.

Ф. 69. Партизанское движение Ставропольского края.

Оп. 1. Д. 1, 4, 5, 7-6, 8, 9, 10, 11, 14, 14-а, 14-6, 41, 62, 77.

Ф. 4655. Документы ветеранов партии, революционного движения, Великой Отечественной войны и коммунистического строительства.

Оп. 1. Д. 91, 98, 149, 172, 155, 163, 174, 246, 324.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

Ф. Р-1059. Коллекция документальных материалов, отражающих период немецко-фашистской оккупации Орджони-кидзевского (с 12 января 1943 г. – Ставропольского) края.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 23, 24, 25, 26, 27, 28.

Ф. Р-1368. Ставропольская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Он. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Государственное учреждение «Национальный архив Республики

Адыгея» (ГУН АР А)

Ф. Р-1. Адыгейский областной Совет депутатов трудящихся и облисполком.

Оп. 3. Д. 1, 3, 4.

Оп. 5. Д. 1.

Ф. Р-4. Статистическое управление ААО.

Оп. 2. Д. 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 18.

Оп. 3. Д. 1, 2.

Ф. Р-1135. Коллекция документов по истории Адыгеи в период немецко-фашистской оккупации (1942–1943 гг.).

Он. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.

Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея»

Ф. П-1. Адыгейский обком ВКП(б).

Оп. 2. Д. 94, 97, 98, 99, 100, 101.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

Ф. 1774-Р. Коллекция документов по истории Кубани.

Оп. 2. Д. 855, 891, 892, 902, 904, 906, 909, 1111, 1359, 1382, 1396.

Ф. 4372. Южный штаб партизанского движения.

Он. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 10-а, 11, 11-а, 12, 13, 14, 15, 17-а, 19, 21, 22, 23, 23-а, 24, 24-а, 25, 26, 27, 29,

35, 43, 48, 50, 51, 52, 53 54, 62.

Центр документов общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики (ЦДОДиП КЧР)

Ф. П-1. Карачаево-Черкесский (Черкесский) обком ВКП(б). Оп. 1. Д. 114-в, 115, 117, 118, 119, 120.

Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4, 11, 24, 25, 26, 63, 65, 66, 67, 68, 350, 421, 422.

Ф. П-45. Карачаевский обком ВКП(б).

Оп. 1. Д. 97, 98, 99, 100, 101, 102, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 128.

Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР)

Ф. 1. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б).

Оп. 1. Д. 526, 547.

Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР)

Ф. Р-289. Штаб партизанского отряда, действовавшего в Кабардино-Балкарии против немецко-фашистских захватчиков. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Ф. Р-774. Коллекция документов по истории балкарского народа.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.

Оп. 3. Д. 1, 7, 8.

Публикации документов

1. *Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. Документы, материалы, комментарии.* Нальчик, 2001.

2. *Битва за Кавказ в документах и материалах.* Ставрополь, 2003.

3. *Боевое братство народов СССР. Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Советскую Украину в Великой Отечественной войны. Документы и материалы.* Киев, 1984.

4. *Верховный Совет СССР. Созыв I. Сессия 10. 28 января – 1 февраля 1944 г. Стенографический отчет.* М., 1944.

5. *Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы.* М., 1975.

6. *Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги.* М., 1992.

7. *Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги: Россия.* СПб., 1999.

8. *ГКО постановляет... // Военно-исторический журнал.* 1992. № 2.

9. *Годы суровых испытаний и народного подвига: Сб. документов и материалов (О Дагестане в период обороны Кавказа).* Махачкала, 1995.

10. *Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). Цифры, документы.* М., 2002.

11. *Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы.* М., 1973. Т. 1–2.

12. *Депортация карачаевцев: Документы рассказывают: Сб. документов.* Черкесск, 1997.

13. *Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). Ч. 1.* М., 1992.

14. *Документы* вермахта: Инструкция специальному штабу «Ф» // Военно-исторический журнал. 1987. № 12.

15. *Документы* и материалы по истории адыгейской организации ВЛКСМ, 1917–1985. Майкоп, 1985.

16. *Документы* министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.).

17. *Документы* о героической борьбе народов Северного Кавказа против фашизма в годы Великой Отечественной войны (из партийных и государственных архивов республик и краев Северного Кавказа) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1985. № 2.

18. *Документы* отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Краснодар, 1965.

19. *Досье* «Востока»: 20—40-е годы: трагедия народов // Восток. 1992. № 2.

20. *Застольные* речи Сталина: Документы и материалы. М., 2003.

21. *Из истории* комсомольской организации Карачаево-Черкесии: Сб. документов и материалов. 1920–1970. Черкесск, 1972.

22. *Иосиф* Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992.

23. *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Нальчик, 1975.

24. *Кавказ.* 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 6.

25. *Карачаевцы:* Выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск, 1993.

26. *Книга* Памяти. Майкоп, 1994–1995. Т. 1–2.

27. *Книга* Памяти. Нальчик, 1995–1999. Т. 1–5.

28. *Книга Памяти*: Российская Федерация. Карачаево-Черкесская Республика. Черкесск, 1995. Т. 1. Майкоп, 1999. Т. 2.

29. *Книга Памяти*: Российская Федерация. Республика Северная Осетия. Владикавказ, 1994–1995. Т. 1–3.

30. *Ко всем народам Северного Кавказа*: Материалы антифашистского митинга народов Северного Кавказа, состоявшегося в г. Орджоникидзе 13 августа 1942 г. М., 1942.

31. *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М., 1990.

32. *КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза*: Документы 1917–1981. М., 1981.

33. *Кубанская ЧК*. Органы безопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997.

34. *Кубань* в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар, 2000. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Кн. 2. Ч. 1: Хроника событий. 1943 год.

35. *Лаврентий Берия*. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

36. *Лики войны*: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996.

37. *Литвин Г.А., Смирнов Е.И.* Освобождение Крыма: Сб. документов. М., 1994.

38. «*Мусульманская плаха*» для России // Военно-исторический журнал. 1996. № 5.

39. *Назовем поименно*: Книга Памяти: Российская Федерация. Республика Дагестан. Махачкала, 1994–1996. Т. 1–3.

40. *Нам дороги эти позабыть нельзя*: Воспоминания, статьи, материалы из семейных архивов участников

Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 1995.

41. *Народы Дагестана в Великой Отечественной войне (1941–1945): (Документы и материалы).* Махачкала, 2005.

42. *Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов.* Черкесск, 1990.

43. *Наш край. Документы и материалы (1917–1977 гг.).* Ставрополь, 1977.

44. *Не пустим врага в родные горы, отстоим родной Кавказ: Материалы совещания старейших горцев Дагестана.* Махачкала, 1942.

45. *Нюрнбергский судебный процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов.* М., 1957–1961. Т. 1–7.

46. *Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1987–1995. Т. 1–8.*

47. *О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае.* М., 1943.

48. «*Обязуюсь помочь немецкой армии...*» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3.

49. *Оккупация // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая.* М., 1993.

50. *Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов. М., 2000. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года.*

51. *От Советского Информбюро... 1941–1945. Т. 1–2.* М., 1982.

52. *Партизанское движение на Кубани (1942–1943 гг.) // Исторический архив. 1957. № 3.*

53. «*По решению правительства Союза ССР...*» (Депортация народов: Документы и материалы). Нальчик, 2003.

54. *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской*

Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М., 1985.

55. *Репрессированные* народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии. М., 1994.

56. *Русский* архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). М., 1994.

57. *Русский* архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997.

58. *Русский* архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3) М., 1997.

59. *Русский* архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942. Т. 16 (5–2). М., 1996.

60. *Русский* архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943. Т. 16 (5–3). М., 1999.

61. *Русский* архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). М., 1999.

62. *Русский* архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12–3). М., 2000.

63. *Русский* архив: Великая Отечественная: Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25 (14). М., 1998.

64. *Русский* архив: Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 17 (6). М., 1996.

65. *Русский* архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 20 (9). М., 1999.

66. *Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг.* М., 1946.

67. *Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов.* Орджоникидзе, 1968.

68. *«Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы.* М., 1967.

69. *Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб.: документов и материалов.* Ставрополь, 1962.

70. *Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 г.): Документы и материалы.* Ставрополь, 2000.

71. *Сталин В.И. О Великой Отечественной войне Советского Союза.* М., 2002.

72. *Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ.* М., 2000.

73. *Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2: Январь – декабрь 1942 г.* М., 1968.

74. *Сталинград 1942–1943 гг.: Сб. документов.* М., 1995.

75. *Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Худож. – док. сб.* М., 1993. Т. 1–2.

76. *Час испытаний: Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: Документы и материалы.* Нальчик, 2001.

77. *ЦКВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945: Документы советской истории.* М., 2009.

Периодические издания

1. «Адыгейская правда». Орган Адыгейского обкома и горкома ВКП(б), областного Совета депутатов трудящихся. Майкоп, 1941–1945.

2. «Боец РККА». Орган политуправления Закавказского фронта. 1941–1943.

3. «Большевик» (с 1943 г. – «Советская Кубань»), Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б), краевого Совета депутатов трудящихся. Краснодар, 1941–1945.

4. «Вперед за Родину!». Орган политуправления Северо-Кавказского фронта. 1942–1943 гг.

5. «Грозненский рабочий». Орган Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), областного Совета депутатов трудящихся. Грозный, 1941–1943.

6. «Дагестанская правда». Орган Дагестанского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Махачкала, 1941–1943.

7. «За победу!». Орган политотдела 276-й стрелковой дивизии. 1942.

8. «Знамя Родины». Орган политотдела 347-й стрелковой дивизии. 1942–1945.

9. «Известия Советов депутатов трудящихся». Орган Президиума Верховного Совета СССР. М., 1941–1945.

10. «Кавказский вестник». Газета краевого управления Ставрополя. Ставрополь, 1942–1943.

11. «Комсомольская правда». Орган ЦК и МК ВЛКСМ. М., 1941–1945.

12. «Красная звезда». Орган Народного комиссариата обороны СССР. М., 1941–1943.

13. «Красная Черкесия». Орган Черкесского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Черкесск, 1941–1945.

14. «Красный Карачай». Орган Карачаевского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Микоян-Шахар, 1941-1943.

15. «Красный черноморец». Ежедневная краснофлотская газета Черноморского флота. 1942-1943.

16. «Майкопская жизнь». Газета Майкопской городской управы. Майкоп, 1942-1943.

17. «На штурм!». Орган политотдела 44-й армии. 1942.

18. «Орджоникидзевская правда» (с 1943 г. – «Ставропольская правда»). Орган Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома, краевого Совета депутатов трудящихся и Ворошиловского (Ставропольского) горкома ВКП(б). Ворошиловск (с 1943 г. – Ставрополь), 1941-1945.

19. «Правда». Орган ЦК и МК ВКП(б). М., 1941-1945.

20. «Пятигорское эхо». Газета городской управы г. Пятигорска. Пятигорск, 1942.

21. «Русская правда» («Ставропольское слово», «Утро Кавказа»), Газета городского управления г. Ставрополя. Ставрополь, 1942-1943.

22. «Свободный Карачай». Газета национального комитета Карачаевской области. Микоян-Шахар, 1942.

23. «Социалистическая Кабардино-Балкария». Орган Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. 1941-1942.

24. «Социалистическая Осетия». Орган Северо-Осетинского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Орджоникидзе, 1941-1943.

Мемуары, дневники, письма

1. *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М., 2000.
2. *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. М., 1998.
3. *Берия С.* Мой отец – Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
4. *Берия С.Л.* Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994.
5. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969.
6. *Гречко А.А.* Годы войны. М., 1967.
7. *Дагестанцы* на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Воспоминания участников: В 2 кн. Махачкала, 1960.
8. *Даниялов А.* Воспоминания. Махачкала, 1991.
9. *Дауров Д.* Этот маленький Большой человек. Владикавказ, 2001.
10. *Джатиев Т.Н.* Пламя над Терекком. Орджоникидзе, 1967.
11. *Дзагкоев В.Г.* Солдат вспоминает. Владикавказ, 1993.
12. *Живая память:* Сб. Майкоп, 2000.
13. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. М., 1985.
14. *За нашу Советскую Родину!:* Воспоминания ветеранов – участников Великой Отечественной войны. Майкоп, 1995.
15. *Закруткин В.* Кавказские записки. М., 1948.
16. *Ищенко М.* О Родине и о себе. Пятигорск, 2000.
17. *Кавказ* выстоял, Кавказ победил! Ветераны вспоминают. Тбилиси, 1973.
18. *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профессора, партийного и советско-государственного работника. М., 1997.
19. *Калашник М.Х.* Испытание огнем. М., 1985.

20. *Капиев Э.* Записки о партизанах // Военная публицистика и фронтовые очерки. М., 1966.

21. «Кормят их гораздо лучше, чем нас»: Из дневника военнослужащего РККА, перешедшего на службу к гитлеровцам, 1943 г. // Военно-исторический журнал. 1994. № 7.

22. *Кульчаев М.Т.* За огненной чертой. Партизанские записки. Нальчик, 1967.

23. *Куманев Т.А.* Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001.

24. *Мазин Н.И.* У седых берегов Терека: (Воспоминания председателя Орджоникидзевого (Владикавказского) Комитета Обороны). М., 2005.

25. *Мальцев Е.Е.* В годы испытаний. М., 1979.

26. *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., 1999.

27. *Микоян А.И.* Так было. М., 1999.

28. *Муратов В.В.* В боях за Кавказ. М., 1982.

29. Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания, статьи, материалы из семейных архивов участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Нальчик, 1995.

30. *Огненные строки:* Письма с фронта и на фронт 1941-1945 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ставрополь, 1985.

31. *Они ковали Победу:* Воспоминания. Очерки. Статьи. Майкоп, 1985.

32. *Ортенберг Д.И.* Год 1942. М., 1986.

33. *Ортенберг Д.И.* Сорок третий. М., 1991.

34. *Откровения и признания.* Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи, дневники, воспоминания. Смоленск, 2000.

35. *Партизанские были:* Воспоминания кубанцев – партизан Великой Отечественной войны. Краснодар, 1975.

36. *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.

37. *Письма с фронта.* 1941-1945. Краснодар, 1983.

38. *Плиев И.А.* Дорогами войны. Орджоникидзе, 1973.

39. *Порохом* пропахшие страницы...: Воспоминания фронтовиков-кубанцев о Великой Отечественной войне. Краснодар, 1986.

40. *Последний* рубеж: Битва за Владикавказ в воспоминаниях видных военачальников и активных ее участников. Владикавказ, 1995.

41. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968.

42. *Саренц Р.Г.* Непокоренный край. Ставрополь, 1962.

43. *Сафонов М.И.* В предгорьях Кавказа: Фронтовые записки начальника штаба. Грозный, 1985.

44. *Сердобольская Л.А.* Кавказ. Военные годы (1941–1943): Воспоминания // Звезда. 2000. № 6.

45. *Тер-Нерсесов Р.* Будни войны. Солдатские записки. Ставрополь, 1990.

46. *Треплин Л.* Майн фельдцуг: Воспоминания солдата вермахта, 1942–1945. Пятигорск, 1996.

47. *Трояновский П.И.* На восьми фронтах. М., 1982.

48. *Тюленев И.В.* Через три войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1972.

49. *Фомин М.* Боевой путь 347-й Краснодарской стрелковой дивизии: В 2 ч. [Б. м.], 1943.

50. *Фронтовики* вспоминают... Краснодар, 1983.

51. *Хакуашев Е.Т.* Письма огненных лет. Нальчик, 1989.

52. *Хижняк И.Л.* Годы боевые: Воспоминания. Краснодар, 1968. Кн. 2.

53. *Хрущев Н.С.* Люди. Время. Власть. М., 1999. Кн. 2. Ч. 1.

Исследования

1. *Абаев А.И.* Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Орджоникидзе, 1978.

2. *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.

3. *Абрамян Г.С.* Мощное оружие советских войск в боях за Крым (1941–1942 гг.). Ереван, 1975.

4. *Абрамян Э.* Кавказцы в абвере. М., 2006.

5. *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

6. *Адыгея* в дни Великой Отечественной войны // Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии Советской Адыгеи. 1922–1947. Майкоп, 1947.

7. *Азашиков Г.Х.* Адыгея в годы войны. Майкоп, 1998.

8. *Айбазова Ф.У.* Трудовой подвиг молодежи и комсомола Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Карачаевск, 2001. № 5.

9. *Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А.* Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1.

10. *Алексеенков А.Е., Лаптев Ю.В., Сидоренко В.П., Тарасов М.М.* Войска НКВД в битве за Кавказ. СПб., 1998.

11. *Алиев К.-М.И.* Свет и тени партизанской войны. М.; Ставрополь, 2003.

12. *Алиев К.-М.И.* В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005.

13. *Аликберов Г.А.* Германские захватчики и советские народы Востока. Махачкала, 1942.

14. *Аликберов З.М.* Комсомольцы и молодежь Дагестана в годы Великой Отечественной войны.

Махачкала, 1958.

15. *Аликберов З.М.* Партийные организации Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1969.

16. *Аликберов З.М.* Защитники Кавказа: (По материалам Азербайджана и республик Северного Кавказа). Баку, 1975.

17. *Аликберов З.М., Керимов И.К.* На фронте и в тылу. Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1959.

18. *Аморт Ч.* Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР: (по документам секретного архива Г. Гиммлера) // История СССР. 1966. № 2.

19. *Аникеев А.А., Баликоев Т.М., Януш С.В., Селюнина Н.В.* Проблемы битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1.

20. *Армия и общество: Сб. статей.* М., 1990.

21. *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1979.

22. *Асриянц Г.Г.* Партия и искусство народов Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984.

23. *Афасижев Т.И.* Живые, не забудьте нас... Майкоп, 2001.

24. *Афасижев Т.И.* Из истории военно-патриотического воспитания трудящихся Адыгеи накануне и в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Т. XVII. История. Майкоп, 1972.

25. *Афасижев Т.И.* Мой аул: вехи истории. Майкоп, 2002.

26. *Бабаев А.-М.* Кавказ в захватнических планах фашистской Германии. Махачкала, 1964.

27. *Бабаев А.-М.* Крах гитлеровских планов захвата Кавказа. Махачкала, 1975.

28. *Баданин Б.В.* На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению Битвы за Кавказ в

Великой Отечественной войне. М., 1962.

29. *Баженов А.Н., Барсуков В.И.* О документальной базе по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 5.

30. *Баликоев Т.М.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000.

31. *Басистов Ю.В.* Особый театр военных действий: листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999.

32. *Башлоев М.Л., Исмаилов А.И.* Из истории комсомола Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

33. *Беджанов М.Б.* Генерал Султан-Гирей-Клыч. Краснодар, 1999.

34. *Безугольный А.Ю.* «Товарищ Берия и командующий фронтом приказали...». Участие Л. Берии в руководстве обороной Кавказа в августе – сентябре 1942 г. // Военно-исторический архив. 2002. № 3.

35. *Безугольный А.Ю.* «Горцев в армию не призывать и никуда не отправлять...»: Мобилизационные мероприятия и национальная политика на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны // Вестник Евразии. 2003. № 3.

36. *Безугольный А.Ю.* Национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Сборник статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.С. Схакумидова. Майкоп, 2004.

37. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007.

38. *Бекишвили В.* Оборона кавказских перевалов 1942–1943 гг. Тбилиси, 1977.

39. *Бесланеев В.С.* Малокабардинцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Нальчик, 1995.

40. *Битва за Кавказ.* М., 1952.

41. *Битва за Кавказ.* М., 2002.

42. *Битиев С.* Заметки об агитационно-пропагандистской работе в прифронтовых и освобожденных от врага районах Северного Кавказа // *Пропагандист*. 1943. № 6.

43. *Боевая слава Кабардино-Балкарии: В 6 т.* Нальчик, 1965–1994.

44. *Болдырев Ю.А.* Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996.

45. *Больбух А.В.* История рабочих Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1986.

46. *Борлакова З.М.* Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. // *Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета*. Карачаевск, 2001.

47. *Бочкарев А.А.* Критика чистого чувства. Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941–1944 гг.): Метафизические этюды. Ставрополь, 1996.

48. *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах // *История СССР*. 1989. № 6.

49. *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // *Вопросы истории*. 1990. № 7.

50. *Бугай Н.Ф.* Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // *Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений*. М., 1999.

51. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

52. *Бугай Н.Ф.* Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2000. № 3–4.

53. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997.

54. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20– 60-е годы). М., 1998.

55. *Бурназян Г.С.* Оборонительная битва за Кавказ (с 25 июля по декабрь 1942 г.). Ростов н/Д, 1967.

56. *Бурназян Г.С.* Разгром немецко-фашистских войск в предгорьях Кавказа и освобождение Северного Кавказа (1 января – 9 октября 1943). Ростов н/Д, 1967.

57. *В огне* закаленные. О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1995.

58. *В суровые* годы войны. Воины-ставропольцы, трудящиеся края на защите Родины в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ставрополь, 1978.

59. *Важнейшие* операции Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1956.

60. *Великая* Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995.

61. *Вдовин А.И.* Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реальность // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 5.

62. *Великая* Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1998. Книга первая. Суровые испытания; Книга вторая. Перелом. М., 1999; Книга третья. Освобождение; Книга четвертая. Народ и война.

63. *Великая* Отечественная война: история и современность: Сб. науч. трудов. Ставрополь, 1995.

64. *Великая* Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международной науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010.

65. *Великая* Победа: Исторический пример героизма советского народа: (Советская историография Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.). М., 1987. Ч. 3.

66. *Великая Победа: К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: (Советская историография).* М., 1985. Ч. 1-2.

67. *Вержбицкий В.Г.* Листовки партизанского движения в годы Великой Отечественной войны: (Обзор фонда Центрального музея Советской армии) // Сообщения и материалы Центрального музея Советской Армии. 1962. Вып. 2.

68. *Вклад кубанцев в победу над фашизмом.* Краснодар, 1996.

69. *Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Материалы Российской научно-практ. конф. 21-22 апреля 2010 г.* Элиста, 2010.

70. *Во имя жизни: О подвигах ставропольцев на фронте и в тылу Великой Отечественной войны: Сб.* Ставрополь, 1987.

71. *Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны: Межвузов. сб.* Л., 1989.

72. *Воскобойников Г.Л.* Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1995.

73. *Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы социальной истории: Материалы Международ. науч. конф. 28-31 мая 2002 г.* Майкоп, 2002.

74. *Галицкий В.П.* «...Для активной диверсионной деятельности в тылу у Красной Армии» // Военно-исторический журнал. 2001. № 1.

75. *Гальцев В., Цуциев Б.* Северная Осетия в период Великой Отечественной войны // 20 лет автономии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1944.

76. *Гареев М.А.* О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4.

77. *Гареев М.А.* Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 1.

78. *Гареев М.А.* О неудачных операциях советских войск в Великой Отечественной войне: По неопубликованным документам ГКО // Новая и новейшая история. 1994. № 1.

79. *Герой Советского Союза Ханпаша Нурадилов.* Грозный, 1943.

80. *Герои-грозненцы.* Грозный, 1947.

81. *Гнеушев В., Попутько А.* Тайна Марухского ледника. Черкесск, 1963; *Гнеушев В.Г., Попутько А.Л.* Партизанский заслон: Документальная повесть. Ставрополь, 1985.

82. *Гонов А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20—90-е годы). Нальчик, 1998.

83. *Горелик Я.М.* Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // История СССР. 1980. № 3.

84. *Горовский Ф.Я., Рымаренко Ю.И.* Национальный вопрос и социалистическая практика: Опыт историко-теоретического анализа. Киев, 1991.

85. *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.

86. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2002. № 1.

87. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10.

88. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1967.

89. *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941–1944). М., 1975.

90. *Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование.* М., 1993.

91. *Грошев И.И.* Сущность национальной политики КПСС. М., 1982.

92. *Грудцина А.В.* Кабардино-балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 г. // История СССР. 1962. № 3.

93. *Гутин М.Л.* О деятельности местных комитетов обороны в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1970. № 7.

94. *Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К.* Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971.

95. *Давыдов И.В.* Партийная организация Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 1961.

96. *Давыдов И.В.* Пропаганда идей дружбы народов в период битвы за Кавказ: (Из опыта работы парторганизаций Северного Кавказа и Закавказья) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 7.

97. *Давыдов И. В.* Антифашистская печатная пропаганда на временно оккупированной территории Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Нальчик, 1968. Вып. 1. История.

98. *Деятельность КПСС по укреплению единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны.* Л., 1980.

99. *Деятельность партийных организаций Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Тезисы докладов.* Краснодар, 1987.

100. *Джамбулатова З.К.* Сыны Чечено-Ингушетии на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия Чечено-Ингушского НИИЯИЛ. Грозный, 1960. Т. 2.

101. *Добагов И.К.* Очерки истории областной комсомольской организации Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1975.

102. *Дронова Н.С.* Школа Ставрополя в период Великой Отечественной войны // Народное образование на Северном Кавказе. Ставрополь, 1974.

103. *Другая война: 1939–1945.* М., 1996.

104. *Дружба О. В.* Великая Отечественная война: проблемы современной историографии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 1995. № 1.

105. *Дружба О.В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д, 2000.

106. *Евдокимов И.Ф.* Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева. Нальчик, 1966.

107. *Евланова М.Н.* Рабочий класс – фронту: Историографический очерк. Челябинск, 1984.

108. *Жилин П.А.* Актуальные проблемы исследования Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1977. № 5.

109. *Жилин П.А.* Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1965.

110. *Жилин П.А., Куманев Т.А.* Советская историческая литература о Великой Отечественной войне // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 5.

111. *Журавлев Е.И.* Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов н/Д, 2006.

112. *Жучков В.Н., Кондратьев В.А.* Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4.

113. *Завьялов А.С., Каледин Т.Е.* Битва за Кавказ 1942–1943 гг. М., 1957.

114. *Завьялов А., Каледин Т.* Провал операции «Эдельвейс». М., 1962.

115. *Захаров Ф.В., Романов И.В.* Плечом к плечу. Нальчик, 1962.

116. *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург» (О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР). 3-е изд. М., 1980.

117. *Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР: Реферативный сб. Вып. 1.* М., 1991.

118. *Захаров И.З.* Дружба, закаленная в боях. М., 1970.

119. *Земсков В.Н.* Ведущая сила всенародной борьбы. Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941-1944 гг.). М., 1986.

120. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2003.

121. *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. М., 2000.

122. *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья. 1941-1945. М., 1994. Вып. 1-2.

123. *Золотарев В.А.* Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2.

124. *Золотые звезды Адыгеи.* 2-е изд., доп. и дораб. Майкоп, 1980.

125. *Золотые звезды Кабардино-Балкарии: Очерки о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы.* Нальчик, 1984.

126. *Золотые звезды Кубани. Герои Советского Союза.* Краснодар, 1967-1969. Вып. 1-2.

127. *Золотые звезды Чечено-Ингушетии.* Грозный, 1985.

128. *Зумакулов Б.М.* Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998.

129. *Ибрагимбейли Х.-М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977.

130. *Ибрагимбейли Х.-М.* Битва за Кавказ. М., 1983.

131. *Ибрагимбейли Х.-М.* Крушение планов гитлеровской Германии на Кавказе // Вопросы истории. 1983. № 7.

132. *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в период Великой Отечественной войны (На примере северокавказских республик). М., 1999.

133. *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Вклад чеченского народа в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Грозный, 2005.

134. *Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур.* Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003.

135. *Иванов В.Е.* Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург, 1996.

136. *Иванов Г.П.* В тылу врага. Майкоп, 1959.

137. *Иванов Г.П.* Невидимый фронт // Герои подполья: Сб. ст. М., 1965.

138. *Иванов Г.П.* В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967.

139. *Иванов Г.П.* Коммунистическая партия – организатор разгрома немецко-фашистских войск на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1968.

140. *Иванов Г.П.* В тылу прифронтовом: Партизанское движение на Северном Кавказе: Краткий военно-исторический очерк. М., 1971.

141. *Иванько И., Мироненко В.* Молодые патриоты. Из истории комсомола Ставрополя. Ставрополь, 1958.

142. *Ивлев И.А., Юденков А.Ф.* Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941-1944. М., 1988.

143. *Идеологическая и массово-политическая работа партийных организаций Адыгеи и Карачаево-Черкесии в*

годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Майкоп, 1986.

144. *Из истории* трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. Краснодар, 1985.

145. *Историография* Великой Отечественной войны: Сб. ст. М., 1980.

146. *Историография* советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сб. ст. М., 1976.

147. *История* Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: В 6 т. М., 1961–1965. Т. 1–6.

148. *История* Второй мировой войны 1939–1945 гг.: В 12 т. М., 1973–1982. Т. 1–12.

149. *История* городов и сел Ставрополя: Краткие очерки. Ставрополь, 2002.

150. *История* Дагестана: В 4 т. М., 1968. Т. 3.

151. *История* Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М., 1967. Т. 2.

152. *История* Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. Кн. 1. М., 1970.

153. *История* многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007.

154. *История* промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917–1991 гг.). Майкоп, 1991.

155. *История* сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.). Майкоп, 1994.

156. *История* Северо-Осетинской АССР: Советский период. Орджоникидзе, 1966.

157. *История* Советского государства и права: В 3 кн. М., 1985. Книга третья. Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.).

158. *История* советского крестьянства: В 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной

войны. 1938–1945 гг. М., 1987.

159. *История советского рабочего класса*: В 6 т. Т. 3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1984.

160. *История социалистической экономики СССР*: В 7 т. Т. V. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1978.

161. *История СССР с древнейших времен до наших дней*. М., 1973. Т. X. СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.

162. *История Чечни с древнейших времен до наших дней*: В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI века. Грозный, 2008.

163. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000.

164. *Итоги Второй мировой войны: Выводы побежденных*. М., 1998.

165. *Казначеев В., Иванько И.* Юная гвардия Ставрополя. Изд. 2-е, испр. и доп. Ставрополь, 1970.

166. *Карасев А. В.* Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: Сб. статей. М., 1962.

167. *Каратаева М.А.* Деятельность партийных организаций автономных республик Северного Кавказа по мобилизации трудового подвига женщин на производстве в годы Великой Отечественной войны // Партийные организации Чечено-Ингушетии в борьбе за повышение активности трудящихся в строительстве социализма и коммунизма. Грозный, 1982.

168. *Каратаева М.А.* Перестройка народного хозяйства Чечено-Ингушетии на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны (июль 1941 – август 1942 г.) // Актуальные проблемы

социалистического строительства в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.

169. *Карачаево-Черкесия* в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): Материалы обл. науч. – теорет. конф. 1979 г. Черкесск, 1982.

170. *Карданов З.К* Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Труды Черкесского научно-исследовательского института, языка и литературы. Черкесск, 1954. Вып. 2.

171. *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1999.

172. *Кауфов Х.Х.* Память о подвиге. Нальчик, 2005.

173. *Кириленко Г.В.* Нефть во Второй мировой войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 12.

174. *Кирсанов Н.А.* По зову Родины: Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974.

175. *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984.

176. *Кирсанов Н.А.* Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

177. *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6.

178. *Киселев А.В.* В суровые годы // Славный путь. Из истории комсомола Адыгеи. Майкоп, 1961.

179. *Кияшко В.И.* Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по восстановлению промышленности в годы Великой Отечественной войны // Научные труды Краснодарского пединститута. 1972. Вып. 150.

180. *Клевцова Л.К* Котляревцы – участники Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Нальчик, 1999.

181. *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород, 2001.

182. *Козлов В.П.* Документы Архивного фонда Российской Федерации по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5.

183. *Козлов В.П.* Проблемы доступа в архивы и их использование // Новая и новейшая история. 2003. № 5–6.

184. *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995.

185. *Койчуев А.Д.* Сыны и дочери Карачая – фронту. Черкесск, 1995.

186. *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д, 1998.

187. *Койчуев А.Д.* Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998.

188. *Койчуев А.Д.* Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. № 5.

189. *Колесник А.Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.

190. *Комков Т.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной... М., 1983.

191. *Кондакова Н.И.* Идеологическая победа над фашизмом 1941–1945. М., 1982.

192. *Кондакова Н.И.* Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М., 1995.

193. *Коновалов Ф.П.* Военно-политическая обстановка к середине ноября 1942 г.: Краткий

стратегический обзор зимней кампании 1942/43 гг. М., 1952.

194. *Кононенко Е.* Перед судом народа. М., 1943.

195. *Кононыхин Н.М.* Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960.

196. *Костырченко ТВ.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.

197. *Котов В.И.* Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития: Сб. ст. Майкоп, 1994.

198. *КПСС* – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне: (Историографический очерк). М., 1973.

199. *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1970.

200. *Край наш Ставрополье: очерки истории.* Ставрополь, 1999.

201. *Краснознаменный Закавказский: Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа.* Тбилиси, 1981.

202. *Краснознаменный Северо-Кавказский: Краткий исторический очерк.* Ростов н/Д, 1978.

203. *Краснознаменный Северо-Кавказский.* М., 1990.

204. *Красюк А.И.* Страницы героической летописи: Вопросы историографии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Киев; Одесса, 1984.

205. *Кривошеев Г.Ф.* О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6.

206. *Крикунов В.П.* Под угрозой расстрела или по доброй воле? О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6.

207. *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000.

208. *Кринко Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11.

209. *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004.

210. *Кринко Е.Ф.* Кавказ в планах Альфреда Розенберга // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006.

211. *Кринко Е.Ф.* Майкопские партизаны. Майкоп, 2007.

212. *Кринко Е.Ф.* Битва за Кавказ в советской и современной российской историографии // Юбилейный сборник научных трудов СНИЦ РАН и СГУТиКД. Сочи, 2010.

213. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009.

214. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Советский Северный Кавказ в 1920—1940-е гг.: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник ЮНЦ РАН. 2009. Т. 5. № 3. Июль – сентябрь.

215. *Критика* фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984.

216. *Кубани* славные сыны: Очерки о Героях Советского Союза – кубанцах, совершивших подвиги в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1963.

217. *Кудрявцев П.П.* Некоторые вопросы археографической подготовки документальных сборников по истории Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1983. № 4.

218. *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14.

219. *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание: (Проблемы современной историографии Северного Кавказа). Владикавказ, 2000.

220. *Кулаев Ч.С.* Комсомол Карачаево-Черкесии в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Партийные организации Северного Кавказа на путях строительства социализма. Пятигорск, 1974. Вып. 11.

221. *Кулаев Ч.С.* Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Черкесск, 1981.

222. *Кулаев Ч.С.* Историографический очерк о подвигах народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1993.

223. *Кулаев Ч.С.* Саботаж – форма всенародной борьбы против немецко-фашистских оккупантов на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. № 5.

224. *Кулиш В.М.* Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография: Сб. ст. М., 1996.

225. *Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983.

226. *Куманев Т.А.* На службе фронта и тыла: Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938-1945. М., 1976.

227. *Куманев Г.А., Ставицкий И.В.* Литература о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1961. № 5.

228. *Курносов А.А.* Источники по истории всенародного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941-1945 гг.) // История СССР. 1965. № 3.

229. *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН

СССР (Организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974.

230. *Курносов А.А.* Собрание документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны: тенденции и проблемы // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1992.

231. *Кущетеров Р.М.* Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты ее осуществления. Черкесск, 1993.

232. *Кущетеров Р.М., Кущетеров А.-Х.У.* Депортация. Ставрополь, 1994; *Лазарева С.Л.* Временная оккупация края и ее последствия // Ученые записки Пятигорского педагогического института. Пятигорск, 1958. Т. 16.

233. *Лазарева С.Л.* Партийная организация Ставрополя – организатор самоотверженного труда трудящихся края на помощь фронту в первый период Отечественной войны // Ученые записки Пятигорского педагогического института. Пятигорск, 1958. Т. 16.

234. *Лайпанов С.З.* Сын Карачая – герой Белоруссии. Ставрополь, 1964.

235. *Левшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976.

236. *Лесев В.Д.* Долг памяти. Нальчик, 1983.

237. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д, 2003.

238. *Литвинов В.П.* На огненных рубежах Кавказа. Нальчик, 1985.

239. *Логунова Т.А.* Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск 1941–1945. М., 1985.

240. Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995.

241. *Магкеева С.А.* Всенародная помощь женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. 2001. № 5.

242. *Макаров Н.И.* Непокоренная земля Российская. М., 1976.

243. *Малиновский В.В.* Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11-12.

244. *Малышева Е.М.* Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Майкоп, 2000.

245. *Мамукелашвили Э.* Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). Тбилиси, 1982.

246. *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., 1957.

247. *Марченко Г.В.* Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1.

248. *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941-1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010.

249. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 гг.: (Документы. Факты. Суждения). М., 2000.

250. *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Довольно о войне? Воронеж, 1992.

251. *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Отечественная историография Второй мировой войны: Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9.

252. *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война: Из непрочитанных страниц истории (1930—1990-е). М., 1994.

253. *Минкин В.Б.* Восстановление и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе

(1943–1955 гг.) // Вопросы экономической истории и советского права. Ростов н/Д, 1970. Вып. 2.

254. *Мизиев Т.С.* Алим Байсултанов – легенда Балтики. Нальчик, 2005; *Минюк А.И.* Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

255. *Мироненко М.* Под гвардейским знаменем. Ставрополь, 1965.

256. *Митрофанова А.В.* К вопросу об изучении истории Великой Отечественной войны // Доклады и научные сообщения Института истории АН СССР. М., 1955. Вып. 8.

257. *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.

258. *Морехина Г.Г.* Рабочий класс – фронту: Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1962.

259. *Морозов В.П.* О периодизации и некоторых проблемах научной разработки истории Великой Отечественной войны // История СССР. 1970. № 3.

260. *Морозов М.А.* Нация в социалистическом обществе. М., 1986.

261. *Мунчаев Ш.М.* Дружба народов – важнейшее условие в решении проблем эвакуации в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. История. 1972. № 6.

262. *Мурадян В.А.* Боевое содружество. Деятельность армейских партийных организаций по воспитанию советских воинов в духе дружбы народов на фронтах Великой Отечественной войны: (По материалам Юго-Западного, Воронежского, Северо-Кавказского и Западного фронтов за 1941–1943 гг.). Баку, 1964.

263. *Мурадян В.А.* Боевое братство. М., 1978.

264. *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1971.

265. *Мустафаев А.Х.* Национальные отношения в СССР в трудах турецких авторов: (Критический анализ националистических концепций). Баку, 1990.

266. *Мутовкин Н.С., Селяничев А.К.* Великая Отечественная война в советской историографии // Очерки по историографии советского общества: Сб. ст. М., 1967.

267. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974.

268. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 2002.

269. *На земле, в небесах и на море:* Очерки. Нальчик, 1988.

270. *Нагучев Д.М.* Высшая школа на Северном Кавказе: история и современность. Майкоп, 1992.

271. *Напсо Д.А.* Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны // По ленинскому пути. Партийная организация Карачая и Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963.

272. *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие: Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.

273. *Народный* подвиг в битве за Кавказ: Сб. ст. М., 1981.

274. *Народы* России: проблемы депортации и реабилитации: Сб. ст. Майкоп, 1997.

275. *Народы* Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тезисы докладов регион, науч. сессии, 25–26 апреля 1985 г. Махачкала, 1985.

276. *Народы* Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всерос. науч. – практ. конф., поев. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный, 2010.

277. *Нартонова Н.В.* Социальные аспекты государственной политики в Кабардино-Балкарии в 40-х – начале 60-х гг. XX в. Нальчик, 2001.

278. *Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001.*

279. *Нахушев К.И.* Аул Уляп. Легенды. События. Люди. Майкоп, 1999.

280. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах: Сб. ст. М., 1999.*

281. *Невежин В.А.* Великая Отечественная война в новейших исследованиях и документальных публикациях // Преподавание истории в школе. 2000. № 4.

282. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. М., 1997.

283. *Нежинский В.* От Кавказа до Берлина: Фронтовые были. Ставрополь, 1965.

284. *Нежинский В.* Это было на войне...: Фронтовые были. Черкесск, 1967.

285. *Нежинский В.* Сердца молодые: Очерки. Черкесск, 1969.

286. *Нежинский В.* Солдаты умирают с оружием: Партизанские были. Ставрополь, 1971.

287. *Нежинский В.* Звезды героев: Очерки. Черкесск, 1985.

288. *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

289. *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944). М., 1965.*

290. *Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1987.*

291. *Новикова М.И.* Мемуары и жизнь. Художественно-мемуарная литература о партийном

подполье в годы Великой Отечественной войны: Критический обзор. Симферополь, 1957.

292. *Огурцов С.И.* Варвары. Ставрополь, 1944.

293. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000.

294. *Они* ковали Победу: Воспоминания. Очерки. Статьи. Майкоп, 1985.

295. *Они* прославили Ставрополье: Сб. очерков о героях Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1962.

296. *Они* сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны: Книга-хроника. М., 2005.

297. *Опрышко О.Л.* На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970.

298. *Опрышко О.Л.* И вспомнят нас поименно. Нальчик, 1985.

299. *Организаторская* и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу, 1941–1945 гг. Л., 1980.

300. *Осмачко С.Г.* Красная Армия в локальных войнах и конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999.

301. *Очерки* из истории Ставропольской краевой организации ВЛКСМ. Ставрополь, 1969.

302. *Очерки* истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. II. Советский период.

303. *Очерки* истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5.

304. *Очерки* истории Кабардино-Балкарской партийной организации КПСС. Нальчик, 1971.

305. *Очерки* истории Карачаево-Черкесии: В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период.

306. *Очерки* истории Краснодарской организации КПСС. 2-е изд. Краснодар, 1976.

307. *Очерки* истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969.

308. *Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Ставрополь, 1986. Т. 2. С 1917 г. до наших дней.*

309. *Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.*

310. *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 2. Грозный, 1972.*

311. *Ошаев Х.Д. Брест – орешек огненный. Грозный, 1990.*

312. *Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Нальчик, 2004.*

313. *Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10.*

314. *Падерин А. А. Народ-победитель должен знать правду о войне // Отечественная история. 2000. № 3.*

315. *Памяти павших: Великая Отечественная война, 1941-1945. М., 1995.*

316. *Память огненных лет: Сб. Ставрополь, 1981.*

317. *Панарина Е.В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Армавир, 2009.*

318. *Партизанское движение: (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Жуковский; М., 2001.*

319. *Партийное подполье: Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.*

320. *Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941-1944. М., 1976.*

321. *Патриотизм и интернационализм как источники Победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Патриотизм народов Адыгеи в годы Великой Отечественной войны: Материалы Всерос. науч. – практ. конф. 27-29 ноября 2008 года. СПб.; Майкоп, 2008.*

322. *Патриотический и трудовой подвиг трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. ст.* Махачкала, 1983.

323. *Пережогин В.А.* Из окружения и плена - в партизаны // Отечественная история. 2000. № 3.

324. *Пережогин В.А.* Партизаны и население (1941-1945 гг.) // Отечественная история. 1997. № 6.

325. *Петров Б.Н.* Анализ причин незавершенности некоторых наступательных операций Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1987. № 1.

326. *Петров Ю.П.* Состояние и задачи разработки истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1971. № 5.

327. *Печенкин АЛ.* Государственный Комитет Обороны в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5.

328. *Плиев Б.З.* Воины Южной Осетии в боях за Советскую родину. Тбилиси, 1979.

329. *Подобед И.М., Комский Б.Г.* Когда гремели бои...: Культурно-просветительная работа на фронте в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.

330. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

331. *Полян П.М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

332. *Пономарев А.* Верность: Рассказы о героях. Майкоп, 1948.

333. *Пономаренко П.К.* Непокоренные: (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1986.

334. *Попов В.П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. № 3-4.

335. *Попов Н.П., Горохов Н.А.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1981.

336. *Попутько А., Христинин Ю.* Именем ВЧК: Документальная повесть-хроника о ставропольских чекистах. Ставрополь, 1982.

337. *Прибылое Г.В.* Михизеевская трагедия, или «Кубанская Хатынь»: Исторический очерк. Мостовской, 1993.

338. *Просянкина Т.Ю.* Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны на страницах российских журналов (1990–1994) // Исторический архив. 1995. № 3.

339. *Пуд П.П., Сивков В.И.* Из истории партизанской борьбы в Ставропольском крае в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Пятигорского фармацевтического института. Т. 2. 1957.

340. *Пушкарев Л.Н.* Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

341. *Пятигорский Э.П.* История – это то, что было... 1942. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты: Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе, 1992.

342. *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995.

343. *Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945.* М., 1995.

344. *Репрессированные народы: история и современность.* Элиста, 1992.

345. *Репрессированные народы: история и современность: Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г.* Карачаевск, 1994.

346. *Решин Л.* Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8.

347. *Роковые* решения: Сб. ст. М., 1958.
348. *Рослый И.П.* Контрудар под Орджоникидзе // Война. Народ. Победа. Кн. 2. М., 1995.
349. *Ростовский С.* Красноармейские газеты как исторический источник // Исторический журнал. 1942. Кн. 9.
350. *Рубин Н.* Лаврентий Берия: миф и реальность. М., 1998.
351. *Рубцов Ю.В.* Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса. М., 1999.
352. *Рябцев А.А., Черкасов А.А.* Кавказские национальные части и их вклад на алтарь Победы в годы Великой Отечественной войны // Юбилейный сборник научных трудов СНИЦ РАН и СГУТиКД. Сочи, 2010.
353. *Савв Р.Х.* Тахтамукайский район в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945). Тахтамукай, 1995. Ч. 1–2.
354. *Салов Е.И., Жерноклев И.В.* Горы в огне: Очерки. Майкоп, 2003.
355. *Салов Е.* На Майкопском направлении: К 50-летию освобождения Адыгеи от немецко-фашистских захватчиков. Майкоп, 1993.
356. *Саркисов А.А.* Героические дочери Кавказа: Рассказы о подвигах дочерей народов Кавказа в Великой Отечественной войне. Баку, 1965.
357. *Саркисян С.М.* 51-я армия. (Боевой путь). М., 1983.
358. *Северная Осетия* в XX веке. М., 2003.
359. *Северокавказцы* в боях за Родину: Краткий военно-исторический очерк о боевом пути СКВО. М., 1966.
360. *Селезнев И.А.* Война и идеологическая борьба. М., 1966.
361. *Селюнин В.А.* Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д, 1997.

362. *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4.

363. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

364. *Сенявская Е.С.* 1941-1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995.

365. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999.

366. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

367. *Сивков В.И.* Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков. Ставрополь, 1966. Т. 27.

368. *Сивков В.И.* О формах и особенностях патриотической борьбы народов Северного Кавказа в тылу немецко-фашистских захватчиков в период битвы за Кавказ // Научные труды преподавателей кафедр общественных наук вузов Ставропольского края. Ставрополь, 1968.

369. *Сиджах Х.И.* Воинские и ополченские формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны. Майкоп, 1999.

370. *Сиджах Х.И.* Адыгейский полк в боях за Советскую Родину. Майкоп, 2000.

371. *Сидоренко В.П.* Особые оборонительные районы Северного Кавказа // Органы внутренних дел на пути к правовому государству: Сб. трудов. Вып. 1. СПб., 1993.

372. *Сильнее смерти:* Лит. – худож. изд. Майкоп, 1993.

373. *Симонов Ф.В.* Они командовали фронтами. Подольск, 1995.

374. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985.

375. *Скворцова И.В.* Северный Кавказ в Великой Отечественной войне (историографический аспект). Краснодар, 2008.

376. *Слюсаренко С.П.* Единство фронта и тыла в битве за Кавказ // Деятельность КПСС по укреплению единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Л., 1980.

377. *Смирнов С.С.* Герои Брестской крепости. М., 1959.

378. *Советская историография.* М., 1996.

379. *Советская культура* в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; *Советская экономика* в период Великой Отечественной войны, 1941-1945. М., 1970.

380. *Советские Вооруженные Силы: Страницы истории.* 1918-1988. М., 1987.

381. *Советские партизаны: Из истории партизанского движения* в годы Великой Отечественной войны. М., 1961.

382. *Советский Союз* в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1976.

383. *Советский тыл* в Великой Отечественной войне: Сб. ст.: В 2 кн. М., 1974.

384. *Советский тыл* в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988.

385. *Советский тыл* в период коренного перелома в Великой Отечественной войне. Ноябрь 1942-1943. М., 1989.

386. *Созвездие славных: Герои Советского Союза и Карачаево-Черкесии (1938-1988).* Ставрополь, 1996.

387. *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне: Сб. ст. СПб., 1998.

388. *Соколов Б.В.* Разведка. Тайны Второй мировой войны. М., 2001.

389. *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

390. *Солдатенко А.Н., Зильберг Л.Б.* Курорты Кавказских Минеральных Вод в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Советское здравоохранение. 1975. № 5.

391. *Солдатская слава.* Очерки о кавалерах трех орденов Славы – кубанцах. Краснодар, 1974.

392. *Солдатские матери:* Сб. Краснодар, 1985.

393. *Ставропольцы – Герои Советского Союза.* Книга 1. Их имена не забудутся никогда. Ставрополь, 1968.

394. *Ставропольцы в Великой Отечественной войне.* Ставрополь, 1995.

395. *Сталинград. Событие. Воздействие. Символ.* М., 1995.

396. *Стартов И.Г.* Фронт без командования: (О руководстве партизанским движением в годы Великой Отечественной войны) // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

397. *Сулаев И.Х.* Советская оборона Северного Кавказа и Дагестана: неизвестные страницы истории. Махачкала, 2004.

398. *Сухомлинов А.В.* Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2004.

399. *Схакумидов А.С.* Адыгея в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 годы) // Сборник статей по истории Адыгеи (советский период). Майкоп, 1967.

400. *Схакумидов А.С.* Деятельность Адыгейской партийной организации по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Т. XV. История. Майкоп, 1972.

401. *Схакумидов А.С.* Дружба, скрепленная в боях. Майкоп, 1975.

402. *Схакумидов А.С.* В содружестве боевом: (О подвиге советского народа в Великой Отечественной войне). Майкоп, 1990.

403. *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана: (Документальные очерки истории 1920–1945 гг.). Махачкала, 2000.

404. *Сыны* Кубани – Герои Советского Союза. Краснодар, 1947.

405. *Сыны* Кабарды в боях за Родину. Нальчик, 1950.

406. *Сыны* Кабарды на фронтах Великой Отечественной войны. Нальчик, 1945.

407. *Тебуев Р.С.* Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Ставрополь, 1999. Вып. 1.

408. *Тебуев Р.С., Хатыев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002.

409. *Тедтеев А.А.* Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе, 1969.

410. *Тедтеев А.А.* Защищая Отечество свое. Орджоникидзе, 1977.

411. *Тепун П.Д.* КПСС в борьбе за единство и сплоченность народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов н/Д, 1984.

412. *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994.

413. *Томан Б.А.* База данных документов ЦК ВКП(б) периода Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1997. № 5.

414. *Томан Б.* Истоки сталинизма в историографии Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

415. *Топтыгин А.* Неизвестный Берия. СПб., 2002.

416. *Трапезникова Н.В.* Топливная промышленность Ставропольского края в 1943–1944 гг.: трудности восстановления // Актуальные проблемы российской и всемирной истории: Ученые записки ПГЛУ. Пятигорск, 2002. Вып. 1.

417. *Трахо Р.Г.* Черкесы. Мюнхен, 1956.

418. *Трудовой* подвиг во имя победы: (Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны) // Научные труды Кубанского государственного университета. Вып. 249. Краснодар, 1977.

419. *Трунов Д.* Комсомол Дагестана в Отечественной войне. Махачкала, 1943.

420. *Трунтов В.Ф.* Подвиги комсомольцев и молодежи в тылу немецко-фашистских оккупантов: (По материалам Дона и Северного Кавказа) // Научные труды Кубанского государственного университета. Вып. 150. Краснодар, 1972.

421. *Тюленев И. В.* Советская кавалерия в боях за Родину. М., 1957.

422. *Тюленев И.В.* Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1975.

423. *Усиков Р.* Во главе масс: (Обзор фондов партийного архива Краснодарского края) // Военно-исторический журнал. 1966. № 5.

424. *Усиков Р.* Городские комитеты обороны Крыма, Поволжья и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1971. № 2.

425. *Филимошин М.В.* Наши павшие как часовые...: Потери вооруженных сил СССР в войнах и военных конфликтах // Военно-исторический журнал. 2000. № 2.

426. *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

427. *Френкель М.Ю.* Африка и Ближний Восток в стратегии Германии 1940–1945// Восток. 1995. № 1.

428. *Хакуашев Е.Т.* В боях за Кабардино-Балкарию (1942–1943 гг.). Нальчик, 1971.

429. *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1978.

430. *Хакуашев Е.Т.* Боевое братство 1941–1945 гг. Нальчик, 1983.

431. *Хакуашев Е.Т.* Письма огненных лет. Нальчик, 1989.

432. *Хакуашев Е.Т.* Сыны и дочери Кабардино-Балкарии в боях за Родину (1941–1945). Нальчик, 1991.

433. *Хатукаев А.Т.* Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии. Нальчик, 1980.

434. *Хлынина Т.П.* Вклад Северного Кавказа в достижение Победы: формирование источниковой базы проблемы (1940– 1950-е гг.) // Юбилейный сборник научных трудов СНИЦ РАН и СГУТиКД. Сочи, 2010.

435. *Храмкова Е.Л.* Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Историографические очерки. Самара, 2001.

436. *Храмкова Е.Л.* Экономика России периода Великой Отечественной войны, 1941–1945: Историография проблемы. Самара, 1996.

437. *Худалов Т.Т.* В тылу врага. Орджоникидзе, 1980.

438. *Худалов Т.Т.* Северная Осетия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Владикавказ, 1992.

439. *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы: (На материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999.

440. *Цкитишвили К.В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тбилиси, 1969.

441. *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.

442. *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1985.

443. *Чаплыгина Н.В.* К вопросу о политике нацистов по отношению к народам Северного Кавказа в период оккупации (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) // Актуальные проблемы российской и всемирной истории: Ученые записки ПГЛУ. Пятигорск, 2002. Вып. 1.

444. *Человек и война.* Война как явление культуры. М., 2001.

445. *Черкасов А.А.* Война в горах: страницы истории обороны города Сочи (1942–1943 гг.). Сочи, 2008.

446. *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975.

447. *Чернов В.* В огне войны: (Комсомольцы Ставрополя в годы Великой Отечественной войны) // Архивные материалы по истории комсомола Ставрополя. Ставрополь, 1960.

448. *Черняк Э.В.* Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993.

449. *Чеченцы: история и современность.* М., 1996.

450. *Чомаев К.* Наказанный народ. Черкесск, 1993.

451. *Чугунцова Н.А.* Местная власть и война. Местные органы советской власти Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Краснодар, 1996.

452. *Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004.

453. *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. М., 1992.

454. *Шабает Д.В.* Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик, 1994.

455. *Шайдаев М.Г.* Патриотическое движение народов автономных республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1978.

456. *Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О.* Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999.

457. *Шебзухов М.Х.* Тыл – фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. Майкоп, 1993.

458. *Шебзухов М.Х.* Сыны и дочери Адыгеи в Великой Отечественной... Майкоп, 1995.

459. *Шестерик Ф.* Военное искусство в битве за Кавказ. М., 1974.

460. *Шихамирова П.А.* Политика фашистской Германии на Кавказе в работах советских военачальников // Вестник Дагестанского университета. Гуманитарные науки. 1988. Вып. 6.

461. *Шкляр Б.* Последствия фашистской оккупации в Ставропольском крае в области здравоохранения // Гигиена и санитария. 1944. № 4–5.

462. *Шмонин А.* Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943.

463. *Шнайдер В.Г.* Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1.

464. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Книга первая. М., 1981.

465. *Штеменко С.М.* «Почему я докладывал Берии?..» // Военно-исторический журнал. 1995. № 1.

466. *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.

467. *Эмиров Н.* Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. Махачкала, 1943.

468. *Юденков А.Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М., 1971.

469. *Юдин И.* Партизаны Кубани. Краснодар, 1944.

470. *Юдин И.* Следы фашистского зверя на Кубани. [Б. м.], 1943.

471. 460. *Януш С.В.* Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2002.

472. *Якаев С.Н.* Партийное руководство комсомолом Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1988.

473. *Якобсен Т.-А.* 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995.

474. *Beckmann L., Buhlmann П., Wasmus П., Schroeder W.* Die 13. Panzer-Division. 1935–1945. Eggolsheim, 1988.

475. *Boog H., Rahn W., Stumpt R., Wegker B.* Der Globale Krieg: Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Initiatiwe 1941–1943. Stut-gard, 1990.

476. *Dallin A.* German Rule in Russia. 1941–1945. A Study of Occupation Policies. L., 1957.

477. *Geschichte der 3. Panzer-Division.* Berlin-Brandenburg 1935–1945. Berlin, 1967.

478. *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg, 1974.

479. *Hoffmann J.* Ostenlegionen 1941 bis 1943. Freiburg, 1976.

480. *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43: Das deutsche Fleeer und Orientvoelker der Sowjetunion. Freiburg, 1991.

481. *Hoffmann D.* Die Mag deburger Division. Zur Geschichte der 13. Infanterie- und 13. Panzer-Division. Hamburg, 2001.

482. *Kaltenegger R.* Die Stammdivision der Gebirgstruppe. Weg und Kampf der I.Gebirgs-Division 1935–1945. Graz, 1981.

483. *Mackensen von E.* Vom Bug zum Kaukasus. Das III.Panzer-korps in Feldzug gegen Sowjetrussland, 1941/42. Neckargemund, 1967.

484. *Muskulus F.* Geschichte der 111. Infanterie Division 1940–1944. Hamburg, 1980.

485. *Reitlinger G.* The House built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. Г., 1960.

486. *Schwarz E.* Die Stabilisierung im Süden der Ostfront nach der Katastrophe von Stalingrad und dem Rückzug aus dem Kaukasus. Köln, 1981.

487. *Swientochowski T.* Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York, 1985.

488. *Tieke W.* Der Kaukasus und das Öl. Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. Osnabrück, 1967.

Диссертации

1. *Агиев Р.С.* Трагедия чеченского и ингушского народов в 30—50-е гг. XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация: Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003.

2. *Аджиева Э.А.* Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001.

3. *Айбазова Ф.У.* Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997.

4. *Айшаев О.О.* Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения (1944–1995): Дис... канд. ист. наук. Нальчик, 1997.

5. *Алексеенков А.Е.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне: историко-политический аспект: Дис... канд. ист. наук. СПб., 1995.

6. *Алещенко П.Б.* Партийно-политическая работа в войсках Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во время битвы за Кавказ (июнь 1942 – октябрь 1943): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1972.

7. *Алиева С.К.* Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001.

8. *Алферова И.В.* Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 1998.

9. *Арапханова Л.Я.* Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства: (На примере ингушского народа): Дис... канд. полит, наук. М., 2002.

10. *Афасижев Т.Н.* Военно-патриотическая работа КПСС накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 гг.: (На материале национальных областей Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1975.

11. *Ачмиз К.Г.* Деятельность Ленинского комсомола по мобилизации сельской молодежи на самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (На материалах комсомольских организаций Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Карачаево-Черкесской АО, Краснодарского и Ставропольского краев): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1986.

12. *Баликоев Т.М.* Национальная политика Советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. Владикавказ, 2003.

13. *Баучиев Х.Б.* Вклад интеллигенции Северного Кавказа в разгром фашизма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2000.

14. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

15. *Бердиев З.П.* Формирование массового сознания советского народа в предвоенные годы (1936 – июнь 1941 г.): (На материалах КАО, ЧАО, КБАССР и Орджоникидзевского края): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2000.

16. *Бочкарева З.В.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: Дис... канд.

ист. наук. Краснодар, 1992.

17. *Булгарова М.К.-Г.* Деятельность местных Советов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002.

18. *Быстров В.Е.* Деятельность Коммунистической партии по организации подполья на оккупированной фашистскими захватчиками советской территории: Дис... канд. ист. наук. М., 1970.

19. *Василенко Т.В.* Исторический опыт Советского государства по формированию патриотического и интернационального сознания советского народа в годы Великой Отечественной войны: (На материалах Северо-Кавказского региона): Дис... канд. ист. наук. М., 2005.

20. *Войтенко Е.А.* Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны. 1941–1943 гг.: Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

21. *Гаценко В.М.* Военно-организаторская деятельность партийных организаций Северного Кавказа в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.): (На материалах Краснодарского и Орджоникидзевского краев): Дис... канд. ист. наук. М., 1974.

22. *Гилязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2000.

23. *Глухов В.М.* Адыгея в дни Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 1949.

24. *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20—90-е годы XX века: Дис... канд. ист. наук. Нальчик, 1997.

25. *Григорян К.Г.* Участие армянского народа в обороне Кавказа (июль 1942 – октябрь 1943): Дис... канд. ист. наук. Ереван, 1967.

26. *Гусейнов С.М.* Борьба Коммунистической партии за усиление ведущей роли рабочего класса в союзе с крестьянством в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): (На опыте партийных организаций Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1988.

27. *Давыдов И.В.* Кабардинская партийная организация в период Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1954.

28. *Данилов В.Н.* Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1996.

29. *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: Дис... канд. ист. наук. СПб., 1992.

30. *Дробязко С.И.* Восточные формирования в составе вермахта, 1941–1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 1997.

31. *Дружба О.В.* Освещение в советской исторической литературе деятельности партийных организаций Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1985.

32. *Евтушенко Ю.Л.* Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Армавир, 2005.

33. *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. М., 1999.

34. *Исаченко Л.И.* Военно-организаторская работа партийных организаций Кубани и Ставрополя в период Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Нальчик, 1972.

35. *Казаков А.В.* Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации

подрывных акций эмигрантских организаций в 20—50-х гг. XX в.: Дис... канд. ист. наук. Нальчик, 2005.

36. *Каменева Г.Н.* Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

37. *Каратаева Х.А.* Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны: (На материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. СПб., 1994.

38. *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2000.

39. *Комаров Д.Е.* Эксплуатация фашистской Германией экономического потенциала временно оккупированных территорий СССР (1941-1944 гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 2001.

40. *Кочиева Ф.И.* КПСС – организатор патриотических подвигов женщин в годы Великой Отечественной войны: (На материалах Ставропольского края): Дис... канд. ист. наук. Черкесск, 1971.

41. *Красюк А.И.* Коммунистическая партия – организатор всенародной борьбы с фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Советского Союза (1941-1944 гг.): (Историография проблемы): Дис... канд. ист. наук. Киев, 1986.

42. *Кудрявцев И.И.* Деятельность государственных архивных учреждений СССР по публикации документов Великой Отечественной войны в 1940—1970-х годах: Дис... канд. ист. наук. М., 1985.

43. *Кулаев Ч.С.* Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945): Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1968.

44. *Кулаев Ч.С.* Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 г.):

(На материалах партийных организаций Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. М., 1981.

45. *Курносков А.А.* Методы исследования мемуаров: (Мемуары как источник по истории народного сопротивления в годы Великой Отечественной войны): Дис... канд. ист. наук. М., 1966.

46. *Линец А.С.* Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – январь 1943 г.): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.

47. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.

48. *Магомаев В.Х.* Социально-экономическое развитие республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 2008.

49. *Мартианов В.Е.* Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937-1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1997.

50. *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917-1945 гг.): военно-исторический аспект: Дис... канд. ист. наук. М., 2004.

51. *Мурадян В.А.* Деятельность КПСС и ее армейских организаций, военного командования и политических органов по интернациональному воспитанию воинов Советских Вооруженных Сил на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1969.

52. *Напсо Н.Т.* Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис.... канд. ист. наук. Майкоп, 2000.

53. *Озов А.Ю.* Патриотическая работа и ратные подвиги молодежи Северного Кавказа в период Великой

Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.

54. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: Дис... канд. ист. наук. М., 2001.

55. *Опишанская К.Я.* Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941–1945: Дис... канд. ист. наук. Баку, 1954.

56. *Панарина Е.В.* Реализация социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): на материалах Дона и Северного Кавказа: Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.

57. *Печалова Л.В.* Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007.

58. *Позняк Е.В.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы и сотрудничества советских народов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (Историография проблемы): Дис... канд. ист. наук. Киев, 1987.

59. *Попов А.Ю.* Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 2007.

60. *Приходько Е.В.* Всенародная забота о раненых советских воинах и семьях защитников Родины в годы Великой Отечественной войны: (На материалах Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1981.

61. *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.): Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007.

62. *Савочкин А.А.* Массовые репрессии 30–40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и

поддержания исключительной самостоятельности государства: Дис.... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

63. *Саркисян С.М.* 408-я стрелковая армянская дивизия в битве за Кавказ: Дис... канд. ист. наук. Ереван, 1966.

64. *Сивков В.И.* Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 1965.

65. *Сигачев Ю.В.* Новые источники по истории Великой Отечественной войны: публикация и анализ: Дис. в виде науч. доклада... канд. ист. наук. М., 1997.

66. *Сидоренко В.П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. СПб., 2000.

67. *Соломко Е.А.* Интеллигенция Адыгеи в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 2005.

68. *Срибная Т.А.* Военно-патриотическая печатная пропаганда в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.

69. *Схакумидов А.С.* Деятельность Адыгейской партийной организации в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 1967.

70. *Схакумидов А.С.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению боевого и трудового содружества советского народа в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. М., 1984.

71. *Телегин Ф.Н.* Использование фашистской Германией экономического потенциала оккупированных и зависимых государств Европы во Второй мировой войне: Дис... канд. ист. наук. М., 1973.

72. *Тепун П.Д.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы народов СССР в годы

Великой Отечественной войны: (На материалах парторганизаций Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1985.

73. *Тугушева В.А.* Деятельность городских комитетов обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 2009.

74. *Туркатов М.М.* Советские спецслужбы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 2000.

75. *Уйвасов Б. З.* Государственный аппарат Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис... канд. юрид. наук. Махачкала, 1985.

76. *Хапчаев Р.И.* Организация и управление хозяйственно-трудовой деятельностью и этнополитическими процессами народов Северного Кавказа (1943-1957 гг.): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001.

77. *Хатуев И.З.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 2005.

78. *Хунагов А.С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя (20—50-е годы): Дис... канд. ист. наук. М., 1998.

79. *Цуцулаева С.С.* Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: проблемы историографии: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2001.

80. *Чанкаева Д.С.* Печать Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.

81. *Черепанов В.В.* Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны (историографическое исследование): Дис... канд. ист. наук. М., 1994.

82. *Черный В.И.* Деятельность кавказских партийных организаций по оказанию помощи советским войскам в период битвы за Кавказ (июль 1942 – октябрь 1943 г.): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1978.

83. *Четав С.Е.* Женщины Адыгеи: трансформация социальной роли в годы радикальных перемен и в экстремальных условиях Великой Отечественной войны: 20—40-е гг. XX в.: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 2005.

84. *Чибиров Х.Т.* Северо-Осетинская партийная организация в период Великой Отечественной войны: Дис.... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1953.

85. *Шилин В.Ф.* Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по идейно-политическому воспитанию трудящихся в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 г.): Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1978.

86. *Шишкин В.П.* Трудовой подвиг народов Северного Кавказа в период восстановления и развития народного хозяйства (1943–1953 гг.): (На материалах Ставропольского, Краснодарского краев, Кабардино-Балкарской АССР): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 1999.

87. *Шнайдер В.Г.* Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917– конец 1950-х гг.): Дис... канд. ист. наук. Армавир, 2008.

88. *Юфит М.Ф.* Трудовой подвиг железнодорожников Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1975.

89. *Януш С.В.* Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе: Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998.

90. *Януш С.В.* Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006.

Справочная литература

1. *Боевой состав Советской Армии*. Ч. 1-5 (июнь 1941 – сентябрь 1945 г.). М., [Б.г.].
2. *Военный энциклопедический словарь*: В 8 т. М., 2002.
3. *Общевойсковые армии и их боевой состав за 1942 г.*: В 4 ч. М., [Б. г.].
4. *Лубянка*. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997.

Примечания

¹ См.: *Национальные отношения и межнациональные конфликты*: Сб. статей. Владикавказ, 1997. С. 232, 235; *Иванов В.Е.* Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург, 1996. С. 52, 81; *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д, 1998. С. 6–8; *Баликоев Т.М.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000. С. 6, 9, 36–37, 40–43; *Сидоренко В.П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект: Дис... д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 147 и др.

² *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945*: В 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 403–450; *КПСС* – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне: (Историографический очерк). М., 1973; *Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны*: Сб. ст. М., 1976; *Историография Великой Отечественной войны*. М., 1980; *Логунова Т.А.* Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск 1941–1945. М., 1985 и др.

³ *Бакаев Х.А.* Битва за Кавказ в современной советской исторической литературе // Вопросы истории. 1984. № 9; *Дружба О.В.* Освещение в советской исторической литературе деятельности партийных организаций Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1985; *Кулаев Ч.С.* Историографический очерк о подвигах народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1993; *Бугай Н.Ф.* Проблема депортации и реабилитации народов в трудах

ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3-4; *Цуцулаева С.С.* Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: проблемы историографии: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2001; *Аникеев А.А., Баликоев Т.М., Януш С.В., Селюнина Н.В.* Проблемы битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1; *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004; *Шихамирова П.А.* Кавказ в политике фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны в отечественной и зарубежной историографии: Дис.... канд. ист. наук. Махачкала, 2006; *Скворцова И.В.* Северный Кавказ в Великой Отечественной войне (историографический аспект). Краснодар, 2008; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д., 2009 и др.

⁴ Подробнее о периодизации историографии проблемы см.: *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. С. 14-27.

⁵ *Абазатов М.А.* Чечено-ингушский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1943; *Павленко П.* Говорит Северная Осетия. Орджоникидзе, 1943; *Трунов Д.* Комсомол Дагестана в Отечественной войне. Махачкала, 1943; *Шмолкина А.* Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943; *Гальцев В., Цуциев Б.* Северная Осетия в период Великой Отечественной войны // 20 лет автономии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1944; *Дагестанцы в боях за Советскую Родину: По документальным материалам фронтовой печати.* Махачкала, 1945; *Сыны Кабарды на фронтах Великой Отечественной войны.* Нальчик, 1945 и др.

⁶ Глухов В.М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 1949; Чибиров Х.Т. Северо-Осетинская партийная организация в период Великой Отечественной войны. Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1953; Давыдов И.В. Кабардинская партийная организация в период Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1954; Карданов З.К. Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Труды Черкесского научно-исследовательского института, языка и литературы. Вып. 2. Черкесск, 1954 и др.

⁷ Аликберов З.М. Комсомольцы и молодежь Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1958; Аликберов З.М., Керимов И.К. На фронте и в тылу. Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1959; Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Махачкала, 1963 и др.

⁸ Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

⁹ История Северо-Осетинской АССР: Советский период. Орджоникидзе, 1966; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М., 1967. Т. 2; История Дагестана: В 4 т. М., 1968. Т. 3; Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969; Очерки истории Кабардино-Балкарской партийной организации КПСС. Нальчик, 1971; Очерки истории Карачаево-Черкесии: В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 2. Грозный, 1972; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981 и др.

¹⁰ Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

(восстановление автономии балкарского народа). Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1965.

¹¹ *Схакумидов А.С.* Деятельность Адыгейской партийной организации в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 1967; *Кулаев Ч.С.* Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1968.

¹² *Тедтоев А.А.* Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе, 1969; *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973; *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1978; *Гакаев Х.А.* В годы суровых испытаний: роль Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне. Грозный, 1988 и др.

¹³ *Иванов Т.П.* Коммунистическая партия – организатор разгрома немецко-фашистских войск на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: Дис... д-ра ист. наук. Краснодар, 1968; *Аликберов З.М.* Партийные организации Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1969; *Шайдаев М.Г.* Патриотическое движение народов автономных республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1978; *Карачаево-Черкесия* в годы Великой Отечественной войны. Черкесск, 1982; *Деятельность* партийных организаций Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Краснодар, 1987 и др.

¹⁴ *Кочиева Ф.И.* КПСС – организатор патриотических подвигов женщин в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Ставропольского края): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 1971; *Афасижев Т.И.* Военно-патриотическая работа КПСС накануне и в годы Великой

Отечественной войны 1938–1945 гг. (На материале национальных областей Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1975; *Шилин В.Ф.* Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по идейно-политическому воспитанию трудящихся в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1978; *Кулаев Ч.С.* Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): (На материалах партийных организаций Северного Кавказа): Дис... д-ра ист. наук. М., 1981; *Тепун П.Д.* КПСС в борьбе за единство и сплоченность народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1984; *Идеологическая* и массово-политическая работа партийных организаций Адыгеи и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Майкоп, 1986 и др.

¹⁵ *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973 и др.

¹⁶ *Кияшко В.И.* Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по восстановлению промышленности в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1972; *Патриотический* и трудовой подвиг трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. ст. Махачкала, 1983; *Из истории* трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1985; *Больбух А.В.* История рабочих Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1986.

¹⁷ *Ачмиз К.Г.* Деятельность Ленинского комсомола по мобилизации сельской молодежи на самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (На материалах комсомольских организаций Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР,

Адыгейской и Карачаево-Черкесской АО, Краснодарского и Ставропольского краев): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1986; *Якаев С.Н.* Партийное руководство комсомолом Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1988 и др.

¹⁸ *Юфит М.Ф.* Трудовой подвиг железнодорожников Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1975; *Абаев А.И.* Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Орджоникидзе, 1978; *Малышева Е.М.* Деятельность партийных организаций Кубани и Ставрополя по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1979; *Больбух А.В.* История рабочих Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1986; *Кропачев С.А.* Деятельность партийных организаций Дона, Кубани и Ставрополя по повышению трудовой и политической активности колхозного крестьянства в годы войны 1941–1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1986; *Перевалова Е.С.* Женщины Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941–1945: Дис... канд. ист. наук. М., 1987; *Гусейнов С.М.* Борьба Коммунистической партии за усиление ведущей роли рабочего класса в союзе с крестьянством в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): (На опыте партийных организаций Северного Кавказа): Дис... д-ра ист. наук. Махачкала, 1988 и др.

¹⁹ *Дружба О.В.* Великая Отечественная война: проблемы современной историографии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 1995. № 1. С. 10.

²⁰ *Героизм и братство народов СССР в годы Великой Отечественной войны: Материалы науч. – практ. конф. в КЧГПУ, поев. 50-летию Победы.* Карачаевск, 1995; *50 лет Великой Победы: Материалы науч. – практ. конф., состоявшейся в апреле 1995 года.* Майкоп, 1996; *55 лет*

Великой Победы: история и современность: Материалы межвуз. науч. конф. Карачаевск, 2000; *Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы социальной истории*: Материалы Международ. науч. конф. 28–31 мая 2002 г. Майкоп, 2002; *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (к 60-летию Великой Победы)*: Материалы регион, науч. – практ. конф. Нальчик, 2005; *Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов*: Материалы Всерос. науч. – практ. конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный, 2010 и др.

²¹ *Чеченцы: история и современность*. М., 1996; *Тебуев Р.С., Хатыев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М., Ставрополь, 2002; *История Северной Осетии. XX век*. М., 2003; *История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России*. Нальчик, 2007; *История Чечни с древнейших времен до наших дней*: В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008 и др.

²² См., например: *История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917–1991 гг.)*. Майкоп, 1991; *История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.)*. Майкоп, 1994; *Край наш Ставрополье: Очерки истории*. Ставрополь, 1999 и др.

²³ *Худалов Т. Т.* Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Владикавказ, 1992; *Ибрагимов М.М.* Народы Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1997; *Он же.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа): Дис... д-ра ист. наук. М., 1999; *Азашиков Г.Х.* Адыгея в годы войны. Майкоп, 1998; *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д, 1998;

Баликоев Т.М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000; *Малышева Е.М.* Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Майкоп, 2000; *Хатуев И.З.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 2005 и др.

²⁴ *Шебзухов М.Х.* Тыл – фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. Майкоп, 1993. С. 49–52, 54.

²⁵ *Чугунцова Н.А.* Организация и основные направления деятельности органов власти краев, областей и республик Северного Кавказа в 1941–1945 годах: Дис... д-ра ист. наук. Махачкала, 1997; *Булгарова М.К.* Деятельность местных Советов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002; *Тугушева В.А.* Деятельность городских комитетов обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Дис... д-ра ист. наук. Майкоп, 2009 и др.

²⁶ *Чанкаева Д.С.* Печать Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг: Дис... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1999; *Алиева С.К.* Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дис... д-ра ист. наук. Карачаевск, 2001; *Василенко Т.В.* Исторический опыт Советского государства по формированию патриотического и интернационального сознания советского народа в годы Великой Отечественной войны: (На материалах Северо-Кавказского региона): Дис... д-ра ист. наук. М., 2005 и др.

²⁷ *Шебзухов М.Х.* Тыл – фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки; *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945; *Селюнин В.А.* Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д, 1997; *Шишкин В.П.* Трудовой подвиг народов Северного Кавказа в период восстановления и развития народного хозяйства (1943–1953 гг.): (на материалах Ставропольского, Краснодарского краев, Кабардино-Балкарской АССР): Дис... д-ра ист. наук. Карачаевск, 1999; *Печалова Л.В.* Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 2007; *Магомаев В.Х.* Социально-экономическое развитие республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: Дис... д-ра ист. наук. М., 2008 и др.

²⁸ *Чугунцова Н.А.* Местная власть и война. Краснодар, 1996; *Панарина Е.В.* Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Армавир, 2009.

²⁹ *Озов А.Ю.* Патриотическая работа и ратные подвиги молодежи Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1999; *Ачмиз КГ.* Трудовой подвиг сельской молодежи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краснодар, 2006 и др.

³⁰ *Каменева Г.Н.* Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2004; *Четав С.Е.* Женщины Адыгеи: трансформация социальной роли в годы радикальных перемен и в экстремальных условиях Великой Отечественной войны: 20– 40-е гг. XX в.: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 2005.

³¹ *Айбазова Ф.У.* Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1997; *Баучиев Х.Б.* Вклад интеллигенции Северного Кавказа в разгром фашизма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 2000; *Соломко Е.А.* Интеллигенция Адыгеи в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг: Дис... д-ра ист. наук. Майкоп, 2005 и др.

³² *Болдырев ЮЛ.* Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996.

³³ *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д, 2003 С. 151, 513.

³⁴ *Филюшкин А.И.* Методологические инновации в современной российской исторической науке (вместо предисловия) // АСТЮ NOVA 2000: Сб. науч. ст. М., 2000. С. 7–8.

³⁵ Подробнее см.: *Кринко Е.Ф.* Антропологический ракурс в изучении истории Великой Отечественной войны // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар, 2006. С. 100–107.

³⁶ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 13–14.

³⁷ *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологи-ческие очерки. М., 1997 и др.

³⁸ См.: *Вишлев О.В.* Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001. С. 142 и др.

³⁹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 5.

⁴⁰ Халчаев Р.И. Организация и управление хозяйственнотрудовой деятельностью и этнополитическими процессами народов Северного Кавказа (1943–1957 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. С. 6.

⁴¹ Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка: Публицистические заметки. М., 1989. С. 10.

⁴² Гапуров Ш.А., Ибрагимов Мовсур М. Победы в Великой Отечественной войне ковали все народы СССР (вклад чеченцев в борьбу с немецкими фашистами) // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. С. 8.

⁴³ Collancz V. Russia and Ourselves. L., 1941; Carroll W. We're in this with Russia. Boston, 1942; Willkie W.L. One World. L., 1943 и др.

⁴⁴ Tutaeff D. The Soviet Caucasus. L., 1942 и др.

⁴⁵ Якушевский А.С. Зарубежная литература о советско-германской войне (Основные этапы и их характеристика) // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995. С. 55–56.

⁴⁶ World War II: German military studies. N.Y., 1979. V. 1 —30.

⁴⁷ Майстренко И. Национальная политика КПСС. Мюнхен, 1978; Hoffmann J. Der Kaukasus im 1942/1943. Freiburg, 1985 и др.

⁴⁸ Курганов И.А. Нации СССР и русский вопрос. Франкфурт-на-Майне, 1961; Генигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983; Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilisation. Cambridge, 1985; Lincoln B.W. Red Victory. A History of the Russian Civil War. N.Y., 1989 и др.

⁴⁹ *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. London, 1950* (рус. перевод: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996*).

⁵⁰ *Fridrih K., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956* (рус. перевод: *Фридрих К, Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия // Тоталитаризм: что это такое? М., 1992. Т. 2*).

⁵¹ *Меньковский В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007. С. 85 и др.*

⁵² *Салехов Н.И., Немчинов В.И. Против фальсификации роли Советского Союза во Второй мировой войне // Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М., 1960; Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1971; Марушкин Б.И. Великая Отечественная война в антимарксистской историографии // Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972; Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974; Секистов В.А. К вопросу о фальсификации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза // Вопросы истории КПСС. 1974. № 4; Борисов А.Ю. Новейшая англо-американская буржуазная историография Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945) // История СССР. 1975. № 3; Мерцалов А.Н. Западногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. М., 1978; Вопросы советской историографии и критика буржуазных фальсификаторов. М., 1983; Жилин П.А. Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983; Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983; Жук Н. Критика основных течений реакционной буржуазной*

историографии участия СССР во Второй мировой войне // Значение победы в Великой Отечественной войне Советского Союза для белорусского и литовского народов. Вильнюс, 1987; *Критика* концепций современной буржуазной историографии. JL, 1987 и др.

⁵³ *Бланк А.С.* Адвокаты фашизма. М., 1974. С. 8-9; *Гринкевич Л.Л.* Критика основных фальсификаторских концепций новейшей англо-американской историографии советского партизанского движения в 1941-1944 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984 и др.

⁵⁴ *Якушевский А.С.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941-1945 гг.): Дис. в виде науч. доклада... д-ра ист. наук. М., 1997 и др.

⁵⁵ *Абазатов М.А.* Чечено-ингушский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза; Сыны Кабарды на фронтах Великой Отечественной войны и др.

⁵⁶ *Герой Советского Союза Ханпаша Нурадилов.* Грозный, 1943 и др.

⁵⁷ *Аликберов Г.А.* Германские захватчики и советские народы Востока. Махачкала, 1942; *Калинин М.И.* Указ. соч.; *Кардаш Г.* За родной Кавказ. Орджоникидзе, 1943; *Трунов Д.* На бронепоезде «Комсомолец Дагестана». Махачкала, 1943; *Шмонин А.* Указ. соч. и др.

⁵⁸ *Пономарев А.* Верность: (рассказы о героях). Майкоп, 1948; *Сыны Кабарды в боях за Родину.* Нальчик, 1950 и др.

⁵⁹ *Напсо Д.А.* Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны; *Лайпанов С.З.* Сын Карачая - герой Белоруссии. Ставрополь, 1964; *Нежинский В.* Под боевыми знаменами: Очерки о Героях Советского Союза. Черкесск, 1962; *Он же.* От Кавказа до Берлина: Фронтовые были. Ставрополь, 1965 и др.

⁶⁰ *Джамбулатова З.К.* Сыны Чечено-Ингушетии на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия Чечено-Ингушского НИИЯИЛ. Грозный, 1960. Т. 2.

⁶¹ См.: *Цуцулаева С.С.* Чечено-Ингушетия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3А. С. 102.

⁶¹ *Опрышко О.Л.* На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970; *Он же.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М., 1976; *Он же.* И вспомнят нас поименно. Нальчик, 1985 и др.

⁶³ *В боях за Кавказ:* Сб. Баку, 1968; *Дорохов А.П.* Герои Черноморского неба. М., 1972; *Муратов В.В.* В боях за Кавказ. М., 1982; *День Победы.* Нальчик, 1986 и др.

⁶⁴ *Иванов Г.П.* В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967; *Тедтоев А.А.* Защищая Отечество свое. Орджоникидзе, 1978; *Черный В.И.* Деятельность кавказских партийных организаций по оказанию помощи советским войскам в период битвы за Кавказ (июль 1942 – октябрь 1943 г.): Дис... д-ра ист. наук. Краснодар, 1978; *Народный подвиг в битве за Кавказ:* Сб. ст. М., 1981; *Мамукелашвили Э.* Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Тбилиси, 1982; *Хакуашев Е.Т.* Боевое братство 1941–1945 гг. Нальчик, 1983 и др.

⁶⁵ *Аликберов З.М.* Защитники Кавказа: (По материалам Азербайджана и республик Северного Кавказа). Баку, 1975.

⁶⁶ *Краснознаменный Северо-Кавказский:* Краткий исторический очерк. Ростов н/Д, 1978. С. 241.

⁶⁷ *Очерки истории Карачаево-Черкесии.* Т. 2. Советский период. С. 272.

⁶⁸ *Боташев М.А.* Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы

Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 32.

⁶⁹ *Очерки истории Адыгеи. Т. II. Советский период. С. 180.*

⁷⁰ *Золотые Звезды Адыгеи. 2-е изд. Майкоп, 1980.*

⁷¹ *Боевая слава Кабардино-Балкарии: В 6 т. Нальчик, 1965–1994; Евдокимов И.Ф. Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева. Нальчик, 1966; Нежинский В. Это было на войне...: Фронтовые были. Черкесск, 1967; Он же. Сердца молодые: Очерки. Черкесск, 1969; Занкишиев Х. Сын гор – сокол Балтики. Нальчик, 1971; Цховребов И.Н. Генерал армии Исса Плиев. Тбилиси, 1976; Цховребов И.Н. Из истории боевого содружества народов Северного Кавказа. Цхинвали, 1979; Воронин С.Т....Шла война народная. Грозный, 1980; Кипкеев КР. Сыны и дочери Карачаево-Черкесии на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанском движении (1941–1945) // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); Лесев В.Д. Долг памяти. Нальчик, 1983; Брикель П.П. Последний рейд. Грозный, 1984; Пути-дороги. Грозный, 1984; Они ковали Победу: Воспоминания. Очерки. Статьи: Сб. Майкоп, 1985; День Победы. Нальчик, 1986; На земле, в небесах и на море: Очерки. Нальчик, 1988 и др.*

⁷² *Золотые звезды Кабардино-Балкарии: Очерки о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы. Нальчик, 1984; Золотые звезды Адыгеи; Золотые звезды Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985 и др.*

⁷³ *Правда. 1942. 28 марта.*

⁷⁴ *Очерки истории Адыгеи. Т. II. Советский период. С. 158; Золотые Звезды Адыгеи. С. 5.*

⁷⁵ *Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии Советской Адыгеи. 1922–1947. Майкоп, 1947. С. 209.*

¹⁶ *Золотые Звезды Адыгеи. С. 6. См. также: Михайлова Б. Хусен Андрухаев, политрук, поэт //*

Бессмертные героев имена: Очерки о воинах, удостоенных звания Героя Советского Союза за подвиги в сражениях на Дону. Ростов н/Д, 1978. С. 35; *Резникова Н.Ф.* Сильнее кровного родства // Они ковали Победу. С. 54.

⁷⁷ *Адыгейская* автономная область. С. 209; *Киселев А.В.* В суровые годы // Славный путь. Из истории комсомола Адыгеи. Майкоп, 1961. С. 144.

⁷⁸ *Литературное* наследство: (советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны). М., 1966. Т. 79. Кн. вторая. С. 487–488; *Михайлова Б.* Указ. соч. С.35; *Золотые Звезды* Адыгеи. С. 6; *Очерки* истории Адыгеи. Т. II. Советский период. С. 158. В ряде описаний объединены обе версии: «Хусен поднялся во весь рост и с возгласом: «Русские не сдаются! Возьмите, гады!» – метнул под ноги набежавшим врагам противотанковые гранаты». См.: *Резникова Н.Ф.* Указ. соч. С. 55.

⁷⁹ *Жанэ К.* Хусен Андрухаев. М., 1974. С. 71–72.

⁸⁰ *Михайлова Б.* Указ. соч. С. 35; *Очерки* истории Адыгеи. Т. II. Советский период. С. 158–159.

⁸¹ *Хатукаев А. Т.* Славой овеванные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1971 и др.

⁸² *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1979.

⁸³ *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 5–6 и др.

⁸⁴ *Хакуашев Е. Т.* Сыны и дочери Кабардино-Балкарии в боях за Родину (1941–1945). Нальчик, 1991; *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие: Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993; Сильнее смерти. Майкоп, 1993; *Бесланеев В.С.* Малокабардинцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Нальчик, 1995; *Койчуев АД.* Сыны и дочери

Карачая – фронту. Черкесск, 1995; *Шебзухов М.Х.* Сыны и дочери Адыгеи в Великой Отечественной... Майкоп, 1995; *Созвездие* славных: Герои Советского Союза и Карачаево-Черкесии (1938–1988). Ставрополь, 1996; *Койчуев АД.* Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998; *Клевцова Л.К.* Котляревцы – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Нальчик, 1999; *Ибрагимов М.М., Хатуев ИЗ.* Вклад чеченского народа в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Грозный, 2005; *Кауфов Х.Х.* Память о подвиге. Нальчик, 2005; *Мизиев Т.С.* Алим Байсултанов – легенда Балтики. Нальчик, 2005; *Ингушетия* в Великой Отечественной войне: В 2 кн. Ростов н/Д, 2010 и др.

⁸⁵ *В огне закаленные: О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии.* Нальчик, 1995; *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1999; *Сиджах Х.И.* Воинские и ополченские формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны. Майкоп, 1999 и др.

⁸⁶ *Ошаев Х.Д.* Брест – орешек огненный. Грозный, 1990.

⁸⁷ *Он же.* Слово о полку чечено-ингушском. Нальчик, 2004. С. 19.

⁸⁸ *Цуцулаева С.С.* Чечено-Ингушетия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 104.

⁸⁹ *Они сражались за Родину.* Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2002; *Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Т. 1. Элиста, 2010.

⁹⁰ *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007.

⁹¹ *История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков.* Грозный, 2008. С. 485.

⁹² Там же.

⁹³ *Иванов В.Е.* Указ. соч.

⁹⁴ *Geschichte der 3. Panzer-Division.* Berlin – Brandenburg 1935–1945. Berlin, 1967; *Mackensen von E.* Vom Bug zum Kaukasus. Das III. Panzerkorps in Feldzug gegen Sowjetrußland, 1941/42. Neckargemund, 1967; *Muskulus F.* Geschichte der 111. Infanterie Division 1940–1944. Hamburg, 1980; *Kaltenegger R.* Die Stamm-division der Gebirgstruppe. Weg und Kampf der 1. Gebirgs-Division 1935–1945. Graz, 1981; *Beckmann L., Buhlmann H., Wasmus H., Schroeder W.* Die 13. Panzer-Division. 1935–1945. Eggolsheim, 1988; *Hoffmann D.* Die Magdeburger Division. Zur Geschichte der 13. Infanterie – und 13. Panzer-Division. Hamburg, 2001 и др.

⁹⁵ *Tieke W.* Der Kaukasus und das Ц1. Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. Osnabrück, 1967 (рус. перевод см.: *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005). *Schwarz E.* Die Stabilisierung im Sbdn der Ostfront nach der Katastrophe von Stalingrad und dem Rückzug aus dem Kaukasus. Köln, 1981; *Boog H., Rahn W., Stumpe R., Wegker B.* Der Globale Krieg: Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Initiative 1941–1943. Stuttgart, 1990 и др.

⁹⁶ *Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф.* «Гвардии генерал казачьих войск» Н.Я. Кириченко // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 14.

⁹⁷ *Аликберов Г.А.* Германские захватчики и советские народы Востока. Махачкала, 1942; *Калинин М.И.* Указ. соч.; *Кардаш Г.* За родной Кавказ. Орджоникидзе, 1943; *Трунов Д.* На бронепоезде «Комсомолец Дагестана». Махачкала, 1943; *Шмонин А.* Указ. соч. и др.

⁹⁸ *Эмиров Н.* Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. Махачкала, 1943. С. 28.

⁹⁹ *Адыгейская автономная область.* Посвящается 25-летию автономии Советской Адыгеи. 1922-1947. Майкоп, 1947. С. 195.

¹⁰⁰ *Карданов З.К* Указ. соч. С. 183.

¹⁰¹ *Глухов В.М.* Указ. соч. С. 108-109 и др.

¹⁰² *Ибрагимбейли Х.-М.* Крушение планов гитлеровской Германии на Кавказе // Вопросы истории. 1983. № 7 и др.

¹⁰³ *Ибрагимбейли Х. -М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977.

¹⁰⁴ *Бабаев А.-М.* Кавказ в захватнических планах фашистской Германии. Махачкала, 1964; *Он же.* Крах гитлеровских планов захвата Кавказа. Махачкала, 1975 и др.

¹⁰⁵ *Схакумидов А.С.* Указ. соч.; *Кулаев Ч.С.* Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945); *Давыдов И.В.* Антифашистская печатная пропаганда на временно оккупированной территории Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. История; *Иванов Г.П.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны: (по материалам партийных организаций Северного Кавказа). Краснодар, 1969 и др.

¹⁰⁶ *Иванов Г.П.* В годы суровых испытаний. С. 142-143.

¹⁰⁷ *Сивков В.И.* Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны: Дис... д-ра ист. наук. Пятигорск, 1965.

¹⁰⁸ *Сивков В.И.* Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков. Ставрополь, 1966. Т. 27. С. 39.

¹⁰⁹ Там же. С. 86.

¹¹⁰ *Грудцина А.В.* Кабардино-балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 г. // История СССР. 1962. № 3; *Нежинский В.* Солдаты умирают с оружием: Партизанские были. Ставрополь, 1971; *Худалов Т. Т.* В тылу врага. Орджоникидзе, 1980 и др.

¹¹¹ *Захаров Ф.В., Романов И.В.* Плечом к плечу. Нальчик, 1962. С. 13-14, 100, 103; *Ибрагимбейли Х.-М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. С. 204-206; *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР). 2-е изд. М., 1974. С. 168-178 и др.

¹¹² См.: *История* многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России; *История* сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870-1993 гг.).

¹¹³ *Бочкарева З.В.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1992; *Януш С.В.* Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе: Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998; *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.): Дис... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003 и др.

¹¹⁴ *Бочкарева З.В.* Указ. соч. С. 221-222.

¹¹⁵ *Малышева Е.М.* В борьбе за победу. Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и

крестьян в годы войны. 1941–1945. Майкоп, 1992. С. 176.

¹¹⁶ Там же. С. 172.

¹¹⁷ *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). С. 514.

¹¹⁸ *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны: Дис... д-ра ист. наук. Карачаевск, 2000 и др.

¹¹⁹ *Вклад кубанцев в Победу над фашизмом.* Краснодар, 1996. С. 22.

¹²⁰ *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000; *Он же.* Майкопские партизаны. Майкоп, 2007 и др.

¹²¹ *Алиев К.-М.* Свет и тени партизанской войны. М.; Ставрополь, 2003; *Линец А.С.* Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – январь 1943 г.): Дис... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003; *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.); *Марченко Г.В.* Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1.

¹²² См. подробнее: *Кринко Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–163 и др.

¹²³ *Напсо Н.Т.* Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 2000; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М., 2004; *Чуев С.* Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М., 2004; *Романько О.В.* Советский легион

Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006 и др.

¹²⁴ Казаков А.В. Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20—50-х гг. XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Нальчик, 2005. С. 17.

¹²⁵ Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов н/Д, 2006. С. 189.

¹²⁶ Трахор Р.Т. Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 123; Дробязко С.И. Указ. соч. С. 524 и др.

¹²⁷ Журавлев Е.И. Указ. соч. С. 188.

¹²⁸ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 891. Л. 18–19.

¹²⁹ Самойлов Е. От белой гвардии – к фашизму // Неотвратимое возмездие. М., 1987. С. 129; См. также: Глухов В.М. Указ. соч. С. 109–110, 129; Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. С. 15; Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. С. 200 и др.

¹³⁰ Шебзухов Х.М. Тыл – фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. С. 110.

¹³¹ Беджанов М.Б. Генерал Султан-Гирей Клыч. Краснодар, 1999.

¹³² Боташев М.А. Указ. соч. С. 29; См. также: Гнеушев В., Попутько А. Партизанский заслон. Ставрополь, 1985. С. 92—121 и др.

¹³³ Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. М.; Ставрополь, 2003. С. 61–74.

¹³⁴ Dallin A. German Rule in Russia. 1941–1945. A Study of occupation policies. Г., 1957. P. 245, 248, 299.

¹³⁵ Reitlinger G. The House built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia. 1941–1945. Г., 1960 (рус.

перевод: *Рейтлингер Д.* Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях СССР. 1941–1945. М., 2011).

¹³⁶ *Рейтлингер Д.* Указ. соч. С. 365.

¹³⁷ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С. 418.

¹³⁸ *Пфедфер К.Г.* Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны: Сб. ст. / Пер. с нем. М., 1957. С. 507; *Hillgruber A.* Hitlers Strategie: Politik und Kriegsführung, 1940–1941. Frankfurt-am-Main, 1965. S. 528; *Hesse E.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 in Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehl. Gnttingen, 1969. S. 14 и др.

¹³⁹ *Mtiller N.* Wehrmacht und okkupation 1941–1944. Berlin, 1971 (рус. перевод: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Пер. с нем. М., 1974).

¹⁴⁰ Цит. по: *Фролов М.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. СПб., 1994. С. 92.

¹⁴¹ Цит. по: *Мерцалов А.Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 213–214.

¹⁴² *Howell E.M.* The Soviet Partisan Movement. 1941–1944. Washington, 1956. P. 99.

¹⁴³ *Soviet Partisans in World War II.* Madison, 1964 (рус. перевод: *Армстронг Д.* Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944. М., 2007).

¹⁴⁴ *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 25–27, 115.

¹⁴⁵ *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. М., 1957 и др.

¹⁴⁶ *Каров Д.* Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен, 1954.

¹⁴⁷ *Хоффманн Й.* История Власовской армии. Париж, 1990. С. 272.

¹⁴⁸ *Hoffmann J.* Ostenlegionen 1941 bis 1943. Freiburg, 1976; *Hoffmann J.* Der Kaukasus im 1942/1943. Freiburg, 1985 и др.

¹⁴⁹ *Боффа Дж.* История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 100–114.

¹⁵⁰ *Азизян А.* Народы Кавказа никогда не будут рабами // *Большевик.* 1942. № 15; *Шмонина.* Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943 и др.

¹⁵¹ *История советской цензуры.* Документы и материалы. М., 1997. С. 506.

¹⁵² *Мнацаканян А.Н.* Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ереван, 1954. С. 6.

¹⁵³ См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза.* М., 1965. Т. 6. С. 105.

¹⁵⁴ *Филькин В.И.* Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Грозный, 1960.

¹⁵⁵ *Напсо Д.А.* Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны // *По ленинскому пути.* Партийная организация Карачая и Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963. С. 162.

¹⁵⁶ *Хутуев Х.И.* Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа). С. 99–100.

¹⁵⁷ *Кулаев Ч.С.* Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). С. 186.

¹⁵⁸ Там же. С. 179–180.

¹⁵⁹ *История Кабардино-Балкарской АССР.* М., 1967. Т. 2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. С. 286–287.

¹⁶⁰ *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР.* 1917–1970 годы. Грозный, 1972. Т. II. С. 260, 284.

¹⁶¹ *Очерки истории Карачаево-Черкесии: В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период. С. 282–283.*

¹⁶² Там же. С. 342–343.

¹⁶³ *Боташев М.А. Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы обл. науч. – теорет. конф. 1977 года. Черкесск, 1982. С. 31, 34.*

¹⁶⁴ *Авторханов А. Народоубийство в СССР. Мюнхен, 1952 и др.*

¹⁶⁵ *Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 187.*

¹⁶⁶ Там же. С. 190–191, 194. *Он же. Убийство чечено-ингушского народа (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 5–6.*

¹⁶⁷ *Conquest R. Soviet Deportation of Nationalities. L.; N.Y., 1960.*

¹⁶⁸ *Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.*

¹⁶⁹ *Алиева С.У. Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1918–1952 годы. М., 1993. Т. 1. С. 7.*

¹⁷⁰ *Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. – практ. конф., 28–29 мая 1992 г. Элиста, 1992; Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: Материалы Всерос. науч. – практ. конференции, 26–27 декабря 1993 г. Элиста, 1993; Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений III Всерос. науч. конф., 6–7 марта 1994 г. Нальчик, 1994; Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: Материалы Международ. науч. конф. 23–24 октября 2003 г. Элиста, 2003;*

Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003 и др.

¹⁷¹ *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах // История СССР. 1989. № 6; *Он же.* Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; *Он же.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997; *Они же.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М., 1998; *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма. М., 2002 и др.

¹⁷² *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003 и др.

¹⁷³ *Полян П.М.* Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М., 2001; *Он же.* Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953 и др.

¹⁷⁴ *Алферова И. В.* Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997.

¹⁷⁵ *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20—90-е годы XX века: Дис... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998.

¹⁷⁶ *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20—50-е годы: (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999 и др.

¹⁷⁷ *Куцетеров Р.М.* Насилие. Черкесск, 1993; *Куцетеров Р.М., Куцетеров А. -Х.У.* Депортация. Ставрополь, 1994; *Чомаев К.* Наказанный народ. Черкесск, 1993; *Шабает Д.В.* Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик, 1994; *Айшаев О.О.* Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения (1944–1995): Дис.... д-ра ист.

наук. Нальчик, 1997; *Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О.* Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999; *Аджиева Э.А.* Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия: (на примере карачаевского и балкарского народов): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001; *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004; *Он же.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.): Дис... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007 и др.

¹⁷⁸ *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; *Агиев Р.С.* Трагедия чеченского и ингушского народов в 30—50-х гг. XX в. (Депортация, спецпоселение, реабилитация): Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002; *Арапханова Л.Я.* Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства: (на примере ингушского народа): Дис... канд. полит. наук. М., 2002; *Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур.* Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003 и др.

¹⁷⁹ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. М., 1993. Т. 1. С. 7–17 и др.

¹⁸⁰ *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 449–453; *Алиев К.-М.И.* В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 58 и др.

¹⁸¹ *Ибрагимбейли Х.-М.* Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

¹⁸² *Алиев И.* Шлейф бед и страданий // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 2. С. 14–15; *Карачаевцы.* Выселение и возвращение (1943–

1957). Черкесск, 1993. С. 43–44; *Чомаев К.* Указ. соч. С. 27 и др.

¹⁸³ *Алиева С.* Красноречивая деталь // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 260.

¹⁸⁴ См.: *Тебуев Р.С., Хатыев Р. Т.* Указ. соч.

¹⁸⁵ *Хунагов А.С.* Указ. соч. С. 7–8; см. также: *Бугай Н.Ф.* Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект). С. 39.

¹⁸⁶ *Алиев К.-М.И.* В зоне «Эдельвейса». С. 58–59.

¹⁸⁷ *Черняк Э.В.* Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993. С. 6; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 5; *Койчуев А.Д.* Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54 и др.

¹⁸⁸ *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международ. конф. 1993 г. М., 1994. С. 24.

¹⁸⁹ *Буров А.Н.* К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С. 59–60.

¹⁹⁰ *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.). Дис... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007.

¹⁹¹ *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20—90-е годы XX в. С. 17.

¹⁹² *Кнычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала: (Исторические очерки). Пятигорск, 2006.

¹⁹³ *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008. С. 267–269.

¹⁹⁴ Там же. С. 90.

¹⁹⁵ Историк Игорь Пыхалов утверждает, что знает правду о депортации чеченцев и ингушей. URL. www.ingushetiya.ru.

¹⁹⁶ *Полян П.М.* Операция «Чечевица»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 643.

¹⁹⁷ *Тебуев С.* Предисловие // Депортация карачаевцев: документы рассказывают: Сб. документов. Черкесск, 1997. С. 8–9; *Алиева С.К.* Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР). С. 14–15 и др.

¹⁹⁸ Цит. по: *Айдаев Ю.* Хайбах – аул, которого нет // Чеченцы: история и современность. М., 1996. С. 275.

¹⁹⁹ *Полян П.М.* Операция «Чечевица»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX– середина XX в.). М., 2011. С. 646.

²⁰⁰ *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20– 60-е годы). М., 1998. С. 147.

²⁰¹ *Козлов В.А., Козлова М.Е.* Патерналистская утопия и этническая реальность // Вайнахи и имперская власть:

проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). С. 681–682.

²⁰² Там же. С. 682–683.

²⁰³ *Закриев Б.Б.* Депортация чеченцев: от А.П. Ермолова до И.В. Сталина // Народы Чеченской республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всерос. науч. – практ. конф., поев. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. С. 261.

²⁰⁴ *Козлов В.А., Козлова М.Е.* Патерналистская утопия и этническая реальность. С. 682.

²⁰⁵ *Медведев Р., Ермаков Д.* Серый кардинал. М., 1992. С. 70–71.

²⁰⁶ *Линец С.И.* История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.

²⁰⁷ *Байрамуков И.Х.* Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. С. 16–17.

²⁰⁸ *Котов В.И.* Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994.

²⁰⁹ *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 303.

²¹⁰ См.: *Репрессированные народы: история и современность: Материалы II Всероссийской научной конференции, 1–2 ноября 1993 г.; Народы Чеченской республики в Великой Отечественной войне 1941–1945*

годов: Материалы Всерос. науч. – практ. конф., поев. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. и др.

²¹¹ *Байрамукова Ф.* Бушуу китаб (Книга скорби): В 2 ч. Черкесск, 1991–1997.

²¹² *Хаджиева Т.* Кёчгюнчюле эсгермеси (Словесные памятники выселения). Нальчик, 1997.

²¹³ *Шнайдер В.Г.* Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1. С. 191.

²¹⁴ *Калтахчян А.* Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // Этнополитический вестник. 1992. № 2; *Гонов А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20—90-е годы). Нальчик, 1998; *Зумакулов Б.М.* Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998; *Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А.* Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1; *Наумова Е.Н.* Реабилитация и возвращение ингушского народа на историческую родину (1953–1961 гг.): Дис... д-ра ист. наук. М., 2008 и др.

²¹⁵ *Тебуев Р.С.* Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Ставрополь, 1999. Вып. 1. С. 69.

²¹⁶ *Тебуев Р.С.* Указ. соч. С. 70; *Аджиева Э.А.* Указ. соч. С. 96–132 и др.

²¹⁷ *Муравьев В.* Миграции на Северном Кавказе – следствие переселений народов // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. С. 122–124.

²¹⁸ *Карачаевцы*. Выселение и возвращение (1943–1957). С. 5 и др.

²¹⁹ *Земля адыгов*. Майкоп, 1996. С. 311.

²²⁰ *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998. С. 310.

²²¹ *Русский архив*: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 77–78.

²²² *Ко всем народам Северного Кавказа*: Материалы антифашистского митинга народов Северного Кавказа, состоявшегося в г. Орджоникидзе 13 августа 1942 г. М., 1942; *Не пустим врага в родные горы, отстоим родной Кавказ*: Материалы совещания старейших горцев Дагестана. Махачкала, 1942 и др.

²²³ *Объединим все наши силы для победы над злейшим врагом человечества*: Сб. материалов в помощь пропагандисту-агитатору. Орджоникидзе, 1941; *Оборона города Орджоникидзе*. Орджоникидзе, 1942; *Зверства немецко-фашистских захватчиков*. Документы. М., 1943. Вып. 6; *Сборник материалов в помощь пропагандистам и агитаторам*. Грозный, 1943. Вып. 5–6; *Двадцать седьмая годовщина Красной армии*: Материалы для докладов и бесед. Грозный, 1945; *За полный разгром фашизма*: Сб. материалов в помощь пропагандисту и агитатору. Нальчик, 1945; *Зверства немецких оккупантов в Кабарде*. Нальчик, 1945 и др.

²²⁴ *Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны*. (Июнь 1941 года – 1945 год.): Сб. документов и материалов в помощь изучающим историю КПСС. М., 1961 и др.

²²⁵ См.: *Ларин Г.Д., Шеханова Л.И.* Публикации по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. 1965. № 2. С. 105–113 и др.

²²⁶ *Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов.* Ставрополь, 1962; *Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов.* Краснодар, 1965.

²²⁷ *Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Воспоминания участников: В 2 кн.* Махачкала, 1960.

²²⁸ «Совершенно для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967; *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 1–2 и др.

²²⁹ *Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов.* Орджоникидзе, 1968; *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов.* Нальчик, 1975.

²³⁰ *Из истории комсомольской организации Карачаево-Черкесии: Сб. документов и материалов. 1920–1970.* Черкесск, 1972; *Документы и материалы по истории адыгейской организации ВЛКСМ, 1917–1985.* Майкоп, 1985; *Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1941–1980 гг.).* Грозный, 1985 и др.

²³¹ *Висаитов М.* От Терека до Эльбы. Грозный, 1966; *Кульчаев М.Т.* За огненной чертой: Партизанские записки. Нальчик, 1967; *Хетагуров Г.И.* Исполнение долга. М., 1977; *Они ковали Победу.* Майкоп, 1985 и др.

²³² *Плиев И.А.* Во имя Родины. Ростов н/Д, 1965; *Он же.* Разгром «армии мстителей». Орджоникидзе, 1967; *Он же.* Дорогами войны. Орджоникидзе, 1973; *Он же.* Под гвардейским знаменем. Орджоникидзе, 1976 и др.

²³³ *Письма с фронта. 1941–1945.* Краснодар, 1983; *Огненные строки: Письма с фронта и на фронт 1941–*

1945 гг. Ставрополь, 1985; *Хакуашев Е.Т.* Письма огненных лет. Нальчик, 1989 и др.

²³⁴ *Преступные цели* гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987. С. 4.

²³⁵ Подробнее о ситуации с архивами в Чеченской Республике см.: *Что стало с архивами Чеченской Республики?* (Интервью В.А. Еремченко) // Отечественные архивы. 1995. № 3; *Гвоздикова Т.П.* Последнее десятилетие архивов Чеченской Республики // Отечественные архивы. 2003. № 2; *Сожженная память* чеченского народа – на пути к возрождению // Архивибиблиография по истории чеченского народа. М., 2011. С. 14–24 и др.

²³⁶ *Народы* Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Черкесск, 1990; *Лики войны*: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996.

²³⁷ *Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М.* Черекская трагедия. Нальчик, 1994.

²³⁸ *Ставрополье* в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 г.): Документы и материалы. Ставрополь, 2000; *Битва за Кавказ* в документах и материалах. Ставрополь, 2003.

²³⁹ *Кубанская ЧК*: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997; *Кубань* в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000; Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий 1943 год. Краснодар, 2003 и др.

²⁴⁰ *Мусульманская плаха* для России // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 24–31; *Административно-территориальные преобразования* в

Кабардино-Балкарии. История и современность: Сб. документов. Нальчик, 2000 и др.

²⁴¹ *«Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...»* // История СССР. 1991. № 1; 40—50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД– МВД) // Там же. 1992. № 1 и др.

²⁴² *Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Худож. – докум. сб. М., 1993. Т. 1–3 и др.*

²⁴³ *Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). М., 1992–1995. Ч. 1, 2; Сталинские депортации. 1928–1953: Документы. М., 2005 и др.*

²⁴⁴ *Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы. Черкесск, 1993; Депортация карачаевцев: документы рассказывают: Сб. документов. Черкесск, 1997 и др.*

²⁴⁵ *Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии. Нальчик, 2001; Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: (Документы и материалы). Нальчик, 2001.*

²⁴⁶ *Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011.*

²⁴⁷ *История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 5. М., 2004 и др.*

²⁴⁸ *«Перерастут от национальной розни до национальной резни»: возвращение чеченцев и ингушей на Кавказ // Источник. 1996. № 6 и др.*

²⁴⁹ *Реабилитация репрессированных народов и граждан. 1954–1994. М., 1994; Реабилитация народов России: Сб. документов. М., 2000; Реабилитация: как это*

было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000–2003 и др.

²⁵⁰ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах // История СССР. 1989. № 6; Он же. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992; Он же. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997; Они же. Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М., 1998; «По решению правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003 и др.

²⁵¹ Книга Памяти. Майкоп, 1994–1995. Т. 1–2; Книга Памяти. Нальчик, 1995–1999. Т. 1–5; Книга Памяти: Российская Федерация. Карачаево-Черкесская Республика. Черкесск, 1995. Т. 1; Майкоп, 1999. Т. 2; Книга Памяти: Российская Федерация. Республика Северная Осетия. Владикавказ, 1994–1995. Т. 1–3; Назовем поименно: Книга памяти: Российская Федерация. Республика Дагестан. Махачкала, 1994–1996. Т. 1–3 и др.

²⁵² Книга Памяти. Майкоп, 1995. Т. 2. С. 11.

²⁵³ Книга Памяти: Российская Федерация. Карачаево-Черкесская Республика. Майкоп, 1999. Т. 2. С. 89.

²⁵⁴ Книга Памяти. Майкоп, 1994. Т. 1. С. 15–16.

²⁵⁵ Темукуев Б.Б. Спецпереселенцы: В 4 ч. Нальчик, 1997.

²⁵⁶ Книга Памяти: Российская Федерация. Республика Ингушетия. Назрань, 2002. Т. 1.

²⁵⁷ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 2. С. 82.

²⁵⁸ ОБД «Мемориал». URL: www.obd-memorial.ru.

²⁵⁹ Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания, статьи, материалы из семейных архивов участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик,

1995; *За нашу Советскую Родину!*: Воспоминания ветеранов – участников Великой Отечественной войны. Майкоп, 1995; *Живая память*: Сб. Майкоп, 2000; *Потомкам на память*: Сб. очерков и воспоминаний о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Нальчик, 2000 и др.

²⁶⁰ *Ищенко М.О.* О Родине и о себе. Пятигорск, 2000; *Сердобольская Л.А.* Кавказ. Военные годы (1941–1943): Воспоминания // Звезда. 2000. № 6; *Мезох В. Ч.* Жизнь и профессия летчика-испытателя Гражданской авиации. Майкоп, 2001 и др.

²⁶¹ *Треплин Л.* Майн фельдцуг: Воспоминания солдата вермахта, 1942–1945 / Пер. с нем. Пятигорск, 1996; *Керн Э.* Пляска смерти: Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941–1945 гг. М., 2007 и др.

²⁶² Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru>, Победа. ru. URL: <http://www.pobeda.ru>, Солдат. ru. URL: <http://www.soldat.ru>. Великая война. URL: <http://velikvoy.narod.ru>. Победа. 1941–1945. URL: <http://victory.rusarchives.ru> и др.

²⁶³ *Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н.* Виртуальный архив как перспективная система поддержки сопровождения исторических исследований // Отечественная история. 2008. № 2. С. 138.

²⁶⁴ *Макаренко П.В.* Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 4. С. 144.

²⁶⁵ *Волкогонов Д.А.* Семь вождей: В 2 кн. Кн. 1. М., 1996. С. 260.

²⁶⁶ *Курносков А.А.* Источники по истории всенародного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.) // История СССР. 1965. № 3. С. 78.

²⁶⁷ *Курносков А.А.* Указ. соч. С. 78–80.

²⁶⁸ *Линец С.И.* История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.

²⁶⁹ РГУ ГАКЧР. Ф. Р-868.

²⁷⁰ *Нюрнбергский* судебный процесс над главными немецкими военными преступниками; *Нюрнбергский* процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1987-1995. Т. 1-8 и др.

²⁷¹ *Жиromская Б.В.* Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб ст. СПб., 1995. С.29.

²⁷² *Карачаево-Черкесская* автономная область за 50 лет Советской власти. Черкесск, 1967; *Адыгейская* областная организация КПСС в цифрах: 1922-1987. Майкоп, 1987 и др.

²⁷³ *Адыгейская* областная организация КПСС в цифрах: 1922-1987. С. 17, 27.

²⁷⁴ РГВА. Ф. 32885, 38650, 38654.

²⁷⁵ РГАСПИ. Ф.М-33.

²⁷⁶ *Житомирская С. В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 43.

²⁷⁷ *Реформа* в Красной армии: Документы и материалы. 1927-1928 гг. М.; СПб., 2006. Т. 1. С. 696. Примеч. 102.

²⁷⁸ Там же. Т. 2. С. 64.

²¹⁹ Постановлением Совета Труда и Оборона 10 мая 1920 г. В первом пункте постановления указывалось, что граждане нерусской национальности Кавказа, Сибири, Туркестана и других окраин подлежат призыву в ряды Красной армии на равных основаниях с остальными

гражданами РСФСР. Однако уже второй пункт предусматривал возможность временного освобождения от призыва некоторых национальностей. Право освобождения было предоставлено местным органам власти по согласованию с губернскими военными комиссарами и Всероглавштабом.

²⁸⁰ *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг.: (Документы. Факты. Суждения.). М., 2000. С. 358–359, 363.

²⁸¹ *Внеочередная Четвертая Сессия Верховного Совета СССР.*

28 августа – 1 сентября 1939 г.: Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1939. С. 178.

²⁸² *Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги:* Россия. СПб., 1999. С. 40–51, 118–156.

²⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 98. Л. 47.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же. Л. 48.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. Л. 46.

²⁸⁸ РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 24. Л. 62.

²⁸⁹ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 13. Л. 151.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ *Даниялов А.* Воспоминания. Махачкала, 1991. С. 233.

²⁹² ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 4. Л. 250.

²⁹³ Там же. Оп. 999. Д. 40. Л. 250.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Обсуждение работы военкоматов на совещании при ЦК ВКП(б) в связи с подведением итогов Финской кампании см.: *Зимняя война 1939–1940. Книга вторая.* И.В. Сталин и Финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999. С. 240–241.

²⁹⁶ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 4. Л. 247-260.

²⁹⁷ *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941-1945): Цифры, документы. М., 2002. Прил. док. № 6. С. 492-493.

²⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 98. Л. 73-75.

²⁹⁹ *Худалов Т.Т.* Указ. соч. С. 314-315.

³⁰⁰ *Чеченцы: история и современность.* М., 1996. С. 235.

³⁰¹ *История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. История Чечни XX и начала XXI века.* Грозный, 2008. С. 485.

³⁰² Там же. С. 492.

³⁰³ *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Грозный, 1960. С. 43.

³⁰⁴ *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 160.

³⁰⁵ *Они сражались за Родину.* С. 20.

³⁰⁶ *Каракетова И.М.* Великая Отечественная война и депортация карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность. Нальчик, 1994. С. 219.

³⁰⁷ *Лайпанов К. Т.* Участие карачаевского народа в Великой Отечественной войне // Репрессированные народы: история и современность: Материалы II Всеросс. науч. конф. Карачаевск, 1994. С. 43; *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Ростов н/Д, 1998. С. 305.

³⁰⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 308. Л. 252.

³⁰⁹ Там же. Л. 291.

³¹⁰ С начала 1942 г. республиканские военкоматы СКВО в оперативном отношении подчинялись штабу Закавказского фронта, а с 15 августа 1942 г. Военный совет и управление СКВО были включены в состав Закавказского фронта на правах управления по

формированию и укомплектованию всех войск Закавказского фронта (ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 20).

³¹¹ *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 29.

³¹² ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 91. Л. 71-75.

³¹³ Подсчитано по: Там же. Д. 103. Л. 21-25; ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 55. Л. 26.

³¹⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 55. Л. 34.

³¹⁵ Там же. Д. 486. Л. 119.

³¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 98. Л. 89.

³¹⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 49. Л. 174.

³¹⁸ См.: Речь Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1943 г.; приказ НКО № 16 от 23 февраля 1944 г.; речь Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1944 г. и др. // *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15, 34.

³¹⁹ ЦАМО. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.

³²⁰ Там же. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 143. Л. 82.

³²¹ Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 102. Л. 206.

³²² Там же. Д. 93. Л. 222.

³²³ *Горьков Ю.А.* Указ. соч. Прил. док. № 25. С. 514-516.

³²⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 33. Л. 2.

³²⁵ Подсчитано по: Там же. Д. 101. Л. 117, 236; Д. 21. Л. 222-223.

³²⁶ Там же. Д. 40. Л. 85-86.

³²⁷ Там же. Д. 49. Л. 48.

³²⁸ Там же. Д. 125. Л. 608, 671.

³²⁹ Там же. Д. 40. Л. 86.

³³⁰ Там же. Д. 165. Л. 6.

³³¹ Там же. Д. 40. Л. 232 об.

- 332 Там же. Оп. 989. Д. 8. Л. 305.
- 333 Там же. Оп. 999. Д. 317. Л. 21; Д. 332. Л. 29.
- 334 Там же. Д. 101. Л. 232-237.
- 335 Там же. Л. 167.
- 336 Там же. Д. 40. Л. 167.
- 337 Там же. Л. 253.
- 338 Там же. Л. 319.
- 339 Там же. Л. 256.
- 340 Там же. Л. 253.
- 341 Там же. Л. 232 об.
- 342 Там же. Д. 250. Л. 329.
- 343 Там же. Д. 163. Л. 308-310.
- 344 Там же. Д. 250. Л. 329.
- 345 Там же. Д. 156. Л. 57-59.
- 346 Там же. Д. 163. Л. 279.
- 347 Там же. Л. 231-234.
- 348 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 308. Л. 306.
- 349 Там же. Л. 200.
- 350 Там же. Д. 501. Л. 368.
- 351 Там же. Д. 40. Л. 135-136.
- 352 Там же. Л. 200.
- 353 См.: Коцонис А.Н. Советские греки в Великой Отечественной войне // Пятидесятилетие Великой Победы над фашизмом: история и современность: Материалы межд. науч. конф. 27-30 апреля 1995 г. Смоленск, 1995. С. 301.
- 354 ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 47. Л. 60-62; Д. 10. Л. 50.
- 355 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 630. Л. 342.
- 356 Сталин В.И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 14-15.
- 357 Русский архив. Т. 13 (2-2). Док. № 45. С. 58-60.
- 358 Там же.
- 359 История СССР. 1991. № 1. С. 144-145.

- ³⁶⁰ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1113. Д. 32. Л. 75.
- ³⁶¹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 67–80.
- ³⁶² ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1064. Д. 2. Л. 100.
- ³⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 85.
- ³⁶⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 646. Л. 35.
- ³⁶⁵ Там же. Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 70. Л. 220; Д. 74. Л. 41.
- ³⁶⁶ Там же. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 89–91.
- ³⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 31–32.
- ³⁶⁸ Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект: Дис... докт. ист. наук. СПб., 2000. С. 147.
- ³⁶⁹ ЦДНИИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 82.
- ³⁷⁰ Досье «Востока»: 20—40-е годы: трагедия народов / Публ. Н.Ф. Бугая // Восток. 1992. № 2. С. 128.
- ³⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 6, 15–17, 28–32, 49, 64, 86.
- ³⁷² Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 138–139.
- ³⁷³ Даниялов А. Указ. соч. С. 233.
- ³⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 93. Л. 144.
- ³⁷⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 5.
- ³⁷⁶ Там же. Ф. 644. Оп. 2. Д. 93. Л. 146.
- ³⁷⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 59.
- ³⁷⁸ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 7. Л. 162.
- ³⁷⁹ Там же. Л. 162.
- ³⁸⁰ Там же. Л. 163.
- ³⁸¹ РГВА. Ф. 39385. Оп. 1. Д. 5. Л. 88–92; Ф. 38650. Оп. 1. Д. 128. Л. 11.
- ³⁸² ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 196. Л. 72.
- ³⁸³ Там же.
- ³⁸⁴ Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 144. Л. 304 об.
- ³⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 475. Л. 85.
- ³⁸⁶ См.: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 131–138.

- 387 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 107. Л. 1-3.
- 388 ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 13. Л. 357, 362-365.
- 389 Там же. Ф. 209. Оп. 989. Д. 7. Л. 146.
- 390 Репрессированные народы: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994. С. 28-49.
- 391 Абрамян Э. Указ. соч. С. 112-129.
- 392 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 86.
- 393 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 308. Л. 238.
- 394 Там же. Д. 101. Л. 233.
- 395 Там же. Л. 234.
- 396 Там же. Л. 242.
- 397 Там же. Л. 243.
- 398 Там же. Л. 280.
- 399 Там же. Д. 40. Л. 85-85 об.
- 400 Там же. Д. 501. Л. 164.
- 401 Там же. Ф. 51. Оп. 962. Д. 14. Л. 381.
- 402 Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 139.
- 403 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 6.
- 404 Там же. Д. 472. Л. 85; Д. 475. Л. 85.
- 405 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87-89.
- 406 Там же. Д. 333. Л. 40.
- 407 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 100.
- 408 Там же. Л. 137-138.
- 409 Там же. Л. 138-139.
- 410 Там же. Л. 135-136.
- 411 Там же. Л. 139.
- 412 Там же. Л. 135-136.
- 413 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 305.
- 414 Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 234. Л. 376.
- 415 Цит. по: Дауров Д. Этот маленький Большой человек. Владикавказ, 2001. С. 82.
- 416 Репрессированные народы... С. 48.

417 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 446. Л. 78, 88, 106.

418 Там же. Ф. 51. Оп. 962. Д. 67. Л. 37; по другим данным – 128,6 тыс. чел. (ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 18. Л. 220.)

419 ЦАМО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 1. Л. 101.

420 Там же. Д. 368. Л. 35.

421 Там же. Л. 53.

422 Там же.

423 Там же. Л. 100 об.

424 Там же. Д. 415. Л. 63-65.

425 Там же. Ф. 224. Оп. 763. Д. 18. Л. 257.

426 Там же. Л. 102.

427 Там же. Ф. 51. Оп. 952. Д. 52. Л. 211.

428 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 446. Л. 124.

429 Там же. Д. 419. Л. 147.

430 Там же. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 32. Л. 8-8 об.

431 Подсчитано по: Там же. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 56. Л. 121.

432 Подсчитано по: Там же.

433 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142.

434 Там же. Д. 370. Л. 75.

435 Там же. Л. 146.

436 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87-89.

437 Там же.

438 Там же. Л. 113; Д. 332. Л. 135.

439 Там же. Д. 332. Л. 151.

440 Там же. Л. 135.

441 Там же. Л. 137.

442 Там же. Л. 383.

443 Там же. Л. 137.

444 Там же. Ф. 28 зсд. Оп. 261550с. Д. 3. Л. 24.

445 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87.

446 Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 288. Л. 187-188, 272.

⁴⁴⁷ Там же. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210-211.

⁴⁴⁸ Подсчитано по: Там же.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же. Д. 91. Л. 66.

⁴⁵¹ Там же. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.

⁴⁵² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.

⁴⁵³ Филимошин М.В. Наши павшие как часовые...: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах и военных конфликтах // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 16-25.

⁴⁵⁴ Следует оговориться, что М.В. Филимошин представил расчетные данные, полученные благодаря использованию коэффициентов пропорциональности на основе донесений о списочной численности военнослужащих Красной армии за 1942-1945 гг. В установленной форме именного списка на погибших, умерших, пропавших без вести и попавших в плен графа «национальность» не предполагалась (см. там же. Примеч. 1 на с. 23).

⁴⁵⁵ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 407. Л. 260.

⁴⁵⁶ Там же. Д. 731. Л. 57.

⁴⁵⁷ Кирсанов Н.А. Указ. соч. С. 29.

⁴⁵⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 307.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 305.

⁴⁶⁰ Северная группа войск Закавказского фронта сформирована из части войск Закавказского фронта (9-я, 44-я армии, позднее также - 37-я и 58-я армии и ряд отдельных соединений и частей) решением Ставки ВГК 7 августа 1942 г. (ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 3).

⁴⁶¹ Русский архив. Т. 5 (2). С. 318.

⁴⁶² ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 27.

⁴⁶³ Там же. Ф. 209. Оп. 1064. Д. 2. Л. 26.

- 464 Там же.
- 465 Там же. Л. 14 об.
- 466 Аникберов З.М. Защитники Кавказа: (По материалам Азербайджана и республик Северного Кавказа). Баку, 1975. С. 39.
- 467 Ибрагимбейли Х. -М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. С. 98.
- 468 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1064. Д. 2. Л. 14 об.
- 469 Там же. Л. 49.
- 470 Там же. Л. 51.
- 471 Народы Дагестана в Великой Отечественной войне (1941-1945): (Документы и материалы). Махачкала, 2005. С. 339.
- 472 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 395. Л. 101-102, 258.
- 473 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 486. Л. 203.
- 474 Там же. Д. 326. Л. 32.
- 475 Там же. Д. 501. Л. 160 об.
- 476 Там же.
- 477 Там же. Л. 368.
- 478 Сиджах Х.И. Указ. соч. С. 45.
- 479 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 326. Л. 35-36.
- 480 Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 160.
- 481 Цит. по: Дауров Д. Указ. соч. С. 82.
- 482 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 408. Л. 98.
- 483 Там же. Д. 333. Л. 38-40.
- 484 Там же. Д. 317. Л. 113.
- 485 Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 47. Л. 40.
- 486 Боевой состав Советской армии. Ч. 1.
- 487 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 38. Л. 78-127.
- 488 Там же. Л. 80.
- 489 Там же. Д. 22. Л. 161-163.
- 490 Там же. Л. 141, 153-156, 176.
- 491 Там же. Д. 93. Л. 522-537.

- 492 Там же. Д. 22. Л. 140.
- 493 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 21. Л. 43-45.
- 494 Там же. Оп. 1091. Д. 30. Л. 324.
- 495 Подсчитано по: Там же. Л. 392.
- 496 Там же. Оп. 989. Д. 5. Л. 96.
- 497 Там же. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 13. Л. 369.
- 498 Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 51. Л. 57.
- 499 Там же.
- 500 Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 105. Л. 8.
- 501 Там же. Л. 271-271 об.; Д. 148. Л. 250-258.
- 502 Там же. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 13. Л. 369-370. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 35. Л. 102, 140-144.
- 503 Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 165-166.
- 504 ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 13. Л. 152.
- 505 Там же. Л. 291 - 291об.
- 506 Там же. Д. 80. Л. 128-131.
- 507 Там же. Д. 55. Л. 227 - 229.
- 508 Там же. Д. 68. Л. 58.
- 509 Там же. Д. 81. Л. 154-155.
- 510 Там же. Д. 125. Л. 622-625, 661-671; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 84. Л. 45-46.
- 511 ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13199. Д. 80. Л. 397.
- 512 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 170. Л. 93, 185; Д. 137. Л. 60, 112, 142, 169-171, 202, 233.
- 513 Подсчитано по: Там же.
- 514 Там же. Оп. 13189. Д. 105. Л. 439.
- 515 Подсчитано по: Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 314. Л. 32, 43, 112, 127-134.
- 516 Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 38. Л. 192.
- 517 В целом данные подтверждаются иными источниками. Согласно материалам проверок 115-й кавдивизии и 255-го кавполка, проведенных в июне и в

марте 1942 г. соответственно, в обеих воинских частях числилось: 2919 кабардинцев, 569 балкарцев, 1023 чеченца и 156 ингушей – всего 4664 чел. (ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 226; Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 265.)

⁵¹⁸ Так в документе.

⁵¹⁹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 250. Л. 152.

⁵²⁰ Там же. Д. 99. Л. 251-252.

⁵²¹ Там же. Л. 252.

⁵²² Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 250. Л. 115.

⁵²³ Кавказ. 1942-1943 годы... С. 40.

⁵²⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

⁵²⁵ Кавказ. 1942-1943 годы... С. 40.

⁵²⁶ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

⁵²⁷ Боевое братство народов СССР. Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Советскую Украину в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. Киев, 1984. С. 9.

⁵²⁸ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 404. Л. 121-139.

⁵²⁹ Подсчитано по: Там же. Л. 378-469.

⁵³⁰ Там же. Ф. 51. Оп. 962. Д. 35. Л. 91.

⁵³¹ Там же. Ф. 224. Оп. 763. Д. 18. Л. 311.

⁵³² Там же. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 141. Л. 9.

⁵³³ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 345. Л. 61.

⁵³⁴ Там же. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 141. Л. 150.

⁵³⁵ Там же. Л. 22.

⁵³⁶ Там же. Д. 13. Л. 39.

⁵³⁷ Там же. Д. 600. Л. 14.

⁵³⁸ Там же. Л. 26-26 об.

⁵³⁹ Там же. Ф. 3526. Оп. 1. Д. 37. Л. 5, 9.

⁵⁴⁰ Там же. Ф. 3740. Оп. 1. Д. 600. Л. 26.

⁵⁴¹ Грозненский рабочий. 1943. 16 мая; 6 октября.

⁵⁴² Грозненский рабочий. 1943. 6, 9, 13, 17 октября.

⁵⁴³ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 345. Л. 20.

- ⁵⁴⁴ Боевое братство народов СССР... С. 59–60.
- ⁵⁴⁵ Там же. С. 120.
- ⁵⁴⁶ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2338. Д. 91. Л. 116–125, 161–167.
- ⁵⁴⁷ Подсчитано по: Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 718. Л. 31; Д. 719. Л. 4; Д. 3841. Л. 2–3.
- ⁵⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 103–104.
- ⁵⁴⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 471. Л. 14, 36, 74; Д. 472. Л. 3.
- ⁵⁵⁰ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 10. Л. 363; Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны: Книга-хроника. М., 2005. С. 12.
- ⁵⁵¹ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 103.
- ⁵⁵² Там же.
- ⁵⁵³ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 10. Л. 33.
- ⁵⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵⁵ Там же.
- ⁵⁵⁶ Там же. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–11.
- ⁵⁵⁷ Мазин Н.П. У седых берегов Терека: (Воспоминания председателя Орджоникидзевского (Владикавказского) Комитета Обороны). М., 2005. С. 88–89.
- ⁵⁵⁸ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 7. Л. 10–11.
- ⁵⁵⁹ Там же. Д. 10. Л. 359.
- ⁵⁶⁰ Так в документе.
- ⁵⁶¹ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 7. Л. 10–11.
- ⁵⁶² Там же. Л. 360.
- ⁵⁶³ Там же. Д. 25. Л. 103.
- ⁵⁶⁴ Там же. Л. 145.
- ⁵⁶⁵ Там же. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- ⁵⁶⁶ Там же.
- ⁵⁶⁷ Там же. Д. 7. Л. 49.
- ⁵⁶⁸ Там же. Д. 5. Л. 16–17.

- 569 Там же. Л. 28.
- 570 Там же.
- 571 Там же.
- 572 Там же. Л. 24.
- 573 Там же. Л. 32.
- 574 Там же.
- 575 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 103, 104.
- 576 ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 247.
- 577 Там же. Л. 18.
- 578 Там же.
- 579 Там же.
- 580 Там же. Л. 246.
- 581 Там же. Д. 8. Л. 10.
- 582 Там же. Ф. 225 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 1 об.
- 583 Там же. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 265.
- 584 Там же.
- 585 Там же. Л. 32.
- 586 Там же. Ф. 255 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 1 об.
- 587 Там же. Ф. 273. Оп. 879. Д. 8. Л. 88.
- 588 3 3 7-я сд – 10 540 чел., 328-я сд – 6625 чел., 317-я – 4101 чел., 3-я сбр – 4432 чел. (Там же. Л. 6–8.)
- 589 Там же. Л. 88.
- 590 Там же. Л. 113.
- 591 Подробнее об этом см.: Безугольный А.Ю. Национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Сборник статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.С. Схакумидова. Майкоп, 2004.
- 592 ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 18–19.
- 593 Там же. Л. 19, 37–38.
- 594 Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 84.
- 595 Там же. Д. 10. Л. 14.
- 596 Там же. Л. 105; Оп. 763. Д. 52. Л. 228.

- ⁵⁹⁷ Там же. Л. 230.
- ⁵⁹⁸ Там же. Д. 10. Л. 21, 26.
- ⁵⁹⁹ Там же. Л. 3-5.
- ⁶⁰⁰ Там же. Л. 5.
- ⁶⁰¹ Там же. Л. 7.
- ⁶⁰² Ингушетия в Великой Отечественной войне. Книга 1. Ростов, 2010. С. 12.
- ⁶⁰³ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 10. Л. 1.
- ⁶⁰⁴ Там же. Ф. 3634. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
- ⁶⁰⁵ «По решению Правительства...» С. 490.
- ⁶⁰⁶ ЦАМО. Ф. 255 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 9 об.
- ⁶⁰⁷ Там же. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ⁶⁰⁸ Сиджах Х.И. Указ. соч. С. 107.
- ⁶⁰⁹ Народы Дагестана в Великой Отечественной войне (1941-1945): (Документы и материалы). Махачкала, 2005. С. 417.
- ⁶¹⁰ Там же. С. 348-349.
- ⁶¹¹ Комков Т.Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941-1945 гг. М., 1965. С. 11.
- ⁶¹² Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. М., 1999. С. 516.
- ⁶¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 59.
- ⁶¹⁴ Там же.
- ⁶¹⁵ Социалистическая Кабардино-Балкария. 1942. 19 мая.
- ⁶¹⁶ Грозненский рабочий. 1942. 17 сентября.
- ⁶¹⁷ Там же. 1942. 1 сентября.
- ⁶¹⁸ См., например: Дагестанская правда. 1942. 2, 19, 20 августа; 12, 16, 19 сентября.
- ⁶¹⁹ Правда. 1942. 2 сентября.
- ⁶²⁰ Нуруллаев А.А. Мусульмане Советского Союза в Великой Отечественной войне // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Материалы

«круглого стола», посвященного 50-летию Победы 13 апреля 1995 г. М., 1995. С. 62-63.

⁶²¹ Плиев Б.З. Воины Южной Осетии в боях за Советскую родину. Тбилиси, 1979. С. 7.

⁶²² Дагестанская правда. 1942. 29 июня.

⁶²³ Грозненский рабочий. 1942. 15 августа.

⁶²⁴ Дагестанская правда. 1942. 20 августа.

⁶²⁵ Там же. 1942. 19 сентября.

⁶²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 125. Л. 42.

⁶²⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 308. Л. 239.

⁶²⁸ Грозненский рабочий. 1943. 10 января.

⁶²⁹ Там же. 1943. 19 января.

⁶³⁰ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 326. Л. 48.

⁶³¹ Грозненский рабочий. 1943. 31 января.

⁶³² ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 326. Л. 48.

⁶³³ Грозненский рабочий. 1943. 11 февраля.

⁶³⁴ Там же. 1942. 28 января.

⁶³⁵ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 326. Л. 48.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Русский архив. Т. 17 (6). С. 173-175.

⁶³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 64, 65.

⁶³⁹ Русский архив. Т. 17 (6). С. 173-175.

⁶⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 58, 59, 66-68.

⁶⁴¹ Там же. Л. 64, 65.

⁶⁴² Русский архив. Т. 17 (6). С. 173-175.

⁶⁴³ Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 2. С. 399.

⁶⁴⁴ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 705-708.

⁶⁴⁵ Русский архив. Т. 17 (6). С. 206.

⁶⁴⁶ Там же. С. 208.

⁶⁴⁷ Русский архив. Т. 17 (6). С. 207; ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 553-555.

⁶⁴⁸ ЦАМО. Ф. 228. Оп. 536. Д. 27. Л. 61.

- ⁶⁴⁹ Там же. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 6. Л. 189.
- ⁶⁵⁰ Там же. Д. 54. Л. 9.
- ⁶⁵¹ Там же. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 47. Л. 109-110.
- ⁶⁵² Там же. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 13. Л. 76-77.
- ⁶⁵³ Там же. Ф. 288. Оп. 9925. Д. 4. Л. 23-27; Ф. 1739. Оп. 1. Д. 54. Л. 37-38.
- ⁶⁵⁴ Там же. Ф. 288. Оп. 9925. Д. 4. Л. 23-27.
- ⁶⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 78. Л. 59-60.
- ⁶⁵⁶ Русский архив. Т. 17 (6). С. 171.
- ⁶⁵⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 20. Л. 243-245.
- ⁶⁵⁸ Русский архив. Т. 13 (2-2). С. 360-361.
- ⁶⁵⁹ Так в документе.
- ⁶⁶⁰ ЦАМО. Ф. 1572. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.
- ⁶⁶¹ Там же. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 47. Л. 18
- ⁶⁶² Там же. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 94. Л. 111-112.
- ⁶⁶³ ЦАМО. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 39. Л. 15-16.
- ⁶⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 74.
- ⁶⁶⁵ ЦАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 6. Л. 160-161.
- ⁶⁶⁶ Сведения были подготовлены отделом по учету и регистрации награжденных при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР для официальной публикации по просьбе Госполитиздата. Поэтому сведения о награжденных среди представителей репрессированных народов отсутствуют. Очевидно, они объединены в графе «Другие национальности СССР».
- ⁶⁶⁷ См., например: там же. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 39. Л. 16; Д. 47. Л. 50.
- ⁶⁶⁸ Там же. Д. 47. Л. 50.
- ⁶⁶⁹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 136. Л. 16.
- ⁶⁷⁰ Там же. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 77. Л. 45.
- ⁶⁷¹ Там же. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 420. Л. 10-15.
- ⁶⁷² Там же. Ф. 1633. Оп. 2. Д. 8. Л. 192-194.
- ⁶⁷³ Там же. Ф. 224. Оп. 926. Д. 15. Л. 127-129.
- ⁶⁷⁴ Там же. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 69. Л. 27.

⁶⁷⁵ Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 157.

⁶⁷⁶ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 117-120.

⁶⁷⁷ Там же. С. 54-56.

⁶⁷⁸ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1711. Л. 3.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 10 об.

⁶⁸⁰ А. Розенберг родился в 1893 г. в Ревеле, в 1910 г. поступил в Высшую техническую школу в Риге, вместе с которой эвакуировался в 1915 г. в Москву. Осенью 1917 г. испытывал определенные симпатии к большевикам, но в феврале 1918 г. вернулся в Ревель, где попытался вступить в германский добровольческий корпус. В конце 1918 г. переехал в Мюнхен, еще через год стал членом НСДАП, сблизился с Гитлером, оказав определенное влияние на формирование его взглядов.

⁶⁸¹ Нюрнбергский процесс. М., 1987. Т. 3. С. 550.

⁶⁸² Там же. С. 551-554.

⁶⁸³ Выходец из Украины Г., Лейббрандт покинул ее вместе с немецкими войсками в 1918 г. Защитив диссертацию по проблемам зарубежных немцев, считался главным специалистом по восточноевропейским проблемам, в АПА возглавлял сектор, а затем и отдел «Ближний Восток».

⁶⁸⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 2775. Л. 38-42.

⁶⁸⁵ Нюрнбергский процесс. М., 1991. Т. 5. С. 290-292.

⁶⁸⁶ http://www.ecc.ru/XXI/Rus_21/ARXIV/1994/rozenberg_06-07_1994.htm.

⁶⁸⁷ Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. 1941-1944. М., 1976. С. 78-79.

⁶⁸⁸ Дашичев В.И. Указ. соч. С. 36.

⁶⁸⁹ Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957. С. 37.

⁶⁹⁰ Якобсен Т.А. 1939–1945. Вторая мировая война: Хроника и документы // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 259–260.

⁶⁹¹ Умбрайт Х. Непреодоленная проблема. Партизанская война в тылу Восточного фронта // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 143–148.

⁶⁹² Дашичев В.И. Указ. соч. С. 321.

⁶⁹³ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 188.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 194.

⁶⁹⁵ Там же. Л. 188.

⁶⁹⁶ Там же. Л. 210.

⁶⁹⁷ Там же. Л. 188.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 239.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 224–225.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 189.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же. Л. 189, 195.

⁷⁰³ Там же. Л. 192–193.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 209.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 193.

⁷⁰⁶ Эту должность занял бывший германский консул в Батуми Отто Бройтигам.

⁷⁰⁷ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 239.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 270–271.

⁷⁰⁹ Там же. Л. 239.

⁷¹⁰ Там же. Л. 271.

⁷¹¹ Там же. Л. 190.

⁷¹² Там же. Л. 240.

⁷¹³ Там же. Л. 271.

⁷¹⁴ Там же. Л. 190.

⁷¹⁵ Там же. Л. 190–191, 240.

⁷¹⁶ Там же. Л. 191, 228, 240.

⁷¹⁷ Там же. Л. 193, 229.

- ⁷¹⁸ Там же. Л. 208, 210.
- ⁷¹⁹ Там же.
- ⁷²⁰ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 209.
- ⁷²¹ Там же. Л. 211.
- ⁷²² Там же. Л. 193-194.
- ⁷²³ Там же. Л. 250-255.
- ⁷²⁴ Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. II. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). С. 102-103.
- ⁷²⁵ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 227-228.
- ¹²⁶ Аморт Ч. Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР: (по документам секретного архива Г. Гиммлера) // История СССР. 1966. № 2. С. 186.
- ⁷²⁷ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). М., 1974. С. 103.
- ⁷²⁸ ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 2сч. Д. 31-а. Л. 3, 5.
- ⁷²⁹ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Д. 2. Л. 1.
- ⁷³⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 554-556.
- ⁷³¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1711. Л. 5, 5 об.
- ⁷³² Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Книга четвертая. С. 241.
- ⁷³³ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 - октябрь 1943 г.). Ростов н/Д, 2003. С. 190.
- ⁷³⁴ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941-1942 гг. Краснодар, 2000. С. 510, 523.
- ⁷³⁵ Советская Адыгея. 1993. 29 октября.
- ⁷³⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.
- ⁷³⁷ ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1 сч. Д. 9. Л. 40.
- ⁷³⁸ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Д. 2. Л. 3.
- ⁷³⁹ Линец С.И. Указ. соч. С. 169.

- ⁷⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 21, 21 об.
- ⁷⁴¹ Неизвестная Россия. С. 256.
- ⁷⁴² Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1998. С. 437–438.
- ⁷⁴³ Линец С.И. Указ. соч. С. 188.
- ⁷⁴⁴ ГАКК. Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ⁷⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 18.
- ⁷⁴⁶ ГАКК. Ф. Р-1324. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
- ⁷⁴⁷ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
- ⁷⁴⁸ Там же. Л. 20–21.
- ⁷⁴⁹ ГАКК. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 3 об.
- ⁷⁵⁰ См. подробнее: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта...
- ⁷⁵¹ Гриднев В.М. Указ. соч. С. 85.
- ⁷⁵² Линец С.И. Указ. соч. С. 189.
- ⁷⁵³ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974. С. 253.
- ⁷⁵⁴ ЦЦНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 118.
- ⁷⁵⁵ Майкопская жизнь. 1942. 18 октября.
- ⁷⁵⁶ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 15; Майкопская жизнь. 1943. 1 января.
- ⁷⁵⁷ Новое слово. 1942. 26 сентября; Майкопская жизнь. 1943. 1 января и др.
- ⁷⁵⁸ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 23, 41.
- ⁷⁵⁹ Там же. Д. 1. Л. 9.
- ⁷⁶⁰ Новое слово. 1942. 28 августа.
- ⁷⁶¹ Пятигорское эхо. 1942. 15 августа.
- ¹⁶² Кокиев Д. Об одной фашистской фальсификации истории осетин // Исторический журнал. 1944. Кн. 2–3. С. 43–47.
- ⁷⁶³ Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.
- ⁷⁶⁴ Там же.
- ⁷⁶⁵ Нюрнбергский процесс. М., 1991. Т. 5. С. 289.

¹⁶⁶ Битва за Кавказ в документах и материалах. Ставрополь, 2003. С. 431.

⁷⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 4. Л. 1-2.

⁷⁶⁸ Койчуев АД. Указ. соч. С. 110-111.

¹⁶⁹ Битва за Кавказ в документах и материалах. С. 436.

⁷⁷⁰ Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне: Краткий очерк. Орджоникидзе, 1959. С. 43.

⁷⁷¹ Там же.

⁷⁷² Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 421.

⁷⁷³ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. II. С. 254.

⁷⁷⁴ ХДНИ ГУНАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 2; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2. С. 175.

⁷⁷⁵ Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Сб. документов и материалов. Черкесск, 1990. С. 140-147.

¹¹⁶ Там же. С. 192.

⁷⁷⁷ ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.

⁷⁷⁸ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 1-9.

¹¹⁹ Тедтоев А.А. Защищая Отечество свое. Орджоникидзе, 1977. С. 86.

⁷⁸⁰ Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Книга четвертая. С. 352-354.

⁷⁸¹ Преступные цели – преступные средства. С. 247, 252-253.

⁷⁸² Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Указ. соч. С. 8.

⁷⁸³ Преступные цели – преступные средства. С. 246.

⁷⁸⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1711. Л. 6.

⁷⁸⁵ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 18-19.

⁷⁸⁷ Там же. Д. 19. Л. 34.

⁷⁸⁸ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 3. Л. 107-108.

⁷⁸⁹ Майкопская жизнь. 1943. 1 января.

- ⁷⁹⁰ Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Указ. соч. С. 53–55.
- ⁷⁹¹ ГУНАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ⁷⁹² Ибрагимбейли Х.-М. Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 274.
- ⁷⁹³ Преступные цели – преступные средства. С. 243.
- ⁷⁹⁴ Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1961. С. 28.
- ⁷⁹⁵ Анатомия войны. М., 1971. С. 371.
- ⁷⁹⁶ Мюллер Н. Указ. соч. С. 194.
- ⁷⁹⁷ Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1986. С. 349.
- ⁷⁹⁸ Нефтяная промышленность Краснодарского края. М., 1957. С. 31.
- ⁷⁹⁹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 229–230.
- ⁸⁰⁰ Там же. Д. 727. Л. 6, 6 об.
- ⁸⁰¹ ГАКК. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Майкопская жизнь. 1942. 18 октября.
- ⁸⁰² Майкопская жизнь. 1943. 1 января.
- ⁸⁰³ Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969. С. 254.
- ⁸⁰⁴ ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.
- ⁸⁰⁵ Преступные цели – преступные средства. С. 174.
- ⁸⁰⁶ История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 1975. Т. 4. С. 342.
- ⁸⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1142. Л. 124–129.
- ⁸⁰⁸ Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 422.
- ⁸⁰⁹ Новое слово. 1942. 22 сентября.
- ⁸¹⁰ ХДНИ ГУНАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2.
- ⁸¹¹ Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне: Краткий очерк. С. 62–63.
- ⁸¹² ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.
- ⁸¹³ Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 112.

⁸¹⁴ Ибрагимбейли Х.-М. Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 271-272.

⁸¹⁵ ЦЦНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 23. Л. 130.

⁸¹⁶ ХДНИ ГУНАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 9, 39.

⁸¹⁷ Там же. Д. 3. Л. 38, 38 об.

⁸¹⁸ Там же.

⁸¹⁹ Там же. Л. 55 об.

⁸²⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 189. Л. 2 об.

⁸²¹ Там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 189. Л. 3.

⁸²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 180. Л. 6-6 об.

⁸²³ Там же. Д. 221. Л. 125-126.

⁸²⁴ Там же. Л. 97.

⁸²⁵ См. подробнее: Кринко Е.Ф. Грузинские части вермахта и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны // История и историки в контексте времени. Сочи, 2010. Вып. 7. С. 101-124.

⁸²⁶ Казаков А.В. К истории северокавказской политической эмиграции // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 2. С. 106-108.

⁸²⁷ Аникберов З.М. Защитники Кавказа: (По материалам Азербайджана и республик Северного Кавказа). Баку, 1975. С. 64.

⁸²⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

⁸²⁹ ПДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.

⁸³⁰ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 226.

⁸³¹ Ибрагимбейли Х.-М. Указ. соч. С. 204-205.

⁸³² Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле. О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 43-44.

⁸³³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 743. Л. 2-3.

⁸³⁴ ПДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 17-19.

⁸³⁵ Там же. Л. 12 об.

⁸³⁶ Романько О. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 367–369.

⁸³⁷ Там же. С. 364–365.

⁸³⁸ Кавказ. 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 36.

⁸³⁹ Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 112–113, 240–243.

⁸⁴⁰ Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 542.

⁸⁴¹ Трахо Р.Г. Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 123.

⁸⁴² См.: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта... С. 150–151.

⁸⁴³ Молчанов В. Эсэсовец из ЦРУ // Комсомольская правда. 1981. 5 июля.

⁸⁴⁴ Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров (1903–1968) родился в семье осетинского крестьянина в селении Ольгинском Право-бережного района Северной Осетии. В Красной армии с 1918 г., участник Гражданской войны, затем ликвидации банд на Северном Кавказе, член РКП(б) с 1924 г. В 1931 г., пройдя обучение на курсах усовершенствования командного состава при Военно-политической академии им. Ленина, оставлен для работы в Разведывательном управлении РККА. Под псевдонимом «полковник Ксанти» участвовал в Гражданской войне 1936–1939 гг. в Испании, был военным советником штаба республиканской армии, руководил специальным отрядом диверсантов, став прототипом героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Принимал участие в советско-финской войне 1939–1940 гг. В Великой Отечественной войне участвовал с 1941 г., Герой Советского Союза (1945). После войны продолжил службу на разных должностях, был создателем спецназа Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Закончил службу в воинском звании генерал-полковника, в должности заместителя начальника ГРУ.

- 845 Линец С.И. Указ. соч. С. 425.
- 846 ТТДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17-а. Л. 4-5.
- 847 Там же. Д. 7. Л. 31.
- 848 Там же. Д. 17-а. Л. 5-6.
- 849 Там же. Л. 21-22.
- 850 Там же. Л. 23.
- 851 Там же. Л. 12.
- 852 Там же. Л. 14.
- 853 Там же. Л. 45, 92.
- 854 Глухов В.М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны: Дис... канд. ист. наук. Майкоп, 1949. С. 146.
- 855 ТТДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17-а. Л. 43.
- 856 Иванов Г.П. Коммунистическая партия – организатор и руководитель борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны: (По материалам партийных организаций Северного Кавказа). Краснодар, 1969. С. 177.
- 857 ТТДНИКК. Ф. 1774-а. Оп. 1. Д. 391. Л. 17.
- 858 ТТДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 906. Л. 5.
- 859 ХДНИ ГУНАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Л. 45.
- 860 См.: Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп, 2007. С. 81.
- 861 Очерки истории Карачаево-Черкесии: В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период. С. 247-248.
- 862 Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 265.
- 863 Там же. С. 259.
- 864 Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Сб. документов и материалов. Ставрополь, 1962. С. 157-158, 188.
- 865 Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 267-268.
- 866 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 475. Л. 90.
- 867 Кулаев Ч.С. Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в

годы Великой Отечественной войны: На материалах Северного Кавказа. Черкесск, 1981. С. 168.

⁸⁶⁸ ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 17. Л. 197.

⁸⁶⁹ Давыдов И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 1961. С. 87.

⁸⁷⁰ Бгажноков Х.Г. Самое сокровенное. Нальчик, 1986. С. 46-47.

⁸⁷¹ Сообщения Совинформбюро. М., 1944. Т. 3. С. 229.

⁸⁷² Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Нальчик, 1978. С. 134.

⁸⁷³ Грудцина А.В. Кабардино-Балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 г. // История СССР. 1962. № 3. С. 125.

⁸⁷⁴ Сообщения Совинформбюро. С. 314.

⁸⁷⁵ Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сб. документов и материалов. Нальчик, 1975. С. 284.

⁸⁷⁶ Хакуашев Е.Т. В боях за Кабардино-Балкарию (1942-1943 гг.). Нальчик, 1971. С. 137.

⁸⁷⁷ Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 280-283, 295.

⁸⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 619. Л. 49.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 49-50.

⁸⁸⁰ Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 288-289.

⁸⁸¹ История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 394.

⁸⁸² Тедтоев А.А. Защищая Отечество свое. С. 179.

⁸⁸³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 31, 40.

⁸⁸⁴ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI века.

Грозный, 2008. С. 501.

⁸⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 5.

⁸⁸⁶ Там же. Л. 6.

⁸⁸⁷ Там же. Л. 24-26.

⁸⁸⁸ Там же. Л. 34-37.

⁸⁸⁹ ГАНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 14. Л. 56-57.

⁸⁹⁰ ТТДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. Л. 131.

⁸⁹¹ Всесоюзная перепись населения. 1937. Краткие итоги. М., 1991. С. 84.

⁸⁹² Там же. С. 87, 91.

⁸⁹³ Каракетова И.М. Великая Отечественная война и депортация карачаевского народа. // Репрессированные народы: история и современность: Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1994. С. 219.

⁸⁹⁴ Архив Верховного Совета Российской Федерации. Коллекция.

⁸⁹⁵ Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 49, 50.

⁸⁹⁶ Там же.

⁸⁹⁷ Там же. С. 2.

⁸⁹⁸ Там же. С. 6.

⁸⁹⁹ Там же. С. 60.

⁹⁰⁰ ГАРФ. Р-9478. Оп. 1. Д. 160. Л. 82.

⁹⁰¹ Хунагое А.С. Указ. дис. С. 111.

⁹⁰² Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 61, 62.

⁹⁰³ Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 62.

⁹⁰⁴ ГАРФ. Р-9478. Оп. 1. Д. 29. Л. 70.

⁹⁰⁵ Хунагое А.С. Указ. дис. С. 119.

⁹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 160. Л. 70.

⁹⁰⁷ Хунагов А.С. Указ. дис. С. 120.

⁹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 160. Л. 70, 71.

⁹⁰⁹ Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 63. По данным на 1949 г., карачаевцев, служивших в Красной армии, было:

офицеров – 238, сержантов – 445, рядового состава — 1810. Всего 2543 чел. (Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... М., 1994. С. 171).

⁹¹⁰ Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 63.

⁹¹¹ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 160. Л. 108.

⁹¹² Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 27.

⁹¹³ Там же. С. 28.

⁹¹⁴ Там же. С. 29.

⁹¹⁵ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 91.

⁹¹⁶ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 38-39.

⁹¹⁷ Там же.

⁹¹⁸ См.: Кавказские орлы. С. 14. Шерипов Майрбек, 1905 г. рождения, уроженец села Шатой, сын офицера царской армии, член ВКП(б) с 1941 г., работал председателем леспромсовета Чечено-Ингушской АССР, состоял в агентурной сети НКВД. В ноябре 1942 г. был убит, а организация, созданная им, разгромлена и прекратила свое существование.

⁹¹⁹ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. М., 1987. С. 33.

⁹²⁰ Кавказские орлы. С. 8, 55.

⁹²¹ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 32.

⁹²² Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 102.

⁹²³ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 42-44.

⁹²⁴ Там же. С. 40, 45.

⁹²⁵ Там же. С. 46-47.

⁹²⁶ ГАРФ. Коллекция документов.

⁹²⁷ Шахбанова М.М. Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана: (На примере чеченцев-аккинцев). Махачкала, 2006. С. 31.

⁹²⁸ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 50.

⁹²⁹ См.: Социалистическая Осетия. 1988, 10 июня.

⁹³⁰ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 54.

⁹³¹ Там же.

⁹³² Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов... С. 42.

⁹³³ Там же. С. 61.

⁹³⁴ Давыдов И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 1991. С. 20.

⁹³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2064. Л. 36.

⁹³⁶ См.: Шхагошев Ш.А. Коммунисты Кабардино-Балкарии в борьбе за повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Нальчик, 1961. С. 7.

⁹³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2064. Л. 20.

⁹³⁸ Башлоев М.Л., Исмаилов А.И. Из истории комсомола Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 74.

⁹³⁹ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 199.

⁹⁴⁰ Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры... С. 184.

⁹⁴¹ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. С. 254.

⁹⁴² ЦГА КБР. Ф. 292. Оп. 1. Д. 304. Л. 1.

⁹⁴³ Там же. Л. 109.

⁹⁴⁴ Там же.

⁹⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 170. Л. 89.

⁹⁴⁶ Ибрагимбейли Х.-М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

- 947 Хутуев Х.И. Указ. соч. С. 186.
- 948 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1-2.
- 949 Там же. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 41. Л. 30.
- 950 Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 41. Л. 31.
- 951 Там же. Л. 31.
- 952 Там же. Л. 244.
- 953 Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период: Рукопись канд. дис. Ростов н/Д, 1965. С. 73.
- 954 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 377. Л. 131-139.
- 955 Там же. Л. 133-139.
- 956 Там же. Л. 226.
- 957 Там же.
- 958 Там же. Л. 203.
- 959 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 162-167.
- 960 Там же. Оп. 1. Д. 4475. Л. 35.
- 961 Там же. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 182. Л. 107.
- 962 Там же. Л. 95-96.
- 963 Там же. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 75. Л. 1; Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2064. Л. 20.
- 964 Там же. Д. 61. Л. 2.
- 965 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 165.
- 966 Там же. Л. 201-204.
- 967 Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 61. Л. 305.
- 968 Лукъяев В. Указ. соч. С. 72.
- 969 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 79.
- 970 Там же. Д. 202. Л. 4.
- 971 Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2704-38. Л. 17.
- 972 ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.
- 973 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2704-38. Л. 16.
- 974 Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 741-742.
- 975 Там же. Д. 68. Л. 102.
- 976 Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 137.

- 977 Там же. Д. 543. Л. 258, 294.
- 978 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1746. Л. 1524.
- 979 Там же.
- 980 Там же.
- 981 Там же.
- 982 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 54.
- 983 Там же. С. 68.
- 984 Дагестан: чеченцы-аккинцы. М., 1993. С. 60, 61; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 80.
- 985 Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. М., 1946. С. 58.
- 986 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 81, 82.
- 987 Там же.
- 988 Там же. С. 86.
- 989 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 94.
- 990 Архив Верховного Совета РФ. Коллекция документов.
- 991 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2.